

БАЛАНС СИЛ В КЛЮЧЕВЫХ РЕГИОНАХ МИРА: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

*Под редакцией
Д.А. Дегтерева, М.А. Никулина, М.С. Рамича*

Москва
Российский университет дружбы народов
2021

БАЛАНС СИЛ В КЛЮЧЕВЫХ РЕГИОНАХ МИРА: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

Под редакцией Д.А. Дегтерева, М.А. Никулина, М.С. Рамича

Москва
Российский университет дружбы народов
2021

УДК 327 (035.3)
ББК 66.4(0)
Б 20

Рецензенты:

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник *С.М. Иванов*
(ИМЭМО РАН);
доктор исторических наук, профессор *Т.В. Каширина* (ДА МИД России);
доктор политических наук, профессор *А.Г. Лихоносов* (ВАГШ ВС РФ).

Авторский коллектив:

Е.С. Бедерина (2.3), *Д.В. Васильев* (1.3), *Н.Л. Верещагина* (2.2), д.пол.н. *А.В. Виноградов* (1.3), к.пол.н. *Е.Н. Грачилов* (1.5), д.ф.-м.н. *А.Х. Дегтерев* (7.1), д.пол.н., к.э.н. *Д.А. Дегтерев* (Введение, 1.2), *И.Р. Дубровский* (2.1), к.и.н. *Е.В. Журавлева* (2.3), *С.О. Идахоса* (6.2), *А.Т. Исмагилова* (1.5), *А.Х. Исраилов* (5.1), к.и.н. *Н.В. Ивкина* (1.4), д.и.н. *Кассае Ныгусие В. Микаэль* (6.1), *С.В. Карамалак* (4.1), *М.О. Квасецкий* (7.1), *О.В. Кембель* (5.1), *Е.А. Клиников* (3.1), *Р.Ф. Кудакеев* (2.3), *Н.С. Куклин* (1.1), *Р.Э. Марданлы* (4.2), *М.М. Мугадам* (6.2), *М.Б. Нармаев* (2.3), *М.А. Никулин* (Введение, 1.1), *Ж.М. Ндонго Нлате* (6.2), *П.М. Павлова* (5.2), *Д.А. Пискунов* (7.2), д.и.н. *Л.В. Пономаренко* (6.1), к.и.н. *Т.И. Понька* (2.1), *М.С. Рамич* (Введение, 1.1, Приложение), к.и.н. *Е.М. Савичева* (5.1, 6.1), *О. Сидибе* (6.2), *Г.В. Тимашев* (1.2), *Г.М. Турава* (3.2), *Н. фон Хейль* (4.2), к.пол.н. *А.В. Худайкулова* (2.5), *А.А. Черняева* (1.4, 2.4), *М.С. Черняев* (1.4), д.и.н. *М.А. Шпаковская* (2.2), *А.С. Юнющкина* (2.5), д.и.н. *В.И. Юртаев* (5.2).

Б20   **Баланс сил в ключевых регионах мира:** концептуализация и прикладной анализ : монография / авт. коллектив; под ред. Д.А. Дегтерева, М.А. Никулина, М.С. Рамича. – Москва: РУДН, 2021. – 319 с.

ISBN 978-5-209-10463-6

Коллективная монография посвящена современному международному дискурсу по проблематике баланса сил, а также прикладному анализу соотношения сил в основных регионах мира (АТР, постсоветское пространство, Европа, Ближний Восток, Африка) и новых мировых политических пространствах (Арктика и киберпространство). Для операционализации понятия силы используется Сводный индекс национального потенциала (CINC), графические модели региональных балансов сил.

В монографии представлены итоги тематического научного проекта кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук РУДН (2019-2020 гг.), апробированные при участии Департамента внешнеполитического планирования МИД РФ.

Для исследователей-международников, специализирующихся на изучении теории международных отношений, системном анализе международных отношений и проблемах региональной безопасности.

УДК 327(035.3)
ББК 66.4(0)

ISBN 978-5-209-10463-6

© Авторский коллектив; под ред. Д.А. Дегтерева, М.А. Никулина, М.С. Рамича, 2021

© Российский университет дружбы народов, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям директора Департамента внешнеполитического планирования (ДВП) МИД России О.В. Степанова	5
Баланс сил: от концептуализации к прикладному анализу: дизайн научного проекта	6
Глава 1. Теоретические аспекты изучения баланса сил	15
1.1 Особенности восприятия баланса сил в начале XXI века	15
1.2 Концепция многополярности в науке о международных отношениях	24
1.3 Сила и баланс сил в политической мысли Китая	37
1.4 Концепция «американской исключительности» в оценках китайских экспертов	47
1.5 КНР: многополярность, балансирование и новые подходы к глобальному управлению	58
Глава 2. Баланс сил в АТР	70
2.1 Влияние конфигурации лидерства в Юго-Восточной Азии на региональный баланс сил	70
2.2 Подходы АСЕАН к изменению региональной системы международных отношений в АТР	94
2.3 Баланс сил на Корейском полуострове	101
2.4 Баланс сил в Восточной Азии	118
2.5 Балансирование и конфигурация альянсов в АТР и Южной Азии (на примере КНР, США, Индии и Пакистана)	133
Глава 3. Баланс сил на постсоветском пространстве	149
3.1 Интересы США, КНР и РФ в Центральной Азии	149
3.2 Баланс сил на Южном Кавказе: роль глобальных и региональных акторов в регионе	169
Глава 4. Баланс сил в Европе	191
4.1 Роль «Вышеградской четверки» в ЕС после «Брексита»	191
4.2 Усиление влияния Веймарского треугольника в Европейском Союзе в контексте Брексита	209
Глава 5. Баланс сил в регионе Ближнего и Среднего Востока	222
5.1 Баланс сил на Ближнем Востоке	222
5.2 Влияние энергетической политики США на изменение баланса сил в Персидском заливе	238
Глава 6. Баланс сил в Африке	250
6.1 От панарабизма к panaфриканизму: интеграционные проекты М. Каддафи	250
6.2 ЮАР и Нигерия в конкуренции за региональное лидерство	260
Глава 7. Баланс сил в новых мировых политических пространствах	272
7.1 Основные участники «арктической гонки» и баланс сил в Арктике	272
7.2 Регулирование отношений между государствами в киберпространстве	284
Приложение. Сводный индекс национального потенциала на 2018 г.	314

**ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ (ДВП) МИД РОССИИ
О.В. СТЕПАНОВА**

Дорогие друзья,

Вашему вниманию предлагается сборник статей, подготовленных по итогам научно-исследовательского проекта «Баланс сил в ключевых регионах мира», реализованного Российским университетом дружбы народов в 2019-2020 гг.

Сегодня в мировом геополитическом ландшафте происходят действительно тектонические изменения, связанные с продолжающимся формированием новой более справедливой и демократичной многополярной архитектуры мироустройства. Все активнее заявляют о себе новые мировые центры – в Евразии, Африке, Латинской Америке. Они проводят независимую, самостоятельную, национально ориентированную внешнюю политику, укрепляют экономический и технологический суверенитет и на этой основе добиваются впечатляющих успехов в самых разных областях. Одновременно уверенно берут ответственность за поддержание безопасности и стабильности у себя дома, за формирование и осуществление конструктивной, объединительной межгосударственной повестки дня. Поэтому закономерно, что на авансцену мировой политики вышли такие многосторонние объединения нового типа, как, например, ШОС, БРИКС, ЕАЭС, АСЕАН, Африканский союз.

В этих условиях всесторонний анализ ключевых тенденций развития в отдельных частях планеты в полной мере сохраняет свою востребованность. Рассматриваем данный сборник как свидетельство стремления молодых исследователей внести свой вклад в общие усилия на этом направлении. Желаем его авторам дальнейших успехов на научной стезе и всего наилучшего.

Директор Департамента
внешнеполитического планирования
МИД России

О.Степанов

БАЛАНС СИЛ: ОТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ К ПРИКЛАДНОМУ АНАЛИЗУ: ДИЗАЙН НАУЧНОГО ПРОЕКТА

Д.А. Дегтерев, М.А. Никулин, М.С. Рамич*

Факультет гуманитарных и социальных наук (ФГСН) РУДН традиционно уделяет большое внимание студенческим исследованиям и вовлечению студентов в научные проекты, по возможности «стирая грань» между «взрослой» и студенческой наукой и вовлекая молодых исследователей в научные проекты. С этой целью ежегодно на кафедре теории и истории международных отношений (ТИМО) ФГСН проводятся три международных научных конференции: в феврале – по Африке в системе международных отношений [Повестка дня 2019], в ноябре – по ситуации в Афганистане и безопасности в Центральной Азии [Ситуация в Афганистане 2019], в декабре – по внешней политике РФ на пространстве СНГ [30-летие конфликта]. Кроме того, реализуются специальные тематические научные проекты, одним из которых как раз и является настоящее исследование баланса сил. Также идет активное вовлечение студентов в многочисленные проекты РФФИ, РНФ и НИР федеральных органов исполнительной власти, реализуемых на кафедре ТИМО, особенно, начиная с 2018 г.

У истоков проекта по изучению баланса сил

Еще в студенческие годы, обучаясь в МГИМО, Д.А. Дегтерев принял участие в научной конференции кафедры ТИМО ФГСН РУДН по НАТО [Дегтерев, Безнаев 2003] и был впечатлен доброжелательной атмосферой студенческой науки РУДН. Получив опыт ситуационных анализов кафедры прикладного анализа международных проблем (ПАМП) МГИМО под руководством А.Д. Богатурова и Т.А. Шаклеиной при участии представителей СБ РФ [Ситуационные анализы 2011, 2012, 2013, 2014, 2017], а также реализовав ряд практических исследований по прогнозированию международной обстановки в Центре военно-политических исследований МГИМО под руководством А.И. Подберезкина [Некоторые аспекты анализа... 2014], в 2013 г. Д.А. Дегтерев возглавил кафедру ТИМО ФГСН, снова встретившись с международниками РУДН.

В 2014-2018 гг. на базе кафедры ТИМО ФГСН РУДН ежегодно проводились экспертные семинары и ситуационные анализы по исследованию международных конфликтов (см. табл.1), в рамках которых студенты работают бок о бок с ведущими международниками РФ и зарубежных стран, перенимая их знания и опыт (см. табл. 1).

---

* **Дегтерев Денис Андреевич** – д.пол.н., к.э.н., зав. кафедрой ТИМО РУДН, e-mail: degterev-da@rudn.ru; **Никулин Максим Андреевич** – ассистент кафедры ТИМО РУДН, e-mail: nikulin-ma@rudn.ru; **Рамич Мирзет Сафетович** – магистрант кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Международные отношения», e-mail: ramich_ms@mail.ru

Экспертные семинары и ситуационные анализы РУДН (2014-2018 гг.)

Год	Экспертный семинар (методика)	Ситуационный анализ РУДН (анализ конфликтов в одном из регионов)	Основные организации - участники
2014	Теория и практика ситуационных анализов	Африка пост-Кадафи: новая дуга нестабильности	ВАГШ ВС РФ, РИСИ, МГИМО, ИМЭМО, ИАФ РАН, ВНИИ ГО ЧС, ННГУ
2015	Динамический хаос, механизмы глобального управления и международные конфликты	Большой Ближний Восток: двадцать лет спустя (1994-2014)	ДНВ МИД России, ВАГШ ВС РФ, РИСИ, МГИМО, ДА, ИВ РАН, А ФСБ, ФА, РАНХиГС, ННГУ
2016	Психологические аспекты МО, агентное моделирование, конструктивизм	Конфликтный потенциал постсоветского пространства	ДНВ и ДСКЦ МИД России, ВАГШ ВС РФ, РИСИ, ИМЭМО, МГИМО, ДА, МГУ, СПбГУ, РГГУ, РАНХиГС, ВИ ГПС МЧС России (г. Воронеж), ОГУ (г. Орел)
2017	-	Американская стратегия сдерживания КНР и конфликтный потенциал АТР	ИДВ РАН, МГИМО МИД России, МГУ имени М.В. Ломоносова, РАНХиГС
2018	-	Конфликтный потенциал в Латинской Америке	ИЛА РАН, УрФУ, МГИМО МИД России. РИСИ, ВАГШ ВС РФ

Источник: [Дегтерев 2019: 29]

По итогам первого ситуационного анализа была разработана Комплексная междисциплинарная методика РУДН ситуационного анализа международных конфликтов под редакцией Д.А. Дегтерева, В.Г. Джангирияна (зав. кафедрой в 2003-2013 гг.), а также декана ФГСН проф. В.А.Цвыка [Комплексная междисциплинарная методика 2014], второго – опубликована научная статья [Дегтерев, Савичева, Матева 2015], третьего и четвертого – выпущены отдельные сборники докладов [Новая идентичность ... 2017; Американская стратегия сдерживания ... 2018], а пятого – раздел 2. Ситуационный анализ РУДН-2018. Конфликтный потенциал стран «Латинской Америки» в ежегодном сборнике докладов кафедры [Современные проблемы 2018].

Как отмечал академик РАН, директор Центра ситуационного анализа РАН (с 2016 г. – в составе ИМЭМО РАН) В.Г. Барановский в предисловии к Комплексной методике, «за последние несколько лет своя ниша в области анализа международно-

политических ситуаций сложилась и в РУДН, на кафедре теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук. Отличительная особенность данных исследований – это акцент на выявлении причин нестабильности и возникновения международных конфликтов в странах Азии, Африки, Латинской Америки, междисциплинарный подход при проведении ситуационных анализов, а также широкое применение математического моделирования и компьютерных технологий, построение баз данных международных конфликтов» [Комплексная междисциплинарная методика 2014: 6]. Данная оценка тем более лестна, т.к. Д.А. Дегтереву довелось принять участие в нескольких ситуационных анализах ИМЭМО РАН по проблематике международной помощи, а также глобального управления, которые виртуозно проводил В.Г. Барановский.

Символично, что нынешние редакторы сборника – М.А. Никулин и М.С. Рамич профессионально «выросли», в т.ч. участвуя во всех экспертных семинарах и ситуационных анализах 2014-2018 гг. В дальнейшем М.А. Никулин стал специализироваться на проблематике морской силы в мировой политике [Никулин 2019а], в т.ч. в Арктике [Никулин 2019б], а М.С. Рамич – на балансе сил в АТР [Рамич, Худайкулова 2020].

Идея на встречу пожеланиям студентов, заинтересованных в исследовании влияния применения беспилотников, генетически модифицированных организмов (ГМО), кибероружия и др. на международную безопасность, в 2018 г. был запущен новый научно-студенческий тематический проект по современным вызовам и угрозам международной безопасности. Работа над ним шла почти весь 2018-2019 учебный год и завершилась итоговой презентацией и награждением лучших участников с участием директора Департамента новых вызовов и угроз (ДНВ) МИД России И.И. Рогачева, подписавшего предисловие к сборнику научных статей по итогам проекта [Современные вызовы и угрозы ... 2019]. Среди координаторов проект был и М.С. Рамич.

Осенью 2019 г. на кафедре ТИМО ФГСН РУДН было запущено сразу два тематических научно-студенческих проекта – по балансу сил (в сотрудничестве с ДВП МИД России) и по мягкой силе (в сотрудничестве с Россотрудничеством). Взаимодействие с федеральными органами исполнительной власти, как уже ранее показал проект с ДНВ МИД России, позволило приблизить проблематику студенческой науки к практическим потребностям внешнеполитической экспертизы РФ.

Этапы реализации научного проекта

Первоначальную регистрацию для участия в проекте прошли 45 человек, среди них: 19 студентов магистратуры, 25 студентов бакалавриата и 1 аспирант. Среди участников проекта был проведен опрос для выявления их сферы научных интересов и компетенций, на основе полученных данных был сформирован примерный список направлений исследований. В рамках первого этапа работы (*сентябрь - октябрь 2019 г.*) была поставлена задача сформировать у студентов общие компетенции в области изучения «баланса сил». Для этого был проведен цикл лекций, в том числе: лекция заведующего кафедрой ТИМО РУДН д.пол.н., члена Научного совета при СБ РФ Д.А. Дегтерева – «Основные тенденции формирования многополярного мира:

прикладной анализ» [Дегтерев 2020] и профессора кафедры ТИМО РУДН д.и.н., проф. В.И. Юртаева – «Треугольная дипломатия» [Юртаев 2017].

Второй этап проекта (*ноябрь - декабрь 2019 г.*) заключался в разработке структуры исследований, подборе литературы и выборе методологии. Методологические трудности, с которым столкнулись координаторы проекта на данном этапе, описаны ниже, в разделе о методологических подходах.

Третий этап (*декабрь 2019 г. - январь 2020 г.*) был непосредственно посвящен проведению исследования и оформлению его результатов в формате научной статьи. На протяжении второго и третьего этапа велась активная работа руководителей проекта и авторов в формате персональных консультаций.

Еще со времен ситуационных анализов РУДН 2014-2018 гг. укрепилось понимание того, что «разовый» формат традиционной студенческой научной конференции с последующей публикацией тезисов докладов не совсем подходит для подготовки серьезных научных работ. Требуются множественные консультации (как коллективные, так и индивидуальные) с последующей доработкой материала, вовлечение на разных этапах профессорско-преподавательского состава кафедры, а также внешних экспертов. На итоговой конференции презентуются финальные результаты многомесячной работы, а не подготовленные «с нуля» к мероприятию презентации. Это позволяет доводить уровень студенческой науки до публикаций в ведущих научных журналах РФ. Показательно, что М.С. Рамич уже имеет публикацию в журнале «Полис», индексируемом во 2-м квартале (Q2) международной библиометрической базы Scopus [Рамич, Худайкулова 2020].

В рамках четвертого этапа (*февраль - апрель 2020 г.*) было проведено научное рецензирование статей с целью их качественной доработки. Часть статей не прошли итоговый отбор и были возвращены авторам. Для доработки материалов к ряду статей в качестве соавторов присоединился профессорско-преподавательский состав кафедры ТИМО ФГСН РУДН, «сопрягая» исследования в рамках данного проекта с рядом реализуемых кафедрой научных грантов по линии РФФИ. После четвертого этапа из 23 групп авторов осталось только 15, доклады которых и вошли в данный сборник.

Кроме того, в марте 2020 г. состоялась встреча всех трех редакторов данного сборника с руководством ДВП МИД России, в ходе которой у координаторов проекта возросло понимание задач внешнеполитической экспертизы в РФ.

Итоги проекта были представлены онлайн 24 апреля 2020 года в рамках дистанционной конференции на платформе Zoom. Итоговый макет сборника был презентован представителям ДВП МИД России, которые высоко оценили проведенную работу, а директор департамента О.В. Степанов подписал предисловие к данному сборнику.

Исследовательские задачи проекта

Перед организаторами проекта стояло несколько задач. С одной стороны, уточнить современные концептуальные подходы к оценке баланса сил в классических работах в рамках российской и западной научной литературы. В российской литературе особо выделялась работа 1993 г., подготовленная в ИМЭМО РАН под ред. Э.А. Позднякова [Баланс сил 1993]. В западной литературе таких работ насчитывалось несколько десятков, если не сот.

Отдельно планировалось уточнить подходы к оценке моделей современного мироустройства в контексте т.н. незападной теории международных отношений, а точнее – в общественно-политической мысли стран «Глобального Юга» [Роль Глобального Юга 2018], которые также являются предметом особого изучения на кафедре ТИМО ФГСН РУДН. В 2018-2020 гг. на кафедре ТИМО ФГСН НРУДН было проведено восемь научных семинаров по данной проблематике (см. табл. 2).

Таблица 2

Научные семинары кафедры ТИМО по незападным ТМО в 2018-2020 гг.

Дата	Тема научного семинара
30 октября 2018	Может ли евразийство стать основой российской ТМО?
23 ноября 2018	Японские, корейские и монгольские концепции мироустройства: перспективы паназиатской модели
1 марта 2019	Китайская школа международных отношений: реализм, либерализм и конструктивизм
26 апреля 2019	Концепции международных отношений стран Юго-Восточной Азии
8 ноября 2019	Концепции международных отношений стран Южной Азии
12 декабря 2019	Концепции международных отношений Турции
28 февраля 2020	Исследования международных отношений в странах Африки
22 октября 2020	Латиноамериканские концепции международных отношений

Большое внимание было сосредоточено на подходах китайских исследователей в контексте активного развития китайской школы международных отношений [Грачиков 2019].

Кроме того, планировалось не только «рассуждать о балансе сил», но и эмпирически оценить (посчитать) соотношение сил по отдельным регионам мира, в т.ч. в АТР (глава 2), на постсоветском пространстве (глава 3), в Европе (глава 4), на Ближнем и Среднем Востоке (глава 5), в Африке (глава 6). Отдельная задача – проведение исследований по соотношению сил в новых мировых политических пространствах, итоги которых вынесены в заключительную седьмую главу данной работы. В некотором смысле это является продолжением исследовательской программы А.Д. Богатурова, под редакцией которого в 2011 г. вышла знаковая монография по данной проблематике [Международные отношения России 2011].

Методологические подходы к оценке баланса сил

Обсуждая дизайн исследовательского проекта, координаторы старались найти баланс между автономностью и оригинальностью каждого из исследований, с одной стороны, и необходимостью выработки «сквозной методологии», проходящей через все материалы 2-6 глав, посвященных эмпирическому анализу региональных балансов сил. Задача усложнялась тем, что понятие силы в мировой политике, и, соответственно, баланса сил различается. Неслучайно, ведущий представитель

неореализма К. Уолтц отмечал: «Если и существует какая-то отдельная политическая теория международной политики, то это теория баланса сил. Однако сложно найти такую формулировку теории, которая принимается всеми» [Waltz 1979: 117].

В конечном итоге для операционализации понятия силы было принято решение остановиться на *Сводном индексе национального потенциала (Composite Index of National Capability, CINC)*, который был разработан еще в 1963-м г. ведущим американским международником Д.Сингером и рассчитывается по следующей формуле:

$$CINC = \frac{TPR + UPR + ISPR + ECR + MER + MPR}{6}, \quad (1)$$

где *TPR (Total Population Rate)* – это доля населения данной страны от общего населения земли, *UPR (Urban Population Rate)* – это доля городского населения данной страны (города с населением свыше 20 тыс. человек) от общего городского населения земли, *ISPR (Iron and Steel Production Rate)* – это доля выплавленной данной страной чугуна (до 1895 г.) и стали (с 1896 г.) от мирового производства, *ECR (Energy Consumption Rate)* – это доля потребляемой страной первичной энергии; *MER (Military Expenditure Rate)* – это доля национальных военных расходов от мировых; *MPR (Military Personnel ratio)* – это доля численности национальных вооруженных сил от численности всех армий мира [Singer 1987].

Недостаток данного показателя заключается в том, что даже в последней, пятой версии он рассчитан всего до 2012 г.¹ Для преодоления данного ограничения участниками исследовательского проекта индекс CINC был рассчитан по состоянию на 2018 г. (см. Приложение 1) с использованием принятой методологии расчета данного показателя, представленной в Кодировочной книге (Codebook). В дальнейшем участники проекта использовали показатели 2018 г. для оценки региональных балансов сил.

Другой «сквозной» элемент настоящего исследовательского проекта – это графическое представление региональных балансов сил. Было много дискуссий относительно того, какой конкретно показатель отображается на данных схемах? Что обозначают ребра представленных графов – их ширина пропорциональна товарообороту между странами? Или объему военно-технического сотрудничества? При всей дискуссионности данных схем, большинство из них все-таки вошли в финальную версию сборника статей и представляют собой скорее «концептуальные модели» региональных балансов сил, не предполагающие «жесткой формализации».

Помимо общего, каждый из участников проекта привлекал различные типы частных показателей для характеристики региональных балансов сил. Так, ряд экспертов широко задействовали экономическую статистику, в т.ч. сопоставляли показатели ВВП (параграф 4.1), прямых иностранных инвестиций (п. 2.1). Для сравнения потенциалов использовались также объемы оборонных бюджетов и военных расходов (п. 2.3), показатели оборонного потенциала, в т.ч. численность армии, количество различных видов вооружений и военной техники (танков, БТРов, зениток, артиллерийских установок и проч.) (п. 2.5, п. 5.1), показатели добычи нефти и газа, а также импорта/экспорта энергоресурсов (п. 5.1 и 5.2). В ряде случаев

¹ National Material Capabilities (v5.0). The Correlates of War Project. URL: <http://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities> (accessed: 01.12.2020).

применялись агрегированные показатели, включающие также демографический потенциал и место в международных рейтингах п. 2.4), основанные и на других индексах региональной мощи, в т.ч. Asia Power Index (п. 2.3). Наконец, при оценке соотношения сил в таком новом политическом пространстве как Интернет, особую роль играло количество пользователей данной сети (п. 7.1 и 7.2).

В целом, в данном сборнике отражен интеллектуальный поиск целой команды молодых исследователей-международников при участии ведущих преподавателей кафедры ТИМО ФГСН РУДН.

Список литературы

30-летие конфликта в Нагорном Карабахе. Сборник научных статей. Под ред. К.П. Курылева. М.: РУДН, 2019. 172 с.

Американская стратегия сдерживания КНР и конфликтный потенциал в Азии и Африке: сборник научных статей. Под ред. Д. А. Дегтерева, А. А. Забеллы. М: РУДН, 2018. 228 с.

Баланс сил в мировой политике: теория и практика. Под редакцией Э. А. Позднякова. М.: ИМЭМО РАН, 1993. 175 с.

Грачиков Е.Н. Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. 19 (02). С. 187—200. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200

Дегтерев Д.А. Количественные методы в прикладном анализе международных отношений. Диссертация на соискание ученой степени д.пол.н. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2019. 644 с.

Дегтерев Д.А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. М: Русайнс, 2020. 214 с.

Дегтерев Д.А., Безнаев А.В. Отношения Украины и НАТО в контексте расширения альянса на восток. Проблемы международной безопасности в аспекте стратегического партнерства "Россия-НАТО». Материалы Межвузовской студенческой конференции. РУДН, 14 мая 2002 г. М.: Изд-во РУДН, 2003. С. 21-27.

Дегтерев Д.А., Савичева Е.М., Матеева И.М. Динамический хаос, конфликты на Большом Ближнем Востоке и механизмы глобального управления в XXI в. (Материалы экспертного семинара и ситуационного анализа РУДН) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. 15 (03). С. 9-23.

Комплексная междисциплинарная методика РУДН ситуационного анализа международных конфликтов: Учебно-методическое пособие / Под ред. Д.А. Дегтерева, В.Г. Джангирияна, В.А. Цвыка. М.: РУДН, 2014. 110 с.

Международные отношения России в «новых политических пространствах». Космос. Приполярные зоны. Воздушные и морские пространства. Глобальная информационная сфера. Под ред. А.Д. Богатурова. М.: URSS, 2011. 272 с.

Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки. Под ред. А.И.Подберезкина. М.: МГИМО 2014. 874 с.

Никулин М.А. «Морская сила» в российской и зарубежной геополитической мысли // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019а. № 3. С. 124-135.

Никулин М.А. Великодержавная конкуренция в Арктике: геополитическое соперничество в новом политическом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019б. 19 (03). С. 392—403. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-392-403

Новая идентичность и конфликтный потенциал постсоветского пространства Сборник научных статей. К 25-летию СНГ. Под редакцией К.П. Курылева. М.: РУДН, 2017. 178 с.

Повестка дня Африканского союза-2063 и перспективы российско-африканского сотрудничества: сборник научных статей IX Международной научно–практической конференции «Африка в контексте формирования новой системы международных отношений». Под ред. А. М. Васильева, Д. А. Дегтерева, А.С. Буторова. М.: РУДН, 2019. 176 с.

Роль «Глобального Юга» в мультиплексном мире. Интервью с профессором Амитавам Ачарией, Американский университет, США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. 18 (03). С. 701—705.

Ситуационные анализы. Выпуск 1 / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: МГИМО-Университет, 2011. 235 с.

Ситуационные анализы. Выпуск 2 / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: МГИМО-Университет; 2012. 277 с.

Ситуационные анализы. Выпуск 3. Формирование режимов в отношении новых глобальных вызовов и угроз. Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: МГИМО-Университет; 2013. 260 с.

Ситуационные анализы. Выпуск 4: Америка в фокусе российских исследователей: история и современность / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: МГИМО-Университет; 2014.

Ситуационные анализы. Выпуск 5: Международные институты в современной мировой политике / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: МГИМО-Университет, 2017. 481 с.

Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безопасности в Центральной Азии. Материалы X Международной научной конференции. Под редакцией Д.А. Дегтерева, М.А. Шпаковской. 2019. 205 с.

Современные вызовы и угрозы региональной и международной безопасности. Сборник научных статей. Под ред. Еремина А.А., Рамича М.С., Андроновой А.Р. М.: РУДН, 2019. 304 с.

Современные проблемы международных отношений и мировой политики. материалы XIII межвузовской научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. Под ред. Шпаковской М.А., Дегтерева Д.А. М.: РУДН, 2018. 258 с.

Худайкулова А.В., Рамич М.С. «Квад 2.0»: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 23-43. DOI: 10.17976/jpps/2020.03.03

Юртаев В.И. Особенности региональной дипломатии Ирана в начале XXI века. Сотрудничество России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор укрепления мира и безопасности в Евразии. Материалы Международной научно-практической конференции. Под ред. А.Я. Касюка, И.К. Харичкина, А.И. Полищука. М.: МГЛУ, 2017. С. 30-35.

Singer D. Reconstructing the Correlates of War Dataset on Material Capabilities of States, 1816-1985 // *International Interactions*. 1987. 14 (02). P. 115-132

Waltz K. N. Theory of International Politics. N.Y.: Addison-Wisley Publishing Company, 1979.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ БАЛАНСА СИЛ

1.1. ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ БАЛАНСА СИЛ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА²

М.А. Никулин, М.С. Рамич, Н.С. Куклин*

Баланс сил – это один из основополагающих концептов школы политического реализма. Изучение тенденций, характерных для тех или иных систем международных отношений, началось задолго до появления самого термина, определение которого часто видоизменялось.

Ведущий британский международник и один из основателей английской школы теории международных отношений М. Уайт выделил девять вариантов, в которых рассматривался данный термин [Wight 2019: 173]:

1. Равномерное распределение власти;
2. Принцип, согласно которому власть должна быть равномерно распределена;
3. Существующее распределение власти. Отсюда и любое возможное распределение власти;
4. Принцип равноправия великих держав за счет слабых;
5. Принцип, согласно которому один актер должен иметь запас прочности, чтобы предотвратить опасность неравномерного распределения власти;
6. Особая роль в поддержании равномерного распределения власти;
7. Особое преимущество в существующем распределении власти;
8. Преобладание;
9. Внутренняя тенденция международной политики к равномерному распределению власти.

У истоков концепции

Древнегреческие философы размышляли о причинах конфликтов между греческими полисами, противопоставляя различные подходы к понятию лидерства, гегемонии и мощи. В некотором роде авторство данной концепции принадлежит древнегреческому историку Фукидиду, который в своей работе «История Пелопонесской войны» выделил основные черты будущей концепции баланса сил. Его труд был посвящен ключевому событию в истории Древней Греции – масштабному противостоянию между двумя ключевыми полисами Афинами и Спартой. По мнению Фукидида, причиной подобного конфликта между ними стала ситуация, которую современные международники назвали «дилеммой безопасности» – силы Афин постоянно увеличивались, что подталкивало Спарту к усилению своих позиций и планированию превентивного удара, что в свою очередь вызывало тревогу в самих Афинах, которые видели в Спарте полис, способный бросить вызов афинскому могуществу [Фукидид 1981].

Однако в политический лексикон данный термин войдет намного позже, а именно в эпоху Возрождения, когда итальянские мыслители и гуманисты откроют для себя данное произведение Фукидида. Это также было связано с тем фактом, что долгое

---

² Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ-ВАОН № 20-514-92001 «Российско-вьетнамское сотрудничество в контексте современной геополитической ситуации в Восточной Азии».

* **Никулин Максим Андреевич** – ассистент кафедры ТИМО РУДН, e-mail: nikulin-ma@rudn.ru; **Рамич Мирзет Сафетович** – магистрант кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Международные отношения», e-mail: ramich_ms@mail.ru; **Никита Сергеевич Куклин** – ассистент кафедры ТИМО РУДН, e-mail: kuklin-ns@rudn.ru.

время на европейском пространстве не было акторов для балансирования – с определенного момента начинается возвышение Римского государства, а вслед за ним наступает период Средневековья, в котором противостояние шло по линии Папа Римский – император Священной Римской империи. Именно в этот период на практике было реализовано одно из первых соглашений, основанных на идее баланса сил, – в 1454 г. был подписан Лодийский мир между Миланом, Флоренцией, Венецией и Неаполем, установивший стабильность в Северной Италии. Итальянский историк Ф. Гвиччардини впоследствии идеализирует данный период, как время равновесия и баланса сил в истории Италии [Гвиччардини 2018: 374]. В итоге из этого выросла идея *iustum potentiae aequilibrium* — справедливого равновесия сил.

Однако наибольший вклад в развитие идеи баланса сил в период ее становления внесли англичане. Над вопросом о происхождении данной концепции и термина размышлял шотландский философ Д. Юм, который в своем эссе «О балансе сил», написанном в 1752 г., обращался к читателю с вопросом: «Была ли идея баланса сил полностью обусловлена современной политикой, или эта фраза была изобретена в более поздние века?» [Hume 1994: 154]. Он приходит к выводу, что античные государства очень редко придерживались принципа баланса сил, отдавая больше предпочтения получению максимальной выгоды. Однако Д. Юм признает, что именно у Фукидида можно обнаружить основы современной идеи баланса сил. В итоге он констатирует, что политика баланса сил сводится на самом высоком уровне обобщения к действию, имеющему целью воспрепятствовать любому государству аккумулировать силы, превосходящие коалиционные силы его соперников [Hume 1994: 159].

Его коллега, английский публицист Д. Дефо, считал идею баланса сил широко обсуждаемой, однако никем не понятой и не раскрытой [Laos 2015: 137]. Английский политический деятель Г. Сент-Джон времен правления королевы Анны, более известный как лорд Болингброк, впервые использовал концепцию баланса сил на практике – являясь одним из авторов Утрехтского мира, подписанного по итогам войны за Испанское наследство (1700-1713 гг.), он включил в него пункты о необходимости добиться всеобщего мира и обеспечить спокойствие Европы с помощью баланса сил³. Лорд Болингброк, как и Д. Юм, считали, что создание универсальных государств (*monarchia universalis*) – будь то империя Карла V Габсбурга или Франция времен Людовика XIV – утопичны и несоизмеримы с реальностью. Поэтому, намерению установить мир в Европе может способствовать лишь сдерживание амбиций и роста мощи одного из государств коалицией других. В дальнейшем эти идеи получают развитие у швейцарского юриста-международника Э. де Ваттеля, а также французских деятелей эпохи Просвещения. В итоге и сложится общее мнение, что баланс сил предлагает особые условия для существования европейских государств: вместо максимальной выгоды – взаимно гарантируемый минимальный риск.

В последние годы вследствие экономического подъема Китая многие исследователи начали задумываться о том, что происходит перебалансирование глобальной геостратегической конфигурации. При анализе природы возможного

---

³ Peace and Friendship Treaty of Utrecht between France and Great Britain, 1713. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Peace_and_Friendship_Treaty_of_Utrecht_between_France_and_Great_Britain (accessed: 01.11.2019).

конфликта между КНР и глобальным гегемоном в лице США, появилась тенденция использования в исследованиях феномена «Ловушки Фукидида», интерес к которому был вызван вышедшей в 2017 г. книгой Г. Аллисона [Allison 2017]. Данный феномен вызван тенденцией, согласно которой между гегемоном и поднимающейся державой обязательно должен произойти конфликт, в ходе которого гегемон будет стремиться сохранить свое доминирующее положение, а поднимающаяся держава обеспечить себе развитие. Данный термин получил свое название благодаря Пелопоннесской войне, которая была детально описана древнегреческим историком Фукидидом. Согласно расчетам исследователей из Гарварда, в 12 из 16 подобных противостояний в человеческой истории завершились войной [Allison 2017].

Кроме того, не потеряли своего значения и классические работы основоположников политического реализма, в частности Г. Моргентау [Morgenthau 1948], К. Уолтца [Waltz 1979; Waltz, 2001], Дж. Миршаймера [Mearsheimer 2001; Mearsheimer 2018] и других. Среди отечественных авторов проблемой баланса сил занимались: А.Д. Богатуров [Богатуров 2010], П.А. Цыганков [Цыганков и др. 2013], исследователи из ИМЭМО РАН [Баланс сил... 1993], РУДН [Дегтерев 2020а; Дегтерев, Истомин 2015] и др. Однако, стоит отметить, что данная проблематика не освещалась в работах российских авторов в таком же объеме, в котором над ней работают за рубежом, поэтому на данном этапе для более эффективного стратегического планирования существует потребность в таких исследованиях, которые позволят объективно оценить расстановку сил на глобальном и региональном уровнях.

Факторы, влияющие на современный баланс сил

В 2010-х гг. во многих регионах мира начинает меняться геополитическая обстановка за счет активизации основных глобальных акторов. В частности, на это оказали влияние новые тенденции, возникшие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в сторону которого сместились основные экономические и политические глобальные процессы [Подъем Азиатско-Тихоокеанского региона... 2016].

«Один пояс и один путь» – китайская инициатива, включающая в себя два компонента – «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI в.», – стала основой внешней политики Китая на современном этапе и направлена как на стимулирование внутреннего развития, так и увеличение влияния КНР в мире [Cheng et al. 2019]. Подобная политика стала причиной беспокойства со стороны США, для которых успешная реализация данных проектов означала бы существенную потерю влияния сразу в нескольких регионах мира.

В 2012 г. Соединенные Штаты выступили с новым видением своей политики в АТР – так называемой «перебалансировкой». Курс, предложенный бывшим президентом США Б. Обамой и бывшим государственным секретарем Х. Клинтон, означал «возвращение США в АТР» – перебазирование флота США в регион и экономическое сдерживание КНР посредством создания торгово-экономического блока в рамках Транстихоокеанского партнерства⁴. Однако с приходом к власти администрации Д. Трампа эти планы были свернуты, а новая администрация предложила концепцию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»

---

⁴ Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy, 11 October 2011. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (accessed on 10.12.2020).

(ИТР). Кроме того, была обновлена Стратегия национальной безопасности, в которой ИТР был указан в качестве одного из региональных приоритетов⁵. Стоит отдельно выделить, что в рамках данной политики США стали продвигать четырехсторонний диалог по вопросам безопасности в регионе («Квад»), членами которого являются США, Япония, Австралия и Индия [Худайкулова, Рамич 2020].

В связи с тем, что Индия постепенно становится новым глобальным актором и уже стала мощной региональной державой, индийские политики стремятся к увеличению международного влияния своей страны [Лебедева 2020]. У истоков создания геополитического региона ИТР стоял индийский исследователь Г. Хурана, который впервые предложил такое видение региона и заговорил о сотрудничестве Японии и Индии в рамках интеграционных процессов в новом регионе [Khurana 2007]. В дальнейшем, исследование данного региона продолжилось и в США, очень сильное влияние на это оказала работа Р. Каплана «Муссон. Индийский океан и будущее американской политики» [Kaplan 2010].

Главным событием, оказавшим влияние на расстановку сил в Европе, стал выход Великобритании из Европейского союза. Во-первых, Брексит запустил процесс нового распределения влияния в Европе. Новый импульс получили такие неформальные объединения как «Вышеградская четверка» и «Веймарский треугольник». Выход такого крупного игрока как Соединенное Королевство может оказать влияние и на интеграцию балканских государств в ЕС, которые могут приостановить этот процесс. Помимо этого, изменится расклад сил и внутри самого Союза, а именно баланс между классическими «старыми» членами ЕС, такими как ФРГ и Франция, и «новыми» членами, такими как Польша и Венгрия. Во-вторых, политический и экономический потенциал Европейского союза на международной арене значительно уменьшился, поэтому в ближайшие годы перед европейскими политиками будет стоять задача возвращения своего влияния. В-третьих, для глобальной политической системы такой выход может означать новую консолидацию стран англосаксонской системы, в классической форме «внешнего полумесяца» по Н. Спикману [Спикман 1944; Kaplan 2012]. В-четвертых, это потенциально может сказаться на отношениях ЕС и США, а также на отношениях Великобритании и стран ЕС с Российской Федерацией.

Рубеж XX-XXI вв. стал периодом усложнения политического ландшафта в Латинской Америке. Регион, в котором традиционно доминировали военные диктатуры проамериканской направленности, оказался под влиянием процесса, более известного сегодня как «левый поворот». В 1999 г. президентом Венесуэлы стал представитель левого движения У. Чавес, вслед за которым левые силы пришли к власти практически во всех странах Латинской Америки – Чили в 2000 г., Бразилии в 2002 г., Боливии и Аргентине в 2003 г., Уругвае в 2005 г., Никарагуа и Эквадор в 2007 г. Это придало дополнительный толчок для развития интеграционных процессов в регионе, а также пересмотра традиционной проамерикански настроенной внешней политики государств Латинской Америки. Здесь можно особо выделить такой блок, как Боливарианский альянс для народов нашей Америки (ALBA), который ставил в основу своей деятельности не только экономическое взаимодействие, но и развитие

---

⁵ US National Security Strategy, 2017 // White House, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 01.11.2020).

сотрудничества между странами на основе социализма. Однако этот устойчивый тренд впоследствии был сменен противоположным – «правым поворотом», т.к. с 2015 г. правые силы пришли к власти в Бразилии, Перу, Чили, Колумбии и Парагвае, в результате чего политический курс этих стран радикально изменился [Хейфец, Хейфец 2015].

Примечательно, что традиционное разделение на левых и правых в Латинской Америке значительно отличается от такого деления в странах Европы. Правые в Южной и Центральной Америке ориентированы на сотрудничество с Вашингтоном и транснациональными структурами, а не на отстаивание суверенных интересов своих стран. Однако, в Латинской Америке не все так однозначно. В прошлом году «правый поворот» попытался накрыть и Венесуэлу, но действующее левое правительство оказалось «упрямее», чем предполагалось. В свою очередь, в Мексике победу на выборах 2018 г. одержал Л. Обрадор – представитель левых сил. Интересный случай представляет собой совершившая уже два «поворота» Аргентина, в которой президента М. Макри, представителя правоцентристской партии «Республиканское предложение» после выборов в конце 2019 г. сменил левоцентрист А. Фернандес. Именно поэтому политолог С. Пачано уверен в том, новый латиноамериканский сценарий демонстрирует триумф неоднородности над предполагаемыми левыми или правыми волнами [Pachano 2019], а потому нельзя достоверно говорить о «правой» или «левой» направленности в Латинской Америке.

В 2000-2010-е гг. повысилось влияние «новых политических пространств» на международные отношения. Среди них наиболее актуально взаимодействие в космическом, воздушном, морском пространствах, в Арктике и Антарктике, а также в глобальной информационной среде [Международные отношения России ... 2011]. Одной из наиболее актуальных повесток в настоящее время стала информационная безопасность. Несмотря на активное использование инструментов воздействия в межгосударственном взаимодействии, до сих пор не принят единый свод международных правил по поведению в киберпространстве. Это позволяет странам, обладающим необходимыми технологиями, беспрепятственно осуществлять кибероперации, а странам, которое не обладают подобными технологиями, не позволяет адекватно реагировать на кибератаки.

В то же время усиливается противостояние в морском пространстве. Можно сказать, что сформировался «баланс подходов» к регулированию морского пространства – США и их союзники активно продвигают политику «свободы судоходства», а другие страны, такие как КНР придерживаются стратегии ограничения и воспреещения доступа и манёвра (A2/D2 – Anti-Access/Area Denial).

Важность полярных регионов возросла за счет глобальных климатических изменений, которые позволили начать реализацию новых ресурсодобывающих и транспортных проектов. В Арктическом регионе наиболее перспективным стал проект Северного морского пути, который в значительной мере позволит сократить путь товаров из Азии в Европу. Кроме того, активно развиваются предприятия по добыче углеводородов из Арктического шельфа. Споры из-за контроля над месторождениями ресурсов и над транспортными путями обостряют международную обстановку в этом регионе, вынуждая страны придумывать новые методы защиты и продвижения своих интересов. Таким образом, в Арктике сложилась сложная модель многополярного сотрудничества региональных и внерегиональных акторов, в рамках которой

происходит взаимодействие для решения традиционных и новых проблем безопасности [Никулин 2019: 395].

Тенденции изменения глобального и регионального балансов сил

На данный момент наибольшую сложность для экспертов представляет определение того, к какой системе международных отношений относится современная эпоха. После краха биполярной системы в 1990-х гг. сразу несколько исследователей предложили свое видение будущего международных отношений. Американский исследователь Ф. Фукуяма выпустил на шумевшую на весь мир статью «Конец истории?» и книгу «Конец истории и последний человек», в которых предложил, что в мире установилась либеральная гегемония или однополярность, возглавляемая США [Fukuyama 1989; Fukuyama 1992]. Ряд исследователей наоборот предположили, что наступает эпоха многополярности [Huntington 1996; Дугин 2013]. Однако появляются указания на возможное формирование новой («мягкой») биполярной [Дегтерев 2020б], а возможно и новой однополярной системы.

Если в начале 2010-х гг. международная политика все еще продолжала развиваться под влиянием гегемонизма США, но при необходимости для Вашингтона учета фактора и политики КНР, то к концу десятилетия противостояние США и КНР вылилось в торговую войну, которая сопровождалась конфликтом интересов практически во всех регионах мира.

Китай стал крупнейшим торговым партнером для многих стран мира, вытеснив, соответственно, США. Китайские компании начали активно продвигаться на рынке информационных технологий и цифровой инфраструктуры, что в частности в 2019 г. послужило причиной введенных США санкций против Huawei в связи со слишком быстрым распространением технологий 5G в мире.

США и КНР наращивают свое влияние в военной сфере. Китай начал концентрироваться на создании мощного флота для защиты своих интересов в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Пекин постепенно отказывается от ревизионистской позиции подрывающей основы однополярного мира и концентрируется на смещении бывшего гегемона [Degterev 2019: 417]. В это же время, США и их союзники ищут новые способы сохранения благоприятного для них глобального миропорядка.

Если в глобальном измерении очевидно распределение влияния между двумя актерами – КНР и США, то в региональном измерении ситуация сложнее. В рамках отдельных регионов складываются разноплановые тенденции, как усиления однополярности, биполярности, так и многополярности. Так, Россия по-прежнему сохраняет свое влияние на пространстве СНГ, несмотря на попытки третьих стран или объединений переманить на свою сторону страны на постсоветском пространстве. В частности это касается попыток ЕС и США больше взаимодействовать со странами Восточной Европы и Южного Кавказа, а также усиливающегося экономического влияния КНР в Центральной Азии. В вопросах безопасности Россия выступает незаменимым участником всех диалогов по конфликтному урегулированию.

На Ближнем Востоке важными региональными игроками являются Иран, Турция и Саудовская Аравия, которые напрямую или косвенно оказывают влияние на региональный баланс сил, участвуя в урегулировании конфликтов и продвигая свои идеи регионального мироустройства [Савичева 2014]. В Латинской Америке наиболее

активными игроками остаются Бразилия, Аргентина и Мексика, однако необходимо также учитывать интересы стран, поддерживающих идеи «боливарианской революции» [Яковлев 2015]. Сложнее обстоит ситуация в Тропической Африке, где наблюдается слишком большое влияние на ситуацию извне – т.н. проблема африканской агентности в международных отношениях [Brown 2012]. Кроме того, при политическом лидерстве ЮАР в последние годы существенно растет экономическая и демографическая мощь Нигерии [Omoiyi 2020]. В Южной Азии неоспоримым лидером выступает Индия, которая вышла на третью позицию по совокупной мощи в мире. За лидерство в Юго-Восточной Азии борются несколько стран-членов АСЕАН, а также США, КНР и Индия. В Европейском регионе лидерство сохраняют Франция и Германия, выступающие «локомотивами» Европейского союза. После выхода Великобритании из ЕС их влияние только усилится. Однако необходимо учитывать фактор влияния Великобритании на европейскую политику, который, даже после Брексита, сохранится в той или иной мере. Кроме того, в Восточной Европе явным лидером выступает Польша, которая стремится усилить собственное влияние в рамках ЕС.

Таким образом, можно подытожить, что в различных регионах мира сформировалась ситуация перераспределения влияния между новыми и старыми полюсами силы. Эти процессы вызваны различными причинами, начиная от глобального смещения полюсов международного взаимодействия, заканчивая сугубо региональной спецификой.

Список литературы

Баланс сил в мировой политике: теория и практика. Под редакцией Э.А. Позднякова. М.: ИМЭМО РАН, 1993. 175 с.

Гвиччардини Ф. История Италии, Т.1. М.: Канон+, 2018. 774 с.

Дегтерев Д.А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. М: Русайнс, 2020 (а). 214 с.

Дегтерев Д.А. Многополярность или «новая биполярность»? // РСМД, 16.01.2020 (б). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/> (дата обращения: 10.02.2020).

Дегтерев Д.А., Истомин И.А. Системное моделирование международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 17-30.

Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2013. 532 с.

Лебедева Н.Б. Международные отношения в Большом Индийском океане через призму концепций геополитики и геостратегии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. 20 (02). С. 318-332. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-318-332

Международные отношения России в "новых политических пространствах": Космос. Приполярные зоны. Воздушные и Морские пространства. Глобальная информационная сфера / Под редакцией А. Д. Богатурова. М.: Ленанд, 2011. 272 с.

Никулин М.А. Великодержавная конкуренция в Арктике: геополитическое соперничество в новом политическом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. 19 (03). С. 392-403. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-392-403

Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. №3. С. 14-21.

Современная мировая политика: Прикладной анализ. Под ред. А.Д. Богатурова. М.: Аспект Пресс, 2010. 592 с.

Фукидид. История. Л.: Наука, 1981. 543 с.

Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Латинская Америка: правый шторм для «левого поворота» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. 15 (04). С. 45-55.

Худайкулова А.В., Рамич М.С. «Квад 2.0»: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 23-43. DOI: 10.17976/jpps/2020.03.03

Цыганков П.А., Дробот Г.А., Лебедева М.М. и др. Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Альфа-М, 2013. 355 с.

Яковлев П.П. Латинская Америка на мировой геополитической карте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. №4. С. 20-28.

Allison G. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.

Brown W. A question of agency: Africa in international politics // Third World Quarterly. 2012. 33(10). P. 1889–1908. DOI:10.1080/01436597.2012.728322

Cheng G., Chen L., Degterev D.A., Zhao J. Implications of «One Belt, One Road» Strategy for China and Eurasia // Vestnik RUDN. International Relations. 2019. 19 (01). P. 77-88. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88

Degterev D.A. Multipolar World Order: Old Myths and New Realities // Vestnik RUDN. International Relations. 2019. 19 (03). P. 404-419. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419

Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992. 464 p.

Fukuyama F. The End of History? // The National Interest, 1989. № 16. P. 3-18.

Hume D. Hume: Political Essays. Cambridge University Press, 1994. 416 p.

Huntington S. The Clash of Civilizations: And the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996. 368 p.

Kaplan R. Monsoon: The Indian Ocean and the Future of American Power. New York: Random House, 2010. 400 p.

Kaplan R. The Revenge of Geography: What the Maps Tell Us About the Coming Conflicts and the Battle Against Fate. New York: Random House, 2012. 448 p.

Khurana G.S. Security of Sea Lines: Prospects for India-Japan Cooperation // Strategic Analysis, 2007. Vol. 31. No. 1. P. 139-153.

Laos N. The Metaphysics of World Order: A Synthesis of Philosophy, Theology, and Politics. Wipf and Stock Publishers, 2015. 244 p.

Mearsheimer J. Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. NEW HAVEN; LONDON: Yale University Press, 2018. 320 p.

Mearsheimer J. The tragedy of great power politics. New York: W.W., 2001. 576 p.

Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace New York NY: Alfred A. Knopf, 1948. 630p.

Omoruyi I., Idahosa S.O., Mugadam M.M., Sidibe O. Nigeria - South Africa Rivalry in Quest for Regional Power Status: from Material Potential to UN Security Council Membership // Vestnik RUDN. International Relations. 2020. 20 (01). P. 147-157. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-147-157

Pachano S. "Democracia, corrupción y valores en la Revolución Ciudadana" [Democracy, corruption and values in the Civil Revolution] // Cultura política de la democracia en Ecuador y las Américas, 2016/17 [Political culture of democracy in Ecuador and the Americas, 2016/2017]. Quito: UDLA, 2019. P. 7 – 19.

Spykman N. The Geography of the Peace. New York: Harcourt Brace & Co, 1944. 66 p.

Waltz K. Man, the State, and War: A Theoretical Analysis. New York: Columbia University Press. 2001. 288 p.

Waltz K. Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979. 251 p.

Wight M. The Balance of Power // Diplomatic Investigation. Essays in the Theory of International Politics / Ed. by H. Butterfield and M. Wight. Oxford: Oxford University Press, 2019. p. 171-197.

亚太崛起与国际关系 / 陈峰君著 (Ya-Tai Jueqi yu Guoji Guanxi / Chen Fengqun) [Подъем Азиатско-Тихоокеанского региона и международные отношения / под редакцией Чэнь Фэнцзюнь]. 北京: 北京大学出版社, 2016 [Пекин: Издательство Пекинского университета, 2016 г.]. 398 p.

1.2. КОНЦЕПЦИЯ МНОГОПОЛЯРНОСТИ В НАУКЕ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ⁶

Д.А. Дегтерев, Г.В. Тимашев*

История формирования концепции

Концепция многополярности была разработана в 1960-е гг. как ответ западных ученых-международников на изменения в существующей биполярной системе, в которой начали выделяться страны «третьего мира», не относившиеся ни к одному из лагерей и пытавшиеся проводить независимую внешнюю политику. Распад Советского Союза и последующее исчезновение биполярной модели повлекли за собой концептуальный кризис в вопросах структуры глобального мироустройства. К концу XX в. в глобальной политике закрепились лидирующая роль США, а также главенство западной школы ТМО в научной сфере. В данных условиях для незападных акторов возникла задача переосмысления и изучения теоретических аспектов глобального мироустройства и формирования новых концепций. В данной работе исследуется многополярность как совокупность идей о существовании в мире нескольких полюсов и их роли в мировой политике и процессе принятия решений. В этой связи анализируются работы западных ученых-международников второй половины XX в. как создателей данной концепции, а также работы, написанные после окончания «холодной войны».

Одними из первых тему многополярности стали изучать К.В. Дойч и Дж.Д. Зингер [Deutsch, Singer 1964: 390-406]. Описывая в 1960-х гг. недостатки биполярной системы МО, исследователи аргументировали вероятность ее трансформации в многополярную систему растущим потенциалом разных стран, что в целом позитивно влияет на стабилизацию мировой обстановки [Deutsch, Singer 1964: 394]. В этой связи они рассматривали четырехполярную и шестиполярную системы, в которых ключевыми становились альянсы акторов [Deutsch, Singer 1964: 403], через которые устанавливался бы баланс сил в регионах мира. Авторы придерживались мнения, что формирование многополярного мира позволит добиться деэскалации напряженности и замедления или прекращения гонки вооружений, аргументируя это возможным договором между всеми участниками международных отношений [Deutsch, Singer 1964: 404]. Концепция также опиралась на необходимость обеспечения контроля ядерного оружия, который обозначался в качестве одного из ключевых факторов для выделения полюса. В качестве возможных полюсов назывались США, СССР, КНР и Япония, хотя две последних страны в то время относились к развивающимся, а Японию в целом нельзя было называть независимым актором.

Продолжая исследовать тематику многополярности, С.Э. Зорпо рассматривал многополярность через концепцию баланса сил. В его исследовании превалирует подход, что «биполярное ядерное сдерживание более стабильно, чем многополярное», хотя, как таковую стабильность в биполярных отношениях автор называет условной [Zorpo 1966: 579]. С.Э. Зорпо условно делил мир на два лагеря:

---

⁶ Материал подготовлен при поддержке гранта РФФИ-КАОН № 20-514-93003 «Россия и Китай в мировом политическом пространстве: согласование национальных интересов в глобальном управлении».

* Дегтерев Денис Андреевич – д.пол.н., к.э.н., зав. кафедрой ТИМО РУДН, e-mail: degterev-da@rudn.ru; Тимашев Григорий Васильевич – магистрант кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Зарубежное регионоведение», e-mail: 1032202013@rudn.ru.

восточный коммунистический (СССР и КНР) и западный (США, Франция и Великобритания) в силу обладания ядерным арсеналом, и исходил из того, что оба лагеря не заинтересованы в его применении [Zorro 1966: 583]. Автор указывал на стратегический кризис, вызванный появлением ядерного оружия, в силу которого вероятность прямого военного конфликта сводилась к минимуму [Zorro 1966: 585]. Исходя из двух данных факторов, был сделан вывод, что стабильность биполярного ядерного сдерживания строится на невозможности угрозы применения ядерного оружия и постоянной гонке вооружения ради наращивания арсенала [Zorro 1966: 599]. Статья С.Э. Зорро не в полной мере четко структурирована, и под видом многополярности автор описывает стратегию сверхдержав по применению и накоплению ядерного оружия. В целом, автор выстраивает свое исследование через анализ интересов двух вышеуказанных лагерей и возможностей применения ими ядерного оружия. Ключевой вывод автора строится на том, что ядерная многополярность может принести вред политической стабильности, а также изменить саму существующую политическую действительность [Zorro 1966: 606].

В подобном ключе размышлял Р.Н. Розекранс. В своей работе «Биполярность, многополярность и будущее» [Rosecrance 1966: 314-327] он описывал биполярную модель мироустройства, предполагая, что два полюса настолько сильны, что до 2000 г. должны сохранить свои силу и влияние [Rosecrance 1966: 316]. Р.Н. Розекранс особо фокусировался на критике существующей биполярности и возможностях ее трансформации. Действия сверхдержав в глобальной политике описывались им в качестве классической игры с нулевой суммой, в которой действия одного актора провоцировали ответные действия другого [Rosecrance 1966: 315]. Более того, автор подчеркивал невозможность так называемой «разрядки», в силу того, что классическая игра с нулевой суммой, коей в его представлении являлась биполярная система, не может включать в себя подобного элемента, который бы привел к краху одного из полюсов [Rosecrance 1966: 316-317].

Автор привел несколько аргументов в поддержку многополярной системы, которая рассматривалась как возможная модель мироустройства для будущего. В качестве первого аргумента называлось большее количество полюсов, которое бы минимизировало риск конфронтации между двумя отдельными игроками, как в случае с биполярной системой, и превращало бы действия стран в международных отношениях не в игру с нулевой суммой [Rosecrance 1966: 317]. Вторым аргументом в пользу многополярности строится на утверждении К.Н. Дойча и Дж.Д. Зингера, что большее количество полюсов уменьшает риск конфликтов, т.к. их возникновение заставит агрессивный полюс противостоять гораздо большему количеству полюсов [Rosecrance 1966: 317-318]. Третий аргумент суммирует довольно разноплановые доводы. В многополярном мире гонка вооружений становится менее возможной, однако при распространении ядерного оружия конфликтный потенциал неизбежно растет и любой конфликт может привести к непредсказуемым последствиям [Rosecrance 1966: 317-318]. Из последнего аргумента вытекает дальнейшая критика. Биполярная система является антагонистичной по своей сути, конфликты в ней всегда взаимосвязаны. При этом многополярная система способна провоцировать гораздо большее количество конфликтов из-за наличия большего числа полюсов, становления новых центров и попыток старых, теряющих силу, сохранить её [Rosecrance 1966: 317-318]. В целом же, всю критику Р.Н. Розекранса можно свести к

тезису: многополярность лучше биполярности, однако непредсказуемость действий сразу всех стран в ней является угрозой.

Проблематика многополярности находилась в исследовательском поле К. Радтке [Radtke 1979: 846-856], который рассматривал трансформацию геополитических процессов как путь к созданию многополярной системы из четырех акторов – США, СССР, Японии и КНР, которые, по его мнению, имели самые значительные экономические показатели и необходимый потенциал для формирования подобной системы [Radtke 1979: 846]. В ней сохранялся баланс (две коммунистические и две капиталистические страны), большая роль отводилась вопросам экономического сотрудничества и обмена технологиями. Вместе с тем К. Радтке замечал, что наличие ядерного оружия и других вооружений играет значимую роль [Radtke 1979: 846-847]. Таким образом, данная система была не более чем концепцией, столкнувшейся с противоречиями уже на этапе своего создания. Более того, К. Радтке предостерегал, что было бы слишком оптимистично ждать от акторов «рационального» поведения и отказа от использования военных средств [Radtke 1979: 846-847]. Довольно пристально К. Радтке анализирует особенности внешней политики «коммунистических» полисов, подчеркивая наличие ощутимых противоречий, включая территориальные притязания. Данная проблема приводится в контексте ее принципиальной значимости для КНР [Radtke 1979: 848] и сохраняет свою актуальность и по сей день в контексте попыток Пекина решить территориальные споры для налаживания долгосрочных отношений.

Концепция К. Радтке не просто четырехполярна, она строится вокруг новых «азиатских» полюсов. Приоритетное внимание уделяется возможным факторам стабилизации и дестабилизации обстановки в МО со стороны Китая и Японии, что в принципе отличается от более ранних концепций многополярности, в которых количество акторов признавалось варьируемым и базировалось на общем развитии и способности стать независимым полюсом. В данном случае анализ более рациональный, полюсами признаются страны, наиболее способные к проведению независимой внешней политики.

Отдельного внимания заслуживает критическая статья В.А. Платте «Размышления о многополярности» [Platte 1978: 33-46]. Объектом анализа выступила трёхполярная система, состоящая из США, СССР и КНР, которая, с точки зрения автора, также не отвечала реалиям [Platte 1978: 34]. Он называл биполярную систему единственным верным теоретическим осмыслением политической ситуации в мире [Platte 1978: 33]. Китай, как часть этой системы, назывался «равновесной точкой» биполярной системы, но далеко не полюсом, т.к. по совокупной комплексной мощи он не был равен ни США, ни СССР [Platte 1978: 35]. Опираясь на предыдущий опыт морского офицера, В.А. Платте использовал преимущественно военные показатели. Положение системы МО описывалось как находящееся в состоянии баланса сил [Platte 1978: 35]. Подход Р.Н. Розекранса он считал оптимистичным, т.к. для реализации его «многополярного» мира требуется сильно повлиять на мировой баланс сил, изменить его и сделать стабильным [Platte 1978: 37-38]. В.А. Платте был уверен, что для создания многополярности трех государств недостаточно. Китай в целом он считал приверженным к балансу сил, и, в силу этого, не стремящимся к изменению системы МО [Platte 1978: 41].

В том теоретическом смысле, который изложен выше, многополярность как концепт утратила своё значение с крахом биполярной системы МО [Дегтерев, Истомин 2015]. В формировании нового миропорядка ощутимая роль принадлежит азиатским странам. Данный вопрос был поднят именно в работах времен «холодной войны», и тенденция к его рассмотрению сохранилась по целому ряду причин. Однако, именно благодаря появлению однополярной модели и процессу политической трансформации, происходящему до сих пор, концепция «многополярности» получила новое развитие.

Современные западные концепции

В постбиполярный период термин многополярность особенно часто встречается в официальных документах РФ и КНР. Наряду с качественным изменением мировой обстановки начиная с 2001 г. и подъемом новых центров силы концепт многополярности вновь вернулся в глобальную повестку.

К первой комплексной работе по переоценке формирующейся системы международных отношений в XXI в. можно отнести статью Д. Керра «Китайско-российское партнерство и политика США в отношении Северной Кореи: от гегемонии к концерту в Северо-Восточной Азии» [Kerr 2005: 411-437]. Сначала автор предлагает теоретический ракурс, рассматривая изменения в однополярном мире, существовавшем на тот момент, а затем – аналитический срез на примере корейской ядерной проблемы. Для обстоятельности анализа Д. Керр цитирует ряд работ, в которых обосновывался гегемонистский однополярный мир при доминировании США над всеми другими акторами. Подход Д. Керра довольно критичен, в его видении аргументация теории ограничена, т.к. в ней основная роль принадлежит капиталу и технологиям, а по данному определению Восточная Азия выделяется из однополярной концепции [Kerr 2005: 412].

Д. Керр откровенно сетует на отсутствие исследований по азиатской тематике [Kerr 2005: 412] и выдвигает концепцию согласованности порядка в Восточной Азии, которая строится на консультациях и переговорах между великими державами по вопросам, представляющим взаимный интерес, что приводит к временным и постоянным союзам [Kerr 2005: 411-413]. Данная система является неотъемлемой частью баланса сил, также выделяется уровень регионального взаимодействия, что демонстрирует ограничения однополярной модели. Особо важное значение имеет российско-китайское стратегическое партнерство, которое рассматривается автором как важнейший элемент новой системы [Kerr 2005: 414]. Стремление Китая и России восстановить позиции в мировой политике привело к довольно тесным союзническим отношениям и расширению сферы влияния, а также отстаиванию общих интересов, среди которых – борьба с экстремизмом и сепаратизмом, поддержание стратегической безопасности и пр.

В отсутствие общепринятой трактовки термина «полюс», автор приводит два его толкования. Согласно первому, после распада биполярности мир стал многополярным: собственные позиции сохраняют Западная Европа и Япония, появляются ограниченные полюсы – Китай и Россия, и США приходится считаться с ними. Согласно второму, полюс должен быть союзником гегемона, мощь которого должна быть выше, чем у остальных. В целом, в своем анализе мироустройства автор придерживается модели «одна сверхдержава и четыре глобальные», подтверждая её

примерами взаимодействия России, Китая и США по ключевым вопросам международной безопасности. Российско-китайское влияние на процесс принятия решений доказывает, что мир не является однополярным, т.к. в случае однополярности США бы не пришлось идти на компромисс с каким-либо актором, и более того, новые вызовы и угрозы вынуждают США взаимодействовать с различными державами [Kerr 2005: 420]. Особое внимание Д. Керр уделяет фактору влияния КНР и РФ на урегулирование корейского ядерного вопроса, что выступает аргументом против однополярной системы. В итоге автор приходит к заключению, что система, демонстрирующая многополярность на региональном уровне не может быть названа однополярной в глобальном смысле. На примере Восточной Азии автор обосновывает концепцию региональной многополярности при существующей сверхдержаве – США, где влияние гегемона ограничивается сильными полюсами.

Вклад С. Тернера в разработку концепта многополярности выгодно отличается наличием разветвленной аргументации. Исходя из логики автора, многополярность как таковая формируется из стремления РФ и КНР восстановить своё влияние на международную политику и уравновесить однополярную систему во главе с США [Turner 2009: 161-162]. В качестве критериев оценки системы автор апеллирует к договорной базе российско-китайских отношений, прежде всего Совместной декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка от 23.04.1997 г.⁷, в которой декларируются принципы построения многополярного мира: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, взаимное невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование и другие общепризнанные принципы международного права⁸. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР 2001 г.⁹ автор квалифицирует как фактически союз двух стран [Turner 2009: 170-171]. В качестве аргументации количественных показателей роста влияния РФ и КНР представлен расчет их комплексной военной силы и экономической мощи. С. Тернер отдельно останавливается на безуспешном стремлении России найти компромисс в отношениях с США [Turner 2009: 165]. Как и многие отечественные исследователи, переломным моментом автор называет речь В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности¹⁰, имевшая огромный резонанс. Если переход России от политики сближения с США называется постепенным и вынужденным, то китайская реакция оценивается как преследование собственных целей в контексте политики «гармоничного мира» и реванша после кризиса китайско-американских отношений [Turner 2009: 168].

В сухом остатке С. Тернер трактует многополярность как вполне реальную и существующую концепцию, отражающую интересы КНР и РФ в переходе от однополярного мира к более оптимальной и устраивающей данные государства системе. Фактически, в данной работе Москва и Пекин предстают в качестве единого

---

⁷ Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка, 1997. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902155> (дата обращения: 11.02.2020).

⁸ Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка, 1997. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902155> (дата обращения: 11.02.2020).

⁹ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, 2001. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/576870 (дата обращения: 11.02.2020).

¹⁰ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 2007. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 11.02.2020).

полюса, выступающего против другого полюса – США. По сути, комплексная российско-китайская мощь противопоставляется США. Подобный подход отличается от классического деления один полюс-одна страна. В данном случае полюс появляется из-за стремления двух акторов выступить единым фронтом против гегемонизма и за равенство на международной арене [Turner 2009: 170]. В качестве параметров, которые автор использует для определения полюсов, выступают вооружения, блоковость, политическая независимость. Исходя из данных условий, Индия также должна рассматриваться в качестве полюса, однако автор упоминает Индию только в контексте военно-технологического сотрудничества с РФ [Turner 2009: 173]. Помимо взаимодействия по линии США против РФ-КНР в статье анализируется институциональный уровень взаимодействия. Так, НАТО противопоставляется ключевым евразийским организациям ОДКБ и ШОС [Turner 2009: 176], что, впрочем, дискуссионно, т.к. ШОС, строго говоря, не является классическим военным объединением. Вполне понимая специфику ШОС, автор, тем не менее, продолжает исследование именно в этом ключе, отмечая, что у него просто сложился определенный контекст, под которым понимают именно военный блоковый статус [Turner 2009: 174].

Следующая значительная для нашего исследования работа – «Многополярность и будущее экономического регионализма» за авторством Дж.Ф. Гарзона [Garzón 2017: 101-135]. В качестве основы многополярности называется экономический регионализм, который делится на два типа: наднациональный и «открытый» [Garzón 2017: 103]. К региональным лидерам автор относит Бразилию, ЮАР, РФ и Индию [Garzón 2017: 102], которые, с точки зрения автора, должны сформировать многополярность именно через экономическую интеграцию. В этой связи, Дж.Ф. Гарзон рассматривает децентрализованную многополярность как самый реалистичный вариант развития концепции.

Основная идея работы сводится к расширению зоны влияния региональных держав, через которую они бы добивались преимущества в своём регионе, и, как следствие, своего места в многополярном мире [Garzón 2017: 105]. Полюсом в данной концепции является страна, способная определять и защищать свои экономические интересы, и само количество полюсов зависит только от их эффективного использования собственных ресурсов и принятия необходимых мер [Garzón 2017: 106]. Отдельно автор останавливается на роли России, которая, несмотря на экономическую ограниченность, весомо влияет на политические процессы по всему миру [Garzón 2017: 107]. В целом, данная работа посвящена процессу формирования региональных полюсов, а концепт многополярности строится на способности этих полюсов взаимодействовать друг с другом и находить компромисс для сохранения лидирующей позиции в своём регионе.

Довольно оригинальный подход в исследовании многополярности присутствует в работе Ф. Петито «Диалог цивилизаций в многополярном мире: к многоцивилизационному многополярному мировому порядку» [Petito 2016: 1-14], в которой автор рассматривает цивилизационную политику в уже появившемся многополярном мире. В своей работе он опирается на «Столкновение цивилизаций» С.Ф. Хантингтона и «Конец истории» Ф. Фукуямы, обосновывая влияние культурного фактора на меняющуюся политическую структуру мира. По аналогии с подходом Д. Керра Ф. Петито критикует однополярность и выступает с провосточных позиций, в

связи с чем ставит вопрос, должны ли сторонники диалога цивилизаций поддерживать многополярность, которая строится на тех же принципах.

Для подтверждения данной гипотезы автор рассматривает отношения «одинокой» сверхдержавы – США и формирующихся региональных центров силы: ЕС, Японии, Китая, Индии, Бразилии, Южной Африки и др. и их способность организовать новый, более справедливый и плюралистический мировой порядок [Petito 2016: 2]. Конец биполярной эпохи, в которой цивилизационная политика определялась идеологическим подходом, изменил само понимание данной политики, привнеся культурные элементы новых великих держав [Petito 2016: 5-6]. Автор оспаривает тезис, что цивилизационный подход порождает конфликт, т.к. изначально антагонистичен, отмечая слияние современных политических ценностей и практики с традиционными местными культурными ориентирами и образом жизни [Petito 2016: 6-7]. Выдвигается неорегиональная, многополярная и кросс-культурная модель мирового порядка, которая: 1) формируется не по цивилизационно-культурному принципу, а по средствам диалогического мультикультурализма, 2) основана на новых формах межкультурного регионализма и переговоров о новом межкультурном «праве народов», 3) привержена широко распространенному процессу «межцивилизационного взаимопонимания» на разных уровнях [Petito 2016: 11].

Развитие российских исследований многополярности

Несмотря на широкое использование многополярной тематики в политических декларациях и официальных документах, соответствующий академический дискурс в России был недостаточно представлен. В 1990-е гг. ряд российских исследователей (в частности, С.М. Рогов, К.Э. Сорокин) предприняли ряд попыток по разработке теоретических основ многополярного мира (в русле официальной позиции России при министре иностранных дел Е.М. Примакова), уточняющих понятийный аппарат. По мнению А.Д. Богатурова, данные исследователи предлагали определенный образ «необходимого будущего», однако не в полной мере исследовали реальную расстановку сил [Богатуров 2003: 11]. Данный пробел был частично восполнен в работе одного из авторов данной статьи [Дегтерев 2020].

Примером российской рефлексии 1990-х гг. по проблематике многополярности является работа К.Э. Сорокина «Россия и многополярность: "время обнимать, и время уклоняться от объятий"» [Сорокин 1994: 1-26], в которой он называет протекающие политические процессы «третьем переделом мира», и отмечает довольно пассивную роль РФ в этом «переделе» [Сорокин 1994: 6]. Как и западные авторы, он отмечает не увенчавшиеся успехом попытки Москвы наладить отношения с Вашингтоном, на которые сам автор смотрит позитивно [Сорокин 1994: 15]. Однако, данная работа написана в начале века, и её концептуальная ценность состоит именно в оценке подхода РФ к многополярности до 2007 г., когда одним из возможных вариантов ведения внешнеполитических отношений была позиция балансирующей равноудаленности [Сорокин 1994: 20]. Действия и шаги, предпринимаемые Москвой, тогда были осторожными, и были приложены большие усилия для поиска компромисса. Однако, данная политика не увенчалась успехом.

В том же ключе написана работа другого автора – А.Ю. Архипова [Архипов 2004: 3-6], который рассматривал экономическое взаимодействие в мировом масштабе, исходя из логики, что расширение международной торговли приведет к смещению не

только мировых экономических, но и политических центров [Архипов 2004: 4]. Разница же заключается в сугубо-пессимистичных прогнозах А.Ю. Архипова, который предостерегал страну от акцента на сырьевом экспорте [Архипов 2004: 5].

Неудивительно, что в условиях однополярного мира 1990-х гг. в РФ в «конвенциональной» академической среде не могла возникнуть «ревизионистская» концепция миропорядка. Поэтому т.н. теория многополярного мира возникла «за пределами конвенциональности», а ее автором стал А.Г. Дугин, скорее политический активист евразийского движения, нежели чем классический академический исследователь. Краткосрочный период его академической карьеры в МГУ им. М.В.Ломоносова в 2009-2014 гг. – это исключение, которое лишь подтверждает правило.

Говоря о многополярности, А.Г. Дугин опирался на заявление Д.А. Медведева и трактовал его посыл о многополярности взамен однополярности, направленное против доминирующей роли США в мире. Концепцию многополярности, ссылаясь на собственный опыт коммуникации с зарубежными коллегами, он называет неприемлемой для Вашингтона. Были определены полюсы: первый – евразийский, второй – Китай, третий – исламский мир, четвертый – Европа [Кочетков 2009: 149]. Данное разделение, в целом, отвечает действительности и передает специфику происходящих процессов, однако, эти полюсы не равноценны и обладают разным политическим весом, и это делает невозможным переход к подобной модели многополярности.

В дальнейшем А.Г. Дугин развил свои подходы в т.н. «теории многополярного мира» [Дугин 2013], которую российский международник И.А. Истомин справедливо называет преимущественно нормативной [Истомин 2016: 24]. В самом деле, в данном подходе, как и в работах 1990-х гг., также делается акцент на «образе желаемого будущего» для РФ, который предполагает, что «Глобального Юга» и КНР, а в перспективе – ЕС и Япония – откалываются от гегемона, при этом РФ выступает главным «балансиrom». При этом, однако встает вопрос о возможностях практической реализации данной концепции ввиду значительного превосходства потенциала у стран «Глобального Севера», а также сплоченности евроатлантического сообщества. В «зоне максимальной концентрации антиглобалистской энергии» (по А.Г. Дугину) кроме КНР и Индии практически нет стран, которые могли бы приблизиться к «великим державам», однако обоим «азиатским гигантам» необходим доступ к новым технологиям, лидером по которым остаются США.

Многие ученые не были готовы солидаризироваться с описанным выше подходом, предпочитая более взвешенные оценки. Так, А.Д. Богатуров, например, говорит о «плюралистической (полицентрической) однополярности» [Богатуров 1996], которая по сути квалифицирует мир 1990-х гг. как однополярный, но по форме трактует его как коллективное лидерство группы наиболее развитых государств.

Многополярность в китайском научном дискурсе

Многополярность является важным концептом внешней политики КНР со времен Цзян Цземиня с 1992 г., получив особое звучание в период военных действий в Югославии и гибели китайского летчика после столкновения с американским. Как отмечал А.Д. Богатуров, российские подходы к многополярности во-многом сформировались под влиянием Российско-китайской совместной декларации 1997 г.,

которая была написана преимущественно в духе китайской традиции [Богатуров 2003] и была призвана символизировать несогласие обеих стран с практикой одностороннего принятия решений, а вслед за этим – произвольного и несанкционированного использования военной силы.

Однако уже в 2000-е гг., в т.ч. после вступления Китая в ВТО и выдвижения концепции гармоничного мира Ху Цзиньтао пропаганда многополярного мира в КНР, «приглушается» и становится в определенной степени «ритуальной» [Портяков 2013].

В настоящее время в контексте формирования «новой биполярности» и становления КНР как будущей гегемонистской державы, встает вопрос о том, насколько Китай действительно является «ревизионистом», как его (вместе с РФ) квалифицируют в американских доктринальных документах, например, в Национальной военной стратегии 2018 г.¹¹

Китайские исследователи Сунь Цзянь и Сюэ Нянвэнь в своей работе 论冷战后国际政治格局多极化趋势 («О многополяризации тенденции международной политической структуры после холодной войны») подчеркивают сложившийся после «холодной войны» концептуальный кризис и отмечают характер его изменений [Sun Jian, Xue Nianwen 2017: 17]. Авторы рассматривают пять наиболее значимых, по их мнению, определений современного мироустройства, и основным мотивом данных определений является тезис, что экономическая глобализация и региональная экономическая интеграция сделали страны более тесно связанными и взаимозависимыми [Sun Jian, Xue Nianwen 2017: 17-18].

Сунь Цзянь и Сюэ Нянвэнь выводят факторы, влияющие на установление многополярной системы МО: 1) экономическое развитие, ведущее к продвижению многополярной экономики, 2) разнообразие культур и народов, 3) региональное сотрудничество и развитие стран «третьего мира», 4) развитие всех стран на благо человечества [Sun Jian, Xue Nianwen 2017: 19]. Большое внимание уделяется развитию экономических и политических связей со странами Африки и Латинской Америки, их усиление называется основой демократизации международных отношений, что, в свою очередь, способствует становлению многополярности [Sun Jian, Xue Nianwen 2017: 18]. Исследователи считают, что все существовавшие системы международных отношений, кроме Ялтинско-Потсдамской, были многополярны по своей сути, т.к. в них не существовало сверхдержав и все внешнеполитические отношения проводились через поиск союзников и создание альянсов [Sun Jian, Xue Nianwen 2017: 19]. Отдельное внимание уделяется критике США как стороннику политики гегемонизма, которая крайне деструктивно влияет на общемировое развитие.

Стоит процитировать еще одну работу в данной области – «“多极世界” 将走向 “中美两极” 吗?» («Будет ли «многополярный мир» двигаться в направлении «китайско-американского биполярного мира»?) за авторством Вэнь Сяофэн [Wen Xiaofen 2017: 38-41]. Данное исследование строится на гипотезе профессора Ян Сюэтуна о возможности формирования к 2020 г. нового биполярного мира, в котором

---

¹¹ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge // US Department of Defense, 2018. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed on 09.10.2020).

сверхдержавами будут выступать США и КНР [Wen Xiaofen 2017: 38]. Как и Сунь Цзянь и Сюэ Нянвэнь [Wen Xiaofen 2017: 20], автор убежден, что проблема многополяризации мира стоит перед мировым сообществом с 1980-х гг., когда её провозгласил Дэн Сяопин [Wen Xiaofen 2017: 38]. Одним из основных мотивов в данной статье является отказ от рамок мышлений времен «холодной войны» и деление на сложную многополярную систему, в которой существует два крупных полюса – США и КНР, и полюсы второго порядка, которые следуют за одним из крупных полюсов [Wen Xiaofen 2017: 39-40]. Также приводится развернутая критика США как гегемона, который стремится к сохранению своего статуса. Автор, опираясь на слова Ян Сюэтуна, оправдывает возможность принятия Китаем концепции G2, в рамках которой Пекину предлагалось подключиться к взаимодействию с Вашингтоном по управлению глобальными экономическими и политическими процессами, фактически, принимая существующую однополярную систему. Однако, автор приводит аргументы, в соответствии с которыми данная система станет уже не биполярной, а многополярной.

С 2013 г. началась реализация амбициозной инициативы «Пояс и путь» [Cheng 2019], которая реализуется Пекином на двусторонней (фактически – на односторонней) основе. Запущен крайне успешный для КНР Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), в капитал которого вошло не только большинство стран Азии, но и в качестве нерегиональных членов большинство стран НАТО – ближайших союзников США, что является наглядным подтверждением подрыва влияния традиционного гегемона. Началось международное продвижение китайской концепции «Общего будущего человечества» [Семенов, Цзык 2019].

Как представляется, КНР постепенно отходит от радикального пересмотра существующего миропорядка, он стремится заменить собой прежнего гегемона в лице США. Его в целом устраивает существующая архитектура международного экономического управления, только на смену Институтам Бреттон-Вудса должны прийти доминируемые не США, а Китаем финансовые структуры, такие как АБИИ (квота КНР при голосовании 26,5%; доля в капитале 30,8%¹²). Неудивительно, что торговая супердержава КНР стала главным защитником «открытой мировой экономики» – это был ключевой тезис выступления китайского лидера Си Цзиньпина на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2017 г. (в отсутствие «изоляциониста» Д. Трампа)¹³. В новых международных условиях, по сути, происходит смена ролей – США становится своего рода главной альтерглобалистской державой, а КНР – сторонником открытых рынков и свободного доступа для своих могущественных ТНК [Bond 2018].

Российский эксперт А.В. Виноградов обращает внимание на довольно интересную деталь – в 2017 г. в докладе XIX съезда ЦК КПК вообще отсутствовало упоминание БРИКС и ШОС, в отличие от предыдущего съезда [Борох и др. 2018: 155]. Как представляется, Китай сосредоточился и делает основную ставку на свою традиционную «мягкую» силу – прибыльные инвестиционные проекты, и уходит от

---

¹² Members and Prospective Members of the Bank. Asian Infrastructure Investment Bank. URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html> (accessed on 24.09.2020).

¹³ Full Text of Xi Jinping keynote at the World Economic Forum. Davos, 17 January 2017. URL: <https://america.cgtn.com/2017/01/17/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum> (accessed on 09.11.2020).

конфронтационной «блоковой» риторики. Ему недостаточно быть лидером среди государств-членов ШОС, в определенной степени он продвигается к глобальному лидерству. Под многополярностью все чаще подразумевается взаимозависимость. С другой стороны, обострение борьбы с США реактуализирует БРИКС и ШОС как политические инструменты, позволяющие КНР формировать антиамериканскую коалицию в широком контексте.

Заключение

Появление и становление концепции многополярности было тесно связано с изменением баланса сил и попыткой переоценки роли сверхдержав в мире. Последовательное развитие теоретической базы концепции велось до конца холодной войны преимущественно в рамках западной школы ТМО, и многополярность в данных исследованиях представлялась как система, в которой существует две сверхдержавы и ряд великих держав, которые образуют систему полюсов. Фактически, под эгидой многополярности США пытались «преодолеть» жесткую логику блоковой дисциплины, выставляя такие страны как ФРГ и Японию в качестве независимых игроков.

Принципиальное отличие существующего тренда «многополярности» от концепции 1960-1980 гг. заключается в изменении характера исследований. Многие авторы оставили концептуальную сторону многополярности, приступив к изучению возможных центров силы и вероятности формирования многополярного мира с разными полюсами и разной системой деления на них в постбиполярном мире.

Долгое время западные страны не уделяли достаточного внимания многополярному незападному дискурсу России и Китая. Этап «принятия неизбежного» начался примерно в 2007-2009 гг. Так, в редакционной статье *New York Times* под названием «Новый консенсус – многополярный мир» (2007) описывается возникновение новой реальности, когда Китай занимает «параллельное место за столом переговоров наряду с другими центрами власти, такими как Брюссель или Токио»¹⁴. В ноябре 2008 г. Национальный совет по разведке США опубликовал доклад «Глобальные тенденции 2025 года», в котором говорится о появлении «глобальной многополярной системы» как об одной из «относительных гарантий» мира в течение двух десятилетий [Global Trends 2008].

В последние несколько лет, союзники США рассматривают многополярность как очень серьезную стратегическую задачу (вызов), которую необходимо решить. Так, Австралия, балансируя между США и КНР, в контексте растущей многополярности выступает за отказ от безусловного согласования с Вашингтоном, в том числе и в военной сфере, и демонстрирует более мягкую приверженность международному праву и институтам [Raymond 2019]. Британские эксперты также предлагают провести подготовительные мероприятия для более «мягкой» адаптации Великобритании к многополярным условиям [Blagden 2019]. Активное участие западных союзников в китайском проекте АБИИ служит наглядным примером такой адаптации.

---

¹⁴ ViewPoint: The New Consensus – a Multipolar World. *NY Times*, January 26, 2007. URL: <https://www.nytimes.com/2007/01/26/business/worldbusiness/26iht-wbview27.html?mtrref> (accessed on 24.09.2020).

Список литературы

- Архипов А.Ю. Современная глобализация и многополярность мира // Финансы и кредит. 2004. № 23. С. 3-6.
- Богатуров А.Д. Международный порядок в наступившем веке // Международные процессы. 2003. № 1. С. 6-23.
- Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 24–36.
- Борох О.Н. и др. 19 съезд КПК: внешние и внутренние последствия и перспективы реформ в Китае // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 2. С. 140-158.
- Дегтерев Д.А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. М: Русайнс, 2020. 214 с.
- Дегтерев Д.А., Истомин И.А. Системное моделирование международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 17-30.
- Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М: Евразийское движение, 2013. 532 с.
- Истомин И.А. Рефлексия международной системы в официальном дискурсе и научном осмыслении // Вестник МГИМО. 2016. №5. С. 20-33.
- Кочетков В.В. Пять принципов российской внешней политики: многополярность как неизбежность // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2009. № 2. С. 144-155.
- Портяков В.Я. Видение многополярности в России и Китае и международные вызовы // Сравнительная политика. 2013. Т.4. № 1. С. 86-97.
- Семенов А.В., Цвык А.В. Концепция «общего будущего человечества» во внешнеполитической стратегии Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 8. С. 72-81.
- Сорокин К.Э. Россия и многополярность: "время обнимать, и время уклоняться от объятий" // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 1-26.
- Bond P. The BRICS' Centrifugal Geopolitical Economy // Vestnik RUDN. International Relations. 2018. 18 (03). P. 535—549.
- Blagden D. Power, polarity, and prudence: the ambiguities and implications of UK discourse on a multipolar international system // Defence Studies. 2019. 18 (03). P. 209-234. DOI: 10.1080/14702436.2019.1643243
- Cheng Guo, Chen Lu, Degterev D.A. & Zhao Jelin. Geopolitical Implications of China's "One Belt One Road" Strategy // Vestnik RUDN. International Relations. 2019. 19 (01). P. 77—88.
- Deutsch K.W., Singer J.D. Multipolar power systems and international stability // World Politics. 1964. 16 (03). P. 390-406.
- Garzón J.F. Multipolarity and the future of economic regionalism // International Theory. 2017. 9 (01). P. 101-135.
- Global Trends 2025: A Transformed World. NIC, 2008. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/94769/2008_11_Global_Trends_2025.pdf (accessed on 24.09.2020).
- Kerr D. The Sino–Russian Partnership and U.S. Policy Toward North Korea: From Hegemony to Concert in Northeast Asia // International Studies Quarterly. 2005. 49 (03). P. 411–437.
- Petito F. Dialogue of Civilizations in a Multipolar World: Toward a Multicivilizational Multiplex World Order // International Studies Review. 2016. 18 (01). P. 79-91.

Platte W.A. Reflections on multipolarity // Naval War College Review. 1978. 30 (03). P. 33-46.

Radtko K. China, Japan and Multipolarity // The China Quarterly. 1979. 80. P. 846-856. DOI: 10.1017/S0305741000046099

Raymond G. V. Advocating the rules-based order in an era of multipolarity // Australian Journal of International Affairs. 2019. 73 (03). P. 219-226. DOI: 10.1080/10357718.2018.1520803

Rosecrance R.N. Bipolarity, Multipolarity, and the Future. // The Journal of Conflict Resolution. 1966. 10 (03). P. 314-327.

Sun Jian, Xue Nianwen. Lun Lengzhan hou guoji zhengzhi geju duojihua qushi (О многополяризационной тенденции международной политической структуры после холодной войны) // Journal of Harbin University. 2017. 38 (01). P. 17-20.

Turner S. Russia, China and a Multipolar World Order: the danger in the undefined // Asian Perspective. 2009. 33 (01). P. 161-162.

Wen Xiaofen. Duo ji shijie"jiang zouxiang"zhong mei liangji ma? (Будет ли «многополярный мир» двигаться в направлении «китайско-американского биполярного мира»?) // China Academic Journal. 2017. P. 38-41.

Zoppo C.E. Nuclear Technology, Multipolarity, and International Stability // World Politics. 1966. 18 (04). P. 579-606.

1.3. СИЛА И БАЛАНС СИЛ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ КИТАЯ¹⁵

Д.В. Васильев, А.В. Виноградов*

Вопросы обеспечения международной безопасности традиционно привлекают внимание экспертов и политиков разных стран. В условиях формирования многополярной международной системы, усложнения структуры международных отношений и смещения центра тяжести мировых процессов в Азиатско-Тихоокеанский регион появляются новые и обостряются старые противоречия между государствами. Рост влияния КНР в АТР ведёт к нарушению порядка, формировавшегося в регионе после 1991 г., и обострению отношений между претендующими на роль нового лидера КНР и США, неуклонно теряющими влияние в регионе и мире. В складывающейся ситуации Китай вынужден искать пути, которые позволят не только сохранить темпы экономического развития и роста политического влияния, но и не оказаться вовлечённым в конфликт с США и странами региона. Выработка внешнеполитической стратегии КНР превратилась в одно из важнейших направлений деятельности китайского государства. В связи с этим растёт значение китайских экспертных сообществ, способных предложить научно обоснованный ответ на возникшие вызовы.

Китайское экспертное сообщество

Один из наиболее известных китайских международных Я. Сюэтон считает, что существует три способа влияния экспертов на формирование внешней политики. Первый – это персональный контакт некоторых экспертов с политиками. Второй – академические публикации, вызывающие научные дискуссии и споры, которые привлекают внимание политиков и знакомят их с концептуальными разработками ученых. Третий – участие в закрытых совещаниях, на которые приглашаются наиболее известные учёные. В ходе подобных дискуссий университеты и аналитические центры оказывают влияние на принимаемые решения¹⁶.

Цель работы аналитических центров заключается в выдвижении планов действий для органов государственной власти, предложении эффективных мер реагирования на вызовы, возникающие в социальной, экономической и дипломатической сферах, а также в сфере национальной безопасности. Самыми влиятельными аналитическими центрами КНР на сегодняшний день являются Китайский институт современных международных отношений, Академия общественных наук КНР, Китайский институт международных исследований, Центр исследований развития Государственного совета, Институт международных и стратегических исследований в Пекинском университете и Шанхайский институт международных исследований¹⁷ [Комиссина 2012].

Перечисленные аналитические центры формируют основу экспертного сообщества, влияющего на принятие внешнеполитических решений. По словам Е.Н.

¹⁵ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ-КАОН № 20-514-93003 «Россия и Китай в мировом политическом пространстве: согласование национальных интересов в глобальном управлении».

* **Васильев Дмитрий Владимирович** – аспирант кафедры ТИМО РУДН, e-mail: vasiliev.dima2010@yandex.ru; **Виноградов Андрей Владимирович** – д.пол.н., профессор кафедры ТИМО РУДН, e-mail: vinogradov-a.v@mail.ru.

¹⁶ Yan Xuetong on Chinese Realism, the Tsinghua School of International Relations, and the Impossibility of Harmony // Theory Talks, November 28, 2012. URL: <http://www.theory-talks.org/2012/11/theory-talk-51.html> (accessed:11.12.2020).

¹⁷ 7 Chinese think tanks rank in world top 100 // China Daily, January 31, 2019. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201901/31/WS5c52cc9ea3106c65c34e79bb.html> (accessed: 11.12.2020).

Грачи́кова, «в центре внимания внешнеполитического анализа китайских экспертов остаются проблемы силы 权力 в международных отношениях – 23%, безопасности 安全 – 23%, международных механизмов 国际机制 – 17%, сотрудничества 合作 – 12%, международной морали 国际伦理 – 8%, культуры 文化 – 8%, союзов 联盟 – 6% и прав человека 人权 – 3%» [Grachikov 2019: 154-173; Грачи́ков 2019: 187-200]. В связи с тем, что такие понятия как «сила» и «безопасность» относятся к базовым понятиям школы реализма, мы можем сделать вывод, что это направление является одним из самых популярных в китайском экспертном сообществе.

Сущность концепции «баланс сил»

Концепция «*баланса сил*» является одной из ключевых в теории политического реализма, одним из создателей которой является Г. Моргентау. Баланс сил – это принцип, согласно которому государства осознанно или неосознанно стремятся к равному распределению власти для того, чтобы избежать превосходства одного из государств на международной арене. В XVI в. Великобритания проводила политику «балансирования» между Испанией и Францией для того, чтобы минимизировать угрозу островам со стороны двух европейских держав, в XVIII и XIX вв. она реализовывала в Европе политику, направленную на предотвращение появления одного гегемона, объединяя европейские страны против той, которая слишком усиливалась [Pirenne 1963: 429]. Термином «баланс сил» также принято описывать ситуации, сложившиеся в ходе противостояния итальянских государств на Аппенинском полуострове в XVI в., борьбу великих держав в XVIII в., «концерт европейских держав» после Наполеоновских войн, ситуацию накануне и после Первой и Второй мировых войн. Балансирование имеет несколько форм.

Одной из форм является «*прокси-балансирование*», означающее поддержку одной из воюющих сторон посредством передачи ресурсов, необходимых для ведения войны, в первую очередь вооружений [Nehon 2009: 20-23]. Целью является устранение регионального дисбаланса. Актор, использующий «прокси-балансирование», не включается в формальные альянсы, а его военная помощь может даже не изменить расклад сил в войне. Как следствие, коалиции обычно не принимают во внимание действия страны, осуществляющей «прокси-балансирование», поскольку единственное действие, которое предпринимает эта страна – это продажа оружия одной из сторон.

Одним из самых распространённых средств влияния является *балансирование с использованием экономических рычагов*. Например, государства, стремящиеся укрепить своё влияние в одной из стран, могут заключить соглашение со страной о предоставлении ей общественных благ, эквивалентных или больших тем, которые предлагаются другим государством или коалицией государств. Другим способом поддержания баланса сил с помощью экономических рычагов является введение экономических санкций с целью принуждения государства к проведению необходимой политики. Например, когда США или европейские государства в рамках проведения политики распространения демократии поставляли необходимые определенному государству товары, они могли рассчитывать на то, что это государство будет следовать в фарватере их политики и, в случае необходимости, голосовать вместе с США и европейскими странами в международных организациях.

Формой дипломатического балансирования является «связывание» (*binding*). В этом случае государство ограничивает возможности и потенциал другого актора с помощью международных институтов, договоров и соглашений. Одним из таких действий может быть создание коалиции, противостоящей государству, нарушившему баланс сил.

Последняя форма называется «разделяй и балансируй» (*divide-and-balance*) и применяется, когда баланс сил нарушен не усилением одной страны, а образованием сильной коалиции из нескольких слабых стран. Использование этой стратегии часто приписывают китайской дипломатии, которая на протяжении длительного времени успешно разрушала коалиции государств, объединявшихся против Китая. Суть стратегии «разделяй и балансируй» состоит в том, что государство стремится выбить несколько государств из коалиции и минимизировать тем самым степень угрозы. Например, оно может попробовать убедить союзников (или потенциальных союзников) своего противника отказаться от соглашения о сотрудничестве, остаться нейтральным или перевернуться на свою сторону. Эта цель достигается с помощью подкупа должностных лиц, применения угроз, апелляции к идентичности и пр. Таким образом, даже если государство-актор просто расширяет возможности третьей стороны для выхода из коалиции или снижает легитимность соблюдения третьей стороной обязательств перед коалицией, это уже увеличивает безопасность государства-актора, сокращая рычаги воздействия на союзника у своего главного противника. Одной из форм этой стратегии является поддержка вооруженных групп внутри государства для подрыва стабильности противника изнутри [Nexon 2009].

Стратегия «разделяй и балансируй» применялась чаще всего именно Китаем, поскольку принципы его внешней политики складывались в условиях, отличных от европейских. В то время как в Европе шла постоянная борьба относительно равных по силе государств, китайская империя на протяжении веков была самым сильным государством региона, и угрозу для неё представляли в большинстве случаев только племена или государства, объединившиеся в мощные коалиции. Метод разрушения коалиций изнутри был детально проработан Китаем. В решающей степени это было связано с тем, что в философских взглядах древнего Китая отношение к «силе» отличалось от европейского. Оно формировалось в первую очередь под влиянием идей конфуцианства и даосизма. Считалось, что слабость как человека, так и государства берёт начало в его силе, а потому стремление к усилению неизбежно ведёт к поражению. Таким образом, китайская философия привнесла новые особенности в понятия «сила» и «баланс сил» [Nexon 2009].

Понятие «сила» в древнекитайских трактатах

Прежде всего, необходимо отметить, что в основных китайских трактатах отношение к силе различалось. Например, в легизме «сила» рассматривалась, как то, к чему государство и армия должны стремиться. Понятие «сила» часто фигурирует в «Книге правителя области Шан», которая легла в основу идеологии легизма [Книга правителя... 1993]. Стоит отметить, что больше ни один из рассматриваемых трактатов не уделяет столько внимания понятию «сила». На 35 страницах текста иероглиф «сила» 力 повторяется 121 раз, иероглиф «сильный, мощный» 彊 – 134 раза, «сила, влияние, власть» 勢 – 31 раз.

«Сила» в легизме рассматривалась, применительно к трём сферам: государству, армии и народу. Утверждалось, что государство, в котором читают конфуцианские книги, слушают музыку, почитают старые порядки и родителей, будет легко уничтожено врагом. Сильное государство покоится на трёх китах: земледелии, торговле и управлении. Праздный образ жизни, стяжательство, слушание музыки, почитание предков и следование традициям размывают эти три столпа, на которых стоит сильное государство. «Если страна обессилена, но поощряет развитие знаний и способностей, она обречена на гибель»¹⁸.

Утверждалось, что сильное государство поддерживается сильным войском. Но сила войска поддерживается за счёт ослабления народа. «Если при помощи сильного народа напасть на сильного врага, то государство погибнет; если же, используя слабый народ, напасть на сильного врага, то государство будет владычествовать».

Объяснялось это следующим образом: «Когда народ силен, армия вдвое слабее; когда народ слаб, армия вдвое сильнее. Трусливый люд, подгоняемый наказаниями, непременно станет храбрым, а храбрый люд, вдохновляемый наградами, будет биться до смерти. Если трусливый люд станет храбрым, а храбрый будет сражаться, презирая смерть, страна не будет иметь себе равной, она [...] непременно добьется владычества в Поднебесной»¹⁹.

В источнике «Искусство войны» Сунь-цзы, «сила» рассматривается под другим углом. В китайском языке слово «сила» обозначается иероглифом 力 lì и используется в значении грубой физической силы. У Сунь-цзы «сила» используется в сочетании с другими иероглифами, например, 冲击力 – ударная сила. Говоря о важности манёвра, он сравнивает войско с рекой и приводит такой пример: «Быстрый речной поток может переносить большие камни, поскольку порождает огромную ударную силу (冲击力)».

В оригинале работы Сунь-цзы в отношении слова «сила» используется иероглиф 勢 shì и встречается в сочетании с другими иероглифами, образуя новые слова, например, 兵勢 (bīngshì), что переводится, как военная сила, военная мощь, военный потенциал; 任勢 rènshì – использовать обстановку; 势能 shìnéng – возможность, вероятность.

Помимо этого, в тексте несколько раз встречается иероглиф 强 qiáng, который также переводится как «сильный», «мощный», «твёрдый», «могущественный». Он используется в сочетании с антонимом «слабый» скорее, как философская категория, означающая «превосходство», «доминирование». У Сунь-цзы сила (强) второстепенна, она является лишь формой.

Таким образом, главный залог победы – это действие, манёвр. Только с помощью манёвра можно занять выгодное положение и нанести удар твёрдым по пустому²⁰. Удар твёрдого о твёрдое не гарантируют победы. Лишь удар по слабым точкам может ее гарантировать. Таким образом, сила является только физическим

---

¹⁸ 《商君书》(Книга правителя области Шан). URL: http://www.quanxue.cn/CT_Fa Jia/ShangJunIndex.html (дата обращения: 11.12.2020).

¹⁹ 《商君书》(Книга правителя области Шан). URL: http://www.quanxue.cn/CT_FaJia/ShangJunIndex.html (дата обращения: 11.12.2020).

²⁰ 《孫子兵法今譯》(Искусство войны). URL: <https://www.ifreesite.com/scriptures/sunzi.pdf> (дата обращения: 11.12.2020).

свойством и не гарантирует победы. Чтобы победить, не обязательно быть сильнее, важно быть сильнее в данном конкретном месте.

Из этих, традиционных китайских представлений вытекает особая целостная картина мира. Беспорядок рождается из порядка, трусость рождается из храбрости, слабость рождается из силы. Порядок и беспорядок – это число; храбрость и трусость – это мощь; сила и слабость – это форма.²¹ Форма у войска подобна воде: форма у воды – избегать высоты и стремиться вниз; форма у войска – избегать полноты и ударять по пустоте.

Таким образом, согласно Сунь-Цзы, сила является в то же время и слабостью - поскольку она твёрдая, то имеет форму, которая и является ее уязвимым местом. Многочисленное войско можно победить, так как оно имеет форму, а значит и слабые стороны организации. Чем меньше армия, тем она подвижнее и манёвреннее, а значит, при правильном использовании легко добьётся победы.

Показательно, что только в последнем трактате понятию «сила» уделяется внимание. В двух других философских школах – конфуцианстве и даосизме – «сила» не является объектом особого внимания. К иероглифам, обозначающим «силу», обращаются достаточно редко, преимущественно в переносном, иносказательном смысле.

Конфуцианство представляет собой этико-философское учение, разработанное Конфуцием и систематизированное его последователями. Существует два набора текстов, представляющих конфуцианскую традицию: Четверокнижие и Пятикнижие. Большая часть книг посвящена традициям, ритуалам, толкованию знаков. Есть исторические хроники «Чуньцю», сухо пересказывающие последовательность событий периода «Весен и Осеней». Вместе эти книги создают основу конфуцианского мировоззрения и идеологии.

В рамках конфуцианства внимание уделяется не власти и силе, а иерархии, традициям и почитанию. В отличие от легистов конфуцианцы утверждали, что легитимность власти должна опираться не на силу и жестокие законы, а на установление общественного порядка с помощью «ритуалов»²². Институционализация ритуалов позволяет оправдать определенный порядок, который представляет собой желание или привычку людей подчиняться и, таким образом, пропадает необходимость применять силу сверх меры. Таким образом, «иерархия» подменяла собой «силу». Считалось, что император, будучи «Сыном неба», обязан заботиться о своём народе, как отец заботится о своих детях. По отношению к чужим народам император должен относиться, как отец относится к заблудшим детям – то есть наставлять их на путь истинный, учить конфуцианскому канону и морали.

Вторым важным пунктом в характере власти было следование принципу «недеяния». В вопросе организации власти и общества легизм и конфуцианство расходились кардинально. Однако по вопросу «недеяния» взгляды конфуцианцев совпадали с точкой зрения представителей другой философской школы – даосизма. Нужно отметить, что в даосизме вопрос государственного устройства с точки зрения

---

²¹ Там же.

²²干春松: 儒家制度化的形成和基本结构 (ГаньЧуньсун: форма и основная структура конфуцианской системы). URL: <http://www.aisixiang.com/data/28788.html> (дата обращения: 11.12.2020).

«силы» не находится в центре внимания. Даосизм – одно из основных течений традиционной китайской философской мысли. В его основе учения книга «Дао дэ цзин», название которой на русский язык можно перевести как «Книга о Пути и добродетели». Слово «дэ», указанное в названии, записывается иероглифом 德 dé. «Дэ» является одной из центральных категорий китайской философии и переводится на русский как «добродетель», «нравственность», «мораль», «милость», «истина», «высший идеал».

В оригинальном тексте трактата «Дао дэ цзин» слово «сила» в значении 力 используется лишь два раза: «Тот, кто знает людей, мудр, тот, кто знает себя, ясен духом, тот, кто побеждает людей, силен»²³. Второй случай употребления слова «сила» – в 68 главе: «Вот что называется не бороться с тем, что выше тебя, вот что называется уметь использовать тех, кто сильнее. Вот что называется действовать согласно воле Неба, согласно высшему началу, которое существует от века».

Как мы видим, слово «сила» используется в «Дао дэ цзин» косвенно, как вспомогательный инструмент. Основное внимание в этой философии уделяется пути, традициям и ритуалам, позволяющим достичь бессмертия. В вопросе устройства государственной власти ключевым является принцип «недеяния», означающий невмешательство правителя в естественный ход вещей.

Философские школы оказали огромное влияние на формирование отношения к «силе» в политической мысли Китая, в результате чего «сила» рассматривалась через свою противоположность – «слабость». Считалось, что «сила» порождает слабость, а потому на внешней арене следует стремиться к достижению цели не через усиление, а через манёвр, через ослабление противника.

Современные подходы к понятию «баланс сил»

Необходимость пересмотра отношения к «силе» и ее роли в международных отношениях появилась в XIX в. после того, как Китай потерпел несколько поражений в войнах с европейскими государствами. Однако всеобъемлющее исследование западных подходов к международным отношениям началось в 1980-х годах в период реализации политики «реформ и открытости». К началу XXI в. в китайской политической мысли сформировалось несколько подходов к концепции «баланса сил».

Одним из самых важных постулатов, из которых исходят китайские учёные – это неизбежность возвышения Китая. Го Шуюн проанализировал опыт роста западных держав с точки зрения международной политики и социологии и пришёл к выводу, что возвышение государств необходимо для стимуляции роста социального благополучия [Го 2009]. Следуя этой логике, неизбежность обретения Китаем нового глобального статуса приводит к мысли о необходимости выработки шагов, которые помогли бы ему избежать конфликта с нынешними мировыми лидерами. Китайский учёный Сунь Сюэфэн в своих работах подверг критике теорию реализма за её подход к транзиту власти от действующего гегемона к возвышающейся державе, согласно которому конфликт между государствами, угодившими в «ловушку Фукидида», неизбежен [Сунь 2005]. Основываясь на историческом опыте возвышения государств,

---

²³道德经 (Дао дэ цзин). URL: <https://www.daodejing.org/> (дата обращения: 11.12.2020).

Сунь Сюэфэн утверждал, что конфликта можно избежать, если возвышающаяся страна выбирает правильную стратегию и «сглаживает углы» [Сунь 2011].

С другой стороны, значительное число китайских ученых заимствовало и активно использует в своих построениях понятие «баланса сил». Так, распространено мнение, что нарушение баланса сил может быть выгодно и для гегемона, и для возвышающейся страны. Китайский учёный Ян Юань, исходя из предпосылки, что государства соревнуются друг с другом мирно, пришёл к выводу, что мирное противостояние выгодно обеим странам. Таким образом, нарушение баланса сил ведёт к конкуренции между странами и, как следствие, идёт на благо обеим странам [Ян 2017].

Некоторые китайские учёные рассматривают баланс сил как эффективную систему сдержек и противовесов, основанную на экономической выгоде. Так китайский учёный Чэнь Ци построил модель, доказывающую, что наиболее эффективная система сдержек и противовесов базируется на экономических выгодах и помогает поддерживать статус-кво [Чэнь 2004]. Он утверждал, что после «холодной» войны государства вынуждены были выбирать между созданием системы сдержек и противовесов, проведением политики «подражания» государству-лидеру и противостоянием с США. С сожалением Чэнь Ци отмечал, что государства после «холодной» войны не выстроили эффективную систему сдержек и противовесов для противостояния гегемонистской политике США. Это вело либо к признанию глобального лидерства США, либо к противостоянию с ними.

Вэй Цзунью исследовал, какие обстоятельства вынуждают государства нарушать баланс сил, как страна реагирует на внешние угрозы, а также каким образом число центров силы, географическое положение, политические взгляды и убеждения лиц, принимающих решения, влияют на политику государств, приводящую к нарушению баланса сил [Вэй 2010].

Чжу Цзецзинь стремился объединить реализм и либеральный институционализм для создания концепции, которая позволила бы объяснить «институциональную конкуренцию» между великими государствами, приводящую к нарушению баланса сил. Помимо этого, Чжу Цзецзинь исследовал участие Китая в международных институтах и его внутреннюю политику, влияющую на принятие решений [Чжу 2011]. Таким образом, китайский учёный использовал институциональный подход на стыке реалистического и либерального подходов, стараясь объективно исследовать процессы, происходящие в мире.

Исследование понятия «баланс сил» нашло наиболее яркое отражение в работах Янь Сюэтуна, разработавшего теорию «морального реализма», сочетающую традиционные китайские взгляды и современные западные подходы. Создавая эту теорию, он стремился ответить на ключевой вопрос – как будет происходить трансформация международной системы в условиях возвышения Китая, которое неизбежно ведёт к столкновению между КНР и США. Второй вопрос, на который необходимо дать ответ – может ли Китай достичь своих целей мирным путём.

Янь Сюэтун, исследовавший «Пре-цинские размышления китайцев о международных отношениях» [Xuetong 2013], утверждает, что ситуация в современном мире похожа на ту, которая была в Китае периода «Весен и Осеней» и «Сражающихся царств». Он проводит параллели между США после «холодной войны» и династией Западная Чжоу, чья гегемония в итоге рухнула. Однако на этом

аналогия перестает действовать. Тот исторический период в Китае характеризовался непрерывными войнами. Сегодня, считает Янь Сюэту, война между США и Китаем невозможна, поскольку лидеры обоих государств понимают, что использование ядерного оружия приведет к катастрофическим последствиям, и победителей в такой войне не будет. Выход, который предлагает китайский учёный, – политическое противостояние. КНР должна выработать политику, соответствующую нормам морали, что выгодно бы отличало Китай от США и помогло ему стать лидером.

Выделяя три типа власти – тиранию, гегемонию и моральную власть – он утверждает, что США являются классическим гегемоном, а Китай должен стремиться получить власть, опираясь на моральный авторитет. При всех трёх типах власти государства опираются на военную силу, но только моральная власть обеспечивает легитимность применения силы. Для этого КНР, прежде всего, должна отказаться от принципа «не вхождения в союзы» (不结盟战略) и сформировать свой блок поддерживающих его государств. Затем необходимо нарастить военную мощь и начать проводить более активную внешнюю политику, но ограниченную моральными нормами.

Янь Сюэту отмечает, что нормы нужны не столько для управления, сколько для сдерживания других государств и принуждения их к мирному поведению. Однако сейчас, как отмечает Е.Грачиков, «ценностные ориентации Китая не всегда воспринимаются другими странами как достаточные и необходимые для замены существующих универсальных ценностей мировой системы» [Грачиков 2019: 83-93]. Сегодняшние международные нормы не могут обеспечить мир и стабильность, поэтому, китайский учёный отмечает, что такая моральная власть должна сама разрабатывать и внедрять столь необходимые новые нормы. Для создания новых международных норм существует три способа. Первый: «Сделать себя примером», то есть сделать себя образцом для всего мира. Второй: «наказать тех, кто нарушает нормы»; и третий: «защищать и поощрять тех, кто соблюдает нормы». Если государство не может достичь своей цели, просто подавая пример, тогда приемлем второй подход.

Заключение

Политическая мысль Китая формировалась в условиях, отличающихся от европейских. Китай на протяжении веков был единственным мощным государством, с политической, военной и экономической силой которого не могла тягаться ни одна соседняя страна. Самой серьёзной угрозой для китайской империи были коалиции племён и государств, наносившие огромный урон стране в периоды её политической слабости. В связи с этим развитие получила одна из форм балансирования, не уравнивающая существующий альянс созданием другого, а сводящаяся к разрушению изнутри враждебных коалиций.

Теперь, оказавшись уже не гегемоном, а возвышающейся страной, противостоящей действующему мировому лидеру, Китай столкнулся с необходимостью выработки новой стратегии. Изучая понятие «баланса сил», китайские учёные исходят из аксиомы, что возвышение КНР, а значит и соперничество с США, неизбежны. Многие учёные увязывают подъем Китая с его стратегическими

потребностями. С одной стороны, утверждается, что Китаю необходимо попытаться избежать столкновения с Соединёнными Штатами, сглаживая углы и не идя на конфликт. С другой стороны, что мирное противостояние между КНР и США желательно, так как оно будет полезно обоим государствам, но при этом чрезвычайно важно не допустить военного столкновения между государствами. Китайские учёные стараются ответить на главный вопрос – каковы будут последствия неизбежного противостояния с США для КНР, и как Китаю следует к ним готовиться и на них реагировать.

На сегодняшний день одной из самых проработанных теорий, отвечающих на данный вопрос, является теория «морального реализма», разработанная Я. Сюэтуном. Согласно его теории, Китай должен продолжать невоенное противостояние с США и занять место гегемона, став более привлекательным лидером. Для этого КНР должна обладать «моральной властью» и управлять, опираясь на новые принципы. Китаю нужно выработать концепцию норм поведения, альтернативную существующим, создать блок лояльных Китаю государств, стать примером для подражания и следить за исполнением моральных норм.

Идея «морального реализма» своими корнями уходит в традиционную китайскую философию. Подобный патернализм был свойственен китайской политической мысли. В китайской империи считалось, что император, являясь Сыном Неба, должен заботиться о своём народе, как отец о детях, и просвещать другие народы, которые могут стать цивилизованными, только приняв конфуцианские нормы. «Сын Неба» должен следить не только за исполнением норм другими странами, но и за тем, чтобы оставаться самому моральным примером. Последнее гораздо важнее, чем военная сила, поскольку согласно традиционным китайским представлениям, если сам «Сын Неба» перестаёт придерживаться конфуцианских норм, то он автоматически лишается «Небесного Мандата» на управление и теряет власть. Таким образом, в наше время Китай пытается сформулировать один из возможных ответов на «Ловушку Фукидида», стремится найти способ мирным путём занять место мирового лидера и построить новый, более справедливый мир и международный порядок. И в решении этой задачи активно использует подходы традиционной китайской политической мысли.

Список литературы

Грачиков Е.Н. Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения 2019. 19 (02). С. 187—200. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200

Грачиков Е.Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993–2018) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. 63 (03). С. 83-93.

Книга правителя области Шан. / Л.С.Переломов (пер.). М.: Ладомир, 1993. 392 с.

Комиссина И.Н. Научные и аналитические центры Китая. М., РИСИ. 266 с.

Grachikov Y.N. Chinese School of International Relations. How Theory Creates Diplomatic Strategy and Vice Versa // Russia in Global Affairs. 2019. 17 (02). P. 154-173.

Nexon D. The Balance of Power in the Balance // World Politics. 2009. 61 (02). P. 330-359. DOI: 10.1017/S0043887109000124

Pirenne J. The Tides of History: From the Expansion of Islam to the Treaties of Westphalia. Volume II. London: Routledge, 2006. 736 p.

Xuetong Y. Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power. Princeton: Princeton University Press, 2013.

孙学峰: «战略选择与崛起成败», 清华大学博士论文, 2005 年(Сунь Сюэфэн: «Выбор стратегии и успех или неудача возвышения»). Doctoral Dissertation of Tsinghua University, 2005.

孙学峰: «中国崛起困境:理论思考与战略选择», 北京:社会科学文献出版社 2011 年版(Сунь Сюэфэн: «Сложности подъема Китая: теоретическое мышление и стратегический выбор») // Social Science Academic Press, 2011.

郭树勇: «大国成长的逻辑:西方大国崛起的国际政治社会学分析», 北京大学出版社 2006 年版(ГоШуюн: «Логика становления великих держав: социологический анализ международной политики возвышения западных держав»). Peking University Press, 2006.

杨原: «大国无战争时代的大国权力竞争», 北京:中国社会科学出版社 2017 年版(Ян Юань: «Конкуренция великих держав за власть в эпоху отсутствия войн между великими державами»). China Social Science Press, 2017.

陈琪: «遏制与绥靖:大国制衡行为分析», 西安:陕西人民出版社 2004 年版(Чэнь Ци: «Сдерживание и умиротворение: анализ сдерживающего и уравнивающего поведения великих держав»). Xi'an: Shanxi People's Publishing House, 2004. URL: <http://m.houhaiwang.com/book/105600/00001.html>. (accessed: 11.02.2020).

韦宗友: «霸权阴影下的对外战略», 上海人民出版社 2010 年版(Вэй Цзунью: «Внешняя стратегия под тенью гегемонии») // Shanghai People's Publishing House, 2010.

朱杰进: «国际制度设计:理论与案例», 上海人民出版社 2011 年版(Чжу Цзецзинь: «Дизайн международного порядка: теория и примеры») // Шанхайское народное издательство, 2011.

1.4. КОНЦЕПЦИЯ «АМЕРИКАНСКОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ» В ОЦЕНКАХ КИТАЙСКИХ ЭКСПЕРТОВ²⁴

Н.В. Ивкина, А.А. Черняева, М.С. Черняев*

Идея «американской исключительности» может рассматриваться в нескольких плоскостях: как идеологический концепт, как миссия, как философская идея. Многообразие подходов к трактовке понятия порождает необходимость ее рассмотрения как с исторической точки зрения, так и в рамках теоретического осмысления.

Истоки формирования исключительности кроются в истории создания американского государства в 20-х гг. XVII в. В это время в Северную Америку начали свое переселение пуритане – английские протестанты, которые не признавали авторитет Англиканской Церкви. Основной целью их переселения было желание распространить христианскую веру, основать новое государство справедливости, так называемый «град на холме». Важной причиной миграции европейцев в Северную Америку являются также войны в Европе, в частности одна из самых кровопролитных – Тридцатилетняя война (1618-1648 гг.). Европейские мигранты того времени рассматривали свое переселение в Северную Америку как шанс начать новую жизнь в новом государстве со справедливыми законами, в связи с чем считали себя «богоизбранным народом».

В 1775 г. в Северной Америке началась война за независимость британских колоний, которые в 1776 г. провозгласили создание нового государства – Соединенных Штатов Америки. Появление нового государства ознаменовалось принятием первого важного документа в истории США – Декларации независимости, которая стала первым доктринальным документом, закрепившим претензии американской политической элиты на «исключительность». Она проявилась в провозглашении «готовности народа североамериканского континента обрести независимость и начать борьбу против британской метрополии²⁵. Необходимость постоянной ссылки на безусловное отличие американского народа от европейского была обусловлена отсутствием единой национальности у населения бывших колоний. В отличие от самих европейцев, которые в XVIII в. пошли по пути усиления отдельных национальных единиц внутри региона, то американский подход отличался обобщением ценностей и созданием общих черт, присущих новой нации.

Эта идея отразилась и в последующих документах, принимаемых в США. В 1823 г. президент страны, Дж. Монро, сформулировал доктрину, согласно которой американский континент провозглашался зоной ответственности США, закрытой от вмешательства европейских стран. Доктрина закрепляла принцип «Америка для американцев»²⁶, а США фактически объявили себя «хозяевами» Западного полушария.

²⁴ В данном материале использованы фрагменты статьи [Ивкина, Трусова, Черняев 2019].

* **Ивкина Наталья Викторовна** – к.и.н., ст. преп. кафедры ТИМО РУДН, e-mail: ivkina-nv@rudn.ru; **Черняева Александра Андреевна** – магистрант кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Международные отношения», e-mail: 1032193936@pfur.ru; **Черняев Михаил Сергеевич** – магистрант кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Международные отношения», e-mail: 1032152269@rudn.ru.

²⁵ United States Declaration of Independence, 1776. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript> (accessed: 10.12.2020).

²⁶ Monroe Doctrine, December 2, 1823 // Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/event/Monroe-Doctrine> (accessed: 10.12.2020).

Во всех последующих речах американских лидеров, а также во многих документах отражается идея уникальности американского положения в мире, особая форма демократии, необычный способ борьбы за государственность и национальность. В речи американского президента А. Линкольна 1863 г. прозвучало следующее: «Восемь десятков и семь лет назад наши отцы образовали на этом континенте новую нацию, зачатую в свободе и верящую в то, что все люди рождены равными»²⁷. Основной задачей США, прошедших через гражданскую войну 1861-1865 гг. стало укрепление государственности, в связи с чем США были привержены изоляционизму во внешней политике, поэтому идея «американской исключительности» была временно оставлена.

В начале XX века президент США Т. Рузвельт закрепил принцип «Америка для американцев» в идейном продолжении Доктрины Монро – «дипломатии канонерок», которая представляла собой военно-политический курс, нацеленный на демонстрацию силы и достижение целей внешней политики с применением военно-морского флота (канонерка – небольшой боевой корабль с артиллерийским вооружением).

По окончании Первой мировой войны американский президент Вудро Вильсон представил проект мирного договора, получивший название «14 пунктов»²⁸. Четырнадцатый пункт провозглашал идею создания объединения государств с целью предоставления взаимных гарантий политической независимости и территориальной целостности как крупным, так и малым государствам – так появилась идея создания Лиги Наций, и принадлежала она именно американскому лидеру. Не сумев установить полный контроль над Лигой Наций, которая, по мнению США, стала политическим орудием таких крупных метрополий, как Франция и Великобритания, США вновь отошли к принципу изоляционизма. Однако начавшаяся в 1939 г. Вторая мировая война стала для государства еще одним шансом возвращения на мировую политическую арену в числе лидеров. По окончании войны в 1945 г. США не только вышли из нее победителем, но и стали сверхдержавой наравне с другой страной-победительницей – СССР. После этого принцип «американской исключительности» предполагал особую миссию – сдерживание распространения коммунизма в мире, продвижение идеалов демократии. Эти идеи были закреплены в Доктрине Трумэна 1947 г.²⁹, согласно которой США намеревались оказать экономическую поддержку властям Греции и Турции, которые боролись с коммунистами; Доктрине Эйзенхауэра 1957 г.³⁰, которая предполагала оказание помощи любой ближневосточной стране с целью предотвращения ее попадания в руки коммунистов и провозглашала Ближний Восток зоной жизненно важных интересов США.

В период 1960-х – 1980-х гг. были приняты стратегически важные для США документы, в которых так или иначе затрагивался вопрос сохранения «американской исключительности». К ним можно отнести «принцип домино», а также доктрину Рейгана, направленные на борьбу с превращением стран Юго-Восточной Азии и ряда

---

²⁷The Gettysburg Address, 1863. URL: <https://www.nps.gov/abli/learn/education/upload/UpdatedGettysburgAddress.pdf> (accessed: 10.12.2020).

²⁸ President Woodrow Wilson's Fourteen Points, 1918. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/wilson14.asp (accessed: 10.12.2020).

²⁹ Truman Doctrine, 1947. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/trudoc.asp (accessed: 10.12.2020).

³⁰ Eisenhower Doctrine, 1957. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-5-1957eisenhower-doctrine> (accessed: 10.12.2020).

других регионов мира в социалистические государства. С распадом СССР в 1991 г. и качественными изменениями в расстановке сил на мировой политической арене США взяли курс на построение однополярного мира и позиционировали себя единственной оставшейся сверхдержавой. Здесь концепция «американской исключительности» должна была помочь укрепить американский образ.

Обоснование «исключительности»

Само оформление «американской исключительности» как философского или научного концепта стало формироваться еще в 30-х годах XIX в. В частности, в 1830-е гг. французский философ и политик А. де Токвиль издал книгу «Демократия в Америке», в которой он отмечает, что «исключительное положение, в котором американцы оказались, является уникальным и едва ли какой-нибудь другой демократический народ сможет когда-либо оказаться в подобной ситуации» [De Toqueville 2006]. Однако понятие «исключительности» у Токвиля было крайне необычным для его времени. В частности, его тезис о демократии опирался на законы, институты и религию, царившие в тот момент в США. Исследование механизмов их функционирования привели автора к выводу о том, что единственным фактором, определяющим американский вектор развития, является равенство условий.

Взгляд Токвиля совпадает с современным представлением либерально-идеалистической парадигмы международных отношений на «американскую исключительность». Представители этого направления полагают, что стоит переориентировать понимание исключительности с понимания ее как «отличной от других государств» на понимание того, что «она обычная страна, идущая в ногу со временем, с развитыми демократиями, она – главная мировая держава, которая заботится о мировом сообществе, разрабатывает универсальные стандарты права» [Walt 2011]. В самом американском дискурсе таких взглядов придерживаются консерваторы, которые склоняются к позиционированию американского государства как хранителя «универсальных ценностей». В реальном политическом курсе страны идея отражается в основах формирования внешнеполитического курса демократической партией.

Так, например, пришедший к власти в США в 2009 г. Б. Обама, как представитель демократической партии, в большей мере, чем его предшественники, следовал принципу «американской исключительности». Как и большинство американских политиков, Обама в выступлениях обращался к теме отцов-основателей США, их важности для его общественной деятельности [Касаткин, Ивкина 2017]. В своей книге будущий президент писал: «символами гражданской религии являются именно отцы-основатели, а также президенты США, которые в трудные моменты берут на себя ответственность за судьбу народа и вносят крупный вклад в становление американской государственности». А. Линкольн, Т. Джефферсон соединили в своих постулатах идеи свободы и равенства с понятиями христианского жертвоприношения, смерти и возрождения³¹. Подтверждение своих слов американский президент дал в 2013 г., когда он выступил с речью в ходе заседания Генеральной Ассамблеи ООН, отметив следующее: «...некоторые могут не согласиться, но я верю в

---

³¹ *Obama B.* Change we can Believe in: Barack Obama's Plan to Renew America's Promise. New York: Three Rivers Press, 2008. 279 p.

исключительность Америки – частично потому, что мы показали свою готовность, через принесение в жертву своей крови и достатка, защищать не только наши собственные узкие интересы, но и интересы всех»³².

Другое понимание «американской исключительности» у республиканцев. Например, предвыборная кампания Д. Трампа была озаглавлена известным всем лозунгом “Make America great again”. При Д. Трампе США также стремятся как можно больше распространить свое влияние в мире, подчеркивая отличия американского государства от других стран мира. Это отражается в противостоянии развитию ядерной программы КНДР, возвышению КНР, с которой США начали торговую войну, а также в выходе из соглашений, невыгодных государству (Парижское соглашение по климату, ДРСМД).

Таким образом, «американская исключительность» в том или ином виде присутствует в дискурсе обеих партий США, но интерпретация и подход к данному концепту имеют отличительные черты. Если демократы отдают предпочтение «исключительности» как феномену, служащему фактором подражания американским ценностям, то республиканцы видят «исключительность» как способ выделения американской нации из многообразия этносов в мире.

Китайский взгляд

Что касается подходов различных стран мира к концепции «американской исключительности», то стоит отметить, что они также неоднородны. В частности, страны Европы, в большей степени связанные с США через договор военно-политического блока НАТО, гораздо легче мирятся с идеями американского превосходства, чем государства, чья политика тесно не связана с американской. В этой связи особый интерес представляет подход Китайской Народной Республики, которая занимает важное место в политическом дискурсе США.

Кроме того, двусторонние отношения КНР и США оказывают значительное влияние на мировую политику и мировую экономику в целом. Эти отношения в разные периоды времени представляются для сторон как взаимной выгодой, так и полем для серьезной конкуренции. В настоящее время китайско-американские отношения осложнены рядом противоречий, особенно острые из них связаны с факторами Тайваня и Тибета, а также с экономическим конфликтом, начавшимся между двумя странами в 2018 г. Ввиду всего вышеизложенного, стоит отметить, что конфликты между этими двумя государствами могут повлечь серьезные последствия для международной безопасности.

В то же время КНР рассматривает США в качестве угрозы национальным интересам, а также миру и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это неоднократно подчеркивалось в Белых книгах правительства Китая. В 2004 г. была опубликована Белая книга «Национальная оборона Китая», в которой подчеркивалось, что «Соединенные Штаты реорганизуют и усиливают свое военное присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, усиливают НАТО, продолжают развертывание систем противоракетной обороны»; «Соединенные Штаты неоднократно заявляли о своей приверженности политике одного Китая, соблюдении

---

³² Цит. по. *Олмстед Г. И снова об американской исключительности* // ИноСМИ, 25.09.2013. URL: <https://inosmi.ru/world/20130926/213318684.html> (дата обращения: 10.12.2020).

трех совместных коммюнике и оппозиции политике Тайваня по достижению независимости. Тем не менее, США продолжают увеличивать количество оружия, продаваемого на Тайвань, и посылают властям Тайваня неверный сигнал, что не способствует стабильности ситуации в Тайваньском проливе»³³. В контексте этого можно говорить о том, что недоверие Китая к американскому взгляду на конфликты в АТР будет только возрастать. Согласно доктринальному документу, Китай может рассматривать США как государство, претендующее на безраздельное влияние в регионе в том числе и за счет своей политики исключительного превосходства над региональными игроками.

В Белой книге 2017 г. «Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» отмечается, что Китай «берет на себя обязательство работать с Соединенными Штатами над созданием новой модели отношений между крупными странами на основе приверженности избегания конфликтов и конфронтации, взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества»³⁴, а также уделяется значительное внимание рассмотрению китайско-американских отношений. Подчеркивается, нормализация двусторонних отношений с 2015 г., а также достижение сторонами нового прогресса. Обе страны поддерживают координацию в процессе сотрудничества в АТР посредством двусторонних обменов и соответствующих механизмов. Страны сотрудничают по региональным и глобальным вопросам, включая изменение климата, борьбу с терроризмом, защиту морской среды. Кроме того, отмечается готовность Китая содействовать устойчивому, надежному и стабильному развитию двусторонних отношений и работать с новой администрацией США (администрацией Д. Трампа).

Однако несмотря на отсутствие агрессивной риторики в Белой Книге Китая, очевидно, что доверия американской стороне от Китая ждать не стоит. По мнению американского историка Барбары Тухман, проблемы китайско-американских отношений зарыты в истории XX в. По ее мнению, «если бы правительство США воспользовалось возможностью подружиться с Мао во время Второй мировой войны, оно могло смягчить радикализм Мао и предотвратить войны во Вьетнаме и Корее» [Tuchman 1972]. Отвечая на вопрос, почему американское правительство этого не сделало, автор утверждает, что на тот момент США не рассматривали марксистско-ленинские взгляды Китая как нечто, способное построить будущее страны без учета американских интересов. Последующие работы китайских и западноевропейских исследователей опровергли эту теорию, но признание глубокой патерналистской напряженности во взглядах США на Китай не отрицается до сих пор.

Потенциально это связано с углублением экспансионистской политики США в отношении Китая после прихода к власти Дональда Трампа. Об этом говорят заметно ухудшившиеся в 2018 г. отношения ввиду наличия торгово-экономических противоречий и начавшаяся вследствие этого торговая война. В связи с этим в сентябре 2018 г. руководство КНР выпустило новую Белую книгу, посвященную непосредственно отношениям США, под названием «Китайско-американские торгово-

---

³³ «2004 年中国的国防» 白皮书 (Белая книга 2004 г. «Национальная оборона Китая»). URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2004/Document/307905/307905.htm> (дата обращения: 12.12.2020).

³⁴ «中国的亚太安全合作政策» 白皮书 (Белая книга «Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе») URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/36088/Document/1539911/1539911.htm> (дата обращения: 12.12.2020).

экономические противоречия и позиция Китая». Согласно документу, с момента установления дипломатических отношений двусторонние торгово-экономические связи между Китаем и США последовательно развивались. Налажено тесное партнерство, из которого извлекли выгоду обе стороны и весь мир. С момента вступления в должность Д. Трампа в 2017 г. новая администрация Президента США провозгласила лозунг «America first» и впоследствии отказалась от основополагающего принципа взаимного уважения. Действиям США присуща односторонность, протекционизм и экономическая гегемония, а также выдвижение ложных обвинений против различных стран и регионов – особенно против Китая, запугивание стран с помощью экономических мер, таких как введение тарифов на ввоз товаров и санкций. Американская сторона противоречит сама себе и постоянно бросает вызов Китаю. В результате за короткий промежуток времени торгово-экономические трения между обеими сторонами серьезно усилились, нанеся серьезный ущерб экономическим и торговым отношениям³⁵.

Рассмотрение Белых книг правительства Китая позволяет судить о том, что КНР признает важность развития китайско-американских отношений для всей системы международных экономических и политических отношений, однако в двусторонних отношениях государств есть ряд серьезных проблем: торгово-экономические трения, фактор Тайваня (правительству которого США осуществляют поставки оружия) и Тибета (нарушение прав человека, в котором осуждают США, что рассматривается КНР как вмешательство во внутренние дела), фактор усиления военного присутствия США в АТР и др. Многие эти факторы исходят от проводимой США внешней политики, основывающейся на приверженности принципа «американской исключительности» и американской гегемонии.

В научных исследованиях китайские авторы также уделяют значительное внимание рассмотрению «американской исключительности», что неудивительно, так как, во-первых, как уже было отмечено, США являются серьезным конкурентом для Китая не только в экономической, но и политической сферах. США стремятся распространить свое влияние в АТР, что идет вразрез с интересами Китая. Подходы двух стран к проблемам в сфере безопасности сталкиваются также и в других регионах, например, в Центральной Азии и Африке.

Во-вторых, понятие «исключительности» не является новым для китайской идеологии. В Китае подобная концепция появилась значительно раньше, чем в США: она обосновывает ведущую роль Китая в регионе в течение двух последних тысячелетий. Речь идет о концепции «китаецентризма» (中国中心主义), в соответствии с которой центром всей цивилизации, культуры, философии является Китай, а остальной мир наполнен «варварами». Роль Китая состоит в просвещении так называемых «варваров». Переходя к анализу китайских подходов к «американской исключительности», стоит определить, как китайские исследователи интерпретируют это понятие.

Хань Сяося в своем исследовании «Анализ влияния исключительности на американскую внешнюю политику» утверждает, что «идеология исключительности –

---

³⁵ «关于中美经贸摩擦的事实与中方立场» 白皮书 (Белая книга «Китайско-американские торгово-экономические противоречия и позиция Китая»). URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/37884/Document/1638295/1638295.htm> (дата обращения: 12.12.2020).

это культурно-цивилизационный идеал американской нации, а также американская самоидентификация. По мнению американцев, Соединенные Штаты – уникальная страна с особой ролью в истории человечества, которая является не только особенной, но и превосходящей» [Сяоя 2017]. При этом такой подход вступает в конфликт с понятием «китайской исключительности». Речь идет о том, что Китай также претендует на то, чтобы быть исключительным государством. Об этом говорит само название страны – 中国, что означает «Срединное государство». Есть и второе название – «Поднебесная (天下)», которое также подчеркивает готовность Китая занять место исключительного актора.

Чан Цзяньжо утверждает, что исключительность стала мощной, влиятельной доктриной в США. Он определяет «американскую исключительность» как качественное отличие США от других стран мира ввиду выгодного географического положения, национального происхождения, культурного развития, значительного прогресса во всех сферах жизни общества. Однако, по мнению автора, в нынешних реалиях усиливающегося экологического кризиса, глобальной борьбы с терроризмом, изменения миропорядка в сторону многополярности доминирующее положение США в мире постепенно сокращается, возвышаются другие державы, а «американская исключительность» подвергается сомнению группой социологов и мыслителей [Цзяньжо 2015].

Чэнь Айхуа и Жэнь Чэньчэнь в своей статье «Кровавый меридиан»: анализ и критика «американской исключительности» [Айхуа, Чэньчэнь 2015] определяют «американскую исключительность» как изначальный образ того, как интерпретировали себя американцы, в соответствии с которым американская нация взяла на себя священную миссию по распространению ценностей и идеалов демократии во всех уголках мира. Интересным представляется то, что за основу своего исследования авторы статьи берут роман американского писателя К. Маккарти «Кровавый меридиан», утверждая, что в этом романе фактически развенчивает миф об «американской исключительности». Действие романа разворачивается в Северной Америке середины XIX века. Главный герой покидает дом и присоединяется к отряду «охотников за скальпами», истребляющему индейцев ради трофеев на границе Мексики и США. В результате за отрядом начинают охоту военные с целью остановить их действия. По мнению авторов статьи, «Кровавый меридиан» на первый взгляд кажется простой приключенческой историей, однако он имеет глубокую коннотации и философский смысл, из которых следует критика и развенчание концепции «американской исключительности». Отряд «головорезов» считает себя командой «рыцарей», имеющих особое право на то, что они делают, но на деле это жестокие убийцы. В этом и заключается, по мнению авторов, смысл произведения: это не романтическая легенда об американском национальном духе, а настоящий «исторический кошмар».

Цзэн Жуйжуй в исследовании «Другая интерпретация влияния концепции исключительности на внешнюю политику США» указывает, что идея исключительности формирует национальную самобытность США, положение государства в мировом сообществе и влияет на внешнюю политику страны. Согласно концепции «американской исключительности», Соединенные Штаты поддерживают ценности свободы и демократии, которые были даны Богом, и продвигают их во всех

уголках мира, активно участвуя в мировых делах. Основной движущей силой «американской исключительности», по мнению автора, является религиозная составляющая, а именно то, что США наделены небесами особой ролью в мире, что привело к расширению влияния страны и вовлечению ее в дела других государств, чтобы помочь им стать такими же, как они сами. Сочетание религии и политики создало образ «американской исключительности», заставив американцев думать, что Соединенные Штаты являются «моделью» мира [Жуйжуй 2013]. КНР, будучи страной с многовековой историей, культурой, проводящей самостоятельную и независимую внешнюю политику и претендующей на статус сильной мировой державы, безусловно, не согласна с тем, что США – «модель» мира, способная стать главным полюсом в процессе формирования однополярного миропорядка.

Само китайское руководство придерживается концепции многополярности в соответствии с принципом «мировой порядок гармоничен и безопасен, поскольку в нем выигрывает тот, кто не воюет» [Голобоков 2010]. Китай не согласен не только с тем, что США являются образцом для других государств, но и с американскими моделями развития. У Китая существует собственная модель развития, важным элементом которой является экономика. Данная модель основана на принципах справедливости и равенства в социально-экономической жизни страны [Виноградов и др. 2018].

Линь Юань рассматривает в своей статье влияние концепции «американской исключительности» на развитие американской культурной дипломатии. Автор отмечает, что «американская исключительность» подчеркивает уникальность американской нации и американских культурных ценностей, которые должны стать образцом для других стран мира [Юань 2011]. Это положение стало основной характеристикой американской культурной дипломатии, которая является частью «мягкой силы» США. Американская культура является весьма привлекательной для других стран мира: американский кинематограф, музыка и другие сферы развлекательной индустрии – все это популярно среди населения разных стран. Однако важно отметить, что Китай пытается противостоять распространению американской культуры внутри государства. В стране запрещены американские фильмы с явной антикитайской тематикой, например, фильм «Семь лет в Тибете» (1997), в котором выражается явная симпатия к Далай Ламе. Сыгравшему главную роль в этом фильме Брэду Питту запрещен въезд в КНР. Также в Китае строго лимитировано количество фильмов американского происхождения, которые можно довести до широкой аудитории. Именно поэтому американские режиссеры борются за то, чтобы их фильмы попали в число допущенных и априори не включают туда негативных в отношении Китая сюжетов.

Ван Лисинь отмечает, что идея «американской исключительности», широко распространенная среди американских политиков и общественности, восходит к исторической и культурной традиции, которую разделяют американцы, а также что эта идея является неформальным ядром, формирующим американскую самооценку. Независимо от того, насколько концепция «американской исключительности» заслуживает доверия и насколько абсурдным может казаться моральное превосходство США, эти идеи глубоко укоренились как в сознании самих американцев, так и в представлении других государств о США [Лисинь 2006].

Цянь Вэньжун в статье «Американская исключительность – идеологическая основа американской гегемонистской внешней политики» показывает отношение политиков других стран к концепции «американской исключительности», а также мнение американских лидеров об этой концепции и включение ее во внешнюю политику США. Так, автор отмечает отрицательное отношение к данной концепции президента России В. Путина, который критикует идею «американской исключительности», а также президента Белоруссии А. Лукашенко. Также в работе подчеркивается, что американские лидеры хоть и обращаются к идее «американской исключительности» с завидной регулярностью, все же предпочитают касаться ее основ лишь косвенно. По мнению Цянь Вэньжуна, настораживающим фактором является обход прямого обращения американских Президентов к концепции исключительности. Кроме Б. Обамы, который в своей речи отмечал, что он верит в исключительность США [Вэньжун 2013], другие президенты предпочитают не ссылаться на положения «американской исключительности», но объяснять ею многие действия США на мировой политической арене.

Заключение

В заключении стоит отметить, что сама концепция «американской исключительности» с момента формирования и до настоящего времени претерпела существенные изменения. Если в начале это рассматривалось как исключительность в построении новой формы государственности, затем трансформировалось в исключительность политики изоляционизма, то теперь эта исключительность понимается как право на построение такого миропорядка, который в понимании США является наиболее оптимальным для всех акторов.

Большинство исследований китайских авторов в отношении данной концепции посвящено определению «американской исключительности», ее истокам, эволюции, отражению ее во внешнеполитических доктринах США, проявлению во внешней политике как ранее, так и в настоящее время. Именно с понимания того, что вкладывает то или иное американское руководство в понятие исключительности и стоит начинать поиск механизмов противостояния идеям гегемонии. Авторы, выражая свое мнение в отношении данной концепции, чаще всего относятся к ней либо критически, либо с определенным подозрением, так как с помощью данной концепции США фактически оправдывают свое вмешательство, в том числе военное, во внутренние дела других государств.

Основной причиной, по которой «американская исключительность» не воспринимается в Китае, является четкое понимание китайской роли в регионе и в мире. Китай, некогда не претендовавший на политическое доминирование, а развивавший исключительно экономический потенциал, пришел к выводу, что при сохранении такой линии поведения он будет во всех вопросах отодвигаться на второй план в большой глобальной игре интересов.

Список литературы

Голобоков А.С. Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 3 (14). С. 117-123.

Виноградов А.В., Дегтерев Д.А., Спирина Д.В., Трусова А.А. «Пекинский консенсус» в международном и внутрикитайском политическом дискурсе // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 3. С. 17-29.

Ивкина Н.В., Трусова А.А., Черняев М.С. Китайский подход к концепции «американской исключительности» // Международные отношения. 2019. № 4. С. 14-24. DOI: 10.7256/2454-0641.2019.4.31447

Касаткин П.И., Ивкина Н.В. Личность президента как фактор формирования внешнеполитической повестки дня США // Полис. 2017. № 1. С. 125-135.

De Toqueville A. Democracy in America. Vol. 2. Gutenberg Ebook, 2006. URL: <https://www.gutenberg.org/files/816/816-h/816-h.htm> (accessed: 10.09.2020).

Tuchman B.W. If Mao Had Come to Washington: An Essay in Alternatives. Foreign Affairs. 1972. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1972-10-01/if-mao-had-come-washingtonessay-alternatives> (дата обращения: 12.09.2020).

Walt S.M. The myth of American Exceptionalism. Foreign Policy. 2011. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/the-myth-of-americanexceptionalism/> (accessed: 10.09.2020).

常剑若 (Чан Цзяньжо). 论《一点慈悲》对美国例外论神话的质疑 («Милосердие»: к вопросу о мифе об исключительности США) // 河南理工大学学报(社会科学版) (Журнал Хэнаньского политехнического университета (социальные науки)). 2015. 16 (04). С. 439-443.

曾蕊蕊 (Цзэн Жуйжуй). 美国例外论思想对其外交政策影响的再解读 (Другая интерпретация влияния концепции исключительности на внешнюю политику США) // 政治研究 (Политические исследования). 2013. № 2. С. 23-24.

林媛 (Линь Юань). 美国例外论视域下的美国文化外交 (Культурная дипломатия США в контексте американской исключительности) // 阴山学刊 (Иньшаньский академический журнал). 2011. 24 (04). С. 12-14.

王立新 (Ван Лисинь). 美国例外论与美国外交政策 (Американская исключительность и внешняя политика США) // 南开学报 (哲学社会科学版) (Вестник Нанкинского университета (Философия и социальные науки)). 2006. № 1. С. 10-17.

钱文荣 (Цянь Вэньжун). 美国例外论是美国霸权主义对外政策的思想基础 (Американская исключительность – идеологическая основа американской гегемонистской внешней политики) // 和平与发展 (Мир и развитие). 2013. № 6. С. 31-36.

陈爱华, 任趁趁 (Чэнь Айхуа, Жэнь Чэньчэнь). 论《血色子午线》对“美国例外论”的解构与批判 («Кровавый меридиан»: анализ и критика «американской исключительности») // 西安外国语大学学报 (Журнал Сианьского университета международных исследований). 2015. 23 (01). С. 85-88.

韩晓霞 (Хань Сяося). 浅析例外论对美国外交政策的影响 (Анализ влияния исключительности на американскую внешнюю политику) // 吉林广播电视大学学报 (Журнал Цзилиньского университета радио и телевидения). 2017. № 8. С. 142-143.

1.5. КНР: МНОГОПОЛЯРНОСТЬ, БАЛАНСИРОВАНИЕ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ГЛОБАЛЬНОМУ УПРАВЛЕНИЮ³⁶

Е.Н. Грачиков, А.Т. Исмагилова*

Превращение Китая в экономического гиганта и активного игрока в мировой политике стимулировали в академическом пространстве активную дискуссию о текущей и будущей модели мироустройства. Американские специалисты придерживаются идеи о непрерывном действии однополярности с 1990-х гг., эксперты из России, БРИКС и некоторых стран ЕС более склонны к мнению о постепенном переходе мировой системы к многополярности. Многие ученые сходятся в том, что вопрос определения современного миропорядка является одним из наиболее идеологизированных в политической дискуссии [Дегтерев 2020a]. Большой интерес в этом плане представляет взгляд самого Китая.

30 лет прошло с момента окончания холодной войны и разрушения биполярной системы международных отношений. В 1990-х гг. гегемония США достигла своего апогея, но уже в 2000-х гг. доказала свою несостоятельность и стала вызывать недовольство других усиливающихся акторов. Мировой финансовый кризис 2008 г. выявил неспособность одной страны (и даже вместе с коллективным Западом) контролировать всю международную систему. Нестабильность мировой экономической ситуации продемонстрировала Китаю и всему миру, что США и международные организации, находящиеся под их влиянием, не в состоянии справиться с проблемами мировой экономики самостоятельно. Осознав необходимость коренных изменений в системе международных отношений, Китай с 2012 г. начинает реализацию дипломатии великой державы [Си 2017: 633-650].

После мирового финансового кризиса 2008 г. «Большая двадцатка» становится важнейшей площадкой по выработке консенсусных предложений в сфере глобального экономического управления. Возникновение G20 можно назвать ценным и весьма своевременным подарком для Поднебесной, поскольку КНР не была участником G7/G8 и не имела голоса по вопросам мирового экономического развития. Стоит отметить, что ранее Китай вообще не был заинтересован в форматах сотрудничества GX (G2, G3, G4, G8), считая их инструментом внешней политики западных стран [Wang, Li 2012: 3].

КНР нужен был международный «механизм», который подходил бы ее статусу. В Китае полагали, что G20 – это наиболее разумная, эффективная и подходящая форма участия в глобальном экономическом управлении и в дальнейшем она может укрепить свое влияние на различные международные институты и организации. Например, в 2016 г. на саммите «Большой двадцатки» в г. Ханчжоу Си Цзиньпин заявлял, что следует содействовать переходу от исключительного реагирования на кризисы к формированию механизма управления с долгосрочным эффектом для укрепления статуса форума в качестве ведущей платформы в глобальном экономическом управлении. Несмотря на большой потенциал «Большой

³⁶ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ-КАОН № 20-514-93003 «Россия и Китай в мировом политическом пространстве: согласование национальных интересов в глобальном управлении».

* Грачиков Евгений Николаевич – к.пол.н., доцент кафедры ТИМО РУДН, e-mail: grachikov-en@rudn.ru; Исмагилова Арина Тимуровна – студентка 2-го курса бакалавриата кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Зарубежное регионоведение», e-mail: rinkaism@gmail.com.

двадцатки», сохраняется ряд барьеров, которые ограничивают его развитие. К примеру, сравнительно низким остается уровень институционализации "Большой двадцатки" (отсутствует секретариат и постоянные институты), и, соответственно, ее резолюции не имеют необходимую юридическую силу [Ли 2012: 24]. Хотя участие КНР в клубе значительно повышает его статус, но для страны этот формат перестает быть интересен. Китай делал ставку на «Большую двадцатку» как на инструмент усиления своего влияния в глобальных институтах в качестве лидера и основного участника выработки правил и норм международной жизни государств (norm-maker), но, как показало время, «Большая двадцатка» из-за противодействия коллективного Запада во главе с США не стала таким механизмом и Китай приступил к созданию международных структур, где он обладает решающим голосом при принятии стратегических решений.

Многополярность и балансирование как инструменты нормативной внешней политики КНР

В академическом сообществе России пока недостаточное внимание уделяется нормативному аспекту внешней политики Китая, посредством которого Китай стремится продвигать свои нормы, ценности и правила на международной арене. Опираясь на реляционную теорию международной политики, нормативная внешняя политика (normative foreign policy) переосмысливается путем обращения к онтологической основе международных отношений [Song 2020: 229]. В этом свете разрабатывается роль Китая как актора нормативной внешней политики, основанная на его культурных традициях и международном опыте. В отличие от акцента Запада на материально-правовые нормы универсальности, китайские нормы являются реляционными, они подчеркивают важность создания и поддержания связей в международных отношениях. Кроме того, через свои международные отношения Китай реализовал неявную и явную нормативную повестку дня как часть своей внешней политики. Для дальнейшего развития этого аргумента рассматривается многополярность и балансирование как инструментарий нормативной внешней политики Китая в отношении соседних регионов. Эта внешняя политика Китая одновременно бросает вызов и сталкивается с препятствиями со стороны других субъектов в результате их постоянного взаимодействия, что имеет большое значение для современных международных отношений.

Инициаторами продвижения *концепции многополярности* выступили Китай и Россия. Эту идею в 1990-х гг. продвигал Е.М. Примаков (см. табл. 1). В Китае же, по мнению современных китайских политологов, доктрина многополярности уходит корнями в холодную войну, точнее в китайско-индийский договор 1954 г., где указывались пять принципов мирного существования: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство, взаимная выгода и мирное сосуществование. В 1986 г. Хуан Цянь, советник Дэна Сяопина по национальной безопасности, в статье «Обзор международной ситуации» высказал мысль, что противостояние в холодной войне стало статичным явлением, что повлекло за собой ослабление влияния сверхдержав

на свои лагеря и привело к появлению политической многополярности³⁷. В апреле 1992 г. Цзян Цзэминь выдвинул тезис о завершении биполярности с распадом СССР и вступлении мира в период развития многополярности, а данная идея поддерживалась и постепенно развивалась вплоть до наступления нового века.

Таблица 1

Однополярный и многополярный мир в официальном дискурсе

	Однополярный мир	Многополярный мир
Основные сторонники	США и их евро-атлантические союзники	РФ и другие страны БРИКС
Основной политический дискурс	М. Олбрайт, К. Райс, Т. Блэр, Х. Клинтон	Е.М. Примаков, Ж. Ширак, В.В. Путин (“Мюнхенская речь”), Ж. Баррозу, Си Цзиньпин, Н. Модии

Источник: [Дегтерев 2020б: 11]

Схожие взгляды на будущий тип мироустройства подтолкнули Россию и Китай к подписанию 25 апреля 1996 г. первой Совместной российско-китайской декларации. Помимо пунктов, касающихся двусторонних отношений и безопасности в АТР, был затронут вопрос международного мира и развития. Стороны подчеркивали, что развивается тенденция к многополярности мира, и призывали все миролюбивые страны и народы к тесному сотрудничеству, с тем чтобы установить новый справедливый и рациональный международный политический и экономический порядок³⁸. 23 апреля 1997 г. в Москве была подписана Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. Страны обязывались прилагать усилия для содействия развитию многополярного мира и установлению нового международного порядка, выступали против блоковой политики, считали необходимым мирными способами урегулировать разногласия и споры между странами, не применять силу и не угрожать ее применением, стремиться к миру и безопасности³⁹.

Однако уже в XXI в., с усилением КНР и приходом к власти Си Цзиньпина, внешняя политика страны стала коренным образом меняться. Лидирующие позиции в мировой экономике способствовали тому, что Китай стал принимать участие в решении глобальных экономических и политических проблем и наряду с США, превратился в один из центров мировой экономики и политики. В этой связи все реже и реже можно было слышать заявления китайских политиков по поводу многополярности. Для Китая многополярность являлась средством повышения своего статуса в мировой политике и перехода от идей многополярности к лидерству [Борох и др. 2018: 155]. Это находит отражение в китайском академическом дискурсе, где практически нет обсуждения концепции многополярности (например, в изданиях

³⁷ Савин Л. Китай и многополярность // Геополитика.ru, 11.09.2018. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/kitay-i-mnogopolyarnost> (дата обращения: 29.12.2020).

³⁸ Совместная российско-китайская декларация от 25 апреля 1996 г. Подписана президентом РФ Б. Ельциным и председателем КНР Цзян Цзэминем.

³⁹ Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка от 23 апреля 1997 г. Подписана президентом РФ Б. Ельциным и председателем КНР Цзян Цзэминем.

Китайской академии современных международных отношений – «Contemporary International Relations» и «Современные международные отношения» на китайском языке; журнале «Мировая экономика и политика» Китайской академии общественных наук и др.). Гораздо чаще встречаются работы, опровергающие ее существование [Li 2012: 16-21; Liu 2012: 140-151]. Нужно понимать, что обыгрывание Китаем темы многополярности и участие в международных организациях являются всего лишь инструментами для «достижения китайской мечты» и способ влияния на современную международную архитектуру и реформирования глобального управления [Глобальное управление 2015: 238].

Вторым заметным инструментом внешней политики Китая стала *стратегия балансирования* [Zhen, Paul 2020: 1-26]. Многие наблюдатели отметили, что относительный подъем Китая наблюдается при отсутствии жесткого уравнивающего военного союза против него, как в эпоху холодной войны, которую Советский Союз испытал со стороны Запада. Можно утверждать, что есть две основные причины, по которым державы, затронутые подъемом Китая, не продвигаются в направлении жесткого балансирования. Первая – это углубление экономической взаимозависимости, порожденное глобализацией, которая предоставила Китаю исключительную возможность стать ведущей мировой экономикой. Вторая – это стратегия Китая «мирный подъем», позже переименованная в «мирное развитие», наряду с Инициативой «Один пояс, один путь».

В новейшей литературе, в частности в работах Т.В. Пауля, вводятся три формы противодействия угрозам. Эти три концепции – *жесткая балансирование, ограниченная жесткое балансирование и мягкое балансирование* – описывают способы, которыми баланс сил действует в современную эпоху на разных уровнях угроз [Paul 2004: 20-23]. Они основаны на утверждении, что до тех пор, пока конечной целью балансирования является уменьшение или достижение паритета силы доминирующего государства или угрожающего субъекта, средства, которые применяют государства, кроме наращивания военной мощи и формального формирования альянсов, должны быть включены в анализ для лучшего понимания стратегии балансировки в современную эпоху [Kai 2008: 489-518].

Жесткое балансирование (hard balancing) – это стратегия между государствами, вовлеченными в интенсивное соперничество. С этой точки зрения существует два подхода: внутреннее и внешнее. Для внутреннего уравнивания государства применяют такие стратегии, как приобретение и постоянная модернизация военного потенциала, который может соответствовать таковому у их противников. Для внешнего уравнивания государства формируют и поддерживают формальные союзы и контрсоюзы, чтобы соответствовать силовым возможностям своих ключевых противников. Традиционные реалистические и неореалистические концепции уравнивания в основном сводятся к жесткому уравниванию.

Ограниченное жесткое балансирование (limited hard balancing) зависит от ограниченного наращивания вооружений, полупормальных союзов и стратегических партнерств. Совместные усилия и совместное использование ресурсов без формального обязательства защищать друг друга – вот что отличает такое партнерство от союзов с жестким балансом. Сотрудничество в области безопасности при ограниченном жестком балансе может включать обмен информацией, совместные учения, скоординированные действия против нетрадиционных угроз

безопасности (таких как терроризм, кибербезопасность и незаконный оборот наркотиков) и технологическое сотрудничество; однако у сторон нет совместных операционных планов, подобных тем, которые существуют в союзе с жестким балансом⁴⁰. Некоторые китайские исследования определяют эту стратегию балансирования как «сотрудничество в сфере безопасности более низкого ранга» предполагают, что, если не считать обязывающих договоров о союзе, этот тип балансирования более гибкий, чем формальный альянс с жестким балансом [Sun 2011: 60-62]. Китай и Россия сегодня имеют такое ограниченное партнерство с жестким балансированием, как и Индия и Соединенные Штаты. С другой стороны, партнерства с мягким балансом следует различать как дипломатические коалиции без особого военного компонента, в отличие от коалиций с жестким и ограниченным жестким балансированием [Paul 2018: 15-18].

Мягкое балансирование (soft balancing) подразумевает уравнивание без формальных союзов [Pare 2005: 7-45]. Государства обычно развивают соглашения или ограниченные договоренности в области безопасности, такие как стратегическое партнерство или дипломатические коалиции, друг с другом, чтобы уравновесить мощное государство или растущую и/или потенциально угрожающую державу. Мягкое балансирование часто основывается на согласии и/или совместных действиях через институты [Kai 2012: 154-191], как региональные, так и международные, которые могут быть преобразованы в открытые стратегии жесткого балансирования, если и когда конкуренция в сфере безопасности станет интенсивной и могущественное государство превратится в угрожающего игрока.

Похоже, что Китай действительно разработал *асимметричные стратегии*, используя экономическую глобализацию и предоставляя коллективные и индивидуальные экономические преференции средним и малым странам Азиатско-Тихоокеанского региона, и сумел предотвратить появление жестко балансирующих коалиций против него. Активные усилия Китая по срыву коалиций, даже если они отличаются мягким балансированием, очевидны по его взаимодействиям с потенциальными акторами/странами. В своей недавней книге «Сдерживание великих держав: мягкое балансирование от империй до глобальной эры» Т.В. Паул описывает различные усилия таких государств, как Япония, Индия и АСЕАН, по использованию институтов и ограниченных коалиций для контрбалансирования политики Пекина. Китай с помощью дипломатии предпринял активные усилия, чтобы помешать появлению таких коалиций с мягким балансом. Китаю удалось вбить клин между государствами АСЕАН в вопросах, касающихся Южно-Китайского моря. С 2010 года АСЕАН мог принимать только сокращенные резолюции на своих ежегодных саммитах и в течение нескольких лет не может достичь консенсуса среди стран-членов. Китайская экономическая стратегия помогает Пекину в этом отношении. В последние месяцы даже Япония, потрясенная тарифными угрозами Трампа, смягчила свою риторику и усилия по мягкому балансированию/уравниванию в отношении Китая [Paul 2018].

---

⁴⁰ 'Zhonghua renmin gongheguo he Eluosi lianbang guanyu fazhan xinshidai quanmian zhanlue xiezuo huoban guanxi de lianhe shengming' ('A Joint Declaration Between China and Russia on the Development of a Comprehensive Strategic Cooperative Partnership Facing the New Era'), 6 June, 2019. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-06/06/c_1124588552.htm (accessed: 10.12.2020).

Биполярное соперничество КНР и США

Отличительной чертой внешней политики Китая является использование стратегий, т.е. планов на долгосрочную перспективу. С начала холодной войны КНР придерживалась «стратегии вступления в союзы». Так, с 1949 по 1958 г. действовала «стратегия склониться в одну сторону» (союз с СССР против США), с 1958 по 1968 г. использовалась «стратегия двух линий (фронтов)» (борьба против СССР и США), а с 1969 по 1976 г. осуществлялась «стратегия одной линии (фронта)» (союз с США против СССР) [Ye Zicheng 2011: 23–24].

Политика реформ и открытости Дэн Сяопина улучшила китайско-американские отношения. В 1979 г. они приобрели официальный дипломатический статус. С тех пор оба государства постоянно находятся в состоянии активного взаимодействия — либо сотрудничая, либо конкурируя друг с другом. События 4 июня 1989 г. (выступления студентов на площади Тяньаньмэнь) привели к международной изоляции Китая и послужили поводом для введения Западом санкций против страны [Грачиков 2019а: 193–194]. Реакцией Китая на сложившуюся обстановку стало принятие «стратегии партнерских отношений», которая предусматривала защиту национальных интересов и расширение международного влияния с использованием таких стратегических приемов, как взаимное политическое доверие, экономическая взаимозависимость, культурные контакты, социальное взаимодействие и поддержка в вопросах безопасности [Грачиков 2019б: 83]. Китай стал отстаивать свои интересы, не вступая в открытое противостояние, а используя политику стратегических партнерских отношений и непрямого лидерства. Путем углубления сотрудничества и компенсирования угроз Китай «завязывает» на себя экономику других стран, перенося затем экономическую взаимосвязанность на политический уровень.

Развязанная Трампом торговая война разрушила многие стратегические планы Китая. Китайские ученые даже стали уверять, что китайско-американские отношения не направлены на борьбу за мировое господство и для Китая важнейшей задачей сегодня является сопротивление экономическим ловушкам, расставленным США, которые направлены на замедление или подрыв китайской экономики [Gao 2019: 64]. Другими словами, Китай пытается минимизировать свою зависимость от политики Штатов. Возможно, как раз посредством переговоров по экономическому сотрудничеству происходит согласование взглядов Китая и США и по будущему мироустройству. Однако администрация Трампа пока официально заявляет об изменении характера отношений Штатов с двумя важнейшими государствами: Китаем и Россией. Произошел переход от «сотрудничества и политики сдерживания» к «политике сдерживания и противостоянию». В американской стратегии национальной безопасности Китай и Россия были открыто объявлены конкурентами, соперниками и ревизионистскими государствами. Внимание от противодействия террористическим организациям перешло к постоянному соперничеству с этими государствами [Ji 2019: 12]. Экономическая взаимосвязанность КНР и США [Дегтерев 2020б] пока остается важным фактором в двусторонних отношениях и по экономическим показателям занимают равновесные места (см. табл. 2, 3).

Топ-10 стран мира по национальному богатству в трлн. долл. США, 1955 – 2014

Страна	ВНД (абсолютный), в млрд. долл. США		ВНД на душу населения, в долл. США	
	Официальный курс	ППС	Официальный курс	ППС
КНР	11374,2	21364,9	8250	15500
США	18357,3	18968,7	56810	58700
Индия	2212,3	8608,7	1670	6500
Япония	4816,9	5433,8	37930	42790
ФРГ	3624,6	4109,5	43850	49710

Источник: [Дегтерев 2020б: 53].

В 2019 г. наступила эра настоящего биполярного соперничества США и Китая, весьма отличная от биполярности США и Советского Союза в период холодной войны. Фундаментальное различие между нынешним биполярным соперничеством и соперничеством времен холодной войны состоит в том, что идеология, по мнению Янь Сюэтуна, больше не является основным двигателем международной конкуренции, а скорее является новым цифровым измерением стратегической конкуренции, возникающей между Соединенными Штатами и Китаем. Как утверждает Янь Сюэтуна, технологический прогресс за последние 15 лет привел к вступлению мировой истории в раннюю цифровую эпоху. Развитие цифровых технологий создало новые способы защиты национальной безопасности, накопления национального богатства и получения международной поддержки.

Кибербезопасность становится основой национальной безопасности, и доля цифровой экономики в валовом внутреннем продукте крупных держав резко возрастает. Для ведущих держав стратегическая конкуренция в киберпространстве в эту раннюю цифровую эпоху в решающей степени пересекает физико-географические границы. Менталитет холодной войны и цифровой менталитет будут иметь смешанное влияние на формирование внешней политики в цифровую эпоху, и что взаимодействие между странами, на внешнюю политику которых одновременно влияют оба менталитета, превратит зарождающийся международный порядок в мир непростого мира, где нет прямой войны и мало войн через посредников. Скорее, это будет сценарий, отражающий темную сторону глобализации и обратную сторону глобального управления, очевидную в нарушении соглашений, двойной игре, кибератаках и разделении технологий между государствами. Хотя дальнейшее развитие цифровых технологий действительно изменит международную политику во все большем количестве аспектов, биполярная конфигурация США и Китая, тем не менее, будет оставаться в силе как минимум в течение двух десятилетий, а возможно, и дольше [Yan 2020: 313-341].

Философия глобальной державы и мирового лидера

В 2007 г. на XVII съезде КПК Ху Цзиньтао была поставлена задача реализовать концепцию «гармоничного мира» для строительства социализма с китайской

спецификой⁴¹. Так что же из себя представляет этот самый «гармоничный мир»? Теория гармоничного мира очень схожа с теорией глобального управления. В их основе лежит забота о судьбе человечества, обе концепции направлены против гегемонизма и унилатерализма, а также против мирового порядка под руководством США [Юй 2007: 31]. Инструментом для реализации концепта «гармоничного мира» должна была стать «мягкая сила». Само понятие возникло еще в конце 1990-х гг., однако же внимание и распространение получило после статьи Цянь Цичэня, заместителя председателя премьер-министра Госсовета КНР. В работе был приведен пример антитеррористической политики США (после событий 11 сентября), которая, используя методы «жесткой силы», создала проблемы на Ближнем Востоке и лишила Штаты важных инструментов для реализации стратегии национальной безопасности [Борох, Ломанов 2008: 46]. Так, «гармоничная» дипломатия, построенная на идеях многообразия моделей развития и поддержания глобальной стабильности, должна стать одним из направлений политики «мягкой силы». Концепты «гармоничного общества» и «гармоничного мира» можно назвать ясным направлением повышения мягкой силы Китая. Помимо этого, нужно сделать акцент на необходимости укрепления «стратегической репутации», т.е. на имидже Китая за рубежом [Янь 2006: 5]. Для КНР очень важно, насколько надежной и последовательной она будет выглядеть для иностранных партнеров, поскольку степень доверия к государству коррелирует с желанием сотрудничества с этой страной.

Несмотря на столь привлекательные заявления, необходимо помнить, что у Китая существует и «китайская мечта», согласно которой Китай стремится к становлению ведущей мировой державой. Базисом нового общества, по мнению китайских специалистов, должны выступать китайские ценности, которые в отличие от западных являются общечеловеческими и не могут быть использованы как инструмент западного гегемонизма [Лукин 2015: 259].

Китайские политические философы (например, Чжао Тинян из Китайской академии общественных наук) используют древнюю «систему Тянься» как будущую модель мироустройства. Согласно данной теории, в настоящее время отсутствует «мировой политический институт», который бы функционировал для решения глобальных политических проблем. Современный мир является хаосом, который, вопреки идеям Канта о всеобщем мире и мире всеобщей гармонии в китайском варианте, не может перерасти в модель связанного мирового сообщества по причине отсутствия глобальной политической философии [Грачиков 2015: 298 – 299].

В своем стремлении занять лидирующее положение в мировой политической архитектонике Китай надеялся на рост влияния G20, но на деле «Двадцатка» не смогла дать КНР желаемого. В ответ на это Китай занялся созданием своих структур, которые являются аналогами западных (Eurasian Economic Union, Silk Road Economic Belt, Asian Development Bank, Asian Infrastructure Investment Bank (см. таб. 3)). «Пояс и путь» — важнейший для Китая геополитический проект, значимость которого Поднебесная пытается снизить, говоря, что проект носит исключительно инфраструктурный характер и более ничем не выделяется. В действительности это

---

⁴¹ Доклад Ху Цзиньтао на 17-м съезде КПК (полный текст). // Жэньминь Жибао, 25.10.2007. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6290221.html> (дата обращения: 06.12.2020).

глобальный проект, охватывающий все континенты, участниками которого выступают около 100 стран мира.

Таблица 3

**Международные параллельные и альтернативные структуры,
продвигаемые Китаем**

Тип структуры	Существующие структуры	Альтернативные структуры
Многосторонний банк развития	Всемирный банк	Новый банк развития (БРИКС)
Клубный формат	«Группа семи»	БРИКС
Региональный банк развития	Азиатский банк развития (АБР)	Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ)
Валютный пул	МВФ	Пул условных валютных резервов БРИКС
Мировые финансовые центры	Нью-Йорк, Лондон	Шанхай
Региональная интеграционная группировка	Транстихоокеанское партнерство	Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП)
Межбанковские платежные системы	Clearing House Interbank Payments System (CHIPS), Target	Cross-border Interbank Payment System (CIPS)
Рейтинговое агентство	Moody's, S&P	Universal Credit Rating Group
Совещание по безопасности	Региональный Форум АСЕАН	Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА)
Организация в сфере безопасности	Организация североатлантического договора (НАТО)	Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)
Платежная система	VISA, MasterCard	China Union Pay

Источник: составлено авторами на основе [Heilmann et al 2014].

Заключение

Мировой финансовый кризис 2008 г. ослабил позиции и авторитет Вашингтона и в мире начались разговоры об упадке (decline) США. Одновременно с этим расширяются дебаты о росте и усилении Китая. Сегодня мы наблюдаем следующую картину: потенциальный гегемон в лице Китая пытается оспорить мировое лидерство США, однако при этом оба государства тесно взаимосвязаны. Во-первых, на эти две страны приходится 40% мирового ВВП⁴². Во-вторых, компании и производства обоих государств также связаны между собой теснее, чем какие-либо другие страны. Даже

⁴² Данные МВФ.

приоритетность государств во внешней политике Китая возглавляет США (затем Россия, великие державы, сопредельные страны и развивающиеся страны) [Грачиков 2019а]. Вместе с тем агрессивная внешняя политика США при Трампе ломает ранее казавшиеся незыблемыми устои всей системы международных отношений и задают формат новой системы мировой политики, где нет места Китаю в качестве страны-лидера. Надежды Янь Сюэтуна о том, что противостояние между США и КНР носят исключительно технологический характер не оправдываются и мы видим, что острое информационных атак (в виде заявлений госсекретаря США Помпео⁴³) теперь направлено непосредственно на Коммунистическую партию Китая, а значит в международные отношения возвращается идеологическая борьба времен холодной войны и непримиримость, ужесточение во взаимоотношениях двух держав будет только нарастать.

Насколько будет успешным инструментарий нормативной внешней политики Китая сейчас сказать сложно. Очевидно одно – у Китая есть амбиции по возрождению своей нации и удивительная способность оставаться единственной страной бенефициаром⁴⁴ в кризисных условиях. Нужна ли Китаю многополярность, когда имеется реальная перспектива стать одним из гегемонов в глобальном управлении в формате новой биполярности? Этот вопрос остается открытым для исследователей.

Список литературы

Борох О.Н. и др. 19 съезд КПК: внешние и внутренние последствия и перспективы реформ в Китае // Сравнительная политика. 2018. 9 (02). С. 140-158.

Борох О.Н., Ломанов А.В. Скромное обаяние Китая // Pro et Contra. 2007 (ноябрь – декабрь). С. 41-60.

Глобальное управление: возможности и риски / под ред. В.Г. Барановского, Н.И. Ивановой. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 315 с.

Грачиков Е.Н. Внешняя политика Китая: стратегии в контексте идентичности и глобальной перспективы // Международные отношения. 2015. № 3. С. 290-306.

Грачиков Е.Н. Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019а. 19 (02). С. 187-200. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200

Грачиков Е.Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация // Мировая экономика и международные отношения. 2019б. Т. 63. № 3. С. 83-93.

Дегтерев Д.А. Многополярность или «новая биполярность»? [Электронный ресурс] // РСМД, 2020а. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/> (Дата обращения: 06.09.2020).

Дегтерев Д.А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. М.: РУСАЙНС, 2020б. 214 с.

⁴³ Помпео: Компартия Китая является «центральной угрозой современной эпохи». // Регнум, 30.07.2020. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3024566.html> (дата обращения 29.12.2020).

⁴⁴ *Грачиков Е.Н.* Китай в мировой политике // Геополитика.ru, 05.04.2013. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/kitay-v-mirovoyu-politike> (дата обращения: 19.12.2020).

Ли Син Усиление роли G20: Трансформация мирового порядка и внешняя политика Китая // Сравнительная политика. 2012. № 1. С. 23-26.

Лукин В.А. Возвышающийся Китай и будущее России. Работы о Китае и российско-китайских отношениях. М.: Международные отношения. 2018. 792 с.

Портяков В.Я. Видение многополярности в России и Китае и международные вызовы // Сравнительная политика. 2013. 4 (01). С. 86-97.

Си Цзиньпин. О государственном управлении. Том II. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках. 2017. 802 с.

Юй Кэпин. Идеал гармоничного мира и китайская дипломатия // Ляован синьвэнь чжоукань. 2007. № 17. С. 13.

Янь Сюэтуан. Мягкая сила Китая ждет повышения // Чжунго юй шицзе гуаньча. 2006. № 1. С. 1-5.

Gao Cheng. Phased aims and characters of BRI in context of competition between China and United States // World economics and politics. 2019. № 4. P. 58-78.

Heilmann, S. et al. China's Shadow Foreign Policy: Parallel Structures Challenge the Established International Order. Berlin: Institute for China Studies, 2014.

Ji Zhiye. Shifting Great Power relations: toward consolidation of US hegemony // Contemporary International relations. China Institutes of Contemporary International Relations. 2010. 29 (03). P. 10-16.

Kai He. 'Institutional Balancing and International Relations Theory: Economic Interdependence and Balance of Power Strategies in Southeast Asia' // European Journal of International Relations. 2008. 14 (03). P. 489-518.

Kai He. Undermining Adversaries: Unipolarity, Threat Perception, and Negative Balancing Strategies after the Cold War // Security Studies. 2012. 21 (02). P. 154-191.

Pape, Robert A. Soft Balancing Against the United States // International Security. 2005. 30 (01). P. 7-45.

Paul, T.V. 'Introduction: The Enduring Axioms of Balance of Power Theory and Their Contemporary Relevance', in T. V. Paul, James J. Wirtz, and Michel Fortmann, eds., Balance of Power: Theory and Practice in the 21st Century. Stanford: Stanford University Press, 2004. P. 20-23.

Paul, T.V. Restraining Great Powers: Soft Balancing from Empires to the Global Era. New Haven: Yale University Press, 2018.

Song Weiqing. China's Normative Foreign Policy and Its Multilateral Engagement in Asia // Pacific Focus. 2020. XXXV (02). P. 229-249. DOI: 10.1111/pafo.12163

Sun Degang, 'Lun "zhun lianmeng" zhanlue' ('On "Quasi-Alliance" Strategy'), Shijie jingji yu zhengzhi (World Economy and Politics). 2011. No. 2. P. 60-62. (In Chin.).

Wang Ying, Li Jiguang China and the G20 // Contemporary International relations. China Institutes of Contemporary International Relations. 2012. 22 (04). P. 1-14.

Yan Xuetong. Bipolar Rivalry in the Early Digital Age // The Chinese Journal of International Politics. 2020. 13 (03). P. 313-341.

Ye Zicheng, Levine S.I., Guoli Liu. Inside China's Grand Strategy: The Perspective from the People's Republic. Kentucky: The University Press of Kentucky, 2011.

Zhen Han and T. V. Paul. China's Rise and Balance of Power Politics // The Chinese Journal of International Politics. 2020. 13 (01). P. 1-26.

刘建飞, 秦治来: “论世界格局 “非极化” 及其经济基础” 国际政治研究 2012 年 第 4 期 第 140 – 151 叶 [Liu Jianfei. About the "Non-polarization" of the world structure and its economic basis. International Political Studies]. 2012. V. 4. P. 140-151. (In Chin.).

李华锋: “冷战后中国对世界多极化的认识与对策” 长春师范学院学报 (人文社会科学版) 2012 年 第 31 卷第 1 期 第 16 – 21 叶 [Li Huafeng. China's understanding and countermeasures of world multipolarity after the Cold war. Journal of Changchun Normal University (Humanities and Social Sciences)]. 2012. 31 (01). P. 16-21. (In Chin.).

ГЛАВА 2. БАЛАНС СИЛ В АТР

2.1. ВЛИЯНИЕ КОНФИГУРАЦИИ ЛИДЕРСТВА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ НА РЕГИОНАЛЬНЫЙ БАЛАНС СИЛ⁴⁵

И.Р. Дубровский, Т.И. Понька*

На современном этапе развития международных отношений все более заметную роль начинают играть регионы, ранее не находившиеся в центре глобальной политики. Одним из них в последние годы становится регион Юго-Восточной Азии (ЮВА). В настоящее время в нем происходят активные изменения баланса сил, обусловленные в известной степени переформатированием иерархичной структуры регионального лидерства. Для оценки степени влияния этих перемен на региональный баланс сил рационально обратиться как к традиционно «осязаемым» элементам (военная мощь, экономика, демография и проч.), так и к ряду других «неосязаемых» переменных (формальное признание другими участниками международных отношений, мотивация, образ действия державы на региональном уровне и проч.) [Buzan, Weaver 2003: 30-36; Дегтерев, Худайкулова 2018: 4-5]. Именно от их действий зависит исход идущей трансформации региона. Для теоретизации актуальной региональной политики США, задающей тренды модификации баланса сил, особо важны соображения С.Хантингтона о поддержании региональных балансов сил для сохранения американского лидерства, которое при невозможности поддержания союзнических отношений с возможными контрлидерами реализуется путем поддерживания региональных держав 3 уровня в качестве противовеса [Huntington 1999]. Катализатором существующей модификации регионального порядка стала политика КНР, направленная на достижение регионального лидерства, и соответствующие ответные меры США для поддержания своих позиций в данном регионе.

Юго-Восточная Азия (ЮВА) представляет большое геополитическое и геоэкономическое значение для обеих нерегиональных держав в силу целого ряда факторов. Все эти факторы имеют прямое отношение к Южно-Китайскому морю (ЮКМ), которое омывает территории региональных государств и обуславливает экономическую и политическую взаимосвязанность этих стран и, соответственно, стимулирует процессы регионализации, происходящие в этом географическом пространстве. К таковым факторам следует, в первую очередь, отнести выполнение данным регионом роли главной артерии мировой торговли, через которую проходит основной объем импорта энергоносителей (свыше 50% нефтяных танкеров) и большая часть экспортного грузопотока (70 тыс. торговых судов) и товарооборота (свыше 5,3 трлн долл США). Кроме непосредственно транзитного аспекта, данный регион обладает внушительным ресурсным потенциалом: залежи нефти, по предварительным данным, составляют до 30 млрд т, а природного газа – не менее 16 трлн куб. м. Бассейн ЮКМ находится на четвертом месте среди крупнейших рыбопромысловых районов мира [Золотухин 2017: 14-15]. Акватория этого моря

---

⁴⁵ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ-ВАОН № 20-514-92001 «Российско-вьетнамское сотрудничество в контексте современной геополитической ситуации в Восточной Азии».

* **Дубровский Иван Родионович** – студент 3-го курса бакалавриата кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Международные отношения», e-mail: ivandubrovskiy94@gmail.com; **Понька Татьяна Ивановна** – к.и.н., доцент кафедры ТИМО РУДН, e-mail: ponka-rudn@mail.ru.

имеет ключевое значение для быстрого перемещения военных флотов между Индийским и Тихим океанами. Из всего перечисленного явственно следует, что преобладание в этом регионе какой-либо державы будет иметь далекоидущие последствия для региональных акторов, равно как и целого ряда внерегиональных игроков. Геостратегические и геоэкономические императивы обуславливают принципиальную важность ЮВА как для США, так и для КНР в контексте изменения соотношения сил в регионе для обеспечения регионального лидерства.

Если рассматривать конфигурацию игроков на региональном поле, то прежде всего, необходимо упомянуть две великие державы (нерегиональных игроков), взаимоотношения которых в рассматриваемых географических рамках задают тренды в процессах модификации баланса сил. В первую очередь, это Китай, активность которого и обуславливает существование того узла противоречий, который ныне существует в регионе. Не находясь географически в ЮВА, Китай рассматривает этот регион представляющим важность, помимо всех упомянутых геоэкономических и геополитических факторов, ещё и стратегическим положением, контролируя которое можно защищать континентальный Китай от любой агрессии с моря и поддерживать «стратегический пояс стабильности». Важную роль играет оправдание претензий Пекином на 80% Южно-Китайского моря «историческими аргументами», из которых вытекает потребность восстановления суверенитета над островами и ресурсной базой этого моря⁴⁶. Эксперт индийского Института оборонных исследований и анализа (IDSA) А.К. Сингх для характеристики тактики Китая в споре по ЮКМ предлагает термин «creeping assertiveness» [Singh 2016, 2-7], который известный российский востоковед Г.М. Локшин интерпретировал как стратегию «свершившихся фактов» [Локшин 2019: 175]. Особенно показательным ее применением служит процесс создания с 2015 г. 7-ми искусственных островов общей площадью 13 кв. км и последующего возведения на них военной инфраструктуры. Вслед за этим Китай стал в одностороннем порядке распространять на эти острова положения UNCLOS о 12-мильной суверенной зоне, оказывая давление на страны ЮКМ (преимущественно на Вьетнам), которые намереваются эксплуатировать нефтяные месторождения. Политика такого рода имеет вполне реальную перспективу переформатирования регионального баланса сил и вполне предсказуемо повлекла за собой активное вовлечение другого актора, видящего в региональной политике Китая прямую угрозу своим позициям в этой подсистеме.

Декларируемой целью Соединенных Штатов, согласно ежегодному докладу Министерства обороны, выступает утверждение свободы судоходства, под которой понимается «права и свободы на использование моря и воздушного пространства, гарантированные всем государствам международным правом»⁴⁷. Но для понимания политики США в данном регионе необходимо учитывать проведенную З. Бжезинским и состоящую из нескольких фронтов (от Африки до Восточной Азии) «дугу нестабильности», которая и является наиболее корректным показателем

---

⁴⁶中华人民共和国政府关于在南海的领土主权和海洋权益的声明 [Заявление правительства Китайской Народной Республики о территориальном суверенитете Китая и его морских правах и интересах в Южно-Китайском море] / 中华人民共和国中央人民政府 (12.07.2016. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-07/12/content_5090631.htm (дата обращения: 16.12.2020).

⁴⁷ Department of Defense, Department of Defense Report to Congress, Annual Freedom of Navigation Report Fiscal Year 2018, Pursuant to Section 1275 of the National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2018, December 31, 2018, P. 2.

сложившегося в ЮВА геополитического баланса сил. В этом ключе политика США в регионе является производной расширения экономического и военно-политического влияния Китая [Brzezinski 1997: 40]. В условиях непримиримой позиции КНР по правомочности превращения ЮВА в зону китайского доминирования, провоцирующей соперничество за контроль над ресурсами, за позиции в интеграционных процессах и за обеспечение безопасности ключевых морских коммуникаций (в первую очередь – Малаккского пролива), произошла актуализация Южно-Азиатского фронта «дуги нестабильности». Она проявилась в изменении политики американских политиков к Китаю, который стал рассматриваться как основной геополитический противник. С точки зрения экспертов Фонда Карнеги, Администрация Б. Обамы поменяла «engage policy», при которой Китай выступал бы в качестве младшего партнера, на «hedge policy», которая обусловила парадигму «Тихоокеанский век Америки», проявившей себя в стратегии «возвращение в Азию» («pivot to Asia»). Ее ключевым элементом и желаемым результатом была «перебалансировка» («rebalancing»). Данная стратегия предполагала совершенно иное видение отношений с КНР – противостояние ее экспансии через формирование различных блоков из нерегиональных государств, имеющих экономические или политические противоречия с КНР; установление двусторонних контактов в оборонной сфере с региональными игроками по периметру китайских границ; интенсификация военно-политических акций одностороннего характера для демонстрации своего присутствия в ЮВА. Среди основных нерегиональных акторов, на которые Соединенные Штаты опираются в проведении своей политики в ЮВА, можно назвать Японию, Австралию и Индию [Худайкулова, Рамич 2020].

В данном регионе активно действует Япония, оборонная политика которой находится в процессе модификации «доктрины Ёсиды» нач. 1980-х гг., расширяя ее географический охват [Hughes 2017: 89-92]. Данная доктрина ставила во главу угла стремление к экономическому росту, основанному на торговле. Последний она рассматривала в качестве основы для внутренней стабильности и минимального военно-политического влияния за рубежом, которое было обусловлено политическим и военным сотрудничеством с США. Однако с ростом экономической мощи способность Японии сохранять реакционную позицию самообороны значительно уменьшилась. Как страна, ориентированная на экспорт, Япония столкнулась с растущей необходимостью защищать свои интересы в области коммерческого судоходства, а также свои поставки энергоресурсов с Ближнего Востока [Gopal 2017: 32-33]. Это и предопределило интерес правительства Японии к ЮВА [Koga 2018: 27], а также повлекло за собой ряд изменений в национальном законодательстве, которые были поддержаны США. В 2006 г. Агентство самообороны было преобразовано в Министерство обороны Японии, а с 2014 г. японский премьер С. Абе по согласованию с США проводит линию о возможности внесения поправок в Конституцию в пользу расширения военно-политической самостоятельности страны. В самом регионе ЮВА данная тенденция проявила себя в 2013 г., когда в результате интенсивных дипломатических контактов, инициированных С. Абе, на мемориальном саммите АСЕАН–Япония в декабре 2013 г. в Токио было принято совместное Заявление

«Плечом к плечу против региональных и глобальных вызовов»⁴⁸. Данный шаг корреспондируется с предложением С. Абе, сделанным годом ранее, образовать конфигурацию из Австралии, Японии, США, Индии в виде «стратегического бриллианта» для обеспечения безопасности в западной части Тихого океана. Таким образом, заметно несоответствие амбиций Японии существующим нормативно-правовым рамкам, которое может негативно сказаться на тандеме США-Япония.

Главным драйвером для активизации региональной повестки внешней политики Австралии стали объективные законы экономического развития. Однако стремление усилить связь между австралийско-новозеландским Соглашением о более тесных экономических отношениях между Австралией и Новой Зеландией (Australia-New Zealand Closer Economic Relations) и ЗСТ АСЕАН (AFTA) в конце 1990-х гг. не нашло поддержки у стран-членов АСЕАН, которые сконцентрировалась тогда на сотрудничестве с участниками АСЕАН+3. В середине 2000-х гг., предвидя усиления КНР в регионе, Ассоциация диверсифицировала свои экономические контакты, а затем, установила с Австралией комплексные отношения после подписания последней Договора о дружбе и сотрудничестве. Интерес Австралии к ЮВА обусловлен как общими для всех стран нетрадиционными угрозами, так и наращиванием военно-морских вооружений в ЮКМ. Развитие китайских экономических инициатив и воплощение в жизнь намерения гарантировать неприкосновенность «исконных китайских территорий» в ЮКМ приведет к тому, что Австралия окажется в ареале досягаемости страны, на сдерживание которой нацелены американские альянсы и Австралия, как один из их участников. Но главное - превращение ЮВА в «ареал повышенной проницаемости» для национальных интересов КНР будет означать кардинальное изменение тех геополитических условий, в которых Австралия находится после Второй мировой войны [Bateman, Bergin 2011: 119-120]. Эти факторы обуславливают политику государства-материка по предотвращению разбалансировки региональной подсистемы.

Еще одним нерегиональным игроком в ЮКМ является Индия. Сформулированная в 1991 г. индийская политика «Смотри на Восток» («Look East») первоначально была ориентирована на экономическое сотрудничество с динамично развивающимися странами ЮВА. Но при премьер-министре М. Сингхе в 2004 г. горизонты этой стратегии были расширены в географическом и стратегическом аспекте, что нашло отражение в военно-морской стратегии Индии 2007 г. «Свобода открытого моря»⁴⁹. Долгосрочной целью реализации данной стратегии является закрепление за Индией статуса крупной морской державы. В документе 2007 г. обозначены узловые точки, играющие жизненно важную роль для Индии с точки зрения морской торговли. В их числе есть Малаккский, Зондский, Макасарский и Ломбокский проливы, которые располагаются в ЮКМ. А само море провозглашается зоной «стратегического интереса» [Holmes, Winner, Toshi 2009: 73]. Это было обусловлено как стремлением диверсифицировать энергетические поставки в условиях растущей экономики и обеспечить защиту транзита через акваторию этого моря, так и заметным военно-политическим усилением Китая в зоне Индийского

---

⁴⁸ International Cooperation and NGOs // MOFA Japan, December 15, 2013. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000022451.pdf> (дата обращения: 16.12.2020).

⁴⁹ Freedom to Use the Seas: India's Maritime Military Strategy. Integrated Headquarters, Ministry of Defence (Navy), 2007. P. 147. URL: <https://ru.scribd.com/doc/31917366/India-s-Maritime-Military-Strategy> (Accessed on 20.12.2020).

океана (усиление влияния посредством экономических рычагов на такие государства как Мальдивы и Мьянма), проявившимся созданием в Пакистане и Шри-Ланке глубоководных портов, а также общим превосходством флота НОАК над индийским ВМФ.

Нельзя не упомянуть основного регионального игрока в ЮВА – Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), основной особенностью институционального развития которой является традиция участия государств-членов в работе всех ее структур в полном составе, даже если повестка дня непосредственно не затрагивает интересы всех стран. Страны АСЕАН полагаются на свои диалоговые структуры и стараются придерживаться нормативных принципов, известных под собирательным названием «Путь АСЕАН» (ASEAN Way). Это понятие включает в себя функционирование механизма консультаций и принятие решений на основе консенсуса [Weatherbee 2009: 128-129]. «Путь АСЕАН» направлен на избежание конфликтных ситуаций как в отношениях между самими странами, так и в отношениях Ассоциации с внешними игроками.

Однако внутри Ассоциации можно заметить некоторую поляризацию, которая усугубляется тяготением различных стран ЮВА к двум центрам силы, претендующим на региональное лидерство. Если в этом ключе дифференцировать стран-членов АСЕАН, то стоит сказать, что лишь две из них (Сингапур и Филиппины) имеют договорную базу с США в оборонной сфере. Союзный договор между Соединенными Штатами и Филиппинами был подписан в 1951 г., но после окончания «холодной войны» носил скорее номинальный характер. Однако на волне «возвращения США в регион» была подписана Манильская декларация (11 ноября 2011 г.), которая пролонгировала Союзный договор и стала знаковым событием в контексте китайско-американской конкурентной борьбы за доминирование в ЮВА. Стоит полагать, что несколько «фрондирующая» позиция Филиппин, которая отчетливо проявилась после вступления в полномочия президента Р. Дутерте (2016 г.) и характеризуется демонстративным, но строго дозированным и избирательным дистанцированием от США в сторону Китая, имеет четко ограниченные пределы, очерченные нормативно-договорными обязательствами.

Американо-сингапурские контакты в военной сфере активизировались еще в 1990 г., когда США и Сингапур подписали Меморандум о взаимопонимании, в соответствии с которым американские ВВС получили доступ к базе Пайя-Лебар, а американские ВМФ – к порту Сембаван. В 1999 г. США получили право пользоваться военно-морской базой Чанги, которая обладает высоким оперативно-стратегическим потенциалом, поскольку пригодна для размещения авианосцев. В 2011 г. стороны договорились о постоянном базировании на сингапурских базах четырех-пяти американских военных кораблей и модернизации в будущем базы Чанги.

Наличие у США модернизированной военно-морской базы в критической близости от Малаккского пролива потенциально представляло собой прямую опасность для КНР. Стоит также упомянуть значение Вьетнама в региональной политике США. Установив двусторонние отношения в 1995 г., страны поэтапно расширяли двустороннее взаимодействие в вопросах обороны, которое нашло свое практическое воплощение в поддержке позиции СРВ по вопросам о суверенитете в ЮКМ, развитии контактов между ВС двух государств и поставках вооружения [Цветов 2015: 157-158]. Однако Ханой, будучи не заинтересованным в американском варианте

создания «линии сдерживания» КНР, стремится лавировать между двумя центрами силы, используя собственную систему противовесов в отношениях с этими странами.

К Китаю, как к экономическому и политическому центру силу в ЮВА, тяготеют страны р. Меконг (Мьянма, Лаос, Камбоджа и Таиланд), что объясняется помимо тесного торгово-инвестиционного сотрудничества еще и энергетической компонентой, поскольку потребителями электроэнергии, полученной за счет китайского инвестирования в полноценное использование гидроресурсов реки, будут субрегиональные государства. Примечательно, что отношение Вашингтона к изменению внутривнутриполитической конъюнктуры данных государств во многом способствует их переориентации на Китай. Воспользовавшись длительной изоляцией Мьянмы западными странами после военных переворотов (1962 и 1988 гг.), Китай сумел завоевать в ней доминирующие позиции как в экономике, так и в политике. После государственного переворота в Таиланде (2014 г.) США сократили оказание военной помощи пришедшей военной хунте во главе с П. Чан-Оча. Это привело к тому, что Таиланд начал склоняться к более активному сотрудничеству с КНР. В пользу Китая непримиримое требование США Камбодже вернуть долги 40-летней давности за кредиты, предоставленные еще Лон Нолу и доставшиеся Пол Поту после прекращения войны США в Индокитае. Политический строй Лаоса, а также довлеющие неразрешенные проблемы, уходящие корнями во времена Второй Индокитайской войны, также охлаждают двусторонние отношения этого государства с Соединёнными Штатами.

Особняком стоит Индонезия, Малайзия и султанат Бруней. Последний, будучи экспортно-ориентированной экономикой (60% ВВП и 95% экспорта Брунея формируется за счёт продажи нефти и газа), зависит от стоимости энергоносителей, что заставляет султанат делегировать часть силовых функций по обеспечению собственного суверенитета своему основному союзнику – Соединённым Штатам. Однако Китай привлекает данное государство в фокусе привлечения инвестиций и сопряжения с крупными инфраструктурными китайскими инициативами, которые позволят Брунею диверсифицировать свою экспортную политику. В контексте развития китайских экономических инициатив в ЮВА стоит упомянуть позицию Малайзии после прихода к власти в 2018 г. премьер-министра М. Мохаммада. Китайские проекты инфраструктурного строительства в Малайзии вызвали серьезные опасения угрозы удушающего долга объемом в 250 млрд долл. и большие сомнения в связи с их закрытостью и усиленным политическим давлением внутри страны. В результате Малайзия – один из главных торговых и инвестиционных партнеров Китая – стала источником растущего скептицизма и сопротивления усилившемуся влиянию Китая в ЮВА [Kok-Kheng, Le, Yeto 2018: 305-306]. Индонезия в китайско-американской дилемме внешней политики региональных игроков занимает положение страны-медиатора, стремясь извлекать пользу для АСЕАН из возможностей, которыми располагают как США, так и Китай и в то же время стараясь поддерживать принцип «асеаноцентричности» [Acharya 2017: 273-279]. Данный принцип находится под угрозой ввиду обострившегося китайско-американского соперничества

Все вышеперечисленные страны – члены региональной организации в ЮВА – объединяет общая стратегия, рассчитанная на втягивание КНР в структурированный диалог на основе механизмов АСЕАН для придания более предсказуемого характера

ее поведению в двусторонних отношениях и снижения риска вооруженного конфликта («вовлеченность»). При столкновении интересов нерегionalных государств страны АСЕАН (вне зависимости от степени их вовлеченности в спор) предпочитают балансировать положительные отношения с одними странами тесными отношениями с другими. Такая стратегия в экспертном сообществе получила название «хеджирование» рисков.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время на пространстве ЮВА складывается так называемый геополитический плюрализм, который особо ярко проявляется в балансировке менее крупных (региональных) государств между основными центрами силы с одновременной переориентацией первых на решение задач внутреннего развития. Но складыванию данной конфигурации предшествовал ряд качественных импульсов, которые отразили значимые тенденции в общей динамике изменений баланса сил в ЮВА (и в АТР - в целом), одновременно являясь и продуктом этих тенденций.

Экономические параметры регионального баланса сил

Если рассмотреть динамику баланса сил, то стоит отметить, что размывание биполярной структуры произошло в 1970-1980-х гг., когда Китай стал выдвигаться на позиции самостоятельного регионального игрока. Однако на протяжении 1990-х гг. в качестве источника направляющих экономических тенденций в регионе выступала Япония, действовавшая в союзе с США. С экономической точки зрения, в регионе была создана иерархически структурированная экспортно-ориентированная модель, которая, по мнению А.А. Рогожина, обеспечивала процесс так называемой реальной интеграции, встраивая страны региона ЮВА (Сингапур, Таиланд, Малайзию, Филиппины и Индонезию) в производственно-экспортные цепочки [Рогожин, Рогожина 2019: 3] (например – цепочка технологического экспорта, получившая название «гусиный клин»).

В конце 1990-х гг. данная система подверглась изменению после финансового кризиса 1997-1998 гг., который подорвал финансовые позиции Японии в регионе. Стратегическая ситуация в регионе изменилась, а структурные основы американской политики при администрации Дж. Буша-мл. в основном остались прежними. США заинтересованы были в консервировании устоявшегося регионального status quo, поскольку он являлся для них исключительно благоприятным: впервые за долгие десятилетия в этой части мира нет военно-политических соперников, способных реально угрожать или даже всерьез конкурировать с американским преобладанием.

В условиях отстранения США от проблем стран ЮВА во время финансового кризиса, а также отсутствия ресурсов у АСЕАН для противостояния подобным вызовам и угрозам Китай стал претендовать на статус регионального лидера, который мог бы предоставить странам АСЕАН привлекательные условия для ускоренного экономического развития и повышения совместной политической роли в мировых делах [Колотов 2011: 101]. Претензии на региональное лидерство поддерживались провозглашением создания «пояса добрососедства», идеологически подкрепленного концепцией гармоничного развития и «мирного возвышения» [Linetal 2011: 20].

В ходе азиатского финансового кризиса США пытались усилить свои позиции в регионе, но результат получился обратный (рост паназиатских и антиамериканских настроений в регионе). Китай же грамотно использовал ситуацию в своих интересах

и существенно укрепил свои позиции на местном рынке, оказывая экономическую помощь в период регионального кризиса 1997-1998 гг. и общемирового кризиса 2008-2010 гг., а также активно финансируя двусторонние инвестиционные проекты.

Объем инвестиций к 2017 г. увеличился в 9,3 раза⁵⁰. К примеру, в странах бассейна реки Меконг совокупный объем инвестиций достиг 69 млрд. дол. США за 2004-2015 гг. Причем, следует учитывать, что ключевым инвестором в Таиланде и СРВ выступает Япония. Китай – главный инвестор для Камбоджи (43 %), Лаоса (25 %) и Мьянмы (45 %) (см. табл. 1). Следует предположить, что заключенное соглашение о свободной торговле и по инвестициям АСЕАН–Гонконг–Китай (АНСФТА) в июне 2019 г. создаст предпосылки для наращивания инвестиционных потоков.

Таблица 1

**Доля КНР в прямых иностранных инвестициях (ПИИ)
в странах бассейна реки Меконг**

Страна	Всего ПИИ в 1995-2003 гг., млрд дол.	Доля КНР (вкл. Гонконг), % / млрд дол.	Всего ПИИ в 2004-2015 гг., млрд дол.	Доля КНР (вкл. Гонконг), % / млрд дол.
Вьетнам	44,787	9,9 / 4,444	229,426	8,3 / 19,146
Камбоджа	5,602	12,7 / 0,712	25,458	43 / 10,937
Лаос	5,449	4,9 / 0,265	19,333	25 / 4,83
Мьянма	7,592	3,1 / 0,235	55,851	45,4 / 25,377
Таиланд	66,688	2,6 / 1,734	133,472	6,4 / 8,54

Источник: [Suehiro 2017: 116]

С 2009 г. Китай становится главным торговым партнером АСЕАН, оттесняя США на 4-е место. В январе 2015 г. вступил в силу Договор о зоне свободной торговли (CAFTA), который открыл новую веху в торговом сотрудничестве стран региона ЮВА с Китаем. Постепенно увеличиваясь на 10-13 % в год, к 2017 г. взаимный торговый оборот достиг 441 млрд долл США (при дефиците стран АСЕАН в 81 млрд долл)⁵¹. Доля Китая во внешней торговле региона составила к 2017 г. более 16%, а в абсолютном выражении увеличилась с 1995 г. более чем в 20 раз⁵².

Все вышеперечисленное дает основание говорить о постепенном втягивании стран АСЕАН в орбиту влияния Китая, что подтверждает индекс потенциала внешнего влияния (Foreign Bilateral Influence Capacity (FBIC) Index), который учитывает экономические, политические аспекты и сферу безопасности. Особенно показателен в контексте увеличения зависимости стран АСЕАН от Китая уровень внешнего влияния в Таиланде и Индонезии – двух центрах силы АСЕАН. На Индонезию с 2000 по 2016 гг. влияние США сократилось на 2%, а в Таиланде на 8,4%. Обратная

⁵⁰ ASEAN Investment Report 2017, Foreign Direct Investment and Economic Zones in ASEAN. Jakarta: ASEAN Secretariat, October 2017.

⁵¹ ASEAN Key Figures 2018, Jakarta: ASEAN Secretariat, December 2018.

⁵² ASEAN International Merchandise Trade Statistics (IMTS), in US\$. ASEAN Statistics Web Portal. URL: <https://data.aseanstats.org/trade> (Дата обращения: 17.12.2020).

ситуация наблюдается со стороны Китая, который увеличил свое присутствие в этих двух государствах, достигнув 10 % присутствия в каждом из них [Moyer et al 2018: 28]. Таким образом, в течение периода 2000-2016 гг. Пекин занимает более выгодные позиции. Растущее китайское влияние не только привело к вытеснению конкурентов из региона, но и конвертировалось в контрольные доли влияния в экономически и политически неустойчивых странах.

Также следует отметить, что сложившаяся после мирового финансового кризиса конъюнктура в регионе отразилась на конкурентоспособности стран ЮВА. Согласно Global Competitive Index, конкурентоспособность большинства стран ЮВА (за исключением Сингапура) с 2013 г. (год провозглашения китайской инфраструктурной инициативы «один пояс, один путь») до 2019 г. неукоснительно снижалась. Наиболее уязвимыми местами в региональных экономиках выступали уровень технологического развития и инновационный потенциал⁵³.

В рамках объявленного «возвращения в Азию» Соединенных Штатов подразумевалось создать благоприятные внешнеполитические условия для американской экономики, включая экспортные и инвестиционные возможности в АТР. В 2016 г. в США состоялся саммит с главами государств АСЕАН, на котором были принят план действий на период 2016-2020 гг., проходящий под эгидой «развития взаимосвязанности США и АСЕАН». Он затрагивал инвестиционную, инновационную и энергетическую сферу. В плане стремления Вашингтона балансировать Китай во всех аспектах интерес представляет также «Инициатива по нижнему Меконгу», которая нацелена была на сотрудничество с теми странами, с которыми у Китая были наиболее тесные отношения.

Наиболее масштабной инициативой стал японо-американский проект Транс-Тихоокеанского партнерства (ТТП), который создавался для противодействия увеличению экономической взаимосвязанности Китая со странами ЮВА, проходившей в рамках форматах, исключавших США: АСЕАН+1 (Китай) и АСЕАН+3 (Китай, Республика Корея, Япония). ТТП должно было создать механизм либерализации торговли, который носил бы подлинно многосторонний характер и решавший новые задачи (например, по защите прав интеллектуальной собственности) в русле принципов «ВТО-плюс». Однако, как справедливо заметил эксперт аналитического центра Азиатского банка развития Ш.Хаманака, японо-американская инициатива была трудна для реализации развивающимися странами региона из-за отсутствия трансфера технологий, отмены преференциальной поддержки национальным предприятиям попадания в «ловушку» дешевой рабочей силы и сохранения низких доходов [Hamanaka 2014, 5-9]. Помимо этого, стоит отметить, что ТТП (исходя из его условий) явно противоречило проводимому Китаем курсу реформ и реализуемым по его инициативе проектам САФТА, а по сему, воспринималось исследователями Шанхайского института международных отношений как угрожающее китайским национальным интересам⁵⁴. Японо-американская инициатива не встретила поддержки у региональных стран (за

---

⁵³ Global Competitiveness Report 2019. World Economic Forum; The Global Competitiveness Report 2013–2014 Full Data Edition. World Economic Forum.

⁵⁴ 杨洁勉. 中国外交: 今年成绩超出预期: [Ян ЦзеМянь. Китайская дипломатия: результаты этого года превзошли все ожидания] // 上海国际问题研究院. 25.12.2014. URL: <http://www.siiis.org.cn/Research/Info/3889> (Дата обращения: 24.12.2020).

исключением Сингапура, Малайзии, СРВ и Брунея) отложив ее принятие на неопределенный срок, а в 2017 г. уже новая администрация Президента США от нее отошла.

Таким образом, в экономическом плане баланс сил, сместившись в пользу Китая после самоустранения США от проблем региона в период экономических кризисов, остался неизменным. Стратегия Б. Обамы по наращиванию американского присутствия в регионе, воплощенная в выдвижении программы по наращиванию взаимосвязанности с АСЕАН и консультациях по созданию мега-ЗСТ не принесла ощутимых результатов. Компетентность американского регионального лидерства была поставлена под сомнение Китаем, а позиции США в ЮВА начали существенно размываться.

Военно-политические параметры регионального баланса сил

Контурь актуального военно-политического измерения баланса сил начали формироваться с 2009 г. и были обусловлены изменениями ситуации в споре по ЮКМ. В 2009 г. Вьетнам подал совместную с Малайзией заявку в ООН, в соответствии с требованиями Конвенции по морскому праву 1982 г., в которой отразил свои позиции по вопросам ИЭЗ и границам континентального шельфа. Этой ситуацией не преминули воспользоваться США, введя в 2010 г. в спорные воды свои корабли. В ответ Пекин обнародовал т.н. «девятипунктирную линию», обозначившую сферу интересов Китая. В очерченной ею акватории (более 80% ЮКМ) странам запрещено использовать поверхность, морскую толщу и дно в экономических целях [Локшин 2015: 7]. В 2013 г., исчерпав дипломатические средства мирного разрешения спора, Филиппины в одностороннем порядке обратились в Гаагский арбитражный трибунал, который в июле 2016 г. вынес положительное для Манилы решение и счел исторически обусловленные основания КНР на акваторию ЮКМ, Парасельские острова и архипелаг Спратли безосновательными.

Данный тренд интернационализации территориального спора между Китаем и странами АСЕАН стал поводом для вовлечения в конфликт нерегиональных игроков (в первую очередь США), обладающих глобальными интересами и собственным видением международной ситуации. Для использования возможности увеличить свое влияние в южном «подбрюшье» Китая администрация Б. Обамы в 2010 г. провозглашает курс на «возвращение в Азию». Задачи данного курса были сформулированы в статье госсекретаря США Х. Клинтон «Наше тихоокеанское столетие», опубликованной в журнале *Foreign Policy* в 2011 г. Среди прочего упоминалась задача создать сеть партнерств и институтов в Тихоокеанском регионе, которая будет «столь же надежной и отвечающей интересам и ценностям Америки, как и связи, которые были налажены со странами по другую сторону Атлантики»⁵⁵. Данная масштабная политика имела объективные и основательные причины, которые обозначаются собирательным термином «возвышение Китая». Оно имело вполне ощутимые и поддающиеся количественному исчислению показатели.

Если обратиться к сводному индексу национального потенциала (CINC), для рассмотрения «жесткосиловых» показателей демографической, экономической и

---

⁵⁵ Clinton H. America's Pacific Century // *Foreign Policy*, 11 October 2011. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (accessed on 10.12.2020).

военной мощи региональных и нерегиональных игроков (см. табл. 2), то можно делать следующие выводы. Во-первых, рационально будет констатировать насущность стратегии по наращиванию американского присутствия в регионе, учитывая позитивную динамику, которую демонстрирует Китай, на фоне снижающихся показателей США и их стратегических союзников (Японии и Австралии). Во-вторых, нельзя не отметить значимость стран АСЕАН как для КНР, так и для США при переформатировании/сохранении баланса сил в ЮВА. Несмотря на то, что CINC учитывает лишь жёсткую силу и может дать оценку национальной мощи лишь в общих чертах, в данной конфигурации прослеживается тактика для возможного балансирования стремительно растущего китайского потенциала в ЮВА, путем сотрудничества стран АСЕАН как с восточноазиатскими державами, так и с игроком региона Индийского океана, имеющим несколько ограниченный потенциал.

Таблица 2

Сравнительный потенциал стран АТР

Страны	2006	2012	2018
КНР	17,8	21,8	22,3
США	15,4	13,9	13,4
Япония	4,1	3,5	3
Индия	7,6	8,1	8,6
Австралия	0,7	0,7	0,7
Страны АСЕАН	5,2	5	6

Источник: составлено автором на основе Correlates of War

В военно-стратегическом плане «возвращение» США в Азию проявилось в начавшейся переоценке американских военно-политических приоритетов за рубежом и выражении особой заинтересованности Америки в обеспечении свободы навигации на всем пространстве от Индийского до Тихого океана, включая Южно-Китайское море. В этом русле был провозглашен процесс перебазирования 60 % американского военно-морского флота в АТР к 2024 г. Также с 2013 г. стали проходить операции по обеспечению свободы судоходства (Freedom of navigation operation - FONOP), которые осуществляются ВМФ и ВВС США посредством прохода через спорные территории в ЮКМ. США активизировали двусторонние и многосторонние военные учения со многими странами АСЕАН, укрепляли ось США - Япония - Южная Корея – Австралия, а также США - Япония - Индия, создавали новые военные базы поблизости к Южно-Китайскому морю, в том числе военную базу в австралийском городе Дарвин [Koda 2016: 101-106]. Таким образом, военно-стратегическое присутствие США в ЮВА реализовывалось в многосторонних форматах с игроками АТР.

В качестве ответа на подобную политику обеспечения утраченного американского доминирования в регионе, можно рассматривать создание искусственных островов с последующим размещением на них объектов двойного назначения (взлетно-посадочных полос, способных принимать стратегические бомбардировщики; глубоководных гаваней). Кроме данных объектов КНР размещает

на искусственно созданных островах противокорабельные крылатые ракеты и радарные установки, апеллируя к необходимости защиты «государственной территории», что создало угрозу превращения транзитного узла мировой торговли во «внутреннее море» Китая. Размещение радарных установок и ракетных вооружений показывает, что всё идёт к завершению подготовки к объявлению в ЮКМ Зоны обязательного воздушного оповещения ADIZ, наподобие той, что была введена в 2013 г. в Восточно-Китайском море. Как отмечают эксперты Центра международных стратегических исследований США (CSIS), китайское позиционное превосходство в ЮКМ угрожает гипотетическим проецированием военной мощи КНР за пределы этого моря [Niebert, Poling 2015, 31-44]. В этом ключе уместно акцентировать внимание на том, КНР возвел глубоководные порты в Мьянме, Пакистане, Шри-Ланке, Бангладеш, а также многоцелевой порт в Джибути [Комиссина 2017, 75]. Данные объекты могут потенциально использоваться ВМС НОАК для обеспечения безопасности торговых маршрутов. Такое проецирование возросшей мощи КНР вынуждает внешних игроков реагировать сообразно с их интересами. Китайско-американская политика в регионе постепенно начинает проводиться по принципу «действие-противодействие».

Если снова обратиться к количественным показателям, чтобы оценить степень значимости военной составляющей для региональных и нерегиональных акторов, то можно отметить, что среди всех игроков, именно США демонстрируют рост военных расходов на протяжении 2010-х гг. Однако заметен также поступательный рост военных расходов в Китае и резкий скачок этого показателя в Индии (до 66 млрд. дол. США), что говорит о воплощении в жизнь стремления играть более активную роль на региональном поле. Наблюдается постепенный рост расходов на оборону в странах ЮВА. В совокупности они достигли 42 млрд. долл. (см. табл. 3). В абсолютном выражении по расходам на оборону США к 2018 г. превосходят Китай в 2,5 раза (в 2010 г. – превосходство было шестикратным). Наибольшая динамика в оборонных расходах (по абсолютному показателю) наблюдается у Пекина, что обусловлено его экономическим ростом, а также стимулом инвестировать в новые инструменты для защиты и реализации собственных морских притязаний.

Защитой территориального суверенитета и его морских прав и интересов Лю Цигуй, директор государственной океанической администрации КНР, объясняет появление цели «превращения Китая в морскую державу» на XVIII съезде КПК (2012 г.), высказанной председателем КНР Ху Цзиньтао⁵⁶. Повышением внимания к защите национальных интересов и достижению внешнеполитических целей можно объяснить учреждение нового для Китая органа – Совета государственной безопасности. Также отмечалось, что председатель во многом констатировал расширение ВМС НОАК функционала и географического охвата своей деятельности.

Служба стала охватывать широкий спектр небоевых задач, а оперативная зона деятельности флота выходит за пределы вод первой островной цепи, в то пространство, которое китайские стратеги называют «дальними морями», а океаническое пространство между первой и второй островными цепями приобретает огромное значение для китайской военно-морской стратегии [Лю 2013]. Это требует

---

⁵⁶胡锦涛在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告// доклад Ху Цзиньтао 18-му Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая, 08.11.2012). URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.html> (дата обращения: 31.12.2020).

дополнительного оснащения ВМС как модернизированными моделями десантных кораблей «Хайян Шань» с электромагнитными рельсовыми орудиями и авианосцами (к концу 2020 г. НОАК будет располагать тремя), так и дальнемагистральными океанскими разведывательными кораблями типа 636/636А, которые повысят стратегически-оперативный потенциал Китая уже за пределами ЮВА – на всем Индоокеанском пространстве. Таким образом, заметен тренд проникновения не только финансово-экономического влияния, но и военно-морской мощи Китая за пределы региона, что подтверждает некомпетентность американской политики «сдерживания Китая» и требовало ее пересмотра уже в новом трансрегиональном пространстве.

Для оценки военно-технических возможностей региональных и нерегionalных игроков следует обратиться к индексу военной мощи (GFI⁵⁷), который позволяет составить относительно объективную картину, учитывающую множество разнообразных факторов военно-технического характера (см. табл. 3). Примечательна заметная фрагментированность военного потенциала государств ЮВА, что значительно ограничивает возможности региональных акторов влиять на ситуацию возрастающего проецирования китайской военной мощи в регионе без помощи извне. Отсюда вытекает закономерность той политики, которую проводят региональные игроки, сотрудничая с США на двусторонней основе, проводя совместные учения (с 2019 г. были проведены первые учения США-АСЕАН). Страны региона объясняют это необходимостью совместной борьбы с транснациональными проблемами, намеренно не идентифицируя политику КНР как военно-политическую проблему [Huong 2019: 25]. Подчеркивая равенство партнеров по диалогу и устраняясь от противостояния Китая и США за региональное лидерство страны АСЕАН с момента встречи министров обороны на Филиппинах в 2017 г. в формате диалога ADMM+ согласовали с Китаем совместные военные учения в ЮКМ.

Нельзя не отметить существенный показатель Сил самообороны Японии, который дополняется повышением их потенциальной мобильности в связи с принятой летом 2015 г. поправкой в военную доктрину ССЯ, позволившей японской армии действовать за пределами собственного государства. Показатель военного потенциала Индии, позволяет сделать вывод о целесообразности попыток США и Японии опереться на нее в контексте балансировки Китая, отраженной в современных концепциях построения «Свободного и Открытого Индо-Тихоокеанского Региона». Интересную динамику демонстрирует Австралия. Наблюдается явный диссонанс между постулатами Белой книги по обороне 2013 г.⁵⁸, расширяющими зону интересов безопасности Австралии, и стремлением сократить финансирование обороны. Австралия, как представляется, берет на себя ответственность за укрепление безопасности более широкого, интегрированного Индо-Тихоокеанского региона и в то же время ограничивает себя в ресурсах для этого.

---

⁵⁷ GFI (Global Firepower Index) учитывает свыше 50 различных факторов, не принимая во внимание наличие/отсутствие ядерного оружия и особенности политического и военного руководства страны. В идеальном случае индекс государства должен равняться 0,0000.

⁵⁸ Defence White Paper 2013. Australian Government. Department of Defence. URL: https://www.defence.gov.au/Whitepaper/2013/docs/WP_2013_web.pdf (дата обращения: 14.12.2020).

Расходы региональных и нерегиональных акторов (млн. долл. США по курсу 2017 г.) и показатели Global Firepower Index

Страна	2010		2014		2018		GFI- 2019
	долл. США	% ВВП	долл. США	% ВВП	долл. США	% ВВП	
США	784,835	4,7	631,513	3,3	633,565	3,2	0.0615
КНР	137,890	2,1	191,627	1,9	239,223	1,9	0.0673
Индия	51,759	2,7	54,729	2,4	66,578	2,4	0.1065
Япония	44,496	1	44,836	1	45,362	0,9	0.1707
Австралия	22,447	1,9	22,981	1,8	26,835	1,9	0.3277
Индонезия	4,510	0,6	8,225	0,9	7,661	0,7	0.2804
Вьетнам	3,463	2,3	4,337	2,4	5,451	2,3	0.3988
Таиланд	5,138	1,6	5,462	1,4	6,420	1,3	0.4302
Малайзия	3,437	1,5	4,035	1,5	3,208	1	0.6524
Сингапур	9,048	3,4	8,743	3,1	10,458	3,1	0.8161
Филиппины	2,623	1,2	2,866	1,1	3,753	1,1	0.8862

Источник: составлено автором с использованием SIPRI Military Expenditure Database, Global Firepower 2019 World Military Strength Rankings.

В качестве промежуточного итога, можно сказать, что военно-техническая составляющая современного регионального баланса сил в известной степени детерминирует поведение акторов. Одной из объективных черт региональной подсистемы выступает нестабильность. Она стала причиной реформирования баланса сил в регионе. Возвышение нового лидера, неизбежно сопровождавшееся «выдавливанием» старого, вполне прогнозируемо привело к сопротивлению теряющему позиции игрока неблагоприятному тренду. Поводом для попытки США «перебалансировать» региональную подсистему выступила деятельность региональных игроков, обострившая спор в ЮКМ – стратегически важном для КНР регионе. Если заострять внимание на стратегии двух основных нерегиональных игроков, борющихся за региональное лидерство в данном регионе и заинтересованных в поддержании (КНР) и изменении (США) актуального баланса сил, то можем констатировать преимущественное использование первым игроком торгово-экономического влияния и намеренный упор на военную мощь для обеспечения присутствия в региональной подсистеме вторым игроком. Однако в последнее десятилетие заметно возросла военная составляющая в инструментарии КНР в обеспечении регионального доминирования. Сложившаяся конъюнктура особо показательно проявила себя в концепциях двух нерегиональных акторов по отношению к существующей региональной подсистеме международных отношений.

**Проекты США и Китая относительно существующего
регионального баланса сил**

Администрация Д. Трампа с самого прихода к власти стала рассматривать Китай как главную угрозу американским экономическим интересам и интересам

безопасности. Актуализацию этой проблемы исследователь сингапурского Института исследований Юго-Восточной Азии (ISEAS) Д. Сингх связывает напрямую с активно развивающейся и вовлекающей в свою орбиту новые государства китайской инициативой «один пояс, один путь» (ОПОП) [Singh 2019: 36]. Это представляется обоснованным: два субпроекта ОПОП (Экономический Пояс Шелкового Пути и Морской Шелковый Путь XXI в.) должны охватить в долгосрочной перспективе все ключевые регионы мира, включая Европу, Африку и Латинскую Америку [Чэн и др. 2019: 80]. Выдвижение данной инициативы изначально было обусловлено необходимостью найти пути преодоления серьезных структурных проблем экономики и стимулировать экономическое развитие самого Китая в сложный период структурной трансформации его социально-экономической модели.

Однако поскольку сферой деятельности китайской экономической инициативы было обозначено расширенное макро- и даже трансрегиональное пространство, то она стала задавать тренды для развития стран «большой периферии» и в первую очередь региона ЮВА, продолжая вытеснять из него США. Китайская инициатива привлекает региональных акторов возможностью перенаправления потоков экспорта товаров и капиталов в те государства, которые до сих пор не стали активными участниками мировой торговли. Это дает Китаю преимущество перед японо-американской инициативой ТТП (как и перед ТТП-11) и позволяет занять позицию лидера региональной экономической интеграции на многосторонней основе и, разумеется, повысить свою приоритетность в экономических и технологических региональных цепочках. Китайский подход к интеграции основывается на усилении взаимосвязанности, создании новых источников роста благодаря инфраструктурным проектам, предоставлении преференциального финансирования для привлечения инвестиций и развития торговли и активизации гуманитарных контактов [Arase 2015: 36-42]. Стоит отметить, что ОПОП разрабатывается в русле глобальной парадигмы построения «Сообщества единой судьбы для всего человечества» («Community of shared future for mankind»), один из атрибутов которой характеризуется развитием экономической либерализации и упрощением процедур в области торговли и инвестиций. Реализация данных положений приведет к переформатированию механизмов экономического роста в Азии и форсирует экономическое развитие.

Одним из наиболее эффективных инструментов её реализации применительно к ЮВА стала инициатива МШП, связывающая восточное побережье Китая с коммерческими портами Европы через Юго-Восточную Азию, Индийский океан и Средиземное море. Хабом морского пути должен стать Гуанси-Чжуанский автономный район, поскольку имеет три глубоководных порта, призванных стать ключевыми терминалами МШП. Отправной точкой для выстраивания инфраструктурной взаимосвязанности в ЮВА выбрана провинция Юньнань. Именно с нее начнется строительство Трансазиатской железнодорожной магистрали, которая должна соединить Куньмин с Вьентьяном (Лаос), Бангкоком (Таиланд), Ханоем (СРВ), Хошиминем (СРВ), Куала-Лумпуром (Малайзия) и Сингапуром. Она же станет отправной точкой для Экономического коридора Бангладеш–Китай–Индия–Мьянма. Данная инициатива, воплощающаяся в целом ряде инфраструктурных, инвестиционных и торговых проектах, позволит Китайской Народной Республике решить ряд важных экономических и политических задач. В число последних исследователи из Академии общественных наук Китая (CASS) относят перспективу

уменьшения влияния территориальных споров до «локального, краткосрочного и управляемого» состояния⁵⁹. Также можно отнести к политическим дивидендам повышение имиджа для снятия опасений по поводу роста его военных возможностей, а также устранение препятствий для экономического сотрудничества, что создаст гарантии для защиты от американской политики по созданию противовеса Китаю в Азии.

Однако ведущий китаевед института The Brookings Д. Доллар, отмечая созданную сеть финансовых институтов (Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Фонд Шёлкового пути и др.), которые оказывают финансово-инвестиционную поддержку в строительстве инфраструктурных объектов, высказывает опасения, что объединение развивающихся экономик в торговую и инвестиционную систему обеспечивает Китаю гегемонию без получения военного господства [Dollar 2015: 172]. Эти опасения разделяют в аналитических центрах АСЕАН, отмечая, что жесткое балансирование через формальные союзы и наращивание военного потенциала в современных условиях увеличения зависимости стран АСЕАН от китайских инвестиций не представляется возможным [Roberts 2018: 2]. Китай таким образом на основе значительного увеличения своей комплексной мощи предлагает свое лидерство в ЮВА (и в Азии в целом) на основе предоставления «общественных благ» экономического развития [Aoyama 2018: 25-38]. ОПОП должен способствовать продвижению китайской версии регионального порядка.

В тоже время принятие инициативы ОПОП демонстрирует некоторую модификацию внешнеполитического курса КНР, которая позволит занять и использовать лакуны, существующие в американской стратегии. Согласно мнению китайских экспертов, Китай должен скоординировать развитие регионального пространства и интегрировать его в рамках идей «прорыва на морском направлении» и «западного марша» (прямая отсылка к МШП и ЭПШП соответственно) [Li 2019: 3-29; Wang 2016: 457-459]. Более того, отношения со странами периферии стали характеризоваться в качестве приоритетного направления, а председатель КНР Си Цзиньпин увидел в реализации этой инициативы стратегическую цель воплощения «китайской мечты» и двух «целей столетия»⁶⁰. Иными словами, данная концепция соразвития и взаимовыгодной ситуации (win-win situation) для всех ее участников будет составлять основу внешней политики Китая в долгосрочной перспективе.

Более активное и уверенное применение КНР своей объективно возросшей мощи не могло не вызвать реакции у целого ряда стран, которые не были заинтересованы в том, чтобы Китай возглавил иерархический порядок в Азии. Одной из тенденций по реформатированию региональной подсистемы ЮВА является концептуальная разработка Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), которые активно циркулируют в экспертном и политическом дискурсе Японии, США, Австралии, Индии и стран АСЕАН.

---

⁵⁹ 邓之涓. “21 世纪海上丝绸之路”: 构筑中国与沿路国家新型经济关系 [Дэн Чжи Мэй. «Морской Шелковый путь 21-го века»: построение новых экономических отношений между Китаем и странами-партнерами] //中国社会科学院. 06.03.2015.

URL: http://cass.cssn.cn/chuangxingongcheng/201503/t20150306_1535630.shtml (дата обращения: 24.12.2020).

⁶⁰ 习近平在第二届“一带一路”国际合作高峰论坛记者会上的讲话 // выступление Си Цзиньпина на Втором форуме Саммита по международному сотрудничеству «Один Пояс Один Путь», 2019. URL: http://www.xinhuanet.com/2019-04/27/c_1124425067.htm (дата обращения: 31.12.2020).

Начало стратегического мышления в новом метарегиональном пространстве было положено японским премьер-министром С. Абе, который применил принципы политики формирования «дуги свободы и процветания» («Arc of freedom and prosperity»), провозглашенной им еще в 2007 г. на пространство между "двумя континентами": Азией, которая демонстрирует значительный рост, и Африкой, которая полна потенциала, и «двумя свободными и открытыми океанами» – Тихим и Индийским [Hosoya 2019: 23].

Американская стратегия «Свободного и Открытого ИТР» (Free and Open Indo-Pacific), провозглашенная на саммите АТЭС во Вьетнаме в 2017 г.⁶¹, с одной стороны концептуально дублировала японскую, а с другой – методически повторяла стратегию Б. Обамы с единственным отличием – интенсификацией активности по всем имеющимся аспектам. В мае 2017 г. Трамп утвердил план, по которому операции по поддержанию свободы навигации стали регулярными. А с 2018 г. они стали проводиться ежеквартально. Ожидаемым отличием стало переименование Тихоокеанского командования ВС США (USPACOM) в Индо-Тихоокеанское командование (USINDOPACOM) при сохранении прежней зоны ответственности. Были изменены даты передислокации 60% американского ВМФ в ИТР с 2024 г. на 2020 г. А четырехсторонний оборонный формат из США, Индии, Японии и Австралии («Quad») стал основой доктрины региональной безопасности, несмотря на несхожесть позиций государств, которые были выявлены в ходе консультаций 2017-2018 гг. [Chong, Wu 2018: 3]. Следует обратить внимание на то, что позиции «союзников» разошлись по вопросу выдвижения «сдерживания Китая» в качестве цели объединения. Использование т.н. «Малаккской дилеммы» – такого сценария, при котором США совместно с их союзниками могут перекрыть Малаккский пролив, – в настоящем времени не представляется возможным. В связи с этим односторонние американские жестко-силовые методы недопущения регионального лидерства КНР малоэффективны и опасно провокационны, что дает основание заявить о некомпетентности американской региональной политики.

Примечательно, что экономическая повестка после выхода США из ТТП долгое время даже не осмысливалась. В отличие от японской концепции СОИТР подразумевающей создание (совместно с Индией) азиатско-африканского экономического коридора между Азией и Африкой, администрация Д. Трампа ограничилась только крупными контрактами с пятью странами ЮВА, принесших США экономическую выгоду и политические дивиденды (нормализация отношений с тайландским премьер-министром). Ситуативное применение «шоппинг-дипломатии» не вылилось в более тесное торгово-экономическое сотрудничество и было задействовано исключительно для удержания региональных стран в орбите американского влияния и убеждении партнеров в преимуществах американской доктрины СОИТР. Только в 2018 г. руководство Государственного департамента США попыталось эту лакуну заполнить, провозгласив ряд программ для расширения экспорта американских энергоресурсов в регион с целью укрепления его энергетической безопасности и увеличения американских финансовых средств (до 213 млн долл.) для реализации проектов в ИТР на основе государственно-частного

---

⁶¹ Remarks by President Trump at APEC CEO Summit. Da Nang, Vietnam // The White House, November 10, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam/> (дата обращения 24.12.2020).

партнерства⁶². Однако для реализации экономической компоненты не созданы какие-либо многосторонние механизмы, что значительно ограничивает степень влияния ее на изменение баланса сил.

Политико-дипломатическое обеспечение американской доктрины среди стран ЮВА, которые должны были принять участие в ИТР на правах «второго контура» также нельзя назвать успешным. Региональные акторы, как и партнеры США по «Quad» заинтересованы в содействии созданию СОИТР, но только в той мере, в какой эта концепция не отчуждала бы Китай. Страны АСЕАН предпочли стратегию хеджирования рисков, при которой уступки одной великой державе компенсируются уступками другой. Следовательно, спроектированная в Стратегии национальной обороны 2018 г⁶³. «сетевая архитектура безопасности» при актуальной конфигурации регионального баланса сил труднореализуема.

Актуальный баланс сил в Юго-Восточной Азии

Для концептуализации актуального регионального баланса сил целесообразно будет рассмотреть треки взаимодействия между всеми игроками данной подсистемы международных отношений. Для анализа конфигурации этой сети можно представить взаимодействие всех элементов в виде связанной подгруппы, связи в которой не являются однородным (см. рис. 1). Для визуализации автор использовал жирные линии при обозначении наиболее интенсивного взаимодействия между элементами (уровня стратегического партнерства). Простыми линиями обозначается связь между элементами региональной подсистемы, базирующаяся преимущественно на экономическом взаимодействии. Штриховыми линиями отмечена связь между США и КНР (9), противостояние которых было усугублено после 2017 г. в связи с попыткой администрации президента США Д. Трампа предотвратить дальнейшую ревизию баланса сил в АТР в том числе крайне опасным путем сдерживания амбиций Китая в стратегически важном для него регионе ЮВА.

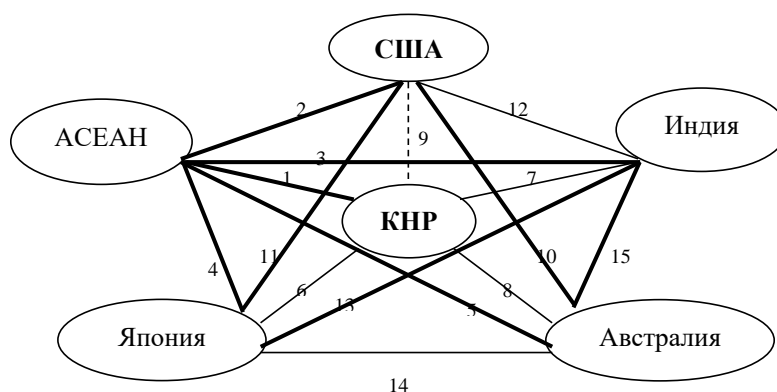

Рис. 1. Баланс сил на 2019 г.

⁶² A Free and Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision. Report // United States Department of State, November 4, 2019. P. 11-13. URL: <https://www.state.gov/a-free-and-open-indo-pacific-advancing-a-shared-vision/> (дата обращения 24.11.2020).

⁶³ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge // US Department of Defense, 2018. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 31.12.2020).

Следует обратить внимание на регионального игрока (АСЕАН), который посредством формата «стратегического партнерства ради мира и процветания» установил отношения со всеми ключевыми нерегиональными игроками. Этот формат в наибольшей степени отражает стремление АСЕАН к укреплению интеграционных процессов в регионе, которое в условиях многополярности и тектонических сдвигах в геополитической обстановке ЮВА (как и АТР – в целом) не осуществимо усилиями одной Ассоциации. Достижение региональной устойчивости было бы не мыслимо без налаживания стратегического сотрудничества с двумя крупными нерегиональными силами: КНР (1) и США (2).

С первой данный уровень отношений был достигнут в 2003 г. и был по большей мере связан с необходимостью купировать обострение противоречий по суверенитету в ЮКМ в условиях отсутствия единства по этому вопросу среди самих стран-членов. Также немаловажным является начало реализации полноценной двусторонней ЗСТ между АСЕАН и КНР, Рамочное соглашение о которой было подписано в 2002 г. [Cheng 2004: 9-11]. Это обусловило стремление АСЕАН наладить более тесные отношения с Китаем.

В 2015 г. руководство США подняло отношения со странами АСЕАН до уровня стратегического партнерства, выразив заинтересованность в укреплении центральной роли Ассоциации в процессах азиатско-тихоокеанского многостороннего сотрудничества⁶⁴. До уровня стратегического партнерства были подняты отношения АСЕАН с Индией в 2012 г. (3) и Японией (4) в 2013 г., что благотворно отразилось на расширении сфер и интенсификации сотрудничества. В 2014 г. АСЕАН и Австралия (5) заключили соглашение о стратегическом партнерстве, а год спустя приняли решение проводить саммиты на уровне глав государств и правительств каждые два года⁶⁵. Конечно, результаты установления партнерских отношений с внерегиональными акторами нельзя назвать впечатляющими, важно уплотнение «ткани» сотрудничества АСЕАН и игроков нового геополитического поля, что со временем может перевести его в новое качество.

Однако на конфигурацию баланса сил в ЮВА влияет и кооперация в сфере безопасности между нерегиональными игроками. США исторически обладают авторитетом «стратегического партнера» для Австралии (10) по Тихоокеанскому пакту безопасности 1951 г.⁶⁶ и Японии (11) после заключения Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности в 1960 г.⁶⁷. Данная область не отражена комплексным образом в американо-индийских отношениях (12), что обусловлено сохранением руководством Индии курса «позитивного нейтрализма», который позволяет поддерживать отношения с КНР в безконфронтационной тональности и сохранять свой статус среди стран третьего мира.

---

⁶⁴ Plan of Action to Implement. ASEAN — United States Strategic Partnership (2016—2020), November 2015 // ASEAN, 2015. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/27th-summit/statement/ASEAN-US%20POA%202016-2020_Adopted.pdf (дата обращения: 14.12.2020).

⁶⁵ Plan of Action to Implement. ASEAN-Australia Strategic Partnership (2015-2019), August 2015 // ASEAN, 2015. URL: <https://asean.org/storage/images/2015/November/ASEAN-Australia/ASEAN-Australia%20Strategic%20Partnership%20POA%202015-2019-Final.pdf> (дата обращения: 14.12.2020).

⁶⁶ Security Treaty between Australia, New Zealand and the United States of America (ANZUS), San Francisco, 1 September 1951. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/1952/2.html> (дата обращения: 14.12.2020).

⁶⁷ Treaty of mutual cooperation and security between the United States of America and Japan, January 19, 1960. URL: http://afe.easia.columbia.edu/ps/japan/mutual_cooperation_treaty.pdf (дата обращения: 14.12.2020).

Стратегическое сотрудничество Японии (6), Индии (7) и Австралии (8) с Китаем отсутствует ввиду разнообразных факторов, среди которых ведущими являются возросшая экономическая мощь, способная конвертироваться в политический капитал, проецирование китайского влияния на региональные и трансрегиональные государства, твердая позиция по суверенитету в ЮКМ – артерии мировой торговли. Однако перечисленные страны заинтересованы в наращивании динамики экономического сотрудничества с КНР, что наиболее ярко отразилось на результатах июньского саммита 2019 г., где главы государств АСЕАН+6 (кроме США) согласовали создание Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (крупнейшей ЗСТ в мире) к 2020 г.⁶⁸. Надо полагать, что данная ЗСТ экономически диверсифицирует политику всех заинтересованных игроков и внесет конструктивную лепту в индо-тихоокеанскую повестку. В контексте анализа актуального регионального баланса сил показателен тот факт, что несовпадение взглядов с США по ВРЭП не стало преградой для их партнеров по «Quad».

Японо-австралийские отношения (14) являют собой пример стабильного и долгосрочного партнерства, которое закреплено в обширной нормативно-правовой базе. После подписания Совместной декларации о сотрудничестве в области безопасности (JDSC) 2007 г.⁶⁹, затрагивающей как экономические аспекты, так и область безопасности, отношения между двумя полюсами АТР взяли курс на всестороннее стратегическое партнерство. Однако окончательному его оформлению в известной степени мешает союзнические отношения с США в формате «hub-and-spoke alliance» (наследие азиатско-тихоокеанской архитектуры безопасности в условиях биполярной системы). В этом контексте японо-австралийское стратегическое партнерство приведет к выравниванию безопасности и повышению статуса двух «квази-союзников» [Wilkins 2015: 99-110] в формате «Quad», что не отвечает интересам США. Примечательно, что отношения на треках Индия-Япония (13) и Индия-Австралия (15) продуктивно развиваются в русле стратегического партнерства [Mohan, Chauhan: 2016], что отвечает интересам каждой стороны по диверсификации оборонных связей.

Выводы

Анализ баланса сил в ЮВА в контексте стратегического взаимодействия КНР и США для обеспечения регионального лидерства в данной подсистеме международных отношений позволяет вынести ряд обобщающих оценок. Сложившаяся ситуация в регионе характеризуется тактической активизацией Китая как в экономической, так и в политической сфере. В военно-политическом плане превосходство США в регионе сохраняется, однако, способы его осуществления осложняют обстановку в ЮВА, заставляя Китай реагировать по принципу «действие-противодействие». Заметна активизация Австралии, Японии и Индии, которые рассматриваются США как противовес Китаю на расширенном географическом пространстве. Эти страны заинтересованы в оспаривании доминирования Китая, предлагающего региональным игрокам альтернативы экономического развития,

---

⁶⁸ RCEP leaders agree to sign trade pact in 2020 // ASEAN, November 7, 2019. URL: <https://asean.org/rcep-leaders-agree-sign-trade-pact-2020/> (дата обращения: 19.12.2020).

⁶⁹ Japan-Australia Joint Declaration on Security Cooperation // Ministry of Foreign Affairs of Japan, 13.03.2007. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/australia/joint0703.html> (дата обращения: 19.12.2020).

связанные с инфраструктурной по форме и стратегической по назначению инициативой ОПОП. Вовлечение в региональную структуру большего числа государств отвечает стратегии АСЕАН балансировать в условиях политики США по изменению баланса сил и предотвращению доминированию Китая в регионе, приводящего к напряженности в региональной подсистеме международных отношений.

Анализ проектов, направленных на изменение баланса сил в регионе, дает основание заключить, что все они расширяют границы Азиатско-Тихоокеанского пространства. Американская концепция ИТР инертна по отношению к стратегии «перебалансировки» администрации Б. Обамы. Военно-политическое измерение проекта ИТР имеет ярко выраженный стратегический характер и нацелено на ограничение действий Китая в ЮВА. Однако экономическая компонента отстает от китайской инициативы «один пояс, один путь» с точки зрения возможностей развития для региональных стран. Японская и индийская инициативы, не обладая привносимой США через Четырехсторонний оборонный формат («Quad») идеей сдерживания Китая, направлены на включение стран ЮВА в трансрегиональные проекты, а также содержат традиционные для АСЕАН положения (морская безопасность, свобода судоходства, первостепенность международного права). Единство позиций Австралии, Японии, Индии и США по будущему метарегиональному пространству на данный момент не достигнуто, а дальнейшая институционализация нового регионального пространства под эгидой США труднодостижима. Сама АСЕАН заинтересована в формулировании консолидированного ответа в условиях меняющейся геополитической реальности и не допущения дезинтеграции внутри самой Ассоциации. Китайская инициатива ОПОП, реализуемая в рамках построения Сообщества единой судьбы и направленная на изменение status quo в регионе, выглядит перспективнее, поскольку реализуется в соответствии с изначально поставленными целями, вводя в свою орбиту новых партнеров.

В совокупности эти факторы дают основания констатировать: принцип обеспечения силового превосходства в ЮВА остается для американской политики при нынешней администрации основополагающим; другие нерегиональные и региональные игроки, имея конгруэнтное и взаимодополняемое видение нового метарегионального пространства, постепенно отказываются от идеи сдерживания Китая в пользу формирования механизмов сотрудничества, не противоречащим существующим структурам АСЕАН. Создание многосторонних механизмов углубит интеграцию АСЕАН с партнерами, оформят баланс сил в ЮВА с вовлечением стран ИТР и поспособствуют консолидации стран АСЕАН в переговорах по юридически обязательному Кодексу поведения в Южно-Китайском море.

Список литературы

Дегтерев Д.А., Худайкулова А.В. Баланс сил в международно-политической науке: теоретические концепции и прикладной анализ // Национальная безопасность / Nota Bene. 2018. № 1. С. 1 - 12.

Золотухин И.Н. Территориальные споры в Южно-Китайском море: современное состояние проблемы // Известия Восточного института. 2017. № 4 (36). С. 13–24.

Колотов В.Н. Международные отношения в Азии: опыт геополитической интерпретации // Международные процессы. 2011. 9 (03). С. 97-104.

Комиссина И.Н. Морской Шелковый путь XXI в. - глобальный геополитический проект Китая // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 1. С. 60-81.

Локшин Г.М. Южно-Китайское море: острова раздора // Азия и Африка сегодня, 2015. №9. С. 2-9.

Понька Т.И., Бельченко А.С., Трусова А.А. Двухвекторный подход КНР к разрешению территориальных споров в Южно-Китайском море // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. 17 (03). С. 518—529. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-518-529

Рогожин А.А., Рогожина Н.Г. Юго-Восточная Азия в приоритетах российской политики «поворота к Азии» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 2019. 12 (01). С. 185—203. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-185-203

Худайкулова А.В., Рамич М.С. “Квад 2.0”: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 23-43. DOI: 10.17976/jpps/2020.03.03

Цветов А. П. Вьетнамо-американское сближение в 2014-начале 2015 гг.: тенденции, мотивы и ограничения // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. № 26. С. 156-173.

Чэн Г., Чэнь Л., Дегтерев Д.А., Чжао Ц. Значение стратегии «Один пояс, один путь» для Китая и Евразии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. 19 (01). С. 77—88. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88

Acharya A. The Myth of ASEAN Centrality? // Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Studies. 2017. 39 (02). P.273-279.

Aoyama R. China's Foreign Policy as a Rising Power. In Decoding the Rise of China: Taiwanese and Japanese Perspectives. Singapore: Springer, 2018. P. 11-38. DOI: 10.1007/978-981-10-8288-7_2

Arase D. China's Two Silk Roads Initiative: What It Means for Southeast Asia // Southeast Asian Affairs. 2015. P. 25—45.

Bateman S., Bergin A.

New challenges for maritime security in the Indian Ocean— an Australian perspective // Journal of the Indian Ocean Region. 2011. 7 (01), P. 117-125. DOI: 10.1080/19480881.2011.587335

Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. N.Y.: Basic Books, 1997. 215 p.

Buzan B., Weaver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Cheng J.Y. The ASEAN-China Free Trade Area: genesis and implications // Australian Journal of International Affairs. 2004. 58 (01). P. 257-277. DOI: 10.1080/1035771042000220114

Chong A., Wu Shang-Su. 'Indo-Pacific' vs 'Asia-Pacific': Contending Visions? RSIS Commentary, February 28, 2018. URL: https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/cms/co18034-indo-pacific-vs-asia-pacific-contending-visions/#.X_NVfxZS-Uk (accessed on 20.12.2020).

Dollar D. China's rise as a regional and global power: The AIIB and the 'one belt, one road' // Horizons. 2015. No. 4. P. 162-172.

Gopal P. Maritime Security in the Indo-Pacific: The Role of the US and its Allies // *Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India*, 2017. 13 (01). P. 27-40. DOI: 10.1080/09733159.2017.1321208

Hamanaka S. Trans-Pacific Partnership versus Comprehensive Economic Partnership: Control of Membership and Agenda Setting. Working Paper № 146. Office of Regional Economic Integration, Asian Development Bank, 2014. 36 p.

Hiebert M., Poling G.B. Examining the South China Sea Disputes. Papers from the Fifth Annual CSIS South China Sea Conference. Center for Strategic and International Studies. 2015. 94 p.

Holmes J.R., Winner A.C., Toshi Y. Indian Naval Strategy in the Twenty-First Century. Abingdon: Routledge, 2009. 201 p.

Hosoya Y. FOIP 2.0: The Evolution of Japan's Free and Open Indo-Pacific Strategy // *Asia-Pacific Review*, 2019. 26 (01). P.18-28. DOI: 10.1080/13439006.2019.1622868

Hughes C.W. Japan's Grand Strategic Shift: From the Yoshida Doctrine to an Abe Doctrine? In *Strategic Asia 2017-2018. Power, Ideas, and Military Strategy in the Asia-Pacific*. Ed. by Tellis A., Szalwinski A., Wills MWashington, D.C.: NBR, 2017. P. 72-105.

Huntington S. The lonely superpower // *Foreign Affairs*. 1999. 78 (02). P. 35-49.

Huong L.T. China's dual strategy of coercion and inducement towards ASEAN // *The Pacific Review*. 2019. 32 (01). P. 20-36. DOI: 10.1080/09512748.2017.1417325

Koda Y. Maritime Security in the Region: SCS and ECS as Key Arenas for Converging Political Interests // *Asia-Pacific Review*. 2016. 23 (02). P. 86-108. DOI: 10.1080/13439006.2016.1256077

Koga K. Japan's strategic interests in the South China Sea: beyond the horizon? // *Australian Journal of International Affairs*, 2018. 72 (01). P. 16-30. DOI: 10.1080/10357718.2017.1399337

Kok-Kheng Y.E., Le C., Yemo Z. China–Malaysia Trade, Investment, and Cooperation in the Contexts of China-ASEAN Integration and the 21st Century Maritime Silk Road Construction // *The Chinese Economy*. 2018. 51 (04). P. 298-317. DOI: 10.1080/10971475.2018.1457318

Li X. (Ed.). *Mapping China's 'One Belt One Road' Initiative*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 303 p. DOI: 10.1007/978-3-319-92201-0

Mohan R., Chauhan R. India–Japan Strategic Partnership: Deepening India-Japan Relations in the Asian Century. In *Poised for Partnership: Deepening India-Japan Relations in the Asian Century*. Mukherjee R., Yazaki A. (Ed.). Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 179-206. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199466481.003.0007

Moyer J.D. et. al. *Power and Influence in a Globalized World*. The Atlantic Council and Pardee Center for International Futures, University of Denver, 2018. 36 p.

Roberts C.B. The South China Sea Precedent: Rising Instability Amidst Revisionist Tendencies. RSIS Commentary, August 3, 2018. URL: https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/rsis/co18133-the-south-china-sea-precedent-rising-instability-amidst-revisionist-tendencies/#.X_NZlxZS-Uk (accessed on 20.12.2020).

Singh A. K. China's Creeping Maritime Assertiveness. Institute for Defence Studies and Analyses (IDSA) Issue Briefs, January 03, 2017. URL: https://idsa.in/issuebrief/china-creeping-maritime-assertiveness_aksingh_030117 (accessed on 20.12.2020).

Singh D. How will shifts in American foreign policy affect Southeast Asia? // *ISEAS – YusofIshak Institute*. 2019. No, 15. 48 p.

Suehiro A. China's offensive in Southeast Asia: regional architecture and the process of Sinicization // *Journal of Contemporary East Asia Studies*. 2017. 6 (02). P. 107-131. DOI: 10.1080/24761028.2017.1391619

Wang Y. Offensive for Defensive: The Belt and Road Initiative and China's New Grand Strategy // *The Pacific Review*, 2016. 29 (03). 455–463.

Weatherbee D.E. International Relations in Southeast Asia: The Struggle for Autonomy. Lanham: Rowman & Littlefield publishers, 2009. 323 p.

Wilkins T. From Strategic Partnership to Strategic Alliance? Australia-Japan Security Ties and the Asia-Pacific // *Asia Policy*. 2015. № 20. P. 81-111. DOI: 10.1353/asp.2015.0028

刘氣香. 乘勢而上再奪海洋工作新勝利 [Лю Цигуй. Использование возможностей для достижения максимальной эффективности морских стратегических инициатив] // *中国海洋报*, Special edition, January 11, 2013. URL: <http://www.oceanol.com/guoji/col518.html> (дата обращения: 31.12.2019).

2.2. ПОДХОДЫ АСЕАН К ИЗМЕНЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АТР⁷⁰

Н.Л. Верещагина, М.А. Шпаковская*

Окончание «холодной войны» ознаменовало изменение расстановки сил в различных регионах мира, в том числе и в Юго-Восточной Азии (ЮВА). Биполярная система международных отношений подразумевала разделение регионов на страны, поддерживающие ту или иную сверхдержаву, и на страны, политика которых была направлена на неприсоединение к какому-либо лагерю. Крушение биполярного мира привело к трансформации международных отношений в различных регионах, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), где активизировались внутрорегиональные процессы. Большую роль в формировании новой архитектуры в ЮВА сыграла Ассоциация стран Юго-Восточной Азии – АСЕАН (Association of South East Asian Nations – ASEAN) [Меньшикова 2012: 101]. Отправной точкой в создании Ассоциации стала Бангкокская декларация, подписанная 8 августа 1967 г. Окончательное договорное оформление АСЕАН произошло в 1976 г. после подписания Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии и Декларации согласия АСЕАН.

Первоначально в АСЕАН вошли Таиланд, Индонезия, Малайзия, Сингапур и Филиппины. В дальнейшем круг участников расширился, к Ассоциации присоединились Бруней, Вьетнам, Лаос, Мьянма и Камбоджа. Изначально вошедшие в Ассоциацию страны ставили перед собой преимущественно цели по обеспечению региональной безопасности – сформировать в ЮВА пространство, ограждённое от военных конфликтов Индокитая⁷¹.

Главной отличительной чертой АСЕАН является приоритет коллективных интересов над индивидуальными интересами государств-членов в ходе принятия решений по различным вопросам. Подтверждением тому являются саммиты глав государств и правительств, на которых решения принимаются путём консенсуса.

Ассоциация не является донором, который выделяет экономическую помощь, подобно Европейскому союзу. Страны, входящие в АСЕАН, прежде всего, ориентируются на политическую интеграцию посредством экономических региональных связей для укрепления государственной независимости, ускорения хозяйственного развития и защиты государственных интересов в условиях глобальной конкуренции с помощью защитных механизмов, в том числе и с помощью коллективных протекционистских мер.

Лидеры стран АСЕАН придерживаются мнения, что реализация поставленных целей невозможна без тесной кооперации с другими экономиками стран региона. Так, создаются межрегиональные структуры сотрудничества: АСЕАН+3 с КНР, Японией и Республикой Корея, АСЕАН+6 с Индией, Австралией и Новой Зеландией. Наиболее широкий круг отношений состоит из всех стран Азиатско-Тихоокеанского

⁷⁰ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ-ВАОН № 20-514-92001 «Российско-вьетнамское сотрудничество в контексте современной геополитической ситуации в Восточной Азии».

* **Верещагина Наталья Леонидовна** – студентка 2 курса бакалавриата кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Зарубежное регионоведение», e-mail: natverleo@gmail.com; **Шпаковская Марина Анатольевна** – д.и.н., профессор, профессор кафедры ТИМО РУДН, e-mail: shpakovskaya-ma@rudn.ru.

⁷¹ АСЕАН: региональное объединение с глобальными целями // Международная жизнь, 17.11.2017. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/18780> (дата обращения: 11.12.2020).

экономического сотрудничества (АТЭС), включая США, Канаду, ЕС, Россию и другие внерегиональные государства. Для сотрудничества в рамках расширенных связей АСЕАН проводятся такие мероприятия, как Форум АСЕАН по вопросам региональной безопасности (АРФ), Форум Азия–Европа (АСЕМ), а также прочие неофициальные мероприятия [АСЕАН ... 2010: 5-8].

Ведущими акторами в АТР являются КНР, США и Япония, которые преследуют собственные цели в ЮВА, в том числе и в рамках диалога с АСЕАН.

С момента окончания Первой индокитайской войны ЮВА продолжительное время находилась в фокусе американской политики. После Второй индокитайской войны регион стал играть большую роль во внешней политике США. Однако, возросшее влияние Китая как в Южно-Китайском море, так и в ЮВА в целом стало фактором усиления соперничества между Китаем и США. Присутствие США в регионе поддерживают ряд политических и экономических кругов ряда стран ЮВА. Так, сингапурские парламентарии и американские бизнесмены настоятельно призывали вернуть американскую мощь в ЮВА, филиппинские лидеры также обращались к американскому истеблишменту с просьбой обеспечить безопасность Филиппин в связи с действиями КНР в Южно-Китайском море. Расширение влияния Китая было связано с желанием вернуть зону морского влияния, потерянную в эпоху исторической слабости [Понька, Бельченко, Трусова 2017]. Однако, подобные действия вызывали обеспокоенность государств-членов АСЕАН, поскольку для противодействия КНР требовался сильный игрок, и таким игроком стали США, для которых страны АТР являются важными экономическими партнёрами в сфере инвестиций, торговли и высоких технологий [Мосяков 2015: 26-28]. «Поворот в сторону Азии» произошёл после речи Б. Обамы в Канберре в 2011 г. По заявлению президента США, с завершением войны в Ираке и выводом войск из Афганистана американская политика переключит внимание на АТР [Япония в Азии 2013: 238].

Согласно меморандуму, разработанном Рабочей группой по АТР в Американском институте предпринимательства (American Enterprise Institute), успех отношений США со странами АСЕАН заключается в содействии экономической интеграции и либерализации, укреплении альянсов и военной силы в АТР. Следует отметить, что по состоянию на 2015 г. американские военные базы расположены в таких странах-участницах АСЕАН, как Таиланд и Филиппины, помимо этого военные базы располагаются на территории Японии и Республики Корея. Подобное расположение американских вооружённых сил вызывает обеспокоенность КНР, которая наращивает военную мощь в противовес. США стремятся достичь превосходства одновременно в различных областях: в воздухе, на море, на суше, в киберпространстве и в космосе, что позволит сдержать КНР от открытых действий по отношению к странам АСЕАН.

В отличие от США, Китай для продвижения своих целей в регионе в целом и со странами АСЕАН в частности задействует такие элементы политики «мягкой силы», как культурные и идеологические ценности для точечного влияния на наиболее политически активные и влиятельные слои общества [Япония в Азии 2013: 276]. Так, пограничные с КНР районы Мьянмы и Лаоса тесно связаны с китайским бизнесом. Помимо этого, сотрудничество со странами АСЕАН даст возможность Китаю выйти к Индийскому океану, что может кардинально изменить военно-стратегические возможности государства. Успех укрепления КНР на южных побережьях обеспечивает

строительство таких инфраструктурных объектов, как нефтяные трубопроводы. Китай также всегда культурно и политически присутствовал в регионе, к имперскому Китаю обращались с призывом о помощи страны, подвергшиеся нападению соседей. Кроме того, учитывая проживающую в регионе диаспору из 30 млн. этнических китайцев, которые активно задействованы в местной экономике, Китай имеет преимущества перед США в расширении зоны своего влияния в АТР.

Стоит отметить, что военные действия против Вьетнама (1979 г.) и нерешенные территориальные споры с Филиппинами подорвали лидирующие позиции Китая среди стран региона. Во время финансового кризиса 1988 г. китайское правительство оказывало материальную поддержку соседним странам, что восстановило доверие к КНР в регионе.

В 1997 г. между КНР и государствами-членами АСЕАН был подписан документ о Добрососедском партнерстве и о взаимном доверии, который предусматривал равноправие сторон, взаимное уважение, необходимость выработки общих правил в Южно-Китайском море. Для укрепления растущего доверия между КНР и странами АСЕАН в 2002 г. был подписан целый комплекс документов: Декларация о правилах поведения в Южно-Китайском море, Совместная декларация о сотрудничестве в сфере безопасности, Рамочное соглашение о комплексном экономическом сотрудничестве и Меморандум о взаимопонимании в вопросах сельского хозяйства. В 2003 г. КНР присоединилась к Договору АСЕАН о дружбе и сотрудничестве и подписала совместную Декларацию о стратегическом партнёрстве ради мира и процветания. Помимо этого, политика Китая демонстративно проводилась по пути укрепления доверия на двустороннем уровне. Так, в период 1992-2000 гг. состоялись несколько раундов переговоров между КНР и Вьетнамом по спорным территориям.

Китайские лидеры отмечают, что Китай стремится проводить политику в ЮВА на основе пяти принципов мирного сосуществования. По заявлению члена Госсовета КНР Дай Бинго на секретариате АСЕАН в 2010 г., КНР не стремится стать гегемоном, страны АСЕАН могут развивать отношения с Китаем как с соседом и другом [Мосяков 2010: 7-12].

Важным аспектом взаимоотношений АСЕАН и КНР является создание зоны свободной торговли (ЗСТ), что подтверждает подписание в 2005 г. соглашения АСЕАН+1. На очередном саммите Ассоциации в 2015 г. было объявлено о завершении формирования Экономического сообщества как единого рынка товаров, услуг, капитала и квалифицированной рабочей силы, при этом окончательное завершение оформления данного объединения планируется на 2025 г. Данная дата является сроком устранения таможенных пошлин менее развитыми странами АСЕАН [ASEAN Economic Community 2016: 59-78].

Важным шагом на пути дальнейшей экономической интеграции региона явилось подписание 15 ноября 2020 г. в Ханое на саммите АСЕАН, проходившем в режиме телемоста, соглашения о создании крупнейшей зоны свободной торговли в истории – Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП). Подписанию этого соглашения предшествовали восьмилетние переговоры, продолжительное обсуждение условий соглашения, устранение разногласий между участниками, выход Индии из соглашения. При этом за бортом ВРЭП оказались США. В итоге был дан старт новому проекту, который объединяет 15 стран, генерирующие 30 процентов мирового ВВП и объединяющей свыше 2 млрд населения. Данное соглашение, по

оценкам специалистов, нацелено скорее на гармонизацию, а не на изменение существующих «правил игры» в торговле и явилось ключевой вехой в развитии мегарегионализма⁷².

Соглашение с Китаем включает разделы по торговле товарами, на 90% которых к 2010 г. была ликвидирована таможенная пошлина в шести экономически более развитых странах Ассоциации. Так, по правилам ВТО, требующих либерализации не менее 90% товаров взаимной торговли, ЗСТ по соглашениям АСЕАН+1 выстроены со многими странами региона (Япония, Австралия, Республика Корея и другие), в том числе и с КНР [Костюнина 2017: 443-445].

Следует отметить, что вопреки возрастающему экономическому влиянию на страны АСЕАН политические и социокультурные позиции Китая не только не усиливаются, но в лучшем случае находятся на том же уровне. Страны-участницы Ассоциации в политике и социокультурной сфере ориентируются на США [Мосяков 2017: 19-21].

Помимо США и Китая в АТР имеет большое влияние на АСЕАН ещё один игрок – Япония. В японской официальной помощи развитию (ОПР) одной из приоритетных задач является сотрудничество со странами Ассоциации. Так, на 2017 г. около 60% двусторонней ОПР, которую получают государства-участники АСЕАН поступает из Японии. На саммите АСЕАН 2003 г., среди других документов было подписано соглашение о многостороннем экономическом сотрудничестве между АСЕАН и Японией, которые были ориентированы на развитие в приоритетных областях сотрудничества со странами Ассоциации: усиление интеграции, повышение конкурентоспособности стран АСЕАН и борьба с терроризмом, пиратством и другими транснациональными проблемами⁷³.

В 1980-х гг. многие японские транснациональные компании создавали производственные базы в ЮВА, тем самым вкладываясь в экономику стран АСЕАН, посредством не только создания рабочих мест, но и передачи технологий, которые позволили странам Ассоциации сформировать экспортно-ориентированную экономику, настроенную на рынки Европы и Северной Америки [Япония в Азии 2013: 180]. Однако, в начале XXI в. Япония оказалась в тени Китая [Ali and others 2013: 2]. Соглашение о ЗСТ АСЕАН+1 с Японией было подписано позже, чем с Китаем – 2008 г. [Костюнина 2017: 443] После того, как в 2003 г. КНР подписала Договор АСЕАН о дружбе и сотрудничестве, Япония сделала то же самое, но спустя год.

Однако, сложно утверждать, что Япония уступила Китаю место на региональной сцене, так как по-прежнему остаётся источником прямых иностранных инвестиций и ОПР для стран Ассоциации. Стремление Китая и Японии к упрочению влияния в ЮВА привели к расширению формата АСЕАН+1 до АСЕАН+3, куда вступила Республика Корея. Обсуждение сотрудничества в рамках данного формата имеет следующие цели: координация валютной политики, введение восточноазиатской валюты, развитие финансовых рынков. Однако, обострение в 2012-2013 гг. территориальных и политических противоречий между странами завело переговоры в тупик, чем

---

⁷² Лисоволик Я. ВРЭП: ключевая веха в развитии мегарегионализма // Международный дискуссионный клуб Валдай, 09.12.2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vrep-klyuchevaya-vekha-v-razvitii-megaregionalizma/> (дата обращения: 20.12.2020).

⁷³ Japan's Official Development Assistance. White Paper 2003 // Ministry of Foreign Affairs of Japan, 2003. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/oda/white/2003/index03.html> (accessed: 28.12.2020).

воспользовался Китай, взяв под контроль переговорный процесс в формате АСЕАН+6, который был инициирован Японией в 2006 г. Теперь именно данный формат рассматривается как интеграционный механизм [Япония в Азии 2013: 181-190]. Япония, подобно США, стремится вернуть влияние в регионе и «сдержать» Китай. По линии ОПР Япония планирует предоставить оборудование для укрепления потенциала морских держав АСЕАН в рамках региональной безопасности. Так, например, Япония обеспечит Филиппины патрульными судами для решения вопроса о спорных территориях с КНР в Южно-Китайском море [Япония в Азии 2013: 249]. Однако, и у Японии есть территориальные споры с Китаем – острова Сенкаку, решение вопроса по которым дестабилизирует не только двусторонние отношения стран, но и отношения с США, стремящихся дистанцироваться от подобных споров в Азии.

Важным аспектом в рамках вопроса о балансе сил в АТР является сотрудничество Японии и США. Осуществление миссий в Афганистане и Ираке заложило основы для дальнейших действий по обеспечению не только региональной, но и глобальной безопасности. В 2005 г. стороны приняли документ под названием «Общие стратегические цели», который обозначил круг совместных интересов, укрепил механизм координации и взаимодействия вооруженных сил двух стран. Так, Япония стала передовым командным постом для глобального распространения американской военной силы посредством передачи функции военного командования Первого корпуса Армии США в Кэпм Зама, префектура Канагава. Помимо этого, произошло усложнение функций японских сил самообороны, теперь они не только защищают территорию страны от нападения, но и участвуют в миротворческих операциях, операциях по восстановлению и ликвидации последствий гуманитарных катастроф и стихийных бедствий, которые происходят в различных регионах мира [Япония в Азии 2013: 243-244].

Следует отметить, что союз Японии и США несёт идейную нагрузку. Так, в Белой книге по обороне подчёркивается, что «японо-американский союз в международном сообществе играет важную роль в продвижении таких общих фундаментальных ценностей, как демократия, верховенство закона, уважение к правам человека и экономика капиталистического типа»⁷⁴. Участие в союзе подразумевает для Японии дилемму, больше похожую на балансирование между риском остаться без союзника и риском быть втянутой в военные действия, которые ведёт союзник. Использование расплывчивости формулировок, в частности, касающихся «чрезвычайных ситуаций» в районах, прилегающих к Японии», использование конституционного запрета на коллективную самооборону и другие методы помогают государству избегать рисков, связанных с военным альянсом [Япония в Азии 2013: 245].

Таким образом, АСЕАН представляет собой коллективный альянс, в котором не выделяется одно лидирующее государство. Общность в принятии решений позволяет АСЕАН играть важную роль в ЮВА по обеспечению безопасности и развитию экономики. Ассоциация сотрудничает с важными экономическими и политическими игроками АТР – Китаем, США и Японией, каждый из которых стремится играть ведущую роль в региональной политике, используя различные методы. Так, Китай

---

⁷⁴ Defense of Japan. Annual White Paper. 2012. P. 220. // Ministry of Defense of Japan, 2012. URL: https://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/2012.html (accessed: 28.12.2020).

больше ориентируется на «мягкую силу» и экономику, а США и Япония, выступая военным альянсом, предоставляют странам АСЕАН гарантию безопасности от угрозы, которая может исходить от КНР, если в регионе не будет присутствовать сила, способная сбалансировать влияние Китая.

Япония способствует поддержанию американского военного присутствия в регионе, помогая союзникам США в АТР, в частности, среди стран АСЕАН, укреплять свои позиции. В центре внимания Японии стоит соблюдение гарантий того, что морское региональное пространство находится под управлением закона, а не силы, гарантом чего, по мнению японского руководства, является США.

Политика США в отношении КНР основывается не только на сдерживании, но и на поддержании конструктивных отношений. Обострение отношений между Китаем и Японией может отрицательно отразиться на американской внешнеполитической стратегии. Поэтому для США необходимо формирование новой структуры безопасности в данном регионе, согласно политике Администрации, Д. Трампа, таким форматом станет четырехсторонний формат, членами которого являются США, Япония, Австралия и Индия.

Страны АСЕАН балансируют между тремя важными партнёрами, поддерживая сложившее равновесие с целью извлечения выгоды из своего положения между противостоящими сторонами.

Список литературы

АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / Под ред. Е.В. Кобелева, Г.М. Локшина, Н.П. Малетина. М.: ИД «ФОРУМ», 2010. 368 с.

Конопьянова Л.О. Официальная помощь развитию Японии в странах АСЕАН // Вестник Томского университета. 2018. №426. С. 130-132.

Костюнина Г.М. Интеграционная модель АСЕАН+1: основные положения соглашений и влияние на внешнеэкономические связи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. 17 (03). С. 411-457. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-441-457

Меньшикова С.М. Роль АСЕАН в становлении региональной архитектуры в АТР // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №4. С. 101-108.

Мосяков Д.В. «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2010. №14. С. 5-22.

Мосяков Д.В. Основные цели и стратегии США в ЮВА // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. №29. С. 26-32.

Мосяков Д.В. Парадоксы развития стран АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. №34. С. 18-23.

Понька Т.И., Бельченко А.С., Трусова А.А. Двухвекторный подход КНР к разрешению территориальных споров в Южно-китайском море // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. 17 (03). С. 518-529. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-518-529

Япония в Азии: параметры сотрудничества / Под редакцией Э. В. Молодяковой и С. Б. Маркарьян. М.: АИРО-XXI, 2013. 312 с.

Ali M., Katsumata H. East Asian Cooperation: Japan Falling Behind China? // RSIS, 2013. №2.

ASEAN Economic Community: A Model for Asia-wide Regional Integration? / Ed. by M. Mikic, B. Jetin. Palgrave MacMillan, 2016. 350 p.

2.3. БАЛАНС СИЛ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ⁷⁵

Р.Ф. Кудакеев, М.Б. Нармаев, Е.С. Бедерина, Е.В. Журавлева*

В данной статье приводится исследование стратегической расстановки сил в регионе, мнения ведущих мозговых центров главных акторов Северо-Восточной Азии (СВА), а также ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП), которая является важным фактором, влияющим на региональный баланс сил. Предпринята попытка спрогнозировать сценарии развития сложившейся ситуации.

Стратегическая расстановка сил в Северо-Восточной Азии. КНР и США как главные центры силы в регионе

По словам К. Либерталя и Ц. Вана, после окончания «холодной войны» стратегия Китая заключалась в том, чтобы играть пассивную роль в отношениях с США. Этот подход строился на исключении конфронтации, улучшении сотрудничества, уменьшении разногласий и создании механизма взаимного доверия⁷⁶. Тем не менее, К. Либерталь и Ц. Ван далее утверждают, что в правительстве КНР полагают, что США стремятся помешать Китаю стать великой державой, и американская стратегия продвижения демократии предназначена для установления гегемонии во всем мире. Кроме того, вопреки заверениям американцев в том, что они не ставят целью сдерживать КНР, пристальное наблюдение со стороны их военно-морских и военно-воздушных сил за границами Китая также вызывает озабоченность у китайского правительства.

В аналогичном исследовании Ван Юань Кан утверждает, что руководители и аналитики КНР считают, что США намерены оставаться единственной сверхдержавой мира после окончания холодной войны и полны решимости сохранить свое превосходство в Азии⁷⁷. Анализируя китайскую точку зрения, американцы рассматривают растущую мощь северо-восточного государства как препятствие для глобальных амбиций США и как угрозу безопасности, направленную на возглавляемый ими порядок. По этой причине в Пекине полагают, что США стремятся сдерживать Китай, рассматривая его как стратегического соперника, бросающего вызов американской гегемонии [Deng 2001]. С этой точки зрения США представляют угрозу КНР, а не наоборот. Дипломатическое и военное взаимодействие американцев с региональными акторами еще больше усилило опасения Китая по поводу стратегии сдерживания, в особенности отношения с Японией и Южной Кореей.

Согласно Дж. Айкенберри, американская внешнеполитическая стратегия в Восточной Азии после окончания холодной войны была выстроена на основе

⁷⁵ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ-КАОН № 20-514-93003 «Россия и Китай в мировом политическом пространстве: согласование национальных интересов в глобальном управлении».

* **Кудакеев Родион Фидельевич** – магистрант кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Зарубежное регионоведение», e-mail: rfkudakaev@gmail.com; **Нармаев Морхаджи Бамбаевич** – магистрант кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Международные отношения», e-mail: narmaev1995@mail.ru; **Бедерина Екатерина Сергеевна** – студентка 5 курса бакалавриата ВГСПУ, направление подготовки «Педагогическое образование» (английский, китайский языки), e-mail: kbederina@yandex.ru; **Журавлева Евгения Владимировна** – к.и.н., старший преподаватель кафедры ТИМО РУДН, e-mail: zhuravleva_ev@rudn.ru.

⁷⁶ Lieberthal K., Wang J. Addressing US-China Strategic Distrust // Brookings Institution, 2012. P. 52. URL: http://yahuwshua.org/en/Resource-584/0330_china_lieberthal.pdf (дата обращения 12.12.2020).

⁷⁷ Wang Yuan-Kang China's Grand Strategy and U.S. Primacy: is China Balancing American Power? // Brookings Institution, 2006. P. 31. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/wang2006.pdf> (дата обращения 22.12.2020).

либерального гегемонистского порядка, базирующегося на двусторонних альянсах в области безопасности с Японией, Тайванем, Южной Кореей и другими странами, а также сложной системы экономической взаимозависимости, которая позволяет этим государствам экспортировать свою продукцию в США в ответ на обеспечение их безопасности. Благодаря такого рода экономическим договоренностям и мерам Вашингтон сохраняет свою лидирующую роль, усиливая геополитическое присутствие в Восточной Азии [Ikenberry 2004]. Эта парадигма получила название «Hub and Spokes» («Узел и спицы»), в котором в качестве связующего узла роль играет США, а спицы – это Тайвань, Южная Корея и Япония.

Если рассматривать внешнюю политику США в Восточной Азии на сегодня, то в Стратегии национальной безопасности (далее Стратегия) Д. Трампа⁷⁸ огромное внимание уделяется увеличению численности вооруженных сил, их модернизации и повышению боеспособности, в свою очередь, согласно документу, Китай и Россия «бросают вызов» американскому могуществу.⁷⁹ При этом в Стратегии прямо заявляется, что диктатура в Северной Корее угрожает американцам, их союзникам и приводит к дестабилизации региона. Это во многом говорит о том, что Вашингтон рассматривает Россию и Китай в качестве своих главных конкурентов в данном регионе, а КНДР в качестве угрозы США, и ради противостояния им американцы готовы наращивать свою боевую мощь и своих союзников.

Проведя анализ последних встреч представителей США и КНДР, можно заметить, что они не приносят положительного результата. Хотя американцы заявляют, что они идут на все возможные уступки КНДР. В подтверждение этому может быть то, что США заблокировали заседание Совбеза ООН по правам человека в КНДР⁸⁰, что было сделано, по мнению экспертов, на фоне все более агрессивной риторики Пхеньяна. Но все же переговоры в Стокгольме, проведенные в начале октября 2019 г., по словам представителя КНДР, Ким Мён Гиля, были провалены, и США «разочаровали» КНДР, а также было заявлено, если США не избавятся от «враждебной политики», не предложат реалистичного решения по денуклеаризации и гарантий безопасности до конца года, Северная Корея не будет продолжать переговоры. При этом сами американцы уверяют, что дискуссии прошли в положительном ключе⁸¹. Во многом США придерживаются утверждений, заявленных в Стратегии, в том плане, что будут совершенствовать варианты принуждения к денуклеаризации Корейского полуострова.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что как США, так и Китай признают друг друга в качестве соперничающих центров силы. При этом большая роль отдается остальным акторам. А одним из главных дестабилизирующих факторов в регионе является корейский вопрос, который может привести к смещению баланса.

---

⁷⁸ National Security Strategy of the United States of America, 12.2017 // White House, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения 10.12.2020).

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ «США заблокировали заседание Совбеза ООН по правам человека в КНДР» // Deutsche Welle, 10.12.2019. URL: <https://www.dw.com/ru/сша-блокировали-заседание-совбеза-оон-по-правам-человека-в-кндр/a-51603252> (дата обращения 10.12.2020).

⁸¹ «Швеция в ближайшие недели вышлет США и КНДР приглашение на новые переговоры» // РИА Новости, 23.10.2019. URL: <https://ria.ru/20191023/1560095857.html> (дата обращения 10.12.2020).

Влияние России и Японии на стратегическую конфигурацию сил в регионе

Россия является для Соединенных Штатов одним из главных стратегических соперников в регионе СВА, и российские власти активно используют гуманитарную помощь и торговлю ради улучшения отношений с КНДР⁸². Поскольку Соединенные Штаты твердо придерживаются принципа невзаимности и отсутствия компромиссов, навязывая Северной Корее только односторонние решения, это может разрушить уже достигнутые результаты во взаимоотношениях США-КНДР. В этом контексте КНДР и Россия разделяют мнение о том, каким образом необходимо разрешить ядерную проблему Корейского полуострова (ЯПКП) и построить мирное сообщество в СВА.

Однако, как и остальные страны региона, Российская Федерация была недовольна ракетно-ядерными испытаниями КНДР и поддержала международные санкции, а также временно понизила уровень политических контактов с Северной Кореей⁸³. Однако у России по-прежнему остались рычаги влияния на своего соседа: прием северокорейских студентов на обучение, предоставление работы северокорейским гастарбайтерам, сотрудничество в экономической и транспортной сферах и т.д. [Лукин 2017].

Российская Федерация и КНР регулярно проводят военные учения «Морское взаимодействие», в том числе и в Северо-Восточной Азии⁸⁴. Совместные маневры флотов двух государств создают угрозу морской гегемонии США в регионе, а также являются одной из гарантий безопасности на Корейском полуострове – ни России, ни Китаю не нужен конфликт, тем более с применением ядерного оружия.

Вместо того, чтобы в одностороннем порядке призывать к санкциям и давлению на Северную Корею, нужно учитывать страх КНДР относительно своей национальной безопасности, а также принимать во внимание ее положение и права как суверенного государства. Именно такое отношение может привести к денуклеаризации, а не к «компенсации после денуклеаризации»⁸⁵, как предлагал Чон Сон Чан, эксперт института короля Седжона. Но пока что США активно используют санкции в качестве средства давления, смягчая их шаг за шагом, что имеет некоторые свои результаты. Россия, в свою очередь, должна будет активно сотрудничать с северокорейской стороной по урегулированию ядерной проблемы, созданию системы мира и экономического сотрудничества в СВА, чтобы укрепить здесь свои позиции.

В качестве противовеса КНР японо-американский альянс имеет решающее значение для расстановки сил в регионе с точки зрения сдерживания Китая и обеспечения ведущей роли США в вопросах региональной безопасности⁸⁶. С момента окончания Второй мировой войны американо-японский альянс остается сильным и устойчивым механизмом сотрудничества в области обеспечения безопасности их союзников в Восточной Азии. Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности

---

⁸² «Межгосударственные отношения России и КНДР» // РИА Новости, 25.04.2019. URL: <https://ria.ru/20190425/1552978551.html> (дата обращения 10.12.2020).

⁸³ Путин ввел санкции против КНДР // Интерфакс, 16.10.2017. URL: <https://www.interfax.ru/russia/583421> (дата обращения 10.12.2020).

⁸⁴ Россия и Китай: начали военно-морские учения в районе Корейского полуострова // Парламентская газета, 18.09.2007. URL: <https://www.pnp.ru/politics/rossiya-i-kitay-nachali-voenno-morskie-ucheniya-v-rayone-koreyskogo-poluostrova.html> (дата обращения 10.12.2020).

⁸⁵ «Эксперт из Южной Кореи предложил пять этапов денуклеаризации КНДР» // РИА Новости, 11.12.2018. URL: <https://ria.ru/20181211/1547776890.html> (Дата обращения 10.12.20120).

⁸⁶ Maizland Xu. The U.S.-Japan Security Alliance // Council on Foreign Relations, July 1, 2014. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/us-japan-security-alliance> (дата обращения 20.11.2020).

гарантирует США наличие военных баз в Японии, а взамен Вашингтон гарантирует Токио оборону в случае нападения⁸⁷. В настоящее время около 50 000 американских военнослужащих находятся в Японии, половина из них находится в Окинаве [Chanlett-Avery 2019].

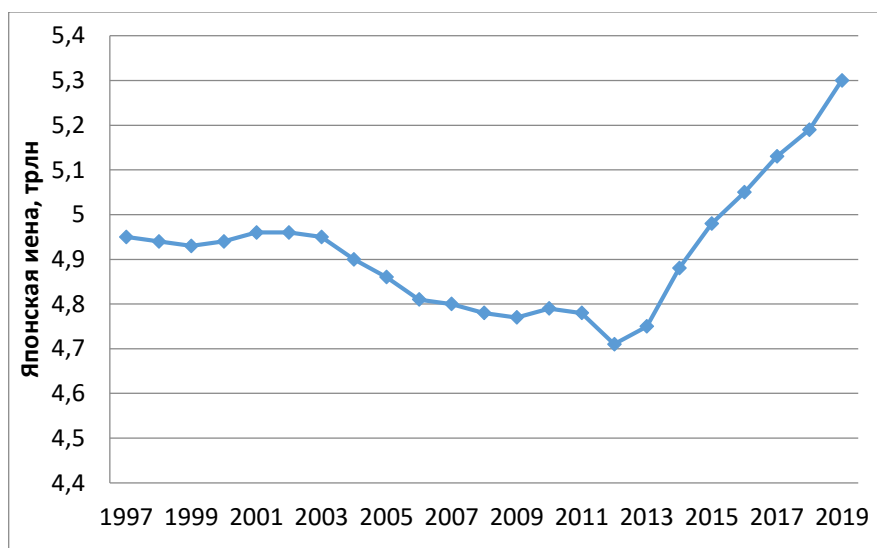

Рис. 1. Динамика оборонного бюджета Японии с 1997 г. по 2019 г.

Источник: Defense Programs and Budget of Japan // 防衛省 - Ministry of Defense, 08.2018. Р. 4. URL: https://www.mod.go.jp/e/d_budget/pdf/310118.pdf (accessed on 20.12.2020).

Как мы можем увидеть, расходы Японии на оборону с каждым годом увеличиваются. По утверждениям японских СМИ, обсуждение военного бюджета не ведется на «достойном» уровне. А увеличение расходов связывают с ускоренным импортом дорогостоящего оружия из США такого, как наземные системы противоракетной обороны Aegis Ashore, зенитные ракеты SM-6 и истребители F-35B⁸⁸. Вдобавок ко всему, плата за пребывание американских солдат и офицеров довольно высока. Япония отвергла последнее предложения Д. Трампа о повышении выплат за защиту в четыре раза - до 8 млрд долларов⁸⁹.

Таким образом, США в основном посредством союзнических отношений с Японией в области безопасности и экономики стремятся утвердиться в качестве лидера Восточной Азии и помешать Китаю достичь региональной гегемонии.

Внешняя политика КНДР в регионе на фоне ракетных испытаний и резкой риторики в адрес ключевых региональных акторов способствовала улучшению сотрудничества между Японией и США. Два ракетных испытания, проходившие 29 августа и 15 сентября 2017 г., стали новым видом провокаций из-за дальности ракет, которые показали, что запуски КНДР могут достигнуть американской территории в Тихом океане. Кроме того, Северная Корея уже продемонстрировала возможность

⁸⁷ Allen J., Sugg B. The US-Japan Alliance // Brookings Institution, 2016. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/Paper-2v2.pdf> (дата обращения 12.12.2020).

⁸⁸ 戦略から決めるべき国防費。なぜGDP比で語る // The Asahi Shinbun, 14.08.2018. URL: <https://globe.asahi.com/article/11739192> (дата обращения 10.12.2020).

⁸⁹ Япония отказалась платить 8 млрд долл. США за пребывание американских солдат // РБК, 16.11.2019 URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/11/2019/5dd047f89a79474b918b1ed1> (дата обращения 11.12.2020).

наносить удары и по японским территориям⁹⁰. В этой крайне нестабильной ситуации США и Япония заявили, что будут наращивать свое оборонное сотрудничество против возможных нападений Северной Кореи⁹¹.

Взаимоотношения КНДР и РК

в рамках регионального стратегического многоугольника

На межкорейском саммите в Пханмунджоме лидеры РК и КНДР провозгласили укрепление военного доверия, построение мирного режима на Корейском полуострове через обмены и сотрудничество между Севером и Югом, и, конечно, денуклеаризацию Северной Кореи⁹². После саммита Север-Юг, когда был объявлен саммит КНДР-США, у всего мира вновь появилась надежда на мирное развитие событий на Корейском полуострове.

Ликвидация ядерного полигона Пхунгери стала важным шагом на пути к полной денуклеаризации Северной Кореи. Освобождение трех американцев, которые были задержаны по подозрению в шпионаже также получило положительный отклик у американского президента Д. Трампа.

Однако в преддверии запланированных на май 2018 г. переговоров на высшем уровне между Севером и Югом, Северная Корея неожиданно заявила о своем решении отложить их на неопределенный срок, уведомив об этом председателя комитета по мирному объединению Кореи. 17 мая того же года правительство Южной Кореи провело заседание Постоянного комитета Совета национальной безопасности, по итогам которого было сделано заявление: «Мы решили провести консультации с Северной Кореей для проведения текущих переговоров на высоком уровне между Севером и Югом. Стороны продолжают координировать свою позицию по различным каналам между США-РК и КНДР-РК, чтобы встречи могли успешно проводиться в духе взаимного уважения»⁹³.

Для разрешения разногласий между США и КНДР необходимо активизировать переговорный процесс между ними.

Проблемы Корейского полуострова в исследованиях американских think tanks

Ограничение или устранение потенциальной ядерной угрозы со стороны КНДР является ключевым аспектом внешнеполитической стратегии США. Но важно помнить, что это только часть жизненно важных стратегических интересов Вашингтона в СВА. США находятся в состоянии торговой войны с Китаем и должны приложить массу усилий для того, чтобы перейти от противостояния к сотрудничеству.

---

⁹⁰ Panda A. The Calculated Logic Behind North Korea's Missile Tests // The Diplomat, September 21, 2017. URL: <http://thediplomat.com/2017/09/the-calculated-logic-behind-north-koreas-missile-tests/> (дата обращения 15.11.2020).

⁹¹ Torbati, Yeganeh. U.S., Japan Step up Defense Cooperation to Counter N. Korea // Reuters, August 18, 2017. URL: <https://www.reuters.com/article/us-northkorea-missiles/south-koreas-moon-says-north-korean-nuclear-tipped-icbm-is-a-red-line-idUSKCN1AX0A4> (дата обращения 14.11.2020).

⁹² Panmunjom Declaration on Peace, Prosperity and Reunification of the Korean Peninsula // Ministry of Foreign Affairs of Republic of Korea. URL: http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5478/view.do?seq=319130&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=1&titleNm= (Accessed: 15.12.2020).

⁹³ National Security Council Standing Committee Convince. URL: <https://english1.president.go.kr/BriefingSpeeches/Briefings/261> (Accessed: 07.12.2020).

Кроме того, для них необходимо поддерживать и укреплять партнерство со своими давними союзниками: Республикой Корея и Японией⁹⁴.

Также американские ученые опасаются усиления сотрудничества между КНДР и РФ [Kim 2019]. Руководители Северной Кореи прекрасно понимают свою зависимость от Китая и поэтому стремятся в качестве противовеса активизировать связи со своим северным соседом – Россией. И им удалось добиться определенных успехов: запущен и действует логистический проект «Хасан-Раджин», разрабатываются планы по развитию военного сотрудничества⁹⁵.

Северокорейские провокации и угрозы создали нестабильную обстановку как на Корейском полуострове, так и во всем мире. Разработка ядерного оружия и баллистических ракет в КНДР увеличивает вероятность его применения против государств региона. По мнению профессора истории Военной академии США, в Вест-Пойнте Дж. Джентиле, Соединенные Штаты, их союзники и другие заинтересованные державы, включая Китай и Россию, должны принять участие в процессе денуклеаризации КНДР [Gentile, Crane 2019]. Неспособность достичь консенсуса по проблемам ядерной безопасности на Корейском полуострове неизбежно приведет к ошибкам, просчетам и эскалации напряженности в регионе.

После провала саммита КНДР-США в Ханое будущее дипломатии между США и КНДР весьма туманно. Северная Корея все еще имеет возможность производить и размещать ядерное оружие и баллистические ракеты. Санкции в отношении КНДР также в силе. На данный момент остается лишь надеяться, что обе стороны в скором времени смогут найти новые точки соприкосновения и организуют новый саммит, где будут достигнуты определяющие договоренности по ядерной безопасности Корейского полуострова⁹⁶.

Мозговые центры КНР о проблемах Корейского полуострова

В китайских «мозговых центрах» существует мнение, что Китай и США должны усилить информационный обмен по региональным проблемам СВА. В условиях «мирного противостояния» [Фэн 2016] государства вынуждены обороняться от потенциального соперника и как следствие растет враждебность в самом регионе. Как отмечают китайские исследователи: для поддержания мира и стабильности в СВА необходимо усилить обмен информацией между Китаем и США по вопросам безопасности, которые могут спровоцировать конфликты. При этом, по их мнению, важно сконцентрировать свое внимание на трех аспектах: во-первых, создание специализированных информационных каналов связи, которые могут быть выведены из существующих механизмов диалога между Китаем и США и антикризисного контроля; во-вторых, сосредоточиться на стратегическом сборе информации и

---

⁹⁴ Cordesman A. H. *Looking Beyond the Nuclear Dimension: The Other Side of the North Korean Threat* // Center for Strategic and International Studies, 2018. URL: <https://www.csis.org/analysis/looking-beyond-nuclear-dimension-other-side-north-korean-threat/> (Accessed: 02.12.2020).

⁹⁵ См.: К россиянам симпатия особая // Российская газета, 02.10.2019. URL: <https://rg.ru/2019/10/02/posol-macegora-tovarooborot-rossii-s-kndr-ostaetsia-minimalnym.html> (Дата обращения 29.12.2020); В Пхеньяне замглавы МО РФ и министр обороны КНДР обсудили сотрудничество // РИА Новости, 04.07.2019. URL: <https://ria.ru/20190704/1556191226.html> (дата обращения 29.12.2020).

⁹⁶ Sang H.L. *Denuclearizing North Korea: Challenges and Opportunities after Hanoi* // Institute for Security and Development Policy, 2019 URL: <http://isd.dp.eu/content/uploads/2019/09/Denuclearizing-North-Korea-FA-04.09.19.pdf> (accessed: 12.12.2020).

информировании; в-третьих, обратить внимание на эффективность передачи информации [Ци, Ли, Пань, У 2016].

Однако китайские исследователи [Линь, Чэн 2017] также понимают, что США рассматривают КНР в качестве конкурента, поэтому Пекин должен принять во внимание геополитическую стратегию США «сдерживания Китая». Перед лицом ядерной проблемы Китай должен учитывать следующие геополитические факторы: сможет ли Северная Корея сохранить определенную жизнеспособность, сможет ли полуостров продолжать поддерживать мир и стабильность, сможет ли полуостров двигаться к единству и насколько вырастут военные силы США на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии. Именно такие вопросы на данный момент интересуют китайские «мозговые» центры.

По мнению китайского эксперта, США и Китай должны четко сформулировать свои основные интересы в Северо-Восточной Азии, чтобы не касаться стратегических сфер друг друга, что является предпосылкой для продуктивного взаимодействия двух стран в регионе. [Zheng 2017] Китай должен прояснить свои основные интересы в Северо-Восточной Азии, и не дать США иллюзию произвольного определения развития ситуации здесь.

Как мы можем увидеть, внимание китайских ученых направлено на анализ деятельности США в СВА и поиск возможных подходов избегания прямого столкновения стратегических интересов.

Корейский вопрос в работах российских исследователей

Проблема Корейского полуострова занимает далеко не последнее место в исследованиях российских ученых. Особенно большое количество работ посвящено анализу внешней политики Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки в Северо-Восточной Азии.

Главной темой исследований стали ракетно-ядерные испытания КНДР и ответная бурная реакция США. Хотя эксперты полагают, что главной целью США является Китай, который стоит за спиной у КНДР. Известный кореевед А.З. Жебин считает, что американцы с целью шантажа используют угрозу боевого столкновения с КНДР, что Китай не сможет оставить без внимания. Таким способом американцы принуждают Пекин принять «мировой и региональный порядок, возглавляемый США» [Жебин 2017].

При этом нужно отметить, что хотя Республика Корея вслед за американцами вводит в одностороннем порядке санкции и продвигает национально ориентированную внешнюю политику, сохраняя союз с США, президент РК Мун Чжэ Ин отмечает важность трехстороннего сотрудничества Россия-РК-КНДР [Жебин 2017]. Из этого следует, что господин Мун, признавая проамериканскую внешнюю политику, все же планирует отстаивать независимые от США стратегические проекты.

Российская же сторона неизменно подчеркивает важность денуклеаризации Корейского полуострова и стабилизации отношений между главными соперниками, а также выполнение всех соответствующих требований СБ ООН [Жебин 2017]. Россия старается соблюдать нейтралитет по отношению к сторонам конфликта, но при этом партнерство с КНР и отношения с КНДР, «проверенные временем», склоняют чашу весов в северокорейскую сторону. По мнению российских ученых, Москва имеет

возможность сыграть роль миротворца с помощью трехстороннего сотрудничества РФ-РК-КНДР [Ким 2019].

Проанализировав позицию отечественных исследователей, можно сделать вывод, что центрами силы на Корейском полуострове, по их мнению, являются: США и КНР, однако отмечается важная роль Российской Федерации в достижении поставленных задач по урегулированию конфликта и обеспечению безопасности в регионе.

Шестисторонние переговоры и их роль в денуклеаризации Корейского полуострова

Несмотря на то, что еще в апреле 2009 г. шестисторонние переговоры (КНДР, Южная Корея, РФ, Япония, США и Китай) были заморожены, КНР и Россия по-прежнему не оставляют надежд на их возобновление. По мнению посла по особым поручениям МИД РФ Олега Бурмистрова, именно шестисторонние переговоры являются оптимальным форматом по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова⁹⁷. В 2013 г. Китай активизировал свои усилия по возобновлению переговоров, предложив провести неофициальную встречу между участниками. Однако Соединенные Штаты неохотно отнеслись к этой идее, настаивая на том, чтобы Пхеньян сначала выполнил свои прошлые обязательства по демонтажу ядерной программы, прежде чем переговоры будут возобновлены [Пак 2012].

Во время первой встречи Ким Чен Ына и В.В. Путина российский президент подчеркнул, что основным условием нормализации обстановки на Корейском полуострове является восстановление доверия между всеми заинтересованными сторонами. В будущем восстановление шестистороннего формата переговоров позволит дать КНДР международные гарантии безопасности, что в свою очередь поспособствует денуклеаризации Корейского полуострова и нормализации отношений между всеми региональными акторами⁹⁸.

К сожалению, на данный момент сотрудничество в рамках шестисторонних переговоров приостановлено. По заявлению министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, Россия и Китай совместно разработали дорожную карту, основанную на принципе встречных шагов⁹⁹. Позиция Российской Федерации предельно ясна: денуклеаризации можно добиться только дипломатическими методами, поэтапно соглашаясь на взаимные уступки без, прежде всего, ущерба для репутации США и КНДР¹⁰⁰. КНР, хотя и крайне недовольная ядерными испытаниями Северной Кореи, все же выступает против усиления санкций и поддерживает стремление России к поступательному и мирному решению проблемы [Морозов 2018].

Однако, США и КНДР по-прежнему не готовы сделать первый шаг: стороны не доверяют гарантиям друг друга. Несмотря на временное потепление в отношениях, в декабре 2019 г. посол Северной Кореи в Организации Объединенных Наций Ким Сонг заявил, что КНДР не намерена обсуждать денуклеаризацию острова с США, так как

⁹⁷ «Посол РФ: переговоры о денуклеаризации КНДР должны идти в шестистороннем формате» // ТАСС, 19.07.2018. URL: <https://tass.ru/politika/5386705> (дата обращения 07.12.2020).

⁹⁸ «Итоги встречи Владимира Путина и Ким Чен Ына» // ТАСС, 25.04.2019. URL: <https://tass.ru/politika/6376965> (дата обращения 13.12.2020).

⁹⁹ «Лавров: план РФ и Китая по корейской проблеме рассматривается заинтересованными странами» // ТАСС, 08.10.2019. URL: <https://tass.ru/politika/7092755> (дата обращения 17.12.2020).

¹⁰⁰ Там же.

данный диалог являлся «уловкой, позволяющей сэкономить время» американскому президенту для решения своих внутренних политических проблем¹⁰¹.

Самую непримиримую позицию по решению ядерной проблемы полуострова занимает Япония. Бывший премьер-министр страны Синдзо Абэ полагал, что Северной Корее нельзя доверять – в прошлом КНДР уже обещала прекратить разработку ядерного оружия, однако после достижения уступок со стороны международного сообщества, руководство страны быстро «забывало» про данные обязательства¹⁰². Поэтому остается лишь один путь – увеличение давления на Пхеньян.

Спецпосланник южнокорейского президента Сон Ён Гиль ранее уже заявлял о необходимости возобновления шестисторонних переговоров. Он призвал представителей США и Японии разделить порыв их российских и китайских коллег в стремлении разморозить переговоры¹⁰³.

Таким образом, вероятность возобновления шестисторонних переговоров в ближайшем будущем довольно мала – сказываются недоверие и прошлый негативный опыт в отношениях между КНДР и двумя странами-союзницами: США и Японией.

Военное сотрудничество США с Южной Кореей и Японией как дестабилизирующий фактор

США активизировали усилия по повышению возможностей самообороны и качества военной техники своих союзников ради стратегического преимущества в регионе СВА. Что касается повышения способности союзников к самообороне, то Соединенные Штаты в основном полагаются на совместные военные учения с Японией и Южной Кореей, с одной стороны, в ответ на способность Китая «противостоять вмешательству»¹⁰⁴, а с другой - на улучшение совместных боевых возможностей союзников и Соединенных Штатов. В первую очередь в плане повышения обороноспособности союзников.

В дополнение к совместным военным учениям США, Японии и Южной Кореи с 2012 г. Соединенные Штаты также провели несколько совместных учений с каждым из своих союзников. США и Южная Корея используют Северную Корею в качестве стратегического гипотетического врага, страны проводят совместные учения в Желтом море, что вызывает негативную реакцию Китая.

Военные учения между США и Японией в большей степени основаны на использовании Китая в качестве гипотетического врага в программе «захват острова». В дополнение к сдерживанию КНР, Соединенные Штаты ожидают «восполнить тактические недостатки, связанные с силами самообороны, путем совместного участия в специальных вооружениях» [Лю 2014].

Также в оборонном бюджете США на 2014 г. были предусмотрены такие проекты, как модернизация японской системы «Aegis», южнокорейских беспилотных

---

¹⁰¹ КНДР сообщила, что денуклеаризация с США больше не обсуждается // Коммерсант, 08.12.2019. <https://www.kommersant.ru/doc/4187092> (дата обращения 10.12.2020).

¹⁰² Браун Д. Непримиимый сосед. Почему Япония против переговоров с Северной Кореей. // Московский центр Карнеги, 2019. URL: <https://carnegie.ru/commentary/78937>. (Дата обращения 19.12.2020).

¹⁰³ Южная Корея выступила за шестисторонние переговоры по КНДР // Коммерсант, 26.05.2017. <https://www.kommersant.ru/doc/3307370> (дата обращения 12.12.2020).

¹⁰⁴ «Россия и Китай договорились сообща противостоять вмешательству извне» // РИА Новости, 05.12.2019. URL: <https://ria.ru/20191205/1561990885.html> (дата обращения 12.12.2020).

летательных аппаратов с вращающимся крылом, разведывательное наблюдение и разведывательные средства, а также разработка новых бомбардировщиков и обычных боевых систем дальнего радиуса действия. Япония и Южная Корея также активно усиливают свое вооружение, планы Японии на 2020-2023 гг. включают в себя дополнительные покупки американских истребителей F-35¹⁰⁵ и двух наземных противоракетных комплексов Aegis Ashore¹⁰⁶. Однако в японском обществе, судя по реакции в СМИ¹⁰⁷, прослеживается негодование относительно растущих военных расходов, что может навредить японо-американским отношениям.

В свою очередь, 8 июля 2016 г. США и Южная Корея официально объявили о развертывании в Южной Корее системы ПРО США. Существовавшее равновесие на полуострове было нарушено. И хотя Д.Трамп упомянул об отмене американо-южнокорейских военных учений во время встречи лидеров США и КНДР 12 июня 2018 г., военное присутствие США на полуострове не ослабевает¹⁰⁸. При этом надо отметить, что в 2017 г. США, Китай, Россия, Япония и Южная Корея входили топ-10 стран с самыми высокими военными расходами.

Таблица 1

Топ-10 стран по объему военных расходов в 2017 г.

Ранг	Страна	Расходы в 2017 г. (млрд USD)	Доля ВВП (%)
1	США	610	3,1
2	Китай	228	1,9
3	Саудовская Аравия	69,4	10
4	Россия	66,3	4,3
5	Индия	63,9	2,5
6	Франция	57,8	2,3
7	Великобритания	47,2	1,8
8	Япония	45,4	0,9
9	Германия	44,3	1,2
10	Южная Корея	39,2	2,6

Источник: Ежегодник СИПРИ 2018. Вооружение, разоружение и международная безопасность // ИМЭМО РАН, пер. с англ. М.: 2019. С. 182. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/SIPRI/SIPRI_YEARBOOK_2018.pdf (accessed: 12.12.2020).

Таким образом, можно сделать вывод, что в Северо-Восточной Азии происходит наращивание военной мощи, даже если учитывать, что США, Китай и Россия вкладывают свои средства не только в этот регион, все еще остаются Япония, РК и

¹⁰⁵ «Япония планирует дополнительно закупить 20 истребителей F-35» // Российская газета, 13.10.2018. URL: <https://rg.ru/2018/10/13/iaponiia-planiruet-dopolnitelno-zakupit-20-istrebitelej-f-35.html> (дата обращения 12.12.2020).

¹⁰⁶ «Японские военные потребовали увеличить расходы на оборону до 50 млрд долл. США» // Известия, 30.08.2019. URL: <https://iz.ru/915830/2019-08-30/iaponskie-voennye-potrebovali-uvlichit-raskhody-na-oboronu-do-50-mlrd> (дата обращения 12.12.2020).

¹⁰⁷ 日本防衛費増の動き「仮想敵は中国」とロシア期待 // Reuters, 18.07.2018. URL: https://jp.reuters.com/article/idJP00093300_20180718_01320180718 (дата обращения 12.12.2020).

¹⁰⁸ «США не планируют откладывать учения Vigilant Ace с Республикой Корея» // ТАСС, 04.11.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7078185> (дата обращения 12.12.2020).

КНДР. Подобная гонка вооружений, по мнению авторов, может привести к дестабилизации обстановки либо к обострению отношений между акторами.

Характер отношений между ключевыми игроками в рамках исследуемого региона

На рисунке 2 изображена схема баланса сил в Северо-Восточной Азии в 2019 г. В качестве критерия оценки баланса сил был выбран факт наличия системы военного сотрудничества между странами в регионе. Пунктирной линией обозначено отсутствие договоров о военном сотрудничестве, простой линией – наличие договоров о военном сотрудничестве, двойной линией – существование военного союза.

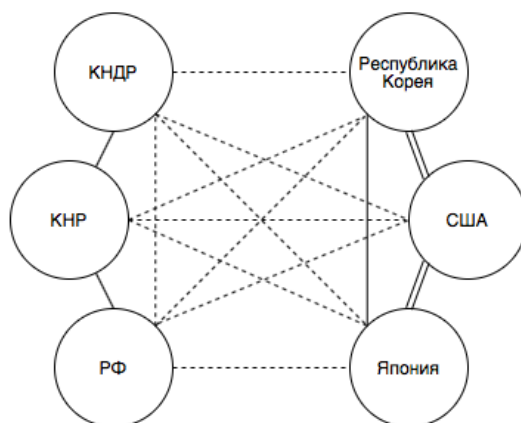

Рис. 2. Баланс сил в СВА в 2019 г.

В 1961 г. был подписан китайско-корейский договор «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи», чей очередной срок действия заканчивается в 2021 г. с возможностью пролонгации. Согласно документу, «стороны обязались оказать взаимно немедленную военную и иную помощь всеми имеющимися средствами в случае вооруженного нападения на одну из них»¹⁰⁹. КНР и РФ последовательно развивают стратегическое партнерство, включающее в себя и военное сотрудничество, которое, в первую очередь, регулируется соглашением о военном сотрудничестве между министерствами обороны двух стран от 1993 г.¹¹⁰ Кроме того, в 2001 г. был заключен Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, где в том числе говорится о «консультации в целях устранения возникшей угрозы» в случае возникновения угрозы агрессии против одного из государств¹¹¹. Также обе стороны развивают военно-техническое сотрудничество и проводят совместные военные

¹⁰⁹ China-N. Korea defense treaty // The Korea Times, 26.07.2016. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2019/09/197_210355.html (Accessed 12.12.2020).

¹¹⁰ Военное сотрудничество России и Китая // Независимая Газета, 20.09.2019. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2019-09-20/12_1062_china.html (дата обращения 08.11.2020).

¹¹¹ Аналитика: почти союзники. Как Россия и Китай укрепляют военное сотрудничество // Новые известия, 21.10.2019. URL: <https://newizv.ru/article/general/21-10-2019/pochti-soyuzniki-kak-rossiya-i-kitay-ukrepyayut-voennoe-sotrudnichestvo> (дата обращения 08.11.2020).

учения. По заявлениям некоторых экспертов, у российско-китайского военного сотрудничества существует большой потенциал для роста¹¹².

Для США Япония и Республика Корея являются ключевыми союзниками в регионе. В 1953 г. между США и РК был заключен двусторонний Договор о взаимной обороне. Впоследствии военное сотрудничество продолжало расширяться, в том числе из-за ядерной угрозы со стороны КНДР. На данный момент в Южной Корее находится 28 500 американских солдат и офицеров¹¹³. Военный союз США и Японии был создан в 1960 г. после подписания Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности. Военное сотрудничество двух стран, аналогично американо-корейским, также постоянно развивалось, дополняясь новыми соглашениями и договорами. Однако, отношения между РК и Японией оставляют желать лучшего – сказываются последствия японской оккупации Кореи во время Второй мировой войны. В 2016 г. два государства подписали Соглашение об обмене военной информацией¹¹⁴. Однако, ввиду разногласий по поводу исторического прошлого, это соглашение может быть расторгнуто: в данный момент ведутся двусторонние переговоры при активном участии США, которые крайне заинтересованы в сохранении данного договора в силе¹¹⁵. Таким образом, на схеме видно, что, благодаря существующим договоренностям, в регионе преимущество имеет тройка РК-США-Япония.

Согласно «Индексу силы в Азии в 2019 г.» (2019 Asia Power Index) среди 25 стран Индо-Тихоокеанского региона ключевые акторы Северо-Восточной Азии заняли следующие места¹¹⁶:

Таблица 2

Позиции исследуемых стран в рейтинге «2019 Asia Power Index»

Место в рейтинге	Индекс силы	Страна
1	84,5	США
2	75,9	КНР
3	42,5	Япония
5	35,4	Россия
6	32,7	Южная Корея
16	14	Северная Корея

Источник: <https://power.lowyinstitute.org/weightings>

По представленной таблице видно, что если РК и КНДР удастся объединиться, то баланс сил в Северо-Восточной Азии будет разрушен – появится превосходящая Японию и Россию новая региональная сила, способная выйти из-под контроля как США, так и КНР. Таким образом, окончательное разрешение всех противоречий

¹¹² Россия и Китай: союз или стратегическая неопределенность? // РСМД, 19.08.2019 URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-kitay-soyuz-ili-strategicheskaya-neopredelennost/> (дата обращения 12.12.2020).

¹¹³ Южная Корея будет больше тратить на содержание американских военных // Регнум, 10.02.2019. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2569739.html> (дата обращения 10.11.2020).

¹¹⁴ Япония и Южная Корея подписали соглашение об обмене разведывательными данными // ТАСС, 23.11.2016 URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3805502> (дата обращения 12.12.2020).

¹¹⁵ См.: Вашингтон заставит Сеул возобновить военное сотрудничество с Токио // Российская Газета, 12.11.2019. URL: <https://rg.ru/2019/11/12/washington-zastavit-seul-vozobnovit-voennoe-sotrudnichestvo-s-tokio.html> (Дата обращения 15.11.2020); S. Korea, Japan hold working-level talks on trade, history row // Yonhap News agency, 14.01.2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200114009300325> (дата обращения 15.11.2020).

¹¹⁶ Asia Power Index. URL: <https://power.lowyinstitute.org/weightings> (Accessed: 12.12.2020).

между Северной Кореей и Южной Кореей вряд ли выгодно остальным странам, так как это вполне может привести к потере их статус-кво в регионе.

Для того чтобы более детально представить себе соотношение сил в регионе можно привести Сводный индекс национального потенциала (Composite Index of National Capability, CINC), который поможет сравнить потенциал государств региона на основе показателей, представляющих демографическую, экономическую и военную мощь.

$$CINC = \frac{TPR+UPR+ISPR+ECR+MER+MPR}{6},$$

где TPR (Total Population Rate) – это доля населения данной страны от общего населения земли, UPR (Urban Population Rate) – это доля городского населения данной страны (города с населением свыше 20 тыс. человек) от общего городского населения земли, ISPR (Iron and Steel Production Rate) – это доля выплавленной данной страной чугуна (до 1895 г.) и стали (с 1896 г.) от мирового производства, ECR (Energy Consumption Rate) – это доля потребляемой страной первичной энергии; MER (Military Expenditure Rate) – это доля национальных военных расходов от мировых; MPR (Military Personnel ratio) – это доля численность национальных вооруженных сил от численности всех армий мира.

Таблица 3

Сводный индекс национального потенциала 2018 г. в регионе

№	Страна	CINC
1	КНР	0,22
2	США	0,13
3	РФ	0,036
4	Япония	0,028
5	РК	0,021
6	КНДР	0,013

Источник: Составлено авторами на основе методологии «Корреляты войны». URL: <https://correlatesofwar.org>.

Так как во время исследования внимание было сконцентрировано на балансе сил на Корейском полуострове, при вычислении индекса учитывались данные только входивших в регион стран, а также совокупность их характеристик. Исходя из полученных результатов, можно говорить о двух ключевых акторах в Северо-Восточной Азии: КНР и США. Несмотря на то, что военный бюджет Соединенных Штатов превышает общую сумму бюджетов других изучаемых стран, этого оказалось недостаточно для занятия лидирующей позиции в регионе. Согласно CINC Китай почти в 2 раза опережает США, что говорит о его доминирующем положении и возможности влиять на события на Корейском полуострове.

Влияние экономического фактора на баланс сил в регионе

Сравнительные экономические преимущества Китая перед другими акторами и степень зависимости Северной Кореи от китайской торговли и инвестиций имеют несколько важных политических последствий. Даже в случае снятия санкций и

нормализации международной обстановки на Корейском полуострове вряд ли кому-то удастся потеснить китайские интересы в КНДР. Уже налаженные и проверенные временем деловые связи дают КНР огромное преимущество.

По мнению Бенджамина Сильберштейна, хотя Китай оказывает экономическое давление на Северную Корею и в целом соблюдает санкции США, он не намерен делать это вечно¹¹⁷. Китайское правительство не желает, чтобы его инвестиции в инфраструктуру КНДР и все затраченные усилия оказались напрасными. В конечном итоге КНР вполне может отдать приоритет развитию приграничных регионов двух стран без строгого соблюдения международных санкций¹¹⁸. Однако, данный вариант развития событий, вероятнее всего, приведет к новому витку конфронтации в торговой войне с США.

Что касается Южной Кореи, доминирование Китая в северокорейской экономике вызывает серьезные сомнения в том, насколько реалистичной будет экономическая интеграция между двумя Кореями в будущем. Северная Корея не планирует отказываться от южнокорейских инвестиций. Но осуществить эти инвестиции гораздо труднее, в частности из-за недоверия КНДР к деятельности своего южного соседа. В обозримом будущем южнокорейские инвестиции в КНДР останутся в основном политическими проектами, проводимыми в строгих рамках межправительственных соглашений. Между тем, в случае улучшения ситуации в Северной Корее, увеличение объема китайских инвестиций не заставит себя ждать, благодаря наличию уже существующих экономических связей¹¹⁹.

Возможные сценарии изменения баланса сил в регионе

«США выгодна постоянная напряженность на Корейском полуострове – в этом случае они держат обе Кореи на «коротком поводке», пугая всех северокорейской ядерной угрозой и этим оправдывая усиление своих военных баз в Южной Корее» [Лузянин 2018]. Основываясь на этом мнении, можно предположить, что США будут стараться удерживать статус-кво Корейского полуострова, для продвижения своих интересов и дальнейшего усиления в регионе.

Пока еще Китай готов мириться с американским присутствием недалеко от своих границ. КНР не нужна ни эскалация конфликта, так как боевые действия будут происходить в непосредственной близости, ни объединение Кореи, которое может привести к тому, что доминирующее положение займет Южная, которая и будет диктовать условия внешней политики. В таком случае, следующим антагонистом для союза США-Корея-Япония может стать уже Китай.

Япония и Южная Корея стремятся, в первую очередь, к денуклеаризации Корейского полуострова, руководствуясь соображениями безопасности. Южная Корея, которая, с одной стороны желает объединения, с другой стороны, понимает, что за объединением скрываются подводные камни. Для Японии это вопрос национальной безопасности, так как она находится в зоне поражения северокорейских ракет, чем уже не раз угрожали КНДР.

---

¹¹⁷ *Silberstein B. K.* The North Korean Economy, August 2019: Why China Will Continue to Dominate // The Stimson Center. 2019. URL: <https://www.38north.org/2019/09/bkatzeffsilberstein091019/> (Accessed on 05.11.2020).

¹¹⁸ Ibid.

¹¹⁹ Ibid.

Для России это важный и перспективный регион потенциального развития, поэтому для российского правительства вопрос денуклеаризации Корейского полуострова также стоит в приоритете, так как здесь непосредственная близость границы и территориальных вод КНДР. Но для РФ усиление США в регионе будет крайне нежелательным моментом, который нельзя допустить, это создаст дополнительные условия для формирования новых баз, расположенных вплотную к российским границам.

КНДР остается «на своей волне» и лавирует меж двух огней: США и Китаем. Главный торговый партнер Северной Кореи – Китай, который предоставляет продуктовые товары и даже рабочие места для корейцев, а США – возможность для Северной Кореи жить «с высоко поднятой головой» и диверсифицировать свой внешнеполитический курс.

Следует отметить, что Северной Корее присущ уникальный стиль внешней политики: несмотря на экономическую отсталость, зависимость от гуманитарных поставок и сложившийся «угрожающий» образ, стране удается манипулировать интересами других государств. Для Китая КНДР стала «буферной зоной» от угрозы США в Японии и Южной Корее, в то время как общаясь с южнокорейской стороной дипломаты Северной Кореи обращают особое внимание на общую историю и национальную солидарность. Северная Корея способствует стремлению Российской Федерации укреплять экономические связи в регионе и участвует в совместных проектах [Леженина 2016: 7]. Американские эксперты считают, что ради сдерживания Китая США необходимо сблизиться с КНДР и смириться с ее мощнейшим рычагом давления на международное сообщество – ядерным оружием, появившимся не без серьезной помощи СССР¹²⁰. Поэтому полное свертывание ядерной программы вряд ли возможно, ведь наличие подобного вооружения придает КНДР внушительный политический вес, а также выступает гарантом безопасности.

Кроме того, как представители РК, так и КНДР обсуждают идею объединенной Кореи ¹²¹. Президент Южной Кореи называет даже приблизительную дату воссоединения двух стран – 2045 год, отмеченный столетием окончания Второй мировой войны¹²². Однако, до сих пор не понятно, каким образом будет происходить данный процесс: РК поглотит КНДР наподобие сценария воссоединения ФРГ и ГДР, либо же, наоборот, Северной Корее удастся получить преимущество в этом процессе. Возможен и третий вариант – постепенное равное сближение и образование конфедерации. Непредсказуемая политика Ким Чен Ына не позволяет делать долгосрочные прогнозы, особенно по такому глобальному вопросу. Линия раздела двух родственных государств существует с 1945 г., так называемая «38-я параллель» до сих пор существует в неизменном виде, даже несмотря на то, что породившая ее холодная война уже закончилась, а могущественный союзник и покровитель –

---

¹²⁰ См.: American Conservative: для сдерживания Китая США нужно сблизиться с КНДР // Регнум, 20.11.2018. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2479047.html> (Accessed: 10.12.2020); Общая характеристика ядерной программы КНДР // URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:7WZy81ZbzPcJ:www.pircenter.org/static/obschaya-harakteristika-yadernoj-programmy-kndr+&cd=5&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&client=safari> (Accessed: 10.12.2020).

¹²¹ The Economic Costs of Korean Reunification // FSI, 2011 URL: https://spice.fsi.stanford.edu/docs/the_economic_costs_of_korean_reunification/ (accessed: 10.11.2020)

¹²² Korean peninsula will be united by 2045, says Seoul amid Japan // The Guardian, 15.08.2019 URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/aug/15/korean-peninsula-will-be-united-by-2045-says-seoul-amid-japan-row> (accessed: 10.12.2020).

СССР, распался. Баланс сил, сложившийся на Корейском полуострове, не может не удивлять своей «стабильностью», равно как и своей исключительностью.

Исходя из имеющихся данных, авторы исследования полагают, что в ближайшие пять лет баланс сил будет сохраняться с переменным успехом: Китай и США, будут сохранять статус-кво на Корейском полуострове, КНДР будет «выжимать максимум» из своей ситуации и выбирать наиболее приемлемые условия дальнейшего «существования», Республика Корея продолжит свой курс на примирение и максимальное потепление отношений, пытаясь избежать эскалации конфликта. Россия будет проводить политику наращивания мощи в Северо-Восточной Азии и пытаться перехватить инициативу у других акторов, в этом ей могут помочь шестисторонние переговоры.

Список литературы

Жебин А.З. Северная Корея: бомбы, ракеты, санкции // Азия и Африка сегодня. 2017. № 1. С. 2–8.

Ким Н.Н. Корейский вектор российской внешней политики // Азия и Африка сегодня. 2019. №1. С. 10–16.

Леженина Т.В., Тригубенко М.Е. К проблеме отношений России с КНДР в современных условиях // РСМ. 2016. №2 (91).

Лузянин С.Г. Россия — Китай: формирование обновленного мира: монография / С.Г. Лузянин. М.: Издательство «Весь Мир», 2018. 328 с.

Лукин А.Л. Россия и северокорейский ядерный кризис // Известия Восточного института. 2017. №2 (34). С. 59-67.

Морозов Ю.В. Северокорейская ядерная проблема и возможные пути ее решения совместными усилиями России и Китая // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. №7 (364). С. 1360-1368.

Пак Сан Хун. Нераспространение ядерного оружия и ядерная программа КНДР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2012. №3. С. 5-13.

Chanlett-Avery E., Campbell C., Williams A. The US-Japan Alliance. Washington: Congressional Research Service, 2019. 57 p.

Deng Y. Hegemon on the Offensive: Chinese Perspectives on US Global Strategy // Political Science Quarterly. 2001. 116 (03). P. 343–365.

Gentile G., Crane Y., Madden D., Bonds T., Bennett B., Mazarr M., Scobell A. Four Problems on the Korean Peninsula: North Korea's Expanding Nuclear Capabilities Drive a Complex Set of Problems. Santa Monica: RAND Corporation, 2019. DOI: 10.7249/TL271

Ikenberry J. American Hegemony and East Asian Order // Australian Journal of International Affairs. 2004. 58 (03). P. 353–367.

Kim S.C. Endangering alliance or risking proliferation? US–Japan and US–Korea nuclear energy cooperation agreements // The Pacific Review. 2017. 30 (05). P. 692–709. DOI: 10.1080/09512748.2017.1293715

郑继永 东亚国际形势与朝鲜半岛 // Analyses & Alternatives, 2017. 1 (01). P. 31–43. [Zheng Jiyong. East Asian International Relations and Korean Peninsula. Analyses & Alternatives, 2017. Vol. 1. № 1. P. 31–43.]

冯维江.中美权力博弈与新型大国关系的演进——基于公共产品与关系专用性投资的视角//世界经济与政治, 2016 (11: 123-124. [Фэн Вэйцзя Эволюция силовой игры между Китаем и США и отношения нового типа с крупными державами - взгляд на инвестиции, основанные на общественных благах и специфичности отношений // Мировая экономика и политика. 2016. №11. С. 123-124.]

祁怀高, 李开盛, 潘亚玲, 吴其胜. 未来十年东北亚地缘政治结构的变化及其影响 // 世界经济与政治 2016 年第 8 期: 137, 153. [Ци Хуайгао, Ли Кайшэн, Пань Ялин, У Цишэн. Изменение геополитической структуры в Северо-Восточной Азии в следующем десятилетии и ее влияние // Мировая экономика и политика. 2016. №8.]

林利民, 程亚克. 试析“六方会谈”各方在朝核问题上的地缘政治博弈 // 中国与国际关系学刊, 2017 年第 2 期 [Линь Лиминь, Чэн Якэ. Анализ геополитической игры «шестисторонних переговоров» по ядерной проблеме Кореи» // Журнал Китай и международные отношения. 2017. №2.]

刘卫东. 美国对中日两国的再平衡战略论析 // 世界经济与政治, 2014 年 第 10 期: 89. [Лю Вэйду Анализ стратегии перебалансировки США для Китая и Японии» // Мировая экономика и политика. 2014. №10.]

2.4. БАЛАНС СИЛ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ¹²³

А.А. Черняева*

Принцип баланса сил: история и современность

Баланс сил, будучи геополитической концепцией [Wu 2017], подразумевает распределение влияния между отдельными полюсами, являющимися основными центрами силы в мире. Первая система международных отношений, которая начала складываться в 1648 г. по окончании Тридцатилетней войны и получила название Вестфальской системы, в качестве одного из основополагающих принципов включала принцип баланса сил, так как именно это понятие является ключевым в контексте обеспечения международного мира и безопасности. Теория международных отношений выделяет следующие системы: Вестфальскую, Венскую (по окончании Наполеоновских войн в 1814 г.), Версальско-Вашингтонскую (после Первой мировой войны) и Ялтинско-Потсдамскую (после Второй мировой войны). Становлению каждой из этих систем предшествовала война, по окончании которой менялось соотношение сил на мировой арене. Современная система международных отношений берет свое начало в 1991 г., когда с распадом СССР завершился период существования биполярности как главной характеристики Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений [Дегтерев, Истомин 2015].

О соотношении сил в современном мире ведутся дискуссии, которые породили ряд понятий, характеризующих нынешний баланс сил: 1) «асимметричная многополярность» [Торкунов 2015: 62], предполагающая существование нескольких полюсов, однако они не сопоставимы по своим потенциалам; 2) «мягкая биполярность» [Karlan 1957: 21]: применительно к нынешней ситуации подразумевается «мягкая биполярность» Китая и США; 3) «плюралистическая многополярность» [Богатуров 2002], подразумевающая существование одной сверхдержавы – США – и ряда мировых держав, также оказывающих влияние на мировую политику. Несмотря на то, что мнения исследователей касательно нынешнего соотношения сил весьма различны, бесспорным является факт, что крупнейшей мировой державой, обладающей сильным экономическим, военным, политическим потенциалом, являются США, которые оказывают влияние фактически на все мировые процессы.

Американские национальные интересы охватывают все регионы мира, однако среди этих регионов особое место занимает макрорегион Восточной Азии [Ситуационные анализы 2014: 361-379], в котором находится Китай – главный внешнеполитический и внешнеэкономический соперник США. Помимо КНР и США, значительное влияние на формирование порядка в макрорегионе Восточной Азии оказывают также Россия, Япония и Индия [Некоторые аспекты анализа... 2014: 482-488]. Однако в данном исследовании основное внимание планируется уделить соотношению сил в рамках геополитического треугольника КНР-США-Япония, так как, если соотносить традиционную Восточную Азию (КНР, Япония, Монголия, КНДР,

¹²³ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ-КАОН № 20-514-93003 «Россия и Китай в мировом политическом пространстве: согласование национальных интересов в глобальном управлении».

* Черняева Александра Андреевна – магистрант кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Международные отношения», e-mail: 1032193936@pfur.ru.

Республика Корея) и «Большую Восточную Азию», выделяются именно эти государства.

Характеристика стратегической расстановки сил в регионе

Китай, США и Япония являются региональными центрами силы в Восточной Азии. США и КНР – крупнейшие мировые державы, соответственно первая и вторая экономики мира, постоянные члены Совета Безопасности ООН. Япония также является мировой державой, обладает большим экономическим потенциалом, является союзником США, одной из первых получила статус «Основного союзника США вне НАТО» (Major Non-NATO Ally) (1989 г.).

В данной статье Япония выделяется в качестве отдельного центра силы в Восточной Азии, так как, несмотря на то что страна является союзником США и на протяжении десятилетий находилась в некоторой степени зависимости от Вашингтона, предпринявшего послевоенное восстановление и контроль за милитаристским государством, в настоящее время Япония является развитым с экономической и политической точек зрения государством, проводит свою внешнюю политику, стремится защищать свои национальные интересы, которые могут отличаться от интересов США, в том числе в отношении сотрудничества с Китаем и Россией.

Относительно баланса сил в рамках рассматриваемого геополитического треугольника отметим: США стремятся противодействовать расширению влияния Китая как в регионе, так и в мире, и сохранить статус-кво в регионе [Foot 2017], Япония поддерживает политику США, в частности по противодействию распространению китайского влияния, в то же время стремясь реализовывать взаимовыгодное сотрудничество с КНР.

Двумя важнейшими акторами в Восточной Азии являются Республика Корея и КНДР. С 1989 г. Республика Корея является основным союзником США вне НАТО и ключевым торговым партнером США, в 53 регионах страны имеются базы ВС США. Стороны также проводят совместные военные учения в регионе. С Японией у Южной Кореи были экономические противоречия, имеющие корень с послевоенного периода, которые обе страны стремятся в настоящее время разрешить. Отношения Южной Кореи с КНР были осложнены ввиду размещения на территории первой американской системы ПРО THAAD в 2016 г., однако с конца 2017 г. стороны взяли курс на нормализацию отношений, в том числе проводили совместные двусторонние и трехсторонние (с Японией) переговоры в отношении процесса денуклеаризации Корейского полуострова.

С ядерной программой КНДР связана серьезная проблема региональной безопасности в Восточной Азии. В этой связи были серьезно осложнены двусторонние отношения между КНДР и США, однако с 2018 г. сторонам удалось достичь большого прогресса в деле урегулирования вопросов в отношении ядерной программы Северной Кореи: США предоставили стране гарантии безопасности, и взамен КНДР приостановила ядерные испытания. У КНДР и Японии нет официально установленных дипломатических отношений, которые в целом характеризуются напряженностью из-за двух вопросов: похищенных японских граждан и ядерной программы Северной Кореи. КНДР и Китай стремятся развивать двусторонние отношения сотрудничества. Китайское издание «Хуаньцю шибао» отмечает:

«Традиционная дружба между Китаем и Северной Кореей прошла испытание временем и трудностями, превратившись в важный источник мира и стабильности Северо-Восточной Азии»¹²⁴.

К основным внерегиональным игрокам, оказывающим влияние на стратегическую конфигурацию сил в регионе, можем отнести Австралию, Тайвань, Россию и АСЕАН. Австралия так же, как и Япония и Республика Корея, выступает основным союзником США вне НАТО. В то же время Австралия заинтересована в сотрудничестве с Китаем, чему есть ряд причин: во-первых, КНР смогла осуществить серьезный подъем на мировой экономической арене [Shifrinson 2018], став крупнейшей в мире торговой державой и второй по величине экономикой в мире по объему ВВП; во-вторых, Китай лидирует по численности населения в мире; в-третьих, в отличие от Японии и ряда новых индустриальных стран, которые официально или неформально входят в американский альянс в Азии, КНР придерживается независимой внешней политики. Позиция Австралии заключается в том, что страна желает в полной мере воспользоваться заинтересованностью Китая в приобретении ее природных ресурсов, сохраняя при этом тесное сотрудничество в сфере безопасности с США, которое с 2001 г. подкрепляется трехсторонним механизмом взаимодействия США-Япония-Австралия [Dittmer 2012: 667]. Китай для Австралии – торговый партнер, с которым ведется взаимовыгодное сотрудничество, США – сильный и надежный стратегический союзник.

Тайвань, также выступающий главным союзником США вне НАТО, оказывает влияние на китайско-американские отношения. Одним из основных принципов, в соответствии с которыми осуществляется сотрудничество Китая с другими государствами, является их поддержка политики «одного Китая». США разорвали дипломатические отношения с правительством Тайваня в 1979 г., когда были установлены отношения с КНР. В этом же году был подписан Закон об отношениях с Тайванем, в рамках которого Вашингтон продолжал продавать оружие Тайбэю. Тайваньский вопрос ставится на повестку дня в отношениях КНР и США в ходе сделок Вашингтона и Тайбэя касательно продажи американских вооружений тайваньской стороне. Стороны занимают разные позиции по проблеме разрешения данного вопроса: КНР рассматривает Тайвань как неотъемлемую часть своего государства и видит свою миссию в обеспечении воссоединения материковой и островной частей Китая, для США выгодно сохранение Китая разделенным, так как Тайвань является торговым партнером США, близким с идеологической точки зрения государством и фактором сдерживания КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Россия и Китай активно сотрудничают во всех основных сферах, имеют дружественные отношения, внешнеполитические курсы обоих государств не имеют крупных противоречий, стороны поддерживают друг друга в рамках международных организаций. Отношения России и Соединенных Штатов осложнены серьезными противоречиями. Директор Московского центра Карнеги Д. Тренин отметил, что страны фактически «находятся в состоянии гибридной войны»¹²⁵. События на

---

¹²⁴ Хуаньцю шибао (Китай): Китай и Северная Корея развивают традиционную дружбу на благо двух стран и всего мира // ИноСМИ, 21 июня 2019. URL: <https://inosmi.ru/politic/20190621/245327123.html> (дата обращения: 14.12.2020).

¹²⁵ «Россия и США находятся в состоянии гибридной войны. Это всерьез и надолго» // Новая газета, 27 сентября 2018. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/09/27/77969-rossiya-i-ssha-nahodyatsya-v-sostoyanii-gibridnoy-voyny-eto-vserez-i-nadolgo> (дата обращения: 08.12.2020).

Украине, присоединение Крыма к России в 2014 г. привели к введению санкций против России со стороны США.

С началом сирийской кампании США и Россия поддерживали разные стороны конфликта: Россия – легитимное правительство Сирии во главе с президентом Б. Асадом, США – сирийскую оппозицию. Кроме того, ситуация осложнилась начатой США дипломатической войной, высылкой российских дипломатов в конце декабря 2016 г. и выходом США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) 2 августа 2019 г. Что касается российско-японских отношений, стороны до сих пор не пришли к согласию относительно подписания мирного договора, так как не могу решить вопрос о статусе Курильских островов, хотя страны реализуют сотрудничество в различных сферах.

Что касается стран АСЕАН, они сотрудничают и с Китаем, и с Японией в рамках форматов АСЕАН+1 и АСЕАН+3, а также с США, с которыми впервые в истории в сентябре 2019 г. 10 стран Юго-Восточной Азии провели самые масштабные военные учения¹²⁶. Однако отказ правительства США от реализации проекта Транстихоокеанского партнерства, в том числе совместно с Вьетнамом и Филиппинами, которые менее доверяют США в отличие от других стран АСЕАН, поставил под вопрос уверенность этих стран в могуществе США, в их способности оставаться важным полюсом политики стран АСЕАН и создавать баланс могуществу Китая в регионе [Мосяков, Шпаковская 2018: 10].

Характер отношений между полюсами регионального стратегического многоугольника

Для определения характера отношений между полюсами регионального стратегического треугольника КНР-США-Япония предлагается сравнить такие показатели, как численность населения, объем ВВП (используются данные Всемирного банка), экономическую конкурентоспособность и военные потенциалы сторон, сводный индекс национального потенциала.

Для оценки и сравнения экономической конкурентоспособности стран был использован Индекс глобальной конкурентоспособности, рассчитанный по методике Всемирного экономического форума. Рейтинг глобальной конкурентоспособности охватывает 141 экономику мира и отражает способность государства и его основных институтов обеспечивать стабильные темпы экономического роста, которые были бы устойчивы в среднесрочной перспективе.

Для того чтобы сравнить военные потенциалы сторон, были использованы данные Global Firepower Index. Данный рейтинг собирает информацию о вооруженных силах мира, анализирует ее, итогом исследования является рейтинг стран по индексу военной мощи, причем в идеале индекс государства должен стремиться к 0,0000.

Для получения более репрезентативной таблицы автором был также выбран Сводный индекс национального потенциала (Composite Index of National Capability,

---

¹²⁶ США и страны АСЕАН провели самые масштабные в истории отношений военные учения // ShareAmerica, 11 сентября 2019. URL: <https://share.america.gov/ru/%D1%81%D1%88%D0%B0-%D0%B8-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%8B-%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%B0%D0%BD-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8F%D1%82-%D1%81%D0%B0%D0%BC%D1%8B%D0%B5-%D0%BC%D0%B0%D1%81%D1%88/> (дата обращения: 08.12.2020).

CINC), составленный на основе методологии Корреляты войны для сборника «Баланс сил в ключевых регионах мира».

Таблица 1

Сопоставление показателей КНР, США и Японии

Показатель	КНР	США	Япония
Численность населения 2018 г. (млн чел.) (% от общемировой) ¹²⁷	1392 (18%)	327 (4,3%)	126 (1,6%)
ВВП 2018 г. (трлн долл. США) (% от общемирового) ¹²⁸	13,6 (15,8%)	20,5 (23,8%)	4,9 (5,7%)
Global Competitiveness Index 2019 ¹²⁹	73,9 (28 место)	83,7 (2 место)	82,3 (6 место)
Global Firepower Index 2019 ¹³⁰	0,0673 (3 место)	0,0615 (1 место)	0,1707 (6 место)
CINC 2018 (%)	22,26982	13,39699	3,00601

Источник: составлено автором

Результаты анализа основных показателей представлены в табл. 1. По численности населения с большим отрывом лидирует Китай, что представляет угрозу интересам США и Японии, так как китайцы в настоящее время проживают во многих странах и регионах мира, в том числе и в США, где очень сильно китайское лобби. Серьезным рычагом продвижения китайских интересов выступает влияние, которое китайская диаспора оказывает на выборные кампании в Соединенных Штатах. В 2013 г. Бюро переписи населения США подсчитало, что в стране проживает более 4 млн китайцев, что составило 1,3% от всего населения страны. Китайская диаспора в США осуществляет скрытое финансирование американских избирательных кампаний, а также вкладывает средства в избирательные фонды различных политиков, что открывает для китайского правительства новые возможности для продвижения интересов КНР. В США есть ограничения на сумму пожертвования комитету поддержки кандидата со стороны частных лиц – она не должна превышать 2,7 тыс. долл. США. Однако сумму до 100 долл. США граждане могут вносить наличными анонимно, чем активно пользуется китайская диаспора, осуществляя механизм поддержки нужных политических деятелей.

По объему ВВП в мире лидируют США, Китай находится на втором месте, при этом экономика Китая имеет очень большой потенциал и преимущества перед экономикой США ввиду наличия у последней самого большого государственного долга в мире: в 2019 г. государственный долг США превысил 22 трлн долл. США¹³¹. Товарооборот между Китаем и США имел тенденцию к росту до 2018 г., когда из-за

¹²⁷ Total population // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (accessed: 09.12.2020).

¹²⁸ GDP (current US\$) // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (accessed: 09.12.2020).

¹²⁹ The Global Competitiveness Index 4.0 2019 Rankings // World Economic Forum, 2019. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (accessed: 09.12.2020).

¹³⁰ 2019 Military Strength Ranking // Global FirePower. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp> (accessed: 09.12.2020).

¹³¹ Госдолг США установил исторический рекорд. Он превысил отметку в 22 трлн долл. США // ТАСС, 13 февраля 2019. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6108858> (дата обращения: 09.12.2020).

начавшейся торговой войны [Liu, Woo 2018] между сторонами этот показатель сократился на 31,5 млрд долл. США и составил 604,5 млрд долл. США¹³². С 2003 г. по 2018 г. двусторонний торговый дефицит США с Китаем увеличился со 124 млрд долл. США до 382 млрд долл., что стало рекордной отметкой за весь период торгово-экономических отношений. Это связано с укреплением юаня по отношению к доллару [Bhanu Murthy, Kalsie 2019]. Импортотависимость США от КНР беспокоит многих американцев, так как данное положение дел приводит к потере ими рабочих мест¹³³. Отношения осложняются ситуацией вокруг кражи Китаем американской интеллектуальной собственности, в чем правительство США обвинило КНР. Названные факторы привели к началу торговой войны между сторонами, которая является незавершенной по настоящее время и оказывает негативное влияние не только на экономики Китая и США, но и на экономики третьих стран, и способна повлиять на мировой экономический рост¹³⁴.

Торговый баланс США и Японии за 2018 г. составил 300 млрд долл. США¹³⁵. 8 октября 2019 г. было подписано торговое соглашение между США и Японией, согласно которому американским товарам стоимостью в 7 млрд долл. США открывается японский рынок, а для ряда японских товаров, экспортируемых в США, будут отменены пошлины¹³⁶. В 2018 г. во время первого за 7 лет визита японского премьер-министра Синдзо Абэ в Китай между сторонами было подписано около 50 соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве на сумму 18 млрд долл. США, а глава японского правительства, в свою очередь, заявил о стремлении вывести отношения двух стран в «новую эру»¹³⁷.

Китай является крупнейшим торговым партнером Японии, в 2018 г. товарооборот между странами составил 330 млрд долл. США¹³⁸. Таким образом, рассмотрение торгово-экономических отношений между каждой из сторон стратегического треугольника позволяет сделать вывод, что в большей степени осложнены отношения в этой сфере между КНР и США. Позитивно развиваются отношения в сфере экономики между КНР и Японией, стороны приняли решение перейти от конкуренции к сотрудничеству, что объяснимо текущими событиями, а именно: 1) серьезными противоречиями в торгово-экономической сфере между Китаем и США, в результате чего Китай стремится в том числе развивать отношения с соседними государствами; 2) желанием Японии проводить более самостоятельную экономическую политику.

Однако отношения между Китаем и Японией осложняются территориальным спором вокруг островов Дяоюйдао (яп. Сенкаку), расположенных в Восточно-Китайском море, который до сих пор не является разрешенным, так как ни одна из

---

¹³² U.S. Census Bureau. URL: <http://www.census.gov/foreign-trade/balance/c5700.html> (accessed: 09.12.2020).

¹³³ The uneasy US-Chinese trade relations // Council on Foreign Relations, April 19, 2006. URL: <https://www.cfr.org/background/uneasy-us-chinese-trade-relationship> (accessed: 09.12.2020).

¹³⁴ Cornot-Gandolphe S., Boittin J. F. The Trump-led Trade War with China: Energy Dominance Self-destructed? // French Institute of International Affairs, 2018. URL: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/trump-led-trade-war-china-energy-dominance-self-destructed> (accessed: 09.12.2020).

¹³⁵ U.S.-Japan Trade Agreement Negotiations // Congressional Research Services, 2020. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF11120.pdf> (accessed: 09.12.2020).

¹³⁶ США и Япония подписали торговое соглашение // Интерфакс, 08 октября 2019. URL: <https://www.interfax.ru/world/679468> (Дата обращения: 08.12.2020).

¹³⁷ «Преодолеть экономическое давление США»: что стоит за активизацией отношений Японии и Китая // RT, 26 октября 2018. URL: <https://russian.rt.com/world/article/567944-yaпoniya-kitay-sotrudnichestvo> (дата обращения: 09.12.2020).

¹³⁸ Johnston M. China's Top Trading Partners // Investopedia, August 9, 2019. URL: <https://www.investopedia.com/articles/investing/092815/chinas-top-trading-partners.asp> (accessed: 09.12.2020).

сторон не собирается уступать ввиду стратегического значения островов. Еще одним региональным конфликтом является территориальный спор в Южно-Китайском море вокруг Парасельских островов (претендуют КНР, Вьетнам, Тайвань) и архипелага Спратли (претендуют КНР, Вьетнам, Филиппины, Индонезия и Мьянма) [Понька, Бельченко, Трусова 2017: 521].

Несмотря на то, что в состав участников территориального спора, помимо КНР, официально не включены страны рассматриваемого стратегического треугольника, одна из них пытается активно вовлекаться в данный конфликт – это США. По словам бывшего Госсекретаря США Х. Клинтон, претензии КНР на 90% акватории Южно-Китайского моря угрожают национальным интересам США [Терских 2015: 32], так как под вопросом свобода доступа американских вооруженных сил к морям региона, а также стабильность экономических связей. Американские товары проходят через Южно-Китайское море, где пролегают основные транспортные маршруты. Ситуация в Южно-Китайском море представляет собой серьезный очаг напряженности, а вовлечение в эту проблему кораблей ВМС США еще более ставит под угрозу безопасность в регионе.

Еще одним аспектом обеспечения региональной безопасности, является фактор Тайваня, о котором было коротко рассказано ранее в данном исследовании. Этот фактор осложняет китайско-американские отношения, так как национальным интересам КНР отвечает воссоединение Тайваня с материковым Китаем, а США не выгодно это воссоединение, так как они ведут торговлю с Тайванем и используют его в качестве противовеса Китаю. В то же время Токио в отношении Тайваня солидарен с Вашингтоном, так как присоединение Тайваня еще более усилит Китай [Гордеева 2013: 2].

Проблемы взаимодействия в рамках региона в исследованиях ученых мозговых центров основных региональных акторов

Проблематика данного исследования затрагивается также аналитическими центрами США, Китая и Японии. Выбор аналитических центров обоснован ежегодным рейтингом аналитических центров 2018 Global Go To Think Tank, а также наличием в исследованиях аналитических центров статей по проблематике данной статьи. В результате автором были отобраны три аналитических центра: Brookings Institution, China Institute for International Studies, Nakasone Yasuhiro Peace Institute (Япония).

Брукингский институт (Brookings Institution)

Среди американских аналитических центров рассматривается Брукингский институт (Brookings Institution). Статьи Брукингского института главным образом посвящены рассмотрению двусторонних отношений между странами рассматриваемого стратегического треугольника. Большинство из них касаются китайско-американских отношений. Эксперты Института утверждают, что в ближайшее время возможность преодоления кризиса в отношениях КНР и США маловероятна, так как он охватил все сферы двусторонних отношений, а правительства обеих стран рассматривают друг друга в качестве серьезных

соперников¹³⁹. Конфликт между сторонами разворачивается в рамках таких аспектов, как:

- торговая война: имеет очень негативные последствия не только для экономик США и КНР, но и для других стран; увеличение тарифных пошлин усложняет заключение сделки;
- соперничество в сфере технологий: все более усиливается; одним из последствий торговой войны, в частности обвинений Китая в краже интеллектуальной собственности США, стало внесение компании Huawei в список запрещенных компаний и приостановление сотрудничества между Google и Huawei, связанное с предоставлением лицензированных разработок в сфере оборудования и ПО;
- эскалация тайваньского вопроса: в контексте продажи оружия Тайваню со стороны США;
- милитаризация в АТР: усиление военной мощи как Китая, так и США в регионе;
- идеологические столкновения: американские высказывания в адрес Китая касательно нарушения прав человека рассматриваются китайским правительством как вмешательство во внутренние дела;
- визовые войны: отказ в предоставлении визы гражданам страны-противника еще более усложняет конфликт, подрывает доверие между народами двух стран.

Отмечается, что двусторонние отношения с США имеют для Японии колоссальное значение, однако политика нынешнего президента США, в частности лозунг *America first* [Kawashima 2017], ставит под сомнение ключевые основы отношений между двумя странами¹⁴⁰. Торговая война, начатая Трампом, негативно сказывается на экономике Японии, так как торговле с Китаем в ней уделено значительное внимание. «Окончательным испытанием для вновь обретенного лидерства Японии станет то, как она противостоит этому вызову»¹⁴¹, сможет ли она получить большую независимость в сфере торговли.

Что характерно, Брукингский институт провел ряд исследований в 2008 г.¹⁴² и в 2010 г.¹⁴³, посвященных отношениям КНР-США-Япония. В рамках данных исследований были определены важнейшие стратегические проблемы, с которыми три державы сталкиваются сегодня и столкнутся в ближайшие десятилетия:

Япония:

---

¹³⁹ Gewirtz P.D. Can the US-China crisis be stabilized? // Brookings Institution, June 26, 2019. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2019/06/26/can-the-u-s-china-crisis-be-stabilized/> (accessed: 11.12.2020).

¹⁴⁰ Solis M. US-Japan relations in the era of Trump // Brookings Institution, 2019. URL: <https://www.brookings.edu/articles/us-japan-relations-in-the-era-of-trump/> (accessed: 11.12.2020).

¹⁴¹ Solis M. Is Japan a leader of free trade? Negotiations with the US will tell // Brookings Institution, 2018. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/09/27/is-japan-a-leader-of-free-trade-negotiations-with-the-us-will-tell/> (accessed: 11.12.2020).

¹⁴² Chu S. A Mechanism to Stabilize U.S.-China-Japan Trilateral Relations in Asia // Brookings Institution, 2008. URL: <https://www.brookings.edu/research/a-mechanism-to-stabilize-u-s-china-japan-trilateral-relations-in-asia/> (accessed: 11.12.2020).

¹⁴³ Munakata N. The U.S., China and Japan in an Integrating East Asia // Brookings Institution, 2010. URL: <https://www.brookings.edu/opinions/the-u-s-china-and-japan-in-an-integrating-east-asia/> (accessed: 11.12.2020).

- рост китайской экономики может поставить под угрозу экономический статус и благосостояние Японии, а также экономическую роль Японии в Азии и в мире в долгосрочной перспективе;
- увеличение военных расходов и военного потенциала Китая;
- территориальный спор с Китаем в Восточно-Китайском море;
- проблема Тайваня ставит Японию перед сложной дилеммой безопасности: как союзник США, Япония должна выступить на их стороне, но это приведет к конфликту с Китаем.

Китай:

- растущий японский национализм бросает вызов основам двусторонних отношений;
- Япония поддерживает американские действия по тайваньскому вопросу;
- Япония стремится играть большую роль в Азии и в мире;
- расширение влияния США.
- США:
- возрастание роли Японии и Китая;
- возникновение вопроса о том, какую роль должны играть Япония и Китай в стратегии США в Азии;
- нужно ли американцам, чтобы Япония играла все большую роль в Азии и в мире.

Однако при этом страны имеют общие: 1) экономические интересы: поддержание устойчивого экономического развития, принятие разумной экономической и фискальной политики для содействия экономическому развитию, защита прав интеллектуальной собственности, содействие свободной торговле и открытости рынка; 2) интересы в области безопасности: предотвращение конфликтов и конфронтации, стабильный баланс сил в регионе, управление и урегулирование; 3) интересы в сфере противодействия нетрадиционным угрозам: терроризму, трансграничной преступности, распространению наркотиков, ухудшению окружающей среды, нерегулируемой иммиграции, опасным заболеваниями; 4) интересы в сфере культурных обменов [Chu 2008].

*Китайский институт международных исследований
(China Institute for International Studies)*

Эксперты данного аналитического центра уделяют большое внимание проблемам китайско-американских отношений. Отмечается, что кризис в отношениях мешает дальнейшему экономическому развитию обеих стран. Общей целью обеих стран должна быть добросовестная конкуренция: ни одна из них не должна бросать вызов основным интересам другой, и обе должны стремиться к преодолению разногласий и предотвращению конфликтов. По мнению китайских экспертов, «являясь меньшей державой, Китай не может предотвратить стремление США к стратегической конкуренции, но он может попытаться создать благоприятную среду для мягкой конкуренции. США, с другой стороны, должны найти способ мирного сосуществования с Китаем в мире»¹⁴⁴.

¹⁴⁴ Du L. Examining the Essence and Features of China-U.S. Competition // China Institute for International Studies, 2019. URL: http://www.ciis.org.cn/english/2019-08/09/content_40859346.html (accessed: 11.12.2020).

Китай и США могут прибегнуть к многосторонним механизмам урегулирования разногласий. Обе страны должны поддерживать существующую международную систему и выполнять свои международные обязательства: таким образом они могут сделать существующую систему более устойчивой и надежной.

По мнению президента Китайского института международных исследований Ци Чжэньхуна, для оживления двусторонних отношений КНР и США необходимо: во-первых, встать на путь рациональности; во-вторых, осознать, что правила игры с нулевой суммой не соответствуют тенденциям нашего времени. Несмотря на то, что после Второй мировой войны США были лидером, сдерживать развитие Китая сейчас неразумно и нерационально; в-третьих, Китай и США должны в полной мере использовать свою экономическую взаимодополняемость, а не стремиться к «разъединению»; в-четвертых, поддерживать взаимодействие в сфере безопасности; в-пятых, понять, что «столкновение цивилизаций» мешает развитию двусторонних отношений. Китайская цивилизация не является экспансионистской¹⁴⁵.

Институт мира (Nakasone Yasuhiro Peace Institute)

Отношения между странами стратегического треугольника КНР-США-Япония рассматриваются в исследованиях японского Института мира. Большое внимание уделяется противоречиям в рамках китайско-американских отношений, которые возникли с приходом администрации Трампа, и возникшим вследствие них проблемам для Японии. С одной стороны, Японии нужно поддерживать линию США, однако при этом также находить баланс и строить выгодные взаимоотношения с КНР. Японии следует вести свою политику так, чтобы свести к минимуму возможность любых сделок, заключенных между США и Китаем, которые были бы невыгодны для нее. Учитывая тот факт, что американо-китайские отношения оказывают огромное влияние на ситуацию в Восточной Азии и западной части Тихого океана, Япония должна, в частности, минимизировать вероятность того, что такие сделки будут заключены по вопросам Восточно-Китайского моря. Для этого необходимо включаться в структуру треугольного сотрудничества КНР-США-Япония и в полной мере использовать ее. В случае ослабления регионального влияния США Тайваньский пролив станет в центре внимания Китая. В этой связи необходимо будет рассмотреть треугольную структуру, состоящую из Японии, США и Тайваня¹⁴⁶.

Проекты по изменению / поддержанию существующей региональной системы международных отношений *Free and Open Indo-Pacific (США)*

В июле 2018 г. администрация Трампа заявила о своей приверженности более глубокому экономическому взаимодействию в рамках Индо-Тихоокеанского региона¹⁴⁷. Так появилась концепция «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского

---

¹⁴⁵ Qi Zhenhong. Correct Mutual Understanding and Adapt to the Times: Jointly Advance a China-U.S. Relationship Featuring Coordination, Cooperation and Stability // China Institute for International Studies, 2019. URL: http://www.ciis.org.cn/english/2019-08/06/content_40855285.html (accessed: 11.12.2020).

¹⁴⁶ The Trump Administration and Japan: Challenges and Visions for Japan's Foreign and Security Policy in the New Era // Nakasone Yasuhiro Peace Institute, 2017. URL: <http://www.iips.org/en/research/usjr2017en.pdf> (accessed: 11.12.2020).

¹⁴⁷ Palit A., Sano S. The United States' Free and Open Indo-Pacific Strategy: Challenges for India and Japan // Institute of South Asian Studies, 2018. URL: <https://www.isas.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2018/12/ISAS-Insights-No.-524-The-United-States-Free-and-Open-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 11.12.2020).

региона» (Free and Open Indo-Pacific strategy) [Hosoya 2019]. Существует мнение, что эта новая политическая инициатива США связана с вызовом со стороны Китая существующему международному порядку, в котором доминирует Запад¹⁴⁸. Данная концепция предполагает взаимодействие четырех держав – США, Японии, Австралии, Индии – в рамках нового Индо-Тихоокеанского мегарегиона. Подчеркивание стратегического характера сотрудничества четырех держав предполагает следующую цель: либо выстроить систему сдерживания КНР, либо показать КНР, что ее рост и расширение влияния будут сопровождаться появлением противовеса. 4 ноября 2019 г. Госдепартамент США опубликовал доклад, в котором отражено новое видение концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»¹⁴⁹. В докладе подробно описывается прогресс, достигнутый правительством США в отношении пяти компонентов: привлечение партнеров и развитие региональных институтов; повышение экономического процветания; отстаивание управления; обеспечение мира и безопасности; инвестирование в человеческий капитал.

Концепция «Бриллиант безопасности» (Япония)

Данная концепция была опубликована премьер-министром Японии С. Абэ еще в 2012 г., она коррелирует с концепцией «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», так как предполагает углубление сотрудничества четырех государств – Японии, США, Индии и Австралии, – которые «сформируют бриллиант, который будет защищать их интересы на море от районов Индийского океана до Запада Атлантического океана» [Соколов 2014: 107]. и будут содействовать укреплению морской безопасности, экономическому процветанию и развитию демократии в Азии, являющейся центром мирового экономического роста. Основная направленность концепции – противодействие расширению Китая в регионе, что также является общей чертой для концепций США и Японии. После 2017 г. концепции Free and Open Indo-Pacific и Бриллиант безопасности трансформировались в четырехсторонний диалог «The Quad» (англ. «квадрат»), в который вошли США, Япония, Индия и Австралия [Roy-Chaudhury, De Estrada 2018].

Оборонные инициативы Китая

Концепции Китая рассматриваются в виде Белых книг китайского правительства: «Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» 2017 г. и «Национальная оборона Китая в новую эру» 2019 г. Согласно Белой книге 2017 г., Азиатско-Тихоокеанский регион по-прежнему сталкивается с многочисленными дестабилизирующими факторами, такими как: ядерная проблема Корейского полуострова, ситуация в Афганистане, территориальные споры и морские права держав, нетрадиционные угрозы безопасности – терроризм, стихийные бедствия и транснациональная преступность. Для стабилизации ситуации Китай предлагает сделать упор на экономическое развитие, в частности в рамках инициативы «Один пояс, один путь», содействовать установлению партнерских отношений и укреплять политическую основу для мира и

---

¹⁴⁸ Valencia M.J. What Does a 'Free and Open Indo-Pacific' Actually Mean? // The Diplomat, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/03/what-does-a-free-and-open-indo-pacific-actually-mean/> (accessed: 11.12.2020).

¹⁴⁹ A Free and Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision // US Department of State, 2019. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf> (accessed: 12.12.2020).

стабильности в регионе, придерживаться концепции общей, всеобъемлющей, совместной и устойчивой безопасности, выдвинутой Си Цзиньпином в 2014 г.¹⁵⁰ Белая книга 2017 г. приводит основные цели Китая, связанные с национальной обороной: сдерживать и противостоять агрессии; обеспечивать национальную политическую безопасность, безопасность народа и социальную стабильность; противостоять независимости Тайваня; противодействовать сепаратистским движениям за независимость Тибета и создание «Восточного Туркестана»; защищать национальный суверенитет, территориальную целостность; защищать морские права и интересы Китая; поддерживать устойчивое развитие страны¹⁵¹. Политика США и расширение НАТО, согласно документу, представляют угрозу национальным интересам Китая.

Баланс сил в Восточной Азии в графическом выражении

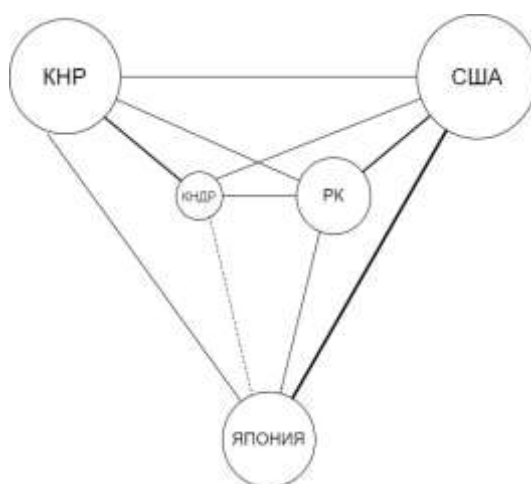

Рис. 1. Баланс сил на 2019 г.

Одним из результатов исследования стал рис. 1, на котором графически отображен баланс сил в Восточной Азии на 2019 г. Отношения между сторонами в рамках данной схемы подробно рассмотрены в пункте по характеристике основных центров силы в Восточной Азии. В этой связи кратко поясним связи, изображенные на данном рисунке. КНР, США и Япония являются непосредственными звеньями стратегического треугольника в Восточной Азии. Двумя значимыми региональными акторами также выступают КНДР и Республика Корея (РК). Размер кругов, которые обозначают страны, был выбран в соответствии с Lowy Institute Asia Power Index, согласно которому общий вес указанных акторов в Азии следующий: США – 84,5; Китай – 75,9; Япония – 42,5; Республика Корея – 32,7; КНДР – 14,0.

Китай осуществляет сотрудничество с Японией, стремится урегулировать имеющиеся между сторонами противоречия. Отношения между КНР и США осложнены противоречиями в торгово-экономической (торговая война с 2018 г.) и

¹⁵⁰ 《中国的亚太安全合作政策》白皮书 (Белая книга «Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе»). 2017. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/36088/Document/1539911/1539911.htm> (Дата обращения: 12.12.2020).

¹⁵¹ 《新时代的中国国防》白皮书 (Белая книга «Национальная оборона Китая в новую эру»). 2019. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/39911/Document/1660529/1660529.htm> (Дата обращения: 12.12.2020).

военно-политической (столкновение интересов на пространстве Евразии и в АТР) сферах. КНДР и Китай связывают традиционные отношения дружбы и сотрудничества. РК и Китай стремятся к нормализации отношений, имеют активное торгово-экономическое сотрудничество. Что касается США, то в рамках данного треугольника они имеют двух главных союзников вне НАТО, а также партнеров в рамках концепций The Quad and The Free and Open Indo-Pacific – Японию и Республику Корея. Отношения США и КНДР, осложненные проблемой ядерной программы КНДР, имеют тенденцию к постепенному налаживанию. С Японией у Южной Кореи были экономические противоречия, имеющие корень с послевоенного периода, которые обе страны стремятся в настоящее время разрешить. У КНДР и Японии нет официально установленных дипломатических отношений, которые в целом характеризуются напряженностью из-за двух вопросов: похищенных японских граждан и ядерной программы Северной Кореи.

Заключение

Таким образом, рассмотрев основные аспекты взаимоотношений в рамках стратегического треугольника КНР-США-Япония, можем прийти к следующим выводам:

1. Все три государства обладают значительным экономическим и военно-политическим потенциалом для дальнейшего развития, претендуют на ведущую роль не только в рамках региона Восточной Азии, но и в рамках всего АТР.

2. Несмотря на то, что в рамках стратегического треугольника два государства являются союзниками (США и Япония), каждое из трех государств представляет угрозу интересам другого государства. В отношениях КНР-США к этим угрозам относятся: торговая война и противоречия в торгово-экономической сфере, фактор Тайваня, фактор Тибета (в контексте американских обвинений Китая в нарушении прав человека), расширение НАТО и присутствия США в АТР и в мире, расширение влияния Китая в АТР и в мире и др. В отношениях КНР-Япония: союзнические отношения между Японией и США, поддержка правительством Японии американской политики в отношении Тайваня, расширение влияния Китая в регионе, территориальный спор в Восточно-Китайском море. В отношениях Япония-США: торговая война между КНР и США отрицательно влияет на японскую экономику, так как ведется активное торгово-экономическое сотрудничество с Китаем, стремление Японии к проведению более независимой политики.

3. Рассмотренные оборонные инициативы имеют перспективы для дальнейшего развития. Конкретные инициативы предлагаются Японией и США, более того они совпадают по целям и структуре реализации, вследствие этого, а также наличия союзнических отношений, могут быть объединены и реализованы. Более того, правительство США с начала ноября 2019 г. начало активную работу в данном направлении. Концепция американского правительства является противовесом китайской инициативе «Один пояс, один путь». Однако китайская инициатива обладает большим весом в мире, она включает в себя все регионы мира, в направлении ее реализации сделано уже очень много шагов. Несмотря на то, что данная инициатива заявлена как экономическая, она имеет очень сильную политическую основу, способствует расширению политического и военного

сотрудничества между странами, так как успешное функционирование транспортных маршрутов нуждается в постоянном обеспечении безопасности.

4. Что касается прогнозов относительно баланса сил в регионе, серьезные изменения маловероятны, так как в основном они происходят из-за серьезных конфликтов, нередко военного характера. Следует поддерживать существующий порядок, так как любые изменения – это угроза безопасности региона и мира. КНР, США и Япония – одни из ведущих мировых держав, они способны взять на себя ответственность по поддержанию безопасности в Восточной Азии, однако это можно сделать, принимая во внимание, следующее:

- Поиск общей повестки дня, разработка механизма сотрудничества и постановка общих целей должны стать целью стратегических усилий трех стран.
- Существующие двусторонние механизмы между сторонами стратегического треугольника важны и должны быть усилены. Однако одних лишь двусторонних механизмов недостаточно для решения стратегических вопросов и вопросов безопасности в Азии. Поэтому трехсторонний механизм необходим сейчас и в будущем.
- Задачи трехстороннего механизма должны включать: координацию, консультации и сотрудничество по корейскому урегулированию; обмен информацией; создание механизма управления кризисами между тремя странами в Азии; усилия для достижения консенсуса по региональным и глобальным вопросам.

Список литературы

Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность // Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002. С. 283-296.

Гордеева И.В. Япония-КНР-США и тайваньская проблема // Азия и Африка сегодня. 2013. № 6. С. 2-7.

Дегтерев Д.А., Истомин И.А. Системное моделирование международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 17-30.

Мосяков Д.В., Шпаковская М.А. Китай переигрывает США в отношениях с АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. № 3 (40). С. 5-11.

Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки. Под ред. А.И.Подберезкина. М.: МГИМО 2014. 874 с.

Понька Т.И., Бельченко А.С., Трусова А.А. Двухвекторный подход КНР к разрешению территориальных споров в Южно-Китайском море // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. 17 (03). С. 518-529. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-518-529

Терских М.А. США в территориальных спорах в Южно-Китайском море // Армия и общество. 2015. № 4 (47). С. 32-35.

Ситуационные анализы. Выпуск 4: Америка в фокусе российских исследователей: история и современность / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: МГИМО-Университет, 2014. 416 с.

Соколов В.С. Новый политический курс Японии // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2014. № 3. С. 105-109.

Торкунов А.В. Международные отношения после косовского кризиса // Внешняя политика и безопасность современной России 1991-2002 гг. Т. 1. М.: МГИМО-РОССПЭН, 2002. 539 с.

Bhanu Murthy K. V., Kalsie A. US-China currency and trade war: round one to China! // *Transnational Corporations Review*. 2019. 11 (04). P. 290-297. DOI: 10.1080/19186444.2019.1684134

Dittmer L. Symposium: Power Shift Sino-Australian Relations: A Triangular Perspective // *Australian Journal of Political Science*. 2012. 47 (04). P. 661–675.

Foot R. Power transitions and great power management: three decades of China–Japan–US relations // *The Pacific Review*. 2017. 30 (06). P. 829-842. DOI: 10.1080/09512748.2017.1303535

Hosoya Y. FOIP 2.0: The Evolution of Japan’s Free and Open Indo-Pacific Strategy // *Asia-Pacific Review*, 2019. 26 (01). P. 18-28. DOI: 10.1080/13439006.2019.1622868

Kaplan M. A. *System and Process in International Politics*. New York: Wiley, 1957. 260 p.

Kawashima S. Japan–US–China Relations during the Trump Administration and the Outlook for East Asia // *Asia-Pacific Review*. 2017. 24 (01). P. 23-36. DOI:10.1080/13439006.2017.1328800

Liu T., Woo W. T. Understanding the U.S.-China Trade War // *China Economic Journal*. 2018. 11 (03). P. 319-340. DOI: 10.1080/17538963.2018.1516256

Roy-Chaudhury R., De Estrada K. S. India, the Indo-Pacific and the Quad // *Survival*. 2018. 60 (03). P. 181-194. DOI: 10.1080/00396338.2018.1470773

Shiffrinson J. The rise of China, balance of power theory and US national security: Reasons for optimism? // *Journal of Strategic Studies*. 2020. 43 (02). P. 175-216. DOI: 10.1080/01402390.2018.1558056

Wu Z. Classical geopolitics, realism and the balance of power theory // *Journal of Strategic Studies*. 2017. 41 (06). P. 786-823. DOI: 10.1080/01402390.2017.1379398

2.5. БАЛАНСИРОВАНИЕ И КОНФИГУРАЦИЯ АЛЬЯНСОВ В АТР И ЮЖНОЙ АЗИИ (НА ПРИМЕРЕ КНР, США, ИНДИИ И ПАКИСТАНА)¹⁵²

А.В. Худайкулова, А.С. Юнюшкина*

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) с его мощными экономическими, политическими и человеческими ресурсами – это устойчивый и перспективный регион с быстрыми темпами развития экономической интеграции. АТР демонстрирует довольно интересную закономерность – внутренняя динамика тихоокеанских государств благоприятно сказывается на ускорении региональных процессов, которые в свою очередь влияют на общемировые тренды и возможно будут определять экономическое развитие постковидного мира.

После выхода США из Транс-Тихоокеанского партнерства (ТТП) 8 марта 2018 г. было подписано новое соглашение – Всеобъемлющее и прогрессивное Транс-Тихоокеанское партнерство (ВПТТП), которое включает в себя большинство положений ТТП. Данное соглашение вступило в силу 30 декабря 2018 г. после того, как его ратифицировали Япония, Мексика, Сингапур, Новая Зеландия, Канада и Австралия. В нынешнем составе ВПТТП может считаться третьей в мире по размерам совокупного ВВП зоной свободной торговли после НАФТА и ЕС.

15 ноября 2020 г. было подписано соглашение о создании крупнейшей зоны свободной торговли – Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП), которое объединяет десятку АСЕАН и пять региональных стран, в числе которых Китай, Япония, Австралия, Ново-Зеландия и Южная Корея¹⁵³. Партнерство охватывает 30% всей мировой экономики и 30% населения мира с 2,2 млрд потребителей. ВРЭП позиционируется как прорывной мегапроект, который должен обеспечить дальнейший качественный рост интеграционного взаимодействия в регионе через усиление региональной взаимосвязанности и развитие инфраструктурного потенциала. ВРЭП более открытая структура, нежели чем ВПТТП, присоединение к которой возможно при наличии у страны соглашения о зоне свободной торговли с АСЕАН.

Помимо интеграционно-экономического измерения, АТР сегодня – самое динамично развивающееся геополитическое пространство, в котором сталкиваются интересы ведущих акторов, что обуславливает перебалансировку сил традиционных и возвышающихся держав.

Вместе с тем в данном регионе отсутствует международная модель, которая могла бы выступать в качестве универсальной системы безопасности для пресечения локальных конфликтов, неконтролируемого распространения вооружений и сдерживания роста вооруженного потенциала. В АТР сосредоточен мощный комплекс вооруженных сил ряда крупных государств, которые претендуют на сферы влияния [Богатуров 2010: 239-257].

На сегодняшний день основными проблемами безопасности в АТР выступают территориальные споры, ядерное вооружение Северной Кореи, терроризм и

¹⁵² Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ-КАОН № 20-514-93003 «Россия и Китай в мировом политическом пространстве: согласование национальных интересов в глобальном управлении».

* Худайкулова Александра Викторовна – к.пол.н., доцент кафедры ПАМП МГИМО МИД России, e-mail: alexandra_77@mail.ru; Юнюшкина Анна Сергеевна – магистрант кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Международные отношения», e-mail: an.yuniushkina2014@yandex.ru.

¹⁵³ The Regional Comprehensive Economic Partnership. URL: <https://rcepsec.org/> (accessed: 12.12.2020).

религиозный экстремизм, экологические катастрофы и возрастающая социальная нестабильность. Первые попытки в решении проблем региональной безопасности были предприняты еще в конце XX в. с созданием Регионального форума АСЕАН (АРФ) и Азиатско-Тихоокеанский Совета Сотрудничества по Безопасности (АТССБ). Важной частью происходящих процессов регионального сотрудничества выступают Восточно-Азиатские саммиты (ВАС), Диалог по сотрудничеству в Азии (ДСА), Совецание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Совецание министров обороны АСЕАН плюс (СМОА+).

Перераспределение баланса сил характерно и для Южной Азии в контексте сложного комплекса взаимоотношений Индии, Китая и Пакистана. Несмотря на то, что в отношении Южной Азии различий меньше, чем в других регионах, здесь сформировалась определенная структура баланса сил, которая характеризуется столкновением национальных интересов и образованием совместных союзнических коалиций [Small 2015: 319]. Общая ситуация определяется региональным соперничеством за влияние между Индией и Китаем и непрекращающейся эскалацией индо-пакистанских отношений по проблеме Кашмира, ослаблением альянса США и Пакистана в пользу укрепления сотрудничества между КНР и Пакистаном, а также формированием оси Дели – Вашингтон, что наглядно демонстрирует возрастающую роль Индии как ключевого союзника Вашингтона в акватории двух океанов. Сложившаяся расстановка сил во многом определяется численностью армейского контингента и обеспеченностью базовыми военно-техническими компонентами. В этом отношении уверенно лидирует Китай, за которым с небольшим отрывом следует Индия, которая ускоренно наращивает военно-технический потенциал (см. табл. 1).

Таблица 1

Баланс военных сил в Южной Азии в 2019 г.

Страна	Численность армии (млн. человек)	Танки	БТР	Зенитные ракетные комплексы	Артиллерия
Китай	1,79	6740	5024	13420	944
Индия	1,39	3024	336	9682	680
Пакистан	0,66	2561	1467	4472	190

Источник: составлено автором с использованием Баланс сил в Азиатско-тихоокеанском регионе // Международный дискуссионный клуб Валдай. URL: <https://ru.valdaiclub.com/multimedia/infographics/balans-sil-v-aziatsko-tikhookeanskom-regione/> (дата обращения: 08.12.2020).

Стратегия ключевых держав и расстановка сил

Для более комплексной оценки баланса сил в АТР и Южной Азии, а также дальнейшего анализа стратегий ключевых акторов необходимо провести ранжирование исследуемых государств по их доли от совокупной мировой мощи. Расчет произведен за 2018 г. (см. Приложение 1) с использованием Сводного индекса

национального потенциала (*Composite Index of National Capability, CINC*)¹⁵⁴ и представлен ниже в табл. 2.

Таблица 2

Ключевые акторы в АТР и Южной Азии по Сводному индексу национального потенциала

Страна	Доля от мировой мощи, в %
КНР	22,3
США	13,4
Индия	8,9
Пакистан	1,4

Источник: составлено авторами с использованием Correlates of War.

КНР. В настоящее время ключевое влияние на расстановку сил в АТР оказывает Китай, который демонстрирует стремительное и бурное «возвышение» [Грачиков 2019: 187-200]. С 1990-х гг. экономика КНР уверенно растёт, достигнув в 2009 г. второго места по объёму ВВП, в 2011 г. – первого места по объёму промышленного производства, в 2014 г. – по объёму ВВП по ППС, с 2016 г. опережая США по экспорту товаров и услуг. Успешная политика реформ и быстрый экономический рост повлияли на укрепление позиций Китая на международной арене [Khan, Khan 2019: 4-6], который становится в ряд ведущих мировых держав. В 2012 г. был провозглашен курс на превращение Китая в великую морскую державу. В 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул масштабную инициативу «Один пояс, один путь» по созданию глобальной транспортной и инвестиционной инфраструктуры. В 2015 г. Китай запустил проект по созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI в. Концепция направлена на глобализацию системы мирового хозяйства и международных отношений на основе принципа «совместно договариваться, строить и пользоваться» [Cheng et al 2019].

В рамках региональной подсистемы Китай всецело концентрируется на увеличении экономического, политического и военно-стратегического влияния в АТР: Пекин стал крупным торговым партнером Республики Корея, Японии, Индии; образовались зоны свободной торговли между Китаем и странами-членами АСЕАН; поступательно продвигается развитие основных ядерных комплексов Китая; вооруженные силы и ВМФ КНР нацелены на дальнейшее расширение зон своего влияния [Арапова 2015]. Параллельно КНР усиливает свои позиции в основных региональных организациях – АСЕАН, АРФ, ВАС, АТЭС. Под воздействием китайской стороны были созданы новые группировки – АСЕАН + 1 (Китай), АСЕАН + 3 (Китай, Япония, Республика Корея), АСЕАН + 6 (Китай, Япония, Республика Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия).

Свежеподписанный ВРЭП также можно отнести к успехам китайской дипломатии. КНР как крупнейший региональный рынок с населением более 1,3 млрд

¹⁵⁴ CINC включает в себя демографический, экономический и военный показатели отдельно взятого государства.

$$CINC = \frac{TRK + UPR + ISPR + ECR + MER + MPR}{6}$$

где *TRK* – коэффициент общей численности населения страны; *UPR* – коэффициент городского населения страны; *ISPR* – коэффициент производства чугуна и стали в стране; *ECR* – коэффициент потребления первичной энергии в стране; *MER* – коэффициент военных расходов страны; *MPR* – коэффициент численности армии.

человек рассчитывает закрепить за собой не просто статус крупнейшей торговой державы, но стать безусловным лидером в глобальном многостороннем сотрудничестве. Кроме того, это дополнительная возможность укрепить отношения с соседними государствами и возможно даже устранить существующие противоречия, а том числе критику ОПОП по итогам реализации второго десятилетия.

Внешнеполитическая стратегия и дипломатия Китая, в том числе при взаимодействии с сопредельными странами в АТР, исходит из политики поддержания добрососедства, при котором, как заявляет китайское руководство, возможно выстраивать стабильную систему гармоничных многосторонних отношений. В повестку КНР в АТР входит содействие процветанию и стабильности, продвижение диалога и сотрудничества в сфере безопасности, развитие партнерских отношений, совершенствование действующих региональных многосторонних механизмов с целью укрепления основ мира и стабильности в регионе. Пекин регулярно подтверждает свою заинтересованность в поддержании мира и стабильности в Южно-Китайском море, мирном решении ядерной проблемы Корейского полуострова и урегулировании конфликтов в других горячих точках региона.

Вместе с тем, исходя из формулы «политика – это большая экономика», Китай переосмысливает свои приоритеты в области безопасности, реализуя осторожный переход от традиционной политики невмешательства к более активному «конструктивному» взаимодействию. Внутренняя нестабильность в большинстве стран, участвующих в проекте «Один пояс, один путь», влияет на формирование новых условий в сфере безопасности, ориентируя Китай к проявлению большей гибкости в миссиях по политическому урегулированию внутригосударственных конфликтах, от участия в которых Китай воздерживался еще в недавнем прошлом [Худайкулова 2019: 420]. Ориентируясь на защиту собственных интересов за рубежом, в том числе через организацию операций по спасению граждан и поддержанию мира, участие в посредничестве, использование специальных посланников и т.д., Китай постепенно переходит от прежней Вестфальской модели к более сложной и многокладной поствестфальской парадигме.

США. АТР традиционно входит в орбиту внешнеполитических интересов США. В XXI в. Вашингтон определил продвижение в АТР в качестве важнейшего направления своей внешней политики. В регионе располагается созданная под американским руководством сеть военных союзов, которые обладают мощными стратегическими и передовыми комплексами вооружений. Предполагается, что американская сторона продолжит разворачивать военные группировки в акватории Тихого океана; применять новые виды военных информационных и электронных технологий; увеличивать финансирование своих союзников в АТР, оказывать им военную помощь; планируется строительство новых военных пунктов и баз для укрепления опорных позиций в данном регионе [Ross 2006: 355-395].

С точки зрения Вашингтона, баланс сил сводится к сохранению американского доминирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе и сдерживанию Китая. При этом если в начале столетия во взаимодействии с КНР как с ключевым региональным соперником США еще делали ставку на политику «вовлечения», «трансформационную дипломатию» (инициатива госсекретаря К. Райс в 2006 г.), возможность формирования G2 при главенствующей роли американцев, то к 2010-м гг. Вашингтон стал все больше переходить к стратегическому сдерживанию КНР. В

этом контексте следует рассматривать наступление «Тихоокеанского века Америки»¹⁵⁵, разворот (*pivot*) США в сторону Азии и политику «перебалансировки» (*rebalancing*, 60 % американского флота ныне находится в регионе) для «восстановления равновесия в АТР». К основным задачам американской стратегии в АТР относятся: поддержание тесных контактов с теми странами Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, которые имеют с Китаем территориальные споры; влияние на расстановку сил в данном регионе и ослабление китайской угрозы; использование ВМФ для обеспечения безопасности национальных интересов США [Kerr 2013: 146-150]. Новыми инструментами американской политики сдерживания КНР стала концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (ИТР), а также создание четырехстороннего диалога (США, Япония, Индия, Австралия), получившего названия «Квад» (*Quadrilateral Security Dialogue*) или «Бриллиант безопасности» [Худайкулова, Рамич 2020: 23-24].

Попытка США при демократической администрации Б. Обамы создать Транстихоокеанское партнерство служит также примером сдерживания влияния Китая в Азии. Партнерство должно было заработать через отмену тарифов внутри него и упрощение трансграничных бизнес-процессов. Изначально проект представлялся как открытый формат вовлечения и мягкого навязывания Китаю новых правил игры, но по мере усиления американо-китайского соперничества замысел приобрел антикитайский характер. Соглашение по Транстихоокеанскому партнерству при участии Австралии, Брунея, Вьетнама, Канады, Малайзии, Мексики, Новой Зеландии, Перу, Сингапура, США, Чили, Японии было достигнуто 5 октября 2015 г. Стороны парафировали Соглашение о Транстихоокеанском стратегическом экономическом сотрудничестве. Однако 23 января 2017 г. президент-республиканец Д. Трамп подписал указ о выходе США из Транстихоокеанского партнерства, что само по себе отражает новый сдвиг в азиатской политике Вашингтона.

США квалифицируют нынешнюю ситуацию противостояния с КНР как необратимую. В пользу такого резкого утверждения говорит опубликованный 20 мая 2020 г. на сайте Белого дома доклад членам конгресса «Стратегический подход США в отношении КНР»¹⁵⁶, в котором излагаются долгосрочные цели политики США в отношении Китая. В данном документе Вашингтон не обходит стороной АТР, обвиняя Поднебесную в постоянном наращивании военного потенциала Китая, усилении «провокационной» военной активности в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, Тайваньском проливе и на границе с Индией.

Индия. Колоссальные амбиции по продвижению своих интересов в АТР демонстрирует Индия, которую отличает наличие огромных демографических и экономических ресурсов. Индия выстраивает дружеские отношения с главными геополитическими акторами в АТР и придерживается внешнеполитического курса по балансированию между ними, тем самым, умело продвигая национальные интересы, что многие эксперты называют «искусной эквилибристикой». В настоящее время во внешнеполитическом курсе Индии продолжают преобладать философские течения

---

¹⁵⁵ Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy, 11 October 2011. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (accessed on 10.02.2020).

¹⁵⁶ United States Strategic Approach to the People's Republic of China // White House, May 2020. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.20.20.pdf> (accessed: 12.12.2020).

проявления доброй воли и мира в целях предотвращения разногласий и конфликтов. Индийское руководство совместно с ведущими индийскими аналитиками опубликовали документ «Неприсоединение 2.0: внешняя и стратегическая политика Индии в XXI веке», в котором отражается основная идея неприсоединения и автономности во внешнеполитическом курсе Индии, а также затрагиваются перспективные механизмы по обеспечению безопасности Республики Индии в XXI в. [Sahni 2007: 26].

В этой связи, довольно говорящим является тот факт, что Индия – это единственная держава из состава «группы четырех» (в которую также входят Германия, Япония и Бразилия), кандидатуру которой на вхождение в состав постоянных членов поддержали одновременно США и РФ. Руководство страны активно лоббирует реформу СБ ООН, несмотря на крайне неопределенные перспективы ее финализации, рассчитывая тем самым на усиление своего влияния в глобальной политике. Тем более, что за последние 70 лет Индия предоставила в распоряжение ООН самое большое число военнослужащих (более 200 тыс. военных и полицейских), чем какая-либо другая страна.

Ключевые сферы интересов Индии в АТР и в Юго-Восточной Азии – экономические связи и поддержание безопасности. Традиционно важная составляющая внешнеполитического курса Индии – развитие двухсторонних отношений. В области поддержания безопасности Нью-Дели активно сотрудничает с Японией и США. Что касается экономической области, то руководство страны стремится поддерживать приемлемый уровень отношений со всеми странами, в первую очередь, это касается КНР, ключевого регионального конкурента в АТР.

Начиная с конца XX в. Индия приступила к выработке механизмов, необходимых для осуществления первоначальных направлений курса «Смотри на Восток» (*Look East Policy*), призванного восстановить своё политическое и экономическое влияние и укрепить связи со странами Восточной и Юго-Восточной Азии. Благодаря наращиванию сотрудничества и дружественному характеру отношений со странами Юго-Восточной Азии, Индия постепенно активизировала свою деятельность по расширению зон своего влияния к востоку от границ страны [Лебедева 2012: 151-155]. Была сделана попытка выстроить новые стратегические партнёрства с такими восточноазиатскими державами, как Япония и Южная Корея.

Первоначально индийское руководство выступало за укрепление дружественных торгово-экономических отношений в Восточной Азии на основе двусторонних и многосторонних отношений, но постепенно повестка расширялась за счет задач обеспечения безопасности и поддержания обороноспособности страны. Проявленные усилия и инициатива с индийской стороны стали результатом разработки эффективных программ и проектов по сотрудничеству со странами Юго-Восточной Азии в целях дальнейшего продвижения в АТР. Руководство Индии понимает всю важность этого геостратегического региона, поэтому страна не собирается оставаться в стороне от интеграционных процессов, что затрагивают страны Юго-Восточной Азии и Восточной Азии [Куприянов 2019: 234-236].

В рамках обновленной внешнеполитической стратегии 2014 г. «Действуй на Востоке» (*Act East Policy*) Индия намерена расширять свое присутствие в Юго-Восточной и Восточной Азии, а также продвигаться в Центральную Азию. Индия позиционирует себя как активный актер в ЮВА: заявляет о заинтересованности в

сохранении свободы судоходства в Южно-Китайском море, одновременно укрепляет связи с АСЕАН, намерена стать гарантом безопасности расположенных в Индийском океане островных государств. Это намерение подкрепляется важным решением о наращивании инвестиций в создание мощных военно-морских сил для постоянного присутствия и проецирования силы в водах, омывающих индийское побережье [Tellis 2016].

Индийская сторона традиционно уделяет приоритетное внимание поддержанию баланса сил из-за растущего влияния Китая, с которым у Индии весьма напряженные отношения [Wagner 2016: 307-320], которые к тому же испортились в последнее время из-за пограничных споров. В перспективе Индия будет продолжать наращивать потенциал и укреплять свои позиции в АТР. Однако баланс сил, на который рассчитывает Индия, отличается от того, который продвигают США. Дистанцируясь от перспективы формирования американо-индийского союза, Индия не менее чем США заинтересована в балансировании роста и сдерживании Китая, хотя открыто и не декларирует данную стратегию, ограничиваясь озвучиванием осторожных опасений. В контексте сложных взаимоотношений «соперничества-партнерства» с Китаем Нью-Дели рассчитывает на относительно сбалансированную региональную ситуацию для защиты собственных интересов [Голам, Евневич, Худайкулова 2019]. При том, что Китай является основным торговым партнером Индии, оба государства движутся по пути конкуренции и соперничества за сферы влияния в рамках регионального порядка. Показательно, что Индия, принимавшая активное участие в разработке ВРЭП, отказалась подписывать соглашение преимущественно из-за опасений, что китайские товары могут навредить индийскому внутреннему рынку¹⁵⁷.

Пакистан. Особое место в Южно-азиатской подсистеме занимает Исламская Республика Пакистан, которая также претендует на расширение своего влияния, тем более что этому способствует географическое положение. Не имеющий выхода к Тихому океану, Пакистан играет важную роль в Южно-Азиатском регионе, т.к. сухопутно граничит с Индией и Китаем. В распоряжении Пакистана имеются значительные военные силы и ядерное оружие, что выделяет страну в качестве ключевого геополитического актора в Южной Азии, способного оказывать влияние на соседние страны и изменение расстановки сил в регионе. В рамках регионального сотрудничества Исламабад придерживается мирной дипломатии и стремится поддерживать дружеские отношения с соседними странами, не доводить назревающий кризис до применения вооруженных средств. Исламабад поддерживает и развивает не только двусторонние отношения, но и активно продвигает многостороннюю дипломатию¹⁵⁸. В частности, в Южной Азии Пакистан осуществляет свою деятельность через Ассоциацию регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК).

Исламабад большое внимание уделяет военно-техническому сотрудничеству с такими государствами, как КНР, США, которые являются крупными поставщиками передовых образцов вооружений в Южной и Юго-Восточной Азии. Кроме того, Пакистан постепенно наращивает собственный военный потенциал; на территории

---

¹⁵⁷ *Исаев М.* Foreign Policy: почему Индия не хочет договариваться с Юго-Восточной Азией? // Регнум, 20 ноября 2019. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2783577.html> (дата обращения: 12.12.2020).

¹⁵⁸ *Chellaney B.* Asia's New Triple Entente // The Washington Times, January 24–25, 2012. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2012/jan/24/asiyas-new-triple-entente/> (accessed: 17.10.2020).

страны разворачивается активное военное строительство; ускоряется процесс модернизации вооружений и военной техники¹⁵⁹. Значительные усилия Пакистан направляет на «войну с террором» [Malik, He, Rafay 2019]. Позиция Исламабада по борьбе с терроризмом поддерживается США, которые разрабатывают совместные стратегии и программы по пресечению распространения «трех зол» – сепаратизма, экстремизма и терроризма в Азии [Арбатов 2005: 235].

Внешнеполитический курс Пакистана направлен на дальнейшее укрепление обороноспособности и повышение безопасности на приграничных с Индией территориях. Наличие неразрешенных пограничных и территориальных проблем со своим главным региональным соперником, возрастающее экономическое и политическое соперничество, наращивание военно-технического и ядерного потенциалов двух стран зачастую приводит к общей напряженности в региональном формате. Дисбаланс сил в отношении с Индией и более слабый военный потенциал подталкивает Пакистан к укреплению китайско-пакистанской дружбы. Таким образом, внешнеполитический курс Пакистана направлен на сдерживание амбиций и балансирование против угроз Индии, и поддержание дружеских отношений с Китаем.

Китай и Пакистан поддерживают дружеские отношения на протяжении многих лет [Small 2015: 156-158]. Оба государства имеют тесные контакты в области обеспечения безопасности, военно-технического сотрудничества, инвестиционной политики. КНР оказывает экономическую помощь Пакистану [Basit, Torjesen, Macfarlane 2018: 4-8]. С начала столетия объём двусторонней торговли увеличился в четыре раза, на Китай приходится 15% импорта в Пакистан и основная доля поставок оружия, подписано второе соглашение о свободной торговле. Пакистан рассчитывает на поддержку Пекина для ослабления позиций Индии, которая всецело сосредоточена на укреплении и наращивании военного потенциала [Cohen 2005: 69-70].

В свою очередь Китай также заинтересован в развитии сотрудничества с Пакистаном. В 2014 г. было подписано соглашение о создании Китайско-пакистанского экономического коридора (*China-Pakistan Economic Corridor*)¹⁶⁰, который задумывался как комплексная магистраль по созданию различных инфраструктурных объектов, включая сеть портов, автомобильных и железных дорог, трубопроводов, а также особых экономических зон. Общая стоимость КПЭК оценивается в 62 млрд долл. США, из которых более 60% приходится на транспортные проекты. Данный проект, призванный соединить Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР с портом Гвадар через всю территорию Пакистана, направлен на решение целого комплекса задач – от обеспечения энергетической безопасности и бесперебойных поставок нефти, минуя узкий Малаккский пролив, и сокращения времени поставки и отправки грузов через Индийский океан вплоть до возможности формирования в Гвадаре военно-стратегического опорного пункта с целью размещения военно-морского флота КНР.

---

¹⁵⁹ Sengupta S. U.S. Gives India Applause, Pakistan a Pat on the Back // The New York Times, March 5, 2006. URL: <https://www.nytimes.com/2006/03/05/world/asia/us-gives-india-applause-pakistan-a-pat-on-the-back.html> (accessed: 15.12.2020).

¹⁶⁰ China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) // Ministry of Planning, Development and Special Initiatives. URL: <http://cpec.gov.pk/> (дата обращения: 12.12.2020).

В 2016 г. Пакистан сдал в аренду на 43 года китайской компании China Overseas Port Holding Company глубоководный порт Гвадар и прилегающие территории, открывающий доступ в Аравийское море¹⁶¹. Порт занимает важное стратегическое положение и, как следствие, развивается с особой интенсивностью. Стоимость всех инфраструктурных проектов в Гвадаре составляет примерно 1,72 млрд. долл. США. Развитие порта Гвадар и всей сопутствующей инфраструктуры открывает перспективные внешнеэкономические выгоды для Пакистана как связующего звена и транзита в Азии между странами Персидского залива, среднеазиатскими республиками и КНР. За 15 лет действия КПЭК Пакистан рассчитывает на экономический рост, масштабное развитие инфраструктуры, создание специальных экономических зон, не говоря уж о 700 тыс. новых рабочих мест.

Довольно критично в адрес КПЭК высказывается Вашингтон, который пытается убедить Исламабад в том, что проект чреват увеличением долговой нагрузки на Пакистан на фоне возросшей зависимости от китайской финансовой помощи и поставок оружия, которая может конвертироваться в зависимость политическую¹⁶². В США полагают, что через Гвадар Китай сможет контролировать расположенный всего в 400 км Ормузский пролив, через который он получает ближневосточную нефть.

В свою очередь Индия настаивает, что КПЭК работает не на процветание региона, а главным образом на интересы Китая. Индия обвиняет Пакистан и Китай в нарушении собственного суверенитета и неприемлемости пролегания транспортных путей проекта по спорным территориям и открыто возражает против военного присутствия КНР в Гвадаре¹⁶³.

Япония. Перераспределение сил в АТР обусловлено не только ростом влияния КНР, изменением роли и усилением амбиций США, а также новыми акцентами во внешнеполитических курсах региональных держав. Важную роль играет Япония, которая в своей стратегии ориентируется на целый спектр задач – сдерживание, балансирование и интеграцию. Главным стратегическим союзником и торговым партнером для Японии является США [Pant 2007: 54-71]. Можно предположить, что в настоящий момент отношения Вашингтона и Токио являются самыми прочными среди всех стран Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Отношения Китая и Японии носят двоякий характер: с одной стороны, бурными темпами развиваются торгово-экономические отношения между двумя странами, гуманитарные и культурные связи, но, с другой стороны, существуют острые территориальные споры вокруг островов Сенкаку, которые находятся в акваториях Восточно-Китайского моря [Ladwig 2009: 87-113]. Попытки урегулирования данного конфликта не увенчались успехом, так как ни одно из государств не пошло на компромисс, а значит, территориальный конфликт остается актуальным и в настоящее время¹⁶⁴.

---

¹⁶¹ Пакистан передал под контроль китайской компании порт Гвадар на побережье Аравийского моря // ТАСС, 12.11.2015. URL: <https://tass.ru/ekonomika/2428503> (дата обращения: 12.12.2020).

¹⁶² Senior U.S. Official Warns Pakistan of Economic Dangers of China's Infrastructure Plan // Radio Free Europe/Radio Liberty, November 22, 2019. URL: <https://www.rferl.org/a/us-warns-pakistan-dangers-china-belt-cpec-project-gwadar/30285745.html> (accessed: 19.12.2020).

¹⁶³ China-Pakistan Economic Corridor is illegal: India // The Economic Times, 06.02.2020. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/china-pakistan-economic-corridor-is-illegal-india/articleshow/73974996.cms> (accessed: 19.12.2020).t

¹⁶⁴ Kaneda H. The Rise of Chinese "Sea Power"// Project Syndicate, September 08, 2005. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/kaneda7/English> (accessed: 19.12.2020).

Япония также активно развивает торговое сотрудничество с Республикой Корея. Благодаря финансовой и гуманитарной помощи со стороны Японии, становление и развитие экономики Республики Корея заметно ускорилось, что способствовало скорейшему становлению страны как индустриально развитой страны АТР [Yoshihara, Holmes 2009: 44-67]. Кроме того, между двумя странами поддерживаются культурные, научно-технические, образовательные и туристические связи. Однако до сих пор не разрешены территориальные споры, что затрагивают острова Такэсима, расположенные в акваториях Японского моря к восточной части Корейского полуострова. Вокруг принадлежности данных территорий до сих пор разгораются острые претензии, которые только усиливают напряженность в регионе. Непростые отношения сложились у Японии с КНДР. Между двумя странами нет дипломатических сношений, отсутствует прямой транспортный коридор, практически не поддерживаются торгово-экономические отношения. Токио также обеспокоен ядерной программой КНДР, ракетно-ядерными испытаниями и военно-морскими учениями вооруженных сил КНДР в акватории Японского моря. Исходя из данных обстоятельств Япония постепенно свернула оказание гуманитарной и экономической помощи КНДР. Попытки нормализации двусторонних отношений остаются безрезультатными.

США-КНР: балансирование через сдерживание

Развитие и безопасность в АТР обеспечиваются в условиях непрекращающегося соперничества КНР и США. Сегодня США открыто проводят курс по сдерживанию стратегического влияния своего основного регионального (и глобального) конкурента. Вашингтон выражает недовольство успехами Китая по наращиванию военно-морской силы, активным перевооружением военно-морского флота, использованием новых видов техники и вооружения, а главное – военным присутствием китайских военно-морских сил не только в АТР, но и в Индо-Тихоокеанском регионе. Вашингтон намерен вернуть себе лидирующие позиции, опираясь на поддержку своих союзников, в первую очередь Японии [Бжезинский 2012: 114].

Япония все больше принимает участие в военно-техническом сотрудничестве с США, увеличиваются закупки и поставки в Японию военной техники и оборудования, передовых образцов вооружений¹⁶⁵. Кроме Японии в целях предотвращения возрастающей «угрозы» со стороны КНР США склоняют Республику Корею и Австралию присоединиться к военно-техническому сотрудничеству. В 2017 г. Вашингтону удалось убедить Сеул развернуть на своей территории систему противоракетной обороны американского производства (*THAAD*), что обеспечило защиту Южной Кореи, Японии и США от возможных северокорейских ракетных атак, но резко обострило южно-корейское взаимодействие с Китаем. Не найдя должной поддержки у Вашингтона, Сеул был вынужден лавировать, отказавшись не только от приобретения оставшихся частей *THAAD*, но и от присоединения к американской и

---

¹⁶⁵ Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy, 11 October 2011. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (accessed on 10.12.2020).

японской системам противоракетной обороны и создания военного альянса с Японией и США¹⁶⁶.

США продолжают укреплять свои опорные вооруженные пункты в государствах Юго-Восточной Азии (Филиппины, Сингапур и Новая Зеландия)¹⁶⁷. Данные меры рассматриваются как проявление прямого противостояния с Китаем в целях пресечения продвижения национальных интересов Пекина в акватории Южно-Китайского моря. Под давлением американской стороны Япония начала претендовать на территории островов в акваториях Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей [Понька и др. 2017: 518-529]. Совместно с Южной Кореей, Японией и Филиппинами США не раз проводили военные учения вблизи спорных территорий в Южно-Китайском море. В свою очередь Китай не раз обвинял США в подстрекательстве стран ЮВА (Филиппины, Вьетнам) в разжигании территориальных конфликтов в акваториях Южно-Китайского моря.

США активно укрепляют военно-стратегическое сотрудничество с Индией. Страны проводят совместные военные учения в акваториях Тихого и Индийского океанов. Кроме того, Индия серьезно заинтересована в развитии энергетического и экономического сотрудничества с США, однако, будучи членом ШОС, а также членом РИК и БРИКС, Индия поддерживает отношения с Китаем в рамках данных форматов, что свидетельствует об определенной двойственности позиции Нью-Дели [Лебедева 2012: 151-155]. Несмотря на то, что Китай и Индия являются крупными торгово-экономическими партнерами, обе страны так и не могут разрешить исторически сложившиеся территориальные споры, касающиеся западных и восточных участков границы.

Администрация Д. Трампа фактически вывела из обихода термин АТР, заменив его Индо-Тихоокеанским регионом (*Indo-Pacific*). Хотя дефиниция ИТР впервые была озвучена японским премьером С. Абэ в 2007 г. во время его выступления в индийском парламенте, и предполагала «Слияние двух морей» (Индийского и Тихого океана), создание «Дуги стабильности и процветания» в Евразии (и формирование «большой Азии»). Во время своего выступления на саммите АТЭС в Дананге (Вьетнам, 2017 г.) Д. Трамп впервые официально озвучил идею создания новой конструкции безопасности в рамках «открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона»¹⁶⁸. В эти же дни в Маниле, «на полях» саммита АСЕАН прошла встреча лидеров «Квад»¹⁶⁹. В январе 2018 г. «на полях» «диалога Райсина» в Дели прошла встреча главнокомандующих ВМФ стран-участниц «Квад». В общей сложности в 2017-2019 гг. прошло не менее 5 встреч «четверки». Последняя состоялась 26 сентября 2019 г. на «полях» ГА ООН.

---

¹⁶⁶ Volodzko D. China wins its war against South Korea's US THAAD missile shield – without firing a shot // South China Morning Post, November 18, 2017. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/geopolitics/article/2120452/china-wins-its-war-against-south-koreas-us-thaad-missile> (accessed on 10.12.2020).

¹⁶⁷ Лебедева Н.Б. Тихоокеанский век Америки – на повестке дня военные базы // Новое восточное обозрение, 20.04.2012. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/15674> (Дата обращения: 12.12.2020).

¹⁶⁸ Remarks by President Trump at APEC CEO Summit. Da Nang, Vietnam, 10 November 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam/> (accessed on 12.12.2020).

¹⁶⁹ Australia-India-Japan-U.S. Consultations on the Indo-Pacific. US State Department, Press Statement, Heather Nauert, Department Spokesperson, 12 November 2017. URL: <https://www.state.gov/australia-india-japan-u-s-consultations-on-the-indo-pacific/> (accessed on 12.12.2020).

Взаимодействие стран-участниц «Квад» охватывает не только обеспечение региональной безопасности, но и противодействие усиливающейся экономической и инфраструктурной зависимости от КНР [Thankachan 2018]. Так, в Стратегии национальной безопасности США от 2017 г. особый акцент сделан на безопасности в ИТР. Отмечается, что США будут «искать возможности усиления четырехстороннего сотрудничества с Японией, Австралией и Индией»¹⁷⁰. При этом указываются и другие союзники в регионе (Республика Корея, три члена «Квад» по отдельности и Новая Зеландия), а также партнеры из числа стран АСЕАН. В качестве направлений противодействия китайской экспансии выделяются политическая сфера, экономическая и военная (безопасность). В таком же ключе мыслят авторы Стратегии национальной обороны от 2018 г., утверждающие, что «Китай использует свою военную модернизацию, которая ставит своей целью добиться региональной гегемонии в Индо-Тихоокеанском регионе». Соответственно, обеспечение благоприятного баланса сил в ИТР является первым региональным приоритетом. О «Квад» напрямую не говорится, но отмечается, что альянсы и партнерства в регионе будут усилены посредством формирования «сетевой архитектуры безопасности» (networked security architecture)¹⁷¹.

Помимо основных доктринальных документов, только за 2019 г. появилось два стратегических доклада (Пентагона и Госдепа) непосредственно посвященных ИТР. В докладе Пентагона подчеркивается приоритетность ИТР и поддержка усилий по возобновлению «четырёхсторонних дипломатических консультаций» («Квад»). Отдельно отмечается, что в своей деятельности «Квад» исходит из центральности АСЕАН и нацелен на развитие партнерства в треугольнике Япония-Индия-Австралия. Среди сфер деятельности – поддержание «основанного на правилах порядка в ИТР», увеличение связанности (т.е. развитие инфраструктуры) «согласно международному праву и стандартам», а также анти-террор и обеспечение морской безопасности¹⁷². В докладе Госдепа подчеркивается, что в сентябре 2019 г. в ходе встречи «на полях» ГА ООН уровень взаимодействия впервые повышен до министерского и это «новая важная веха для дипломатического взаимодействия США с регионом». В ходе встречи обсуждалось сотрудничество в сфере обеспечения морской безопасности, строительство качественной инфраструктуры и региональной связанности, а также анти-террор и кибер-безопасности. В задачи «Квад» входит сдерживание КНР не только в ИТР, но и в Африке. В данной стратегии также делается оговорка насчет АСЕАН – это организация выступает «основой (backbone) для региональных дискуссий в области политики и безопасности, в то время как форматы “узкой многосторонности” (mini-lateral) позволяют более оперативно координировать действия “мыслящих одинаково” партнеров». К таким форматам отнесены

---

¹⁷⁰ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf> (accessed on 12.12.2020).

¹⁷¹ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge // US Department of Defense, 2018. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed on 12.12.2020).

¹⁷² Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, partnerships, and promoting a networked region // US Department of Defense, 1 June 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> (accessed on 12.12.2020).

Трехсторонний стратегический диалог (США-Япония-Австралия), встречи в формате США-Япония-Индия (прошли в ноябре 2018 и июне 2019 г.), а также «Квад»¹⁷³.

На данный момент не все страны-участницы «Квад» завершили оформление стратегического партнерства (см. рис. 1).

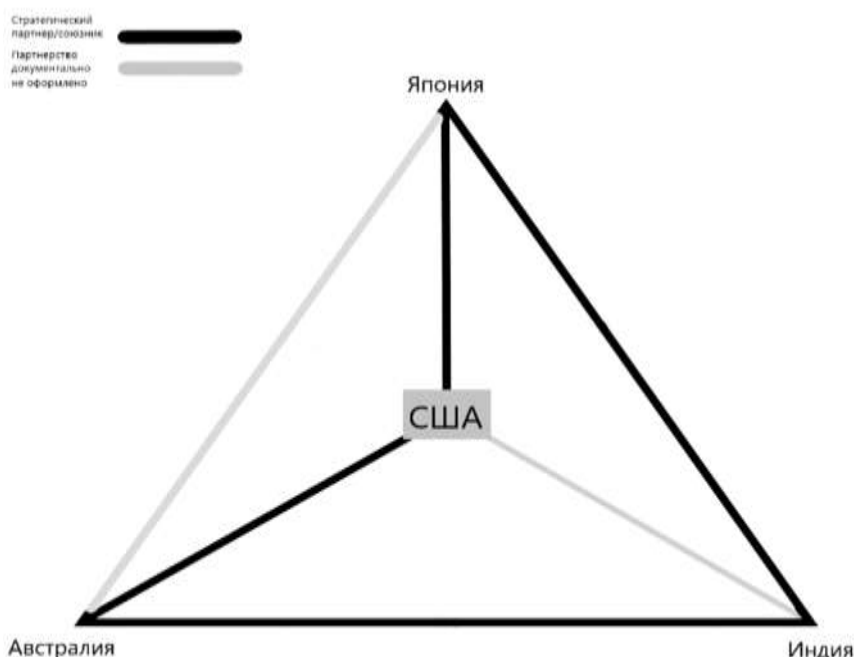

Рис. 1. Характер отношений в рамках «Квад»

Источник: [Худайкулова, Рамич 2020].

Отсутствие в настоящее время отношений стратегического партнерства между Австралией и Японией, а также между США и Индией не должно вводить в заблуждение, т.к. взаимодействие в данных «диадах», в т.ч. военное сотрудничество, поступательно развиваются, однако пока еще не воспринимаются как стратегическое взаимодействие [Худайкулова, Рамич 2020: 39].

Выход США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) 2 августа 2019 г. был отчасти обусловлен планами по сдерживанию Китая через размещение новых обычных ракет на Азиатско-Тихоокеанском театре военных действий¹⁷⁴. Менее чем через две недели после выхода из ДРСМД США испытали обычную ракету с неядерной боевой частью, которая ранее запрещалась соглашением, заявив о намерении развернуть подобные ракеты в АТР, в частности в Гуам, т.к. эта территория находится под контролем США и там уже находятся несколько американских военных баз.

Однако Вашингтон не может реально угрожать Пекину с одного (сравнительно небольшого) объекта, потому что арсенал на Гуаме может быть уничтожен китайскими ракетами. Именно поэтому США хотят рассредоточить размещение новых ракет в Австралии, Японии, Филиппинах и Южной Корее. При этом региональные партнеры Вашингтона отказываются размещать на своей территории американские ракеты,

¹⁷³ Free and Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision // State Department, 4.11.2019. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf> (accessed on 12.12.2020).

¹⁷⁴ США вышли из договора по ракетам. Чем важен ДРСМД и какие риски создаст его развал // РБК, 2 августа 2019. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/08/2019/5d42b0929a794772e68c6b6e> (дата обращения: 12.12.2020).

опасаясь ответной реакции китайских властей. Соответственно, наличие ракетного разрыва между США и Китаем демонстрирует хрупкий баланс сил в регионе в пользу КНР.

Заключение

Баланс сил в АТР формируется как крупными мировыми, так и региональными державами, что явствует из их внешнеполитических доктрин. Каждый из крупных акторов так или иначе включен в гонку за утверждение своей доминирующей роли в регионе. Усиление стратегически важных позиций КНР вкупе с наращиванием военной мощи вызывают реальные опасения у США, которые не намерены терять своё геополитическое влияние в регионе, но и полны решимости проводить политику самоусиления в ИТР. В этих условиях Вашингтон активно ищет новые пути укрепления своих позиций в данном регионе и налаживания многостороннего сотрудничества с ключевыми странами. О своём участии в международных процессах не только в АТР, но в Индо-Тихоокеанском регионе заявляет Индия, которая настроена на продвижение национальных интересов и поддержание многостороннего сотрудничества. Вопрос обеспечения региональной безопасности активно поддерживается Пакистаном, который придерживается принятия совместных действий с соседними странами для эффективного противодействия терроризму.

Общий баланс сил в АТР и Южной Азии будет во многом зависеть от способности, потенциала и внешнеполитической стратегии ключевых региональных держав. На сегодняшний день открытыми в повестке дня остаются многие вопросы: смогут ли государства прийти к общему механизму по урегулированию конфликтных ситуаций и спорных вопросов в АТР? Смогут ли Китай и США обеспечить конструктивный уровень взаимодействия? Сможет ли Китай в ближайшее время полностью урегулировать территориальные споры в акваториях АТР? Возможно ли преодолеть территориальные претензии Индии и Пакистана? Сможет ли Китай урегулировать свои отношения с Индией?

Процесс достижения максимально удовлетворительного баланса сил для каждого государства затянется на долгие годы. Очевидно, что направление развития баланса сил будет зависеть от стратегии и амбиций как действующих, так и потенциальных глобальных держав, внешнеполитические курсы которых определяют будущее как отдельно взятого государства, так и всего мира в целом.

Список литературы

Арапова Е.Я. Региональная интеграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Азия и Африка сегодня. 2015. № 6. С. 2-6.

Арбатов А.Г. Ядерное противостояние в Южной Азии. М.: Московский центр Карнеги, 2005. 32 с.

Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М.: Астрель, 2012. 285 с.

Богатуров А.Д. Современная мировая политика: Прикладной анализ. М.: Аспект Пресс, 2010. 592 с.

Голам Т.Б., Евневич В.В., Худайкулова А.В. Стратегическое соперничество Индии и Китая в бассейне Индийского океана в XXI веке// Конфликтология / nota bene. 2019. № 4. DOI: 10.7256/2454- 0617.2019.4.31578

Грачиков Е.Н. Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. 19 (02). С. 187-200. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200

Куприянов А.В. Геополитика моря: идея контроля над океаном в политическом дискурсе независимой Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. 19 (02). С. 235-246. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-234-246

Лебедева Н.Б. Продвижение Индии в АТР: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. 2012. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. № 3. С. 144-171.

Понька Т.И., Бельченко А.С., Трусова А.А. Двухвекторный подход КНР к разрешению территориальных споров в Южно-Китайском море // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. 17 (03).

Худайкулова А.В. Китай в урегулировании конфликтов: от невмешательства во внутренние дела к «конструктивному» вовлечению // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 420-431. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-420-431

Худайкулова А.В., Рамич М.С. «Квад 2.0»: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе. – Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 23-43. DOI: 10.17976/jpps/2020.03.03

Basit S., Torjesen S., Macfarlane N. China in Pakistan and the wider region: A cautious but effective leader? // Contemporary South Asia. 2018. 27 (01).

Cheng G., Chen L., Degterev D.A., Zhao J. Implications of «One Belt, One Road» Strategy for China and Eurasia // Vestnik RUDN. International Relations. 2019. 19 (01). P. 77-88. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88

Cohen S.P. The Idea of Pakistan. Lahore: Vanguard Books, 2005. 380 p.

Khan Z., Khan A. Space Security Trilemma in South Asia // Astropolitics, 2019. 17 (01). P. 4-22. DOI: 10.1080/14777622.2019.1578931

Ladwig III W.C. Delhi's Pacific Ambitions: Naval Power, "Look East Policy" and India's Emerging Influence in the Asia-Pacific // Asian Security. 2009. 05 (02). P. 87-113. DOI: 10.1080/14799850902886476

Malik Z.U., He Z., Rafay M. War on Terrorism in Pakistan: Challenges and Strategic Steps // Vestnik RUDN. International Relations. 2019. 19 (04). P. 625-631. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-625-631

Pant H. India in Asia-Pacific: Rising Ambitions with an Eye on China // Asia-Pacific Review, 2007. 14 (01). P. 54-71. DOI: 10.1080/13439000701330577

Ross R. S. Balance of Power Politics and the Rise of China: Accommodation and Balancing in East Asia // Security Studies. 2006. 15 (03). P. 355-395. DOI: 10.1080/09636410601028206

Sahni V. India as a Global Power: Capacity, Opportunity and Strategy // Indian Foreign Policy: Agenda for the 21st Century. New Delhi: Konark, 2007. vol. 1.

Small A. The China–Pakistan axis: Asia's new geopolitics. Oxford: Oxford University Press, 2015. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780190210755.001.0001

Tellis Ashley J. Индия как ведущая держава // Московский центр Карнеги, 5 мая 2016 г. <https://carnegie.ru/2016/05/05/ru-pub-63509> (дата обращения: 12.12.2020).

Thankachan Sh. Japan's "Free and Open Indo-Pacific Strategy": Reality before the Rhetoric? // *Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India*. 2017. 13 (02). P. 84-91. DOI: 10.1080/09733159.2017.1414831

Wagner C. The Role of India and China in South Asia // *Strategic Analysis*. 2016. 40 (04). P. 307-320. DOI: 10.1080/09700161.2016.1184790

Yoshihara T., Holmes J.R. (Eds). *Asia Looks Seaward. Power and Maritime Strategy*. London: Praeger Security International, 2009.

ГЛАВА 3. БАЛАНС СИЛ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

3.1. ИНТЕРЕСЫ США, КНР И РФ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Е.А. Клиников*

Характеристика региона Центральной Азии

В данной работе под термином Центральная Азия подразумеваются пять бывших советских республик – Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан. Все они были как частью СССР, после развала которого столкнулись с рядом проблем, в том числе с отсутствием налаженных связей и расположением между двумя сильными игроками – Россией и Китаем. Центральнo-азиатский регион (ЦА) остаётся неустойчивым и обладает рядом угроз стабильности: бедность, расслоение общества, неэффективное государственное управление, отсутствие верховенства закона, конкуренция за ресурсы. Нельзя упускать и конфликт в соседнем Афганистане, чьи отголоски – радикальный исламизм и транзит наркотиков, способны затронуть ЦА, особенно после вывода с его территории миротворцев [Международные отношения...2018].

Тип власти в странах ЦА можно назвать условно-авторитарным. Вкупе с этим, в регионе развита коррупция и хищения на местах, что создаёт условия для возникновения народного недовольства. Правоохранительные службы в большинстве своём не вызывают доверия у граждан, преступность и кумовство являются обыденностью. В управлении доминирует бывшая советская элита и при отсутствии принципа преемственности власти неожиданная кончина любого из лидеров может стать толчком к нестабильности в регионе. Это описание применимо в большей или меньшей степени ко всем странам ЦА, причём Туркменистан можно отнести к более авторитарному типу, а Кыргызстан – к условно-демократическому [Oliphant, Mills...2015].

Ряд стран Центральной Азии – Казахстан, Туркменистан и Узбекистан – обладают значительными ископаемыми ресурсами, что позволило им обеспечить себе определённую политическую стабильность. Однако за исключением Казахстана, накопленные богатства не были направлены на эффективное экономико-социальное развитие. Повсеместно наблюдается значительный упадок советской инфраструктуры, отживает своё последнее поколение советских специалистов. Молодёжь всё сильнее увлекается идеями ислама, вызывая противоборство светской части общества. Большая часть населения Кыргызстана и Таджикистана занята в трудовой миграции в Россию, обеспечивая одну треть ВВП Киргизии и половину ВВП Таджикистана из денежных переводов своим родственникам. Однако экономический спад внутри самой России означает увеличение количества безработных внутри ЦА и нарастание напряжённости в обществе [Oliphant, Mills...2015].

Труднорешаемой в долгосрочной перспективе является и водно-энергетическая проблема региона. При отсутствии углеводородов горные Кыргызстан и Таджикистан обладают почти всеми запасами воды ЦА. В случае угрозы прекращения поставок газа это позволяет им использовать свою воду для получения энергии, что может вызвать нехватку воды для орошения у стран ниже по течению. Другой пример –

---

* Клиников Евгений Алексеевич – студент 3 курса бакалавриата кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Зарубежное регионоведение», e-mail: 1032181449@pfur.ru.

строительство Рогунской дамбы в Таджикистане и Камбарата-1 в Киргизии, против которых резко выступают остальные страны, в частности Узбекистан. Но несмотря на протесты, дамбы продолжают строиться, а в ЦА нарастает напряжение [Международные отношения...2018].

Ещё одной угрозой безопасности ЦА является международный терроризм. В 2014-2015 гг. наметилась тенденция на концентрацию боевиков в Северном Афганистане, на границе с Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном. Ряд тренировочных центров занимается подготовкой выходцев из ЦА: так, в 2016 г. в Сирии и Ираке зафиксировано 500 боевиков из Узбекистана, 360 из Туркмении, 350 из Киргизии, 250 из Казахстана, 190 из Таджикистана. Всего же речь идёт об около 10 тыс. террористов, представляющих реальную угрозу СНГ: так, 6 ноября 2019 г. на таджикско-узбекской границе был совершён теракт с участием 20 боевиков ИГ, прибывших из Афганистана¹⁷⁵. Наличие нерешённых межэтнических проблем в регионе и низкий уровень жизни являются благодатной почвой для укоренения идей радикального исламизма среди молодёжи¹⁷⁶.

По прогнозу МВФ, регион ожидает нарастание неопределённости, вызванное снижением роста экономик Китая и России, девальвацией рубля, торговой напряжённостью между КНР и США, волатильностью цен на нефть (повлияет на экспортёров нефти – Казахстан, Туркменистан и Узбекистан), возможной переоценки внешнего долга и снижения денежных переводов (опасно для Киргизии и Таджикистана), неэффективностью банковских и структурных реформ в силу слабого государственного управления и коррупции¹⁷⁷.

Допустимо говорить об экономической анклавности региона. Несмотря на высокий уровень инфраструктурной и промышленной интеграции с Россией и активностью КНР, сейчас регион ещё недостаточно включён в мировую экономику, ввиду структурных проблем и отсутствия прямого выхода на международные рынки. Открытым остается вопрос о том, кто из игроков сможет освоить экономический потенциал региона¹⁷⁸.

Согласно данным мониторинга общественных предпочтений за 2006-2018 гг., в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане наибольшим одобрением пользуется Россия (80%), меньшим Китай (46%), США одобряет всего 30% граждан¹⁷⁹.

Основные внешние игроки в Центральной Азии

Россия. Россия традиционно является региональной державой в ЦА. Несмотря на то, что после распада СССР влияние России снизилось, а в самом регионе обозначились центробежные силы, Россия всё ещё остаётся определяющим игроком

---

¹⁷⁵ «Удобное место»: заставу в Таджикистане атаковали боевики ИГ // Газета.ру, 6.11.2019. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2019/11/06/12798092.shtml> (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁷⁶ Бордачев Т.В., Смолл Э., Уинсун В. Россия, Китай и США в Центральной Азии: баланс интересов и возможности сотрудничества // Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». 2016. С. 14. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/13120/> (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁷⁷ Перспективы развития региональной экономики: Кавказ и Центральная Азия // Доклад МВФ, октябрь 2019. URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/REO/MECA/Issues/2019/10/19/geo-menar-ssa-1019> (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁷⁸ Бордачев Т.В., Смолл Э., Уинсун В. Россия, Китай и США в Центральной Азии: баланс интересов и возможности сотрудничества // Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». 2016. С. 15. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/13120/> (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁷⁹ McGlinchey E., Laruelle M. Explaining Great Power Status in Central Asia: Unfamiliarity and Discontent // Minerva Research Initiative, 29.10.2019. URL: https://minerva.defense.gov/Owl-In-the-Olive-Tree/Owl_View/Article/2001688/explaining-great-power-status-in-central-asia-unfamiliarity-and-discontent/ (accessed: 13.12.2020).

в этом регионе. Общая история, схожесть политических систем, распространённость русского языка и культуры, сходное мировоззрение светских элит России и ЦА и признание значительной роли России в развитии региона позволяют поддерживать взаимопонимание [Лукин 2018].

Роль ЦА для России определяют самая протяжённая сухопутная граница с Казахстаном, широкая трудовая миграция из ЦА, транзит энергоресурсов и товаров [Международные отношения...2018]. Интересы России в ЦА связаны с обеспечением безопасности, как в военной, так и в экономической и политической сферах. Россия всегда находила возможности решать проблемы региона (участие в урегулировании ситуации в Таджикистане в годы гражданской войны в 1992-1997 гг.), однако в последнее время явно демонстрирует нежелание участвовать в этом открыто (события в Андижане, Узбекистан в 2005 г.; Раште, Таджикистан в 2010 г.; Хороге, Таджикистан в 2012 г.; государственный переворот в Оше, Киргизия в 2010 г.; инцидент в Исфаре, Таджикистан в 2014 г.) [Oliphant, Mills...2015].

РФ является лидером по участию в региональных объединениях. Так, Россия поддерживает СНГ и развивает Таможенный союз при участии Казахстана, играет ключевую роль в организациях, созданных для охраны безопасности (ОДКБ и ШОС) и налаживает с ними двусторонние отношения [Внешняя политика стран СНГ 2019]. С недавних пор идёт развитие Евразийского экономического союза. Несмотря на неоднозначные оценки перспектив этих проектов, заметно неослабевающее стремление РФ удержать позиции в ЦА [Международные отношения...2018].

С точки зрения экономики, Россия остаётся интеграционным лидером. РФ связывает со странами ЦА советская инфраструктура, промышленные предприятия, авто- и железнодорожные развязки. Страны ЦА, особенно не имеющие своих ресурсов Кыргызстан и Таджикистан, зависят от денежных переводов своих граждан, мигрирующих в Россию на заработки. Падение рубля в 2014 г., инициированное санкциями США, и следующее за ним падение местных валют открыло масштабы зависимости экономик этих стран от РФ и пошатнуло уверенность инвесторов в регионе. В то же время России, лишённой ряда рычагов влияния, необходимо использовать неэкономические методы, чтобы поддерживать легитимность своего влияния в регионе [Oliphant, Mills...2015].

Не стоит игнорировать и значение событий на Украине. Внутренние факторы, приведшие к кризису в 2014 г. (этнонационализм и сепаратизм, наличие крупной русской диаспоры) присутствуют и в ЦА, и местные лидеры внимательно отслеживают развитие ситуации. Противники интеграции ЦА с Россией могут использовать критику в адрес российской политики, чтобы поставить под сомнения цели ЕАЭС и нарастить истерию вокруг повторения украинского сценария. Показательным является беспокойство стран ЦА, даже традиционного партнёра РФ Казахстана, не поддержавшего позицию России по Украине ни на саммите ШОС в Душанбе, ни на голосовании в Генеральной Ассамблее ООН в марте 2014 г. Тем не менее, хотя события на Украине и в Грузии вызывают серьёзные опасения в странах ЦА, в то же время они ярко демонстрируют, что Россия может жестко отстаивать свои интересы, что должно вызывать определённое уважение [Лукин 2018].

Русская община в ЦА на момент распада СССР была второй по численности после Украины и составляла 9,5 млн человек. Из них в Казахстане – 6,2 млн, в Узбекистане – 1,6 млн, в Киргизии – 917 тыс., в Таджикистане – 388 тыс., в

Туркменистане – 334 тыс. человек¹⁸⁰. Однако в ходе 1990-х гг. из Центральной Азии началась эмиграция русского населения, вызванная ухудшением условий труда, разгоранием межнациональных конфликтов и ущемлением прав русскоязычного населения. В итоге, сейчас в ЦА проживает всего 4,7-4,8 млн русских, из них в Казахстане – 3 млн 666 тыс., в Узбекистане – 750 тыс., в Киргизии – 352 тыс., в Туркменистане – около 100 тыс., в Таджикистане – 34,5 тыс. человек. Следует иметь в виду условность некоторых оценок, т.к. ряд стран (в особенности Туркменистан) не публикует оперативные данные. Тем не менее, налицо тенденция на сокращение демографического и культурно-языкового фундамента, что снижает возможности России по использованию «мягкой» силы. Так, неслучайно членами ЕАЭС стали Казахстан и Киргизия, лидирующие по размерам русской диаспоры и распространению русского языка, в то время как прочие республики (особенно Таджикистан и Туркмения) не спешат присоединяться и фактически покидают сферу культурно-цивилизационного влияния РФ¹⁸¹.

Россия обладает широкими военными силами в ЦА. Так, по двустороннему соглашению от 2012 г. на военной базе рядом с Душанбе, Таджикистан, размещается один из самых многочисленных российских контингентов за рубежом – 201-я мотострелковая дивизия. Около 7 тыс. военного персонала будут размещаться там безвозмездно вплоть до 2042 г. В 2017 г. военная авиабаза Кант и ряд дополнительных объектов образовали крупную Объединённую российскую авиабазу в Киргизии. В Казахстане находится ключевой объект обороны – космодром Байконур, за аренду которого Россия ежегодно платит 115 млн долл. США, а также полигон Сары-Шагани и др. В отличие от остальных объединений, военные объекты в Казахстане являются составной частью национальной обороны РФ. Так в 2013 г. была создана единая система ПВО России и Казахстана¹⁸². В планах России на 2020 г. – укрепление военного присутствия в ЦА, в свете роста активности боевиков в Афганистане¹⁸³.

Ключевой партнёр России в регионе – Казахстан. С момента распада СССР Казахстан являлся главным партнёром России в ЦА. Так, по инициативе Н. Назарбаева 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате был подписан протокол о создании СНГ, куда вошли все пять центральноазиатских республик [Международные отношения...2018]. В 1998 г. Россия и Казахстан подписали Декларацию о вечной дружбе и сотрудничестве. Однако с течением времени Казахстан стал проводить «многовекторную политику». Являясь наиболее развитой и богатой из центральноазиатских республик, Казахстан стремится развивать отношения одновременно и со странами постсоветского пространства, и с Китаем, и с Западом [Oliphant, Mills...2015]. Красноречивым шагом стало принятие в 2017 г. нового казахского алфавита на основе латиницы, вместо используемой ранее кириллицы. Несмотря на заверения Н. Назарбаева, что решение никак не связано с политикой и

---

¹⁸⁰ Всесоюзная перепись населения 1989 г. // Институт демографии НИУ ВШЭ. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?су=6> (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁸¹Русский мир Средней Азии сжимается: за четверть века численность славян в регионе сократилась вдвое // Независимая газета, 01.02.2016. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2016-02-01/11_asia.html (Дата обращения: 13.12.2020).

¹⁸² Российская военная инфраструктура в Центральной Азии // Коммерсантъ, 17.06.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3328655> (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁸³ Россия нарастит потенциал войск на границе с Центральной Азией // РИА Новости, 27.12.2019. URL: <https://ria.ru/20191227/1562952723.html> (дата обращения: 13.12.2020).

не задевает русскоязычное население, многие трактовали проект как стремление обозначить идентичность и независимость Казахстана от Москвы, по аналогии со схожими попытками в Туркменистане и Узбекистане¹⁸⁴.

Интересным в контексте этой политики выглядит арест в 2019 г. известного советско-казахстанского сиолога К. Сыроежкина, чьи статьи фигурируют в данной работе. С 2006 г. главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Казахстана, автор более 1000 статей и трехтомника о сотрудничестве с Китаем, был лишён казахского гражданства и осуждён на 10 лет по обвинению в шпионаже. Позднее суд отменил положение о лишении гражданства¹⁸⁵. Официальных комментариев о причинах задержания не последовало. По сообщению Wall Street Journal, причиной ареста была передача неких документов Китаю. Огласка ситуации в СМИ, согласно изданию, была «посланием» Китаю, попыткой дать отпор проникновению «восточного соседа». Показательна и реакция Китая – дело Сыроежкина было названо «высосанным из пальца»¹⁸⁶. Атмосфера секретности в таком случае объяснима сильными антикитайскими настроениями в обществе, говорит полковник КНБ в отставке Т. Айжулов¹⁸⁷.

Казахстанский правозащитник Евгений Жовтис высказал сомнение в том, что К. Сыроежкин мог быть как-то связан со шпионажем в пользу Китая. Указав на российское гражданство сиолога, Е. Жовтис сообщил, что знает ряд случаев обвинений российских учёных в шпионаже по подложному предлогу, назвав это «широкой практикой»¹⁸⁸. Примечательно, что в 1981 г. К. Сыроежкин окончил Высшую школу КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского, а в 2018 г. был награждён медалью «100 лет ВЧК-КГБ-КНБ»¹⁸⁹.

Возможно, тайну раскрывает близость К. Сыроежкина и нового президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева. Известно, что Сыроежкин был научным консультантом докторской диссертации Токаева, защищённой в 2001 г. Позднее он был советником премьер-министра Токаева по вопросам Китая и давал Токаеву рекомендации во время его переговоров о демаркации границ с Китаем 1996-2003 гг. Таким образом ряд экспертов считает, что арест Сыроежкина может быть способом «надавить» на нового президента Казахстана, ведь если Сыроежкин знает некие компрометирующие данные о казахстанско-китайских соглашениях, это даёт возможность объявить Президенту импичмент по объявлению в государственной

---

¹⁸⁴ Куда язык доведет: почему Казахстан перешел на латиницу // Газета.ru, 2018. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/02/20_a_11657323.shtml (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁸⁵ Суд частично изменил приговор Константину Сыроежкину // Kursiv.kz, 28.11.2019. URL: <https://kursiv.kz/news/obschestvo/2019-11/sud-chastichno-izmenil-prigovor-konstantinu-syroezhkinu> (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁸⁶ Арест Сыроежкина является попыткой Казахстана ограничить влияние Китая // Zonakz.net, 11.07.19. URL: <https://zonakz.net/2019/07/11/arrest-syroezhkina-yavlyaetsya-poputkoj-kazahstana-ogranichit-vliyanie-kitaya-wsj/> (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁸⁷ «Козырная карта в руках елбасы». Эксперты – о приговоре Сыроежкину // Радио Азаттык, 11.10.2019. URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-syroezhkin-sentence-%D1%89%D1%82-charges-of-treason/30210306.html> (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁸⁸ Евгений Жовтис раскрыл причины ареста Константина Сыроежкина и рассказал, есть ли у него шансы выйти на свободу // Caravan.kz, 20.05.2019. URL: <https://www.caravan.kz/news/evgenij-zhovtis-raskryl-prichiny-aresta-konstantina-syroezhkina-i-rasskazal-est-li-u-nego-shansy-vyjiti-na-svobodu-541135/> (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁸⁹ За что осуждён на 10 лет известный китаист Сыроежкин // Forbes.kz, 10.10.2019. URL: https://forbes.kz/process/probing/za_chno_osujden_na_10 лет_izvestnyiy_kitaist_syiroejkin/ (дата обращения: 13.12.2020).

измен¹⁹⁰. Таким образом, арест Сыроежкина может быть ничем иным, как компроматом элит против нового президента Казахстана. Подобного рода задержания, да ещё перед началом выборов, должны быть согласованы с высшим руководством и непосредственно Н. Назарбаевым, для которого компромат против нового президента может быть залогом исполнения внутренних договорённостей¹⁹¹.

Ключевой проект России в регионе – это Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС). Начавшийся в 2010 г. как трёхсторонний проект Таможенного союза между Россией, Казахстаном и Беларусью, преобразовавшийся в 2013 г. в Общее Экономическое Пространство трёх стран, он впоследствии начал разрастаться – в 2014 г. включив Армению, в 2015 г. – Кыргызстан. Следует отметить, что у России до этого уже были попытки объединения в регионе, к примеру, основанное в 2000 г. Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), включающее в себя Россию, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Беларусь. После 2014 г. многие структуры ЕврАзЭС вошли в состав ЕАЭС. Экономический альянс, предложенный Россией, может негативно повлиять на торговые интересы Китая в регионе, хотя коррупция и неэффективная охрана границ, а также падение рубля ослабляют позиции российского проекта [Oliphant, Mills...2015].

Китай. Заинтересованность Китая в Центральной Азии обусловлена в первую очередь нуждами собственного экономического развития. КНР граничит с Казахстаном, Таджикистаном и Киргизстаном, вблизи расположены Туркменистан и Узбекистан. ЦА обладает значительными запасами ископаемых ресурсов и может предоставить новый рынок сбыта для КНР, а также маршрут для сухопутных поставок в Европу, позволяя КНР убрать зависимость от контроля морских путей США. В этом контексте ЦА входит в один из маршрутов «Экономического пояса Шёлкового Пути» [Cheng et al 2019]. Близость региона оказывает влияние и на энергетическую безопасность КНР, позволяя снизить транспортные издержки и обеспечить доставки углеводородов из ЦА и Ближнего Востока¹⁹².

Распад СССР и следующий за ним геополитический вакуум предоставили Китаю возможность расширить свое влияние в соседних регионах, в том числе и в ЦА. Так как открытая конкуренция с Россией и США на нестабильном пространстве ЦА не входила в планы КНР, китайские власти заняли выжидательную позицию, усиливая своё экономическое присутствие в ЦА и предоставляя центральноазиатским странам возможность самим избрать внешнеполитические приоритеты. Попутно в период 1990-х гг. Китай успешно решил вопросы границы в свою пользу, лишив страны ЦА мощного козыря в будущих переговорах. Особую роль здесь занимают Казахстан и Кыргызстан, которые в силу наличия общей неурегулированной границы и дислокации части уйгурских сепаратистов, выступающих за независимость СУАР, расценивались как ненадёжные [Сыроежкин 2007]. Затем Китай выступил инициатором соглашений о

---

¹⁹⁰“Козырная карта в руках елбасы”. Эксперты – о приговоре Сыроежкину // Радио Азаттык, 11.10.2019. URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-syrozehkin-sentence-%D1%89%D1%82-charges-of-treason/30210306.html> (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁹¹За что был осуждён на 10 лет известный китаист Константин Сыроежкин? // Эхо Казахстана, 09.10.2019. URL: <https://ehonews.kz/za-cto-by-l-osuzhden-na-10-let-izvestnyj-kitaist-konstantin-syrozehkin/> (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁹²Катона В. Ресурсы Каспийского региона: Туркменистан, Казахстан, Иран и Россия // РСМД, 25.09.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/resursy-kaspiyskogo-regiona-turkmenistan-kazakhstan-iran-i-rossiya/> (дата обращения: 13.12.2020).

разоружении¹⁹³, чем заложил основу для создания в 1996 г. «Шанхайской пятерки», которая затем превратилась в «Шанхайский форум», а в июне 2001 г. — в Шанхайскую организацию сотрудничества (к которой присоединился Узбекистан). Благодаря подписанным соглашениям Китай заручился поддержкой стран ЦА в борьбе с уйгурским сепаратизмом и пантюркизмом, разбив исламское единство Синьцзяна и ЦА, а также обезопасил СУАР от вмешательства извне [Сыроежкин 2007].

С ростом экономической роли Китая увеличивалось его присутствие в ЦА. Общий торговый оборот Китая с пятью государствами ЦА вырос с 2,39 млрд долл. США в 2000 г. до 50,28 млрд долл. США в 2013 г., в среднем на 36,4% в год, позволив с отрывом обогнать Россию и подготовить почву для углубления сотрудничества [Oliphant, Mills...2015]. Осенью 2013 г. в Астане председатель КНР Си Цзиньпин анонсировал инициативу «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП), ставшую главным китайским проектом в регионе. Он подразумевает создание трёх трансевразийских экономических коридоров в течение 30 лет, в двух из которых фигурирует Центральная Азия: Северный (Китай-Казахстан-Россия-Европа) и Центральный (Китай-ЦА-Турция-Европа). Помимо единой транспортной инфраструктуры, планируется упрощение таможенного режима, расширение финансового, научного и культурного обмена, интеграция с ШОС и БРИКС¹⁹⁴. Китай уже договорился о сопряжении ЭПШП с казахстанской программой инфраструктурного развития страны «Нурлы Жол», реализуемой с 2015 г. Аналогично, власти Таджикистана обсуждают с Китаем координацию своей Национальной стратегии развития республики до 2030 г.¹⁹⁵

На данный момент КНР ведет проектно-инвестиционную работу. США расценивают её как особую «долговую политику» Китая, заключающуюся в даче кредитов странам, которые не смогут их выплатить, для получения влияния. Также практикуются связанные кредиты, подразумевающие низкий процент, но обязательное использование китайских материалов/техники/рабочей силы¹⁹⁶. Инвестиции в строительство дорог и трубопроводов нацелены на получение доступа к транспортной системе ЦА (реконструкция дороги между Синьцзяном и Киргизией, железная дорога в Казахстан, трасса Душанбе-Худжанд). Закрепляясь на рынке, китайцы начинают активно конкурировать за контракты, вытесняя местное население. Кроме того, Китай интересуется углеводородами, месторождениями золота и урана и даже сельскохозяйственными территориями Казахстана и Таджикистана, что вызвало бурную реакцию в обществе [Oliphant, Mills...2015]. Только за 2017 г. в Астане было подписано 22 соглашения с Китаем на общую сумму около 7 млрд долл. США, а в ходе визита президента Узбекистана Ш. Мирзиёева в Китай – 105 соглашений на сумму 23 млрд. долл. США. Соглашения касаются совместных проектов в энергетике,

¹⁹³См. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы от 26 апреля 1996 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901763237> (дата обращения: 13.12.2020).; Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы от 24 апреля 1997 г. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3872 (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁹⁴ Проект "Один пояс, один путь". Досье // ТАСС, 3.07.2017. Режим доступа: <https://tass.ru/info/4383152> (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁹⁵ Воробьев А. Китай и Центральная Азия: растущая дружба под боком России // РСМД, 4.07.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-i-tsentralnaya-aziya-rastushchaya-druzhiba-pod-bokom-rossii/> (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁹⁶ Там же.

химической промышленности и поставок газа. Несмотря на некоторую настороженность по отношению к Китаю, страны ЦА постепенно становятся зависимыми от КНР¹⁹⁷.

Показательным является пример Туркменистана. После аварии на газопроводе в 2009 г. Россия перестала закупать туркменский газ, чем воспользовался Китай, подписав 30-летний договор на поставку газа из сверхкрупного месторождения Галкыныш. К 2018 г. загруженность магистрального газопровода Туркменистан-Узбекистан-Казахстан-Китай приблизилась к 100%, поставляя более 30 млрд м³ газа в год¹⁹⁸. И хотя Ашхабад рассчитывал увеличить свои политические возможности без России, на деле, из пяти запланированных путей транзита был реализован лишь один (в Китай), что ставит Туркменистан в очевидную зависимость. Так, в 2017 г. Китай занимал 83,7 % всего экспорта Туркменистана¹⁹⁹. К этому добавляются и долги Туркменистана перед Китайским банком развития. Тем не менее, ожидается повышение поставок газа в Китай вплоть до 65 млрд м³ газа в год. Роль Казахстана также может увеличиться с вводом в эксплуатацию крупнейшего нефтяного месторождения Кашаган, хотя в целом Казахстан избегает диспропорций в экспорте²⁰⁰.

Отдельно для Китая стоит вопрос внутренней безопасности. ЦА граничит с северо-западной провинцией Китая – Синьцзян-Уйгурским Автономным районом (СУАР), в котором уже долгое время, несмотря на усилия китайских властей, вспыхивают сепаратистские настроения. Нестабильность в ЦА, а также транзит радикального ислама из Афганистана через Ферганскую долину могут резко обострить конфликт. Эти регионы исторически, культурно и этнически связаны, объединены общей религией и идеями пантюркизма. Наличие перебежчиков и уйгурских диаспор в ЦА, а также частые аресты казахов и киргизов в Синьцзяне создают проблемы Казахстану и Киргизии соответственно, так как они вынуждены лавировать между интересами доминирующего экономического партнёра КНР и недовольством собственного населения [Клиников 2019]. Недостаточная степень развития и внутренняя террористическая угроза могут стать серьёзным препятствием планам Пекина по реализации ЭПШП, поэтому сейчас СУАР активно инвестируется с целью создания нового регионального центра, который будет «подпитываться» из экономик стран ЦА [Oliphant, Mills...2015].

Несмотря на успешные переговоры, нарастание синофобии в Центральной Азии становится всё более заметным. За январь 2019 г. в Бишкеке подряд произошло три крупных антикитайских митинга, участники которых требовали моратория на выдачу паспорта Киргизии и трудовых квот китайцам, депортации нелегальных китайских мигрантов, а также запрета смешанных браков и решения вопроса по преследованию киргизов в СУАР. Поводом послужили многочисленные публикации о китайской угрозе

---

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Загруженность магистрального газопровода Туркменистан-Узбекистан-Казахстан-Китай приблизилась к 100% // Neftgaz.ru, 17.01.2018. URL: <https://neftgaz.ru/news/transport-and-storage/197093-zagruzhennost-magistralnogo-gazoprovoda-turkmenistan-uzbekistan-kazakhstan-kitay-priblizilas-k-100/> (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁹⁹ The World Factbook // Central Intelligence Agency. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/tx.html#field-anchor-economy-exports-partners> (accessed: 13.12.2020).

²⁰⁰ Катона В. Ресурсы Каспийского региона: Туркменистан, Казахстан, Иран и Россия // РСМД, 25.09.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/resursy-kaspiyskogo-regiona-turkmenistan-kazakhstan-iran-i-rossiya/> (дата обращения: 13.12.2020).

в СМИ, а также информация, что Бишкек обязан Пекину 41,3% внешнего долга (1,7 млрд долл. США). Для удержания ситуации пришлось привлечь полицию²⁰¹.

Стоит заметить, что в Киргизии и раньше были антикитайские акции – например, массовая драка с китайцами на золоторудном месторождении Солтон-Сары (40 пострадавших)²⁰² и поджог китайского завода с участием 1000 жителей села Казарман²⁰³. В августе 2016 г. произошёл взрыв террориста-смертника на территории посольства КНР в г. Бишкек, после чего Китай прекратил выдачу китайских виз гражданам Киргизии²⁰⁴. Политолог К. Рахимов также связывает это обстоятельство, помешавшее киргизам вести челночную торговлю и увеличившее приток китайских торговцев, с причиной недовольств²⁰⁵.

У Киргизии довольно прочные связи с Китаем: они делят общую границу, в составе СУАР в Кызылсу-Киргизском автономном округе проживает свыше 200 тыс. киргизов. КНР является главным торговым партнёром и инвестором Киргизии, обеспечившим ряд важных инфраструктурных проектов. Но у Киргизии давние проблемы с централизацией власти, что превращает её в удобное “слабое звено”. Протесты быстро оказались в центре внимания западных СМИ, демонстрирующих “всеобщее недовольство” политикой Пекина. 10 января американская частная разведывательно-аналитическая компания Стратфор выпустила статью²⁰⁶, в которой указала на растущее сопротивление китайской экспансии в ЦА и неизбежность антикитайских выступлений, которые будут мешать инфраструктурным планам Пекина во всем регионе, что можно расценить как благоприятный для США сценарий. Киргизские и российские источники прямо указывают на американский след в раздувании ситуации. На этом фоне примечательным выглядит комментарий посла Киргизии в РФ А. Джекшенкулова о желании России создать в Киргизии вторую военную базу²⁰⁷.

Схожая ситуация наблюдается в Казахстане. Примером стали протесты против продажи земли китайцам в 2016 г.²⁰⁸ и волна митингов против переноса китайских заводов в Казахстан в 2019 г. Позднее китайцев стали обвинять в загрязнении среды, вытеснении казахов с рабочих мест и притеснениях в СУАР. Протесты были жестко подавлены, более 100 зачинщиков в восьми городах были задержаны²⁰⁹. Одни возлагают ответственность за разжигание антикитайских настроений на США, другие на Россию, которой также невыгодно увеличение влияния Китая, третьи на

---

²⁰¹ Началась схватка за Центральную Азию: кто стоит за антикитайскими протестами в Киргизии? // Новая эпоха, 2.02.2019. URL: <https://yenicag.ru/nachalas-skхватka-za-centralnuyu-aziyu/283162/> (дата обращения: 13.12.2020).

²⁰² В Киргизии приостановили работу китайских золотодобытчиков после конфликта // РИА Новости, 07.08.2019. URL: <https://ria.ru/20190807/1557243568.html> (дата обращения: 13.12.2020).

²⁰³ Как горела золотодобывающая фабрика в Казармане // Sputnik Кыргызстан, 11.04.2018. URL: <https://ru.sputnik.kg/video/20180411/1038613101/podzhog-fabrika-kazarman.html> (дата обращения: 13.03.2020).

²⁰⁴ МИД Киргизии осудил атаку на посольство Китая в Бишкеке // РИА Новости, 30.08.2016. URL: <https://ria.ru/world/20160830/1475661766.html> (Дата обращения: 13.12.2020).

²⁰⁵ Власти Киргизии обеспокоены антикитайскими настроениями // Коммерсантъ, 09.01.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3850141> (дата обращения: 13.12.2020).

²⁰⁶ Kyrgyzstan: The Importance of an Anti-Chinese Protest in Central Asia // Stratfor Worldview, 10.06.2019. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/kyrgyzstan-importance-anti-chinese-protest-central-asia-belt-road-initiative> (accessed: 13.12.2020).

²⁰⁷ Началась схватка за Центральную Азию: кто стоит за антикитайскими протестами в Киргизии? // Новая эпоха, 2.02.2019. URL: <https://yenicag.ru/nachalas-skхватka-za-centralnuyu-aziyu/283162/> (дата обращения: 13.12.2020).

²⁰⁸ Митинги по земельному вопросу в Актобе и Семее // Радио Азаттык, 27.04.2016. URL: <https://rus.azattyq.org/a/semey-aktobe-mitingi-zemelny-vopros/27701331.html> (Дата обращения: 13.12.2020).

²⁰⁹ Антикитайская осень. Почему власти Казахстана не справляются с протестами против Китая // Московский центр Карнеги, 28.10.2019. URL: <https://carnegie.ru/commentary/80155> (дата обращения: 13.12.2020).

внутренние элиты, которые хотят показать Китаю, что не будут расплачиваться за долги территориями ЦА. Если в стране нет протестов, это не означает отсутствия проблем: покрытие долга Таджикистана перед КНР месторождениями золота и зависимость Туркмении от продажи газа в Китай также рано или поздно могут стать причиной социального взрыва.

США. В отличие от России и Китая, чьи взаимоотношения с ЦА имеют давние исторические корни, США пришли в регион относительно недавно, в связи с военной операцией в Афганистане. За период 2004-2014 гг. товарооборот между США и странами ЦА вырос на 94 %, увеличившись с 1,6 млрд долл. до 3,2 млрд долл. США, однако в 2015 г. вновь резко сократился до 1,7 млрд долл. США. Такое резкое падение экспорта (-56%) и импорта (-37%) вызвано падением валюты Казахстана по отношению к доллару США, ведь большая часть товарооборота между США и ЦА приходится именно на Казахстан²¹⁰. Штаты не намерены участвовать в сложных финансово-энергетических проблемах региона, предпочитая оставлять их решение на Россию и Китай. На политику США оказывает серьёзное влияние Иран, чей выход из изоляции предоставит новый рынок странам ЦА и помешает ключевым игрокам, а также проблема Афганистана [Братерский, Суздальцев 2009].

В 2005 г. Ф. Старр, основатель Института Центральной Азии и Кавказа при университете Джонса Хопкинса, выпустил статью²¹¹, в которой предложил идею Большой Центральной Азии. Основываясь на истории, Ф. Старр предложил рассматривать регион шире, включив в него Афганистан, часть территорий Пакистана, Ирана и Индии, а также китайский Синьцзян, чем заложил основы для новой концепции в ЦА. Её суть – соединение Южной и Центральной Азии через Афганистан, что ослабило бы ориентацию ЦА на Россию и Китай²¹². В 2010 г. эти идеи были развиты в концепцию Нового Шёлкового пути²¹³, в которой предлагалось сделать Афганистан региональным центром, обеспечивающим пересечение торговых и транспортных путей вкупе с общей торговой интеграцией. В 2011 г. данная идея была представлена государственному секретарю США Х. Клинтон как целостный геоэкономический концепт, американская альтернатива российским и китайским предложениям [Сафранчук 2013].

В целом, «Новый шёлковый путь» преследует менее амбициозные цели, сводясь к стратегии экономического развития Афганистана для укрепления в нём американского влияния после ухода войск международной коалиции [Лукин, 2018]. Белый дом активно содействует инициативам по развитию торговли в регионе. Представители Афганистана приглашаются на заседания Рамочного соглашения по

---

²¹⁰ Бордачев Т.В., Смолл Э., Уинсун В. Россия, Китай и США в Центральной Азии: баланс интересов и возможности сотрудничества // Доклад международного дискуссионного клуба "Валдай". 2016. С. 7. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/13120/> (дата обращения: 13.12.2020).

²¹¹ Starr F.A «Greater Central Asia Partnership» for Afghanistan and Its Neighbors // Silk Road Paper, March 2005. URL: https://www.silkroadstudies.org/resources/pdf/SilkRoadPapers/2005_starr_a-greater-central-asia-partnership.pdf (accessed: 13.12.2020).

²¹² Попов Д.С. Вашингтон ведёт "Новый Шёлковый путь" в обход России и Китая // РИСИ, 18.11.2015. URL: <https://riss.ru/analytics/22989/> (дата обращения: 13.12.2020).

²¹³ Starr F., Kuchins A. The Key to Success in Afghanistan. A Modern Silk Road Strategy // Silk Road Paper, 2010. URL: <https://www.silkroadstudies.org/publications/silkroad-papers-and-monographs/item/13098-the-key-to-success-in-afghanistan-a-modern-silk-road-strategy.html> (accessed: 13.12.2020).

торговле и инвестициям между США и ЦА (TIFA)²¹⁴. В 2011 г. при посредничестве стран Запада, Афганистан присоединился к Трансграничному соглашению о транзите (ТСТ) между Таджикистаном и Киргизией²¹⁵.

При финансовой поддержке США возведены несколько мостов через р. Пяндж, соединивших Афганистан и Таджикистан. В 2011 г. была завершена железная дорога Хайратон–Мазари–Шариф, открывшая Афганистану выход в ЦА. В сфере энергетики США поощряют прокладку ЛЭП между ЦА и Афганистаном, первые ветки которых были завершены Узбекистаном по линии Хайратон–Пули-Хумри–Кабул в 2009 г. и Таджикистаном по линии Сангтуда–Пули-Хумри в 2011 г.²¹⁶.

Самым крупным проектом должно стать строительство высоковольтной линии «CASA-1000». Трассу планируется проложить от таджикских и киргизских гидроэлектростанций к Афганистану и Пакистану. Протяженность маршрута превышает 1200 км, затраты – более 1 млрд долл. США. Несмотря на лоббирование американцев, реализация проекта неоднократно откладывалась из-за нехватки финансирования и высоких инвестиционных рисков. Кроме того, необходимость завершения строительства Рогунской ГЭС в Таджикистане для окупаемости проекта затрагивает водно-энергетическую проблему региона и может привести к росту противоречий с Узбекистаном²¹⁷.

Следующим важным проектом является газопровод TAPI (Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия). США в процессе его реализации получают ряд геополитических выгод: сдерживание иранского и европейского газовых проектов; ущемление интересов партнёра КНР Пакистана и поддержка Индии как потенциального партнера США; отрезание РФ путём прокладки железных дорог через Иран и Турцию в обход России. Страны ЦА благодаря выходу к морю получают доступ к новым рынкам и смогут интенсивнее торговать не только со всеми странами региона, но и с Европой²¹⁸.

Третьим является проект «Лазуритового коридора», соглашение о котором было подписано в 2017 г. Проект подразумевает транзитный коридор между Афганистаном, Туркменистаном, Азербайджаном, Грузией и Турцией. Проект открыли уже в конце 2018 г., после запуска нового международного порта в г. Туркменбаши. С точки зрения геополитики, торговый путь в Европу в обход крупнейших стран региона – Китая, России и Ирана очень выгоден США. Выход из изоляции Туркменистана и Афганистана является главным преимуществом – Ашхабад не раз подчеркивал свою роль в возведении железнодорожного пути Акина-Андхой на территории Афганистана²¹⁹.

---

²¹⁴ В Ташкенте прошло заседание Рабочей группы по Рамочному соглашению о торговле и инвестициях между США и Центральной Азией (TIFA) // Подробно.uz, 9.05.2010. URL: https://www.podrobno.uz/cat/politic/usa_asia/ (Дата обращения: 13.12.2020).

²¹⁵ Попов Д.С. Вашингтон ведёт “Новый Шёлковый путь” в обход России и Китая // РИСИ, 18.11.2015. URL: <https://riss.ru/analitics/22989/> (дата обращения: 13.12.2020).

²¹⁶ Проект США “Новый Шёлковый путь” // Вектор-Евразия. URL: <https://vector-eurasia.org/internal/project-analyst/8/> (дата обращения: 13.12.2020).

²¹⁷ Попов Д.С. Вашингтон ведёт “Новый Шёлковый путь” в обход России и Китая // РИСИ, 18.11.2015. URL: <https://riss.ru/analitics/22989/> (дата обращения: 13.12.2020).

²¹⁸ Проект США “Новый Шёлковый путь” // Вектор-Евразия. URL: <https://vector-eurasia.org/internal/project-analyst/8/> (дата обращения: 13.12.2020).

²¹⁹ Куда ведёт “Лазуритовый коридор”? // Ритм Евразии, 11.08.19. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-08-11--kuda-vedet-lazuiritovuj-koridor-44278> (дата обращения: 13.12.2020).

После 11 сентября 2001 г. значительные ресурсы США были направлены на укрепление в ЦА с целью борьбы с терроризмом, однако со временем позиции США ослабились, особенно с выводом военных баз из Киргизии и Узбекистана, которые обеспечивали Штатам серьёзное военное присутствие в регионе [Цездоев, Кирюшина 2018].

Сотрудничество США и Казахстана продолжается уже четверть века, с момента присоединения республики в 1994 г. к программе НАТО «Партнёрство ради мира». В 2003 г. был подписан первый пятилетний план военного сотрудничества (2003-2007 г.). Согласно нему, США начали предоставлять военно-техническую помощь и обучать в своих военных вузах казахских специалистов. На данный момент принято уже четыре таких плана. С 2015 г. в американских военных училищах ведётся подготовка сержантов для армии Казахстана. Кроме того, с 2003 г. Казахстан проводит совместные с Великобританией и США военные учения «Степной орёл»²²⁰. Смена руководства Казахстана не принесла изменений – после ухода Н. Назарбаева с поста президента и назначения Касым-Жомарта Токаева, представитель Госдепартамента США заявил, что Казахстан – приоритетный стратегический партнёр США в ЦА²²¹.

США оказывают финансовую помощь Узбекистану и проводят военные учения с Таджикистаном. Согласно докладу Госдепартамента США, за 2016 г. в них приняли участие 886 таджикских военнослужащих. С 2017 г. стартовали совместные учения министерств обороны Таджикистана и США, в которых приняли участие 100 сотрудников таджикских спецслужб и 150 сотрудников американских спецслужб [Цездоев, Кирюшина 2018]. Нейтральный статус Туркменистана не позволяет вести активного ВТС. Слабый уровень военного сотрудничества с Киргизией может быть объяснен закрытием базы Манас под г. Бишкек в 2014 г. Однако обе страны подписали в 2015 г. договоры о сотрудничестве в сфере безопасности с Индией, что может сыграть на пользу США в будущем.

В 2019 г. началась интенсификация переговоров между США и ЦА в связи с активизацией администрации Д. Трампа. Впервые за четыре года американская делегация посетила Киргизию, а министр иностранных дел Туркменистана был принят в Госдепартаменте США. Главным событием стало турне госсекретаря США М. Помпео по постсоветскому пространству, в ходе которого он посетил Казахстан и Узбекистан и принял участие в переговорах формата С5+1 с представителями всех пяти стран ЦА²²².

В Казахстане М. Помпео встретился с президентом Ж. Токаевым и бывшим президентом Н. Назарбаевым, обсудив возможности защиты от негативных последствий антироссийских санкций. На переговорах с президентом Узбекистана Ш. Мирзиёевым говорилось о выделении около 100 млн долл. США на «поддержку реформ президента», чей курс на независимость и открытость экономики США горячо поддерживают. Также США пообещали ускорить вступление Узбекистана в ВТО²²³.

---

²²⁰ Пахотин А. Куда летит «Степной орёл»? // Фонд стратегической культуры, 01.07.2019. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/07/01/kuda-letit-stepnoj-orel-48504.html> (дата обращения: 13.12.2020).

²²¹ США рассчитывают на продолжение сотрудничества с Казахстаном // РИА Новости, 13.03.2019. URL: <https://ria.ru/20190319/1551939225.html> (дата обращения: 13.12.2020).

²²² U.S. To Publish New Central Asia Strategy Amid Russian, Chinese Competition, Afghan Threat // RadioLiberty, 14.12.2019. URL: <https://www.rferl.org/a/us-to-publish-new-central-asia-strategy-amid-russia-china-competition-afghan-threat/30325681.html> (accessed: 13.12.2020).

²²³ С российским акцентом: как прошло турне Помпео по странам постсоветского пространства // Russia Today, 5.02.2020. URL: <https://russian.rt.com/world/article/714925-ssha-pompeo-turne> (accessed: 13.12.2020).

Как и в Казахстане, на встрече была затронута тема внутренней политики Китая в СУАР, что вызвало крайне негативную реакцию китайского посольства в Бишкеке: турне Помпео было названо «злонамеренным подстрекательством и клеветой», а сам Помпео «зачинщиком проблем в мире»²²⁴.

5 февраля 2020 г. Госдепартамент США опубликовал новую Стратегию по Центральной Азии на 2019-2025 гг.²²⁵, сохранив в ней ряд ключевых направлений из стратегии 2015 г., таких как борьба с международным терроризмом, наркоторговлей и дезинформацией в ЦА. В стратегии сделан акцент на суверенности региона, которой США хотят добиться через независимую экономику и энергетику, прозрачную и демократичную систему власти, а также инвестиционное и военное сотрудничество с США. Отмечена важная роль региона для национальной безопасности Соединённых Штатов, вне зависимости от включённости США в дела Афганистана. Заявлена цель создания противовеса Китаю, активно инвестирующему в инициативу «Один пояс – один путь», и России, имеющей в ЦА большое политическое влияние.

На ближайшие годы поставлено шесть ключевых целей:

1. Поддержка независимости и суверенитета стран ЦА: США будут наращивать дипломатическое присутствие в ЦА и обеспечивать укрепление демократических институтов, а также помогать в преодолении разногласий. Создание единой электрической сети в ЦА обеспечит энергетическую независимость, а военные инициативы «Степной орёл» и Государственная программа партнёрства – безопасность;

2. Противодействие терроризму: США в рамках военного и гражданского сотрудничества способствуют усилению охраны государственных границ и служб безопасности региона, а также реабилитации боевиков-террористов и развитию устойчивости к экстремистской идеологии;

3. Поддерживание стабильности в Афганистане. Безопасный Афганистан обозначен главным приоритетом для стран ЦА;

4. Поощрение связей ЦА и Афганистана. Предложено укрепление связей в сферах энергетики, экономики, культуры и безопасности; отмечена важная роль развития проектов CASA-100 и Лазуритового коридора;

5. Содействие реформам в области верховенства права и соблюдения прав человека. США заинтересованы в развитии гражданского общества в ЦА, для чего поддерживают гражданские организации и программы обучения журналистов, оказывают помощь в реформировании системы правосудия. Цель – прозрачность и подотчетность власти;

6. Привлечение инвестиций из США в ЦА через осуществление реформ в каждой отдельной стране для улучшения инвестиционного климата.

В Стратегии отмечена перспективность работы в формате С5+1, впервые начатой в 2015 г. при президенте Б. Обаме, на которую уже выделено более 34 млн долл. США. Отмечена позитивная роль новых лидеров в регионе, настроенных на

---

²²⁴ Китай «разоблачил» цель визита Помпео в страны Евразии // Евразия.Эксперт, 5.02.2020. URL: <https://eurasia.expert/kitay-razoblachil-tsel-vizita-pompeo-v-strany-evrazii/> (дата обращения: 13.12.2020).

²²⁵ United States Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity // US State Department. URL: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/> (accessed: 13.12.2020)

сотрудничество. Указано инвестирование США более 90 млн долл. США на проведение более 200 учений и обучение 2600 пограничников.

Взаимоотношения полюсов стратегического треугольника США–КНР–РФ

Регион Центральной Азии лишён той степени конфронтации между крупными державами, какую можно видеть в АТР, Восточной Европе или на Ближнем Востоке. Кроме того, ни для одной из стран-игроков США-Китай-Россия нет жизненной необходимости в доминировании в регионе. Это вполне могло бы послужить объективной предпосылкой к развитию трёхстороннего сотрудничества. Интересы игроков сходятся в нежелании превращения ЦА в очередной очаг мировой нестабильности, причём если для США важен глобальный контекст, то для Китая и России важно именно региональное значение (близость СУАР и Урала). Очевидно, что в случае вспыхивания конфликта последствия ощутят все стороны. Впрочем, ожидать всестороннего сотрудничества не приходится²²⁶.

Россия–Китай. Ухудшение отношений с Западом после 2014 г. привело к пониманию, что у давно обсуждаемого «поворота России к Азии» нет альтернатив. Сторонники решения видят в нём возможность укрепить независимость России; противники видят угрозу становления «сырьевым придатком» КНР. В условиях западной гегемонии сближение РФ и КНР кажется вполне предсказуемым – совпадение мнений по региональным вопросам (иранская и северокорейская ядерные программы, ситуации в Ливии и Сирии), стремление сохранить систему международного права (РФ и Китай – единственные представители незападного мира в СБ ООН), желание использовать региональную валюту в международной торговле и т.д. [Лукин, 2018]. Ключевым моментом российско-китайских отношений на ближайшие годы стала 30-летняя сделка о поставке газа, подписанная 21 мая 2014 г., согласно которой Россия ежегодно поставляет в Китай 38 млрд м³ газа в рамках проекта «Сила Сибири». Данное соглашение вписывается в азиатский вектор российской политики и имеет целью показать Западу, что у России есть «другие варианты». Однако есть большие опасения, что цена за газ, которую удалось добиться Пекину, значительно более выгодна Китаю, нежели России. А уход России с роли монополиста по покупке газа в ЦА означает, что сейчас Россия занимает роль конкурента за китайский рынок наряду с Узбекистаном и Туркменистаном, что в свете западных санкций и продвижения американского газа в Европе связывает РФ и делает её вынужденным партнёром Китая [Oliphant, Mills...2015].

Из-за общей границы с ЦА у Москвы и Пекина сложились согласующиеся геополитические интересы в регионе. Они заинтересованы в его политической и экономической стабильности, а также предотвращении вмешательства третьих сторон для успешного воплощения своих проектов и обеспечения собственной безопасности²²⁷. Сферы влияния также пока не пересекаются – Россия заинтересована во влиянии на политическую обстановку и сферу безопасности, Китай же занят экономическими связями. Китай с самого начала принимал сложившуюся

²²⁶Бордачев Т.В., Смолл Э., Уинсун В. Россия, Китай и США в Центральной Азии: баланс интересов и возможности сотрудничества // Доклад международного дискуссионного клуба “Валдай”. 2016. С. 6. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/13120/> (дата обращения: 13.12.2020).

²²⁷Бордачев Т.В., Смолл Э., Уинсун В. Россия, Китай и США в Центральной Азии: баланс интересов и возможности сотрудничества // Доклад международного дискуссионного клуба “Валдай”. 2016. С. 3. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/13120/> (дата обращения: 13.12.2020).

региональную роль России и странам удавалось достигать своих целей без конфликтов друг с другом. Однако в свете предстоящей борьбы за ресурсы весьма вероятно прибегание сторон к неэкономическим методам для расширения влияния (особое опасение вызывает накопление Китаем военного потенциала) [Oliphant, Mills...2015].

Российский проект ЕАЭС во многом уступает китайскому ЭПШП. Слабую конкуренцию определяет малая степень диверсификации экономики и низкая доля внутреннего экспорта стран-участниц (всего 9%). Уставной капитал Евразийского банка развития составляет 7 млрд долл. США, а Азиатского банка инфраструктурных инвестиций – 100 млрд долл. США. Негативно сказались и антироссийские санкции²²⁸. Важным шагом к укреплению сотрудничества стало подписанное в мае 2015 г. Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭШПШ²²⁹. В соглашении говорится о торгово-экономическом сотрудничестве организаций и использовании ШОС как платформы для сопряжения. 20 декабря 2019 г. в Москве состоялось 6-ое рабочее заседание, в ходе которого была подтверждена нацеленность на дальнейшую интеграцию. Следующее собрание рабочей группы планируется во второй половине 2020 г. в Пекине.²³⁰

В целом стратегическое партнёрство ещё не является гарантом того, что страны не станут конкурентами в ЦА в будущем. Россия заинтересована в создании региональной группировки для поддержания своего влияния, КНР – в прагматичном извлечении экономической выгоды. Как только один из игроков начнёт вытеснять другого, стоит ожидать ответного отстаивания интересов. Страны ЦА осторожно относятся ко всем проектам, маневрируя между КНР и РФ [Дмитриева 2019].

США–Россия. В 2001 г. отношения России и США в ЦА исходили из полного сотрудничества в вопросе терроризма, что вызывало неприкрытое раздражение и обеспокоенность КНР. Однако впоследствии отношения между странами ухудшились, в связи с событиями на Украине в 2014 г. Антироссийские санкции США и снижение цен на нефть спровоцировали спад российской экономики и девальвацию рубля, что сильно ударило по экономикам стран ЦА (в особенности зависящих от денежных переводов Киргизстана и Таджикистана, а также Казахстана, поддерживающего активную торговлю с РФ). Пострадала и привлекательность проекта ЕАЭС в глазах лидеров ЦА [Oliphant, Mills...2015].

Директор Института внешней политики Государственного департамента США Муктедар Хан характеризует позицию России в регионе как «гибридный империализм», методы которого – использование остаточной мягкой силы после развала СССР (русский язык, диаспора, связи и телевидение) для недопущения экспансии коллективного Запада (ЕС, США и НАТО) в регион, который она считает

---

²²⁸ Воробьев А. Китай и Центральная Азия: растущая дружба под боком России // РСМД, 4.07.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-i-tsentralnaya-aziya-rastushchaya-druzhba-pod-bokom-rossii/> (дата обращения: 13.12.2020).

²²⁹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, 08.05.2015 // Официальный сайт Президента России, 2015. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 13.12.2020).

²³⁰ Россия и Китай обсудили сопряжение ЕАЭС и «Одного пояса – одного пути» // РИА Новости, 20.12.2019. URL: <https://ria.ru/20191220/1562638455.html> (дата обращения: 13.12.2020).

своим собственным. Видение Запада экспансионистским и антироссийским отражает оборонительную позицию России²³¹.

Ключевое событие будущего в регионе – принятие США новой Стратегии по Центральной Азии и турне Помпео по странам ЦА в начале 2020 г. вполне закономерно были расценены Москвой как посягательство на безопасность России. Чего стоят заголовки газет с названием Помпео «Геополитическим мародёром» либо «Токсичным гостем»²³². Тревога небезосновательна – США ясно дали понять, что делают акцент на Центральной Азии и готовы вкладывать большие средства в создание противовеса России и Китаю. А высказанные в двустороннем формате предложения ускорить принятие Узбекистана в ВТО при условии игнорирования ЕАЭС, либо снизить вред от антироссийских санкций для Казахстана явно несут целью отдаление ЦА от России²³³.

Предложенный администрацией Д. Трампа проект бюджета США на 2021 г., согласно тексту, отвечает новой американской стратегии и включает противодействие «возрождающимся России и Китаю». Непосредственно на борьбу с Россией предложено выделить более 700 млн долл. США, причём отдельно отмечено направление средств в ЦА для «укрепления безопасности и защиты территориальной целостности». Если Д. Трамп выиграет следующие президентские выборы, то вероятно стоит ожидать сохранения этих тенденций в бюджетной политике и общей линии российско-американских отношений²³⁴.

Китай–США. 2018-2019 гг. ознаменовались началом торговой войны между США и КНР, ставшей важнейшим экономическим событием в мире и выявившей внутренние трения в американо-китайских отношениях. Этот конфликт вносит неопределённость в будущее как самих США и КНР, так и в отношения с их партнёрами, в т.ч. ЦА²³⁵.

Американские специалисты считают генеральной стратегией Китая отмену гегемонии США и связывание ключевых регионов мира через инициативу «Один пояс – один путь»²³⁶. Увеличивание зависимости от Китая через финансирование стран средствами, которые те не могут выплатить, является серьёзной угрозой с точки зрения США, что не раз подчеркивалось в контексте принятия новой Стратегии по Центральной Азии в 2020 г²³⁷. В ней же указано, что главная цель США в ЦА – создать альтернативу влиянию Китая. Иными словами, цель Штатов – создание по периметру КНР враждебно настроенных государств, чтобы лишить КНР возможностей вести экспансию [Дегтерев, Цвык 2018].

---

²³¹ *Muqtedar K.* Where is Central Asia in the Current U.S. Grand Strategy // Center of Global Policy, 07.08.2019. URL: <http://cgpolicy.org/articles/where-is-central-asia-in-the-current-u-s-grand-strategy/> (accessed: 13.12.2020).

²³² Токсичный гость: Помпео совершил турне по постсоветскому пространству // Известия.iz, 4.02.2020. URL: <https://iz.ru/971730/kseniia-loginova/toksichnyi-gost-pompeo-sovershil-turne-po-postsovetskomu-prostranstvu> (дата обращения: 13.12.2020).

²³³ Там же.

²³⁴ Потягаться с Россией: Трамп представил проект бюджета // Независимая Газета, 10.02.2020. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2020/02/10/12954235.shtml> (дата обращения: 13.12.2020).

²³⁵ Торговая война США и Китая (2018–2019) // РИА Новости, 13.05.2019. URL: <https://ria.ru/20190513/1553450182.html> (дата обращения: 13.12.2020).

²³⁶ *Muqtedar K.* Where is Central Asia in the Current U.S. Grand Strategy // Center of Global Policy, 07.08.2019. URL: <http://cgpolicy.org/articles/where-is-central-asia-in-the-current-u-s-grand-strategy/> (accessed: 13.12.2020).

²³⁷ U.S. To Publish New Central Asia Strategy Amid Russian, Chinese Competition, Afghan Threat // RadioLiberty, 14.12.2019. URL: <https://www.rferl.org/a/us-to-publish-new-central-asia-strategy-amid-russia-china-competition-afghan-threat/30325681.html> (accessed: 13.12.2020).

Для этих целей США активно используют СМИ и международные организации. Так, Вашингтон часто поднимает болезненную для Китая тему несоблюдения прав человека в СУАР, выводя её на уровень ООН. Уйгурский фактор во многом связан с Центральной Азией и определяется общими для Синьцзяна и ЦА границами, религией, культурой, этническим составом. Многие организации, отстаивающие права уйгуров и ведущие активную пропаганду в Центральной Азии, находятся в США. Например, Всемирный Уйгурский конгресс получает официальное годовое снабжение в размере 215 тыс. долл. США от американских фондов, таких как Американская ассоциация уйгуров и Национальный фонд помощи США. Президентом организации является Рабия Кадир, выданная США из китайского заключения и получившая ряд наград за защиту прав человека. Нет никаких причин сомневаться, что США собираются оставить за собой возможность разыграть уйгурскую геополитическую карту [Клиников 2019].

Успехи информационного давления видны уже сейчас. Волна антикитайских митингов и местных конфликтов, прокатившаяся в 2018-2019 гг. по Киргизии и Казахстану, явно даёт понять, что при реализации своих проектов в этих странах Пекин столкнётся с трудностями в виде синофобии у местного населения. Американские агентства и СМИ обещают ухудшение ситуации и распространение антикитайской риторики²³⁸.

Заключение

Рассмотрев основные аспекты взаимоотношений в рамках стратегического треугольника КНР–США–РФ на пространстве ЦА, можем прийти к следующим выводам:

1. После развала СССР Центрально-Азиатский регион (ЦА) обрёл независимость, но стал неустойчивым в силу ряда причин, среди которых: проблемы государственного управления, транзит радикального ислама из соседнего Афганистана, нарастание социальной и экономической неопределённости, водно-энергетическая проблема региона, межэтнические конфликты, нахождение на пересечении интересов РФ и КНР. Политика стран ЦА заключается в лавировании между интересами ключевых игроков.

2. Интересы России в ЦА связаны с обеспечением безопасности. Россия стремится укрепить своё влияние, чтобы подтвердить статус великой державы и не допустить проникновения в ЦА Запада. У России есть широкий спектр оставшихся после СССР рычагов влияния, таких как единство инфраструктуры, обширная русская диаспора, СМИ, одобрение населения, связи во власти и т.д. Кроме того, у России самый обширный военный потенциал в регионе: военные базы в Киргизии и Таджикистане, а также членство Астаны, Бишкека и Душанбе в ОДКБ. Россия также является лидером по участию в региональных организациях (СНГ, ШОС, ОДКБ, ЕАЭС, Таможенный Союз). Однако в сфере экономики Россия постепенно уступает место Китаю. Экономические инициативы России не приносят значимых результатов, а ключевой проект – ЕАЭС вызывает множество вопросов. Кризис на Украине, западные санкции и падение рубля, повлиявшее и на экономики стран ЦА, заставляют

---

²³⁸ Kyrgyzstan: The Importance of an Anti-Chinese Protest in Central Asia // Stratfor Worldview, 10.06.2019. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/kyrgyzstan-importance-anti-chinese-protest-central-asia-belt-road-initiative> (accessed: 13.12.2020).

их лидеров с осторожностью относится к союзу с Россией. И хотя пока Россия остаётся определяющим игроком в ЦА, без решения экономических проблем в перспективе она рискует потерять свои позиции в регионе.

3. Заинтересованность Китая в регионе определяется нуждами безопасности и собственного экономического развития. Регион богат на ресурсы и может предоставить Китаю выход на рынки Европы, благодаря чему входит в ключевой проект Экономического пояса Шёлкового пути. Важным фактором является развитие китайского Синьцзяна, который в контексте ЭШПШ должен стать новым региональным центром, благодаря чему КНР планирует решить проблему его экономического отсталости и снизить внутренний протестный потенциал. Для подготовки запуска ЭШПШ Китай ведёт проектную работу в двустороннем формате, многократно увеличив своё экономическое присутствие в ЦА через крупные инвестиции, кредиты, занятие ниш экспорта и импорта. Однако быстрая экспансия Китая неизбежно ведёт к опасениям и нежеланию лидеров ЦА попадать под зависимость КНР, а также нарастанию синофобии среди местного населения ЦА, что подтверждают митинги 2018–2019 гг. в Киргизстане и Казахстане. Антикитайские протесты и активность в социальных сетях, а также раздувание ситуации в СМИ извне предвещают Китаю серьезные проблемы в реализации своих инфраструктурных планов и оказывают негативное влияние на региональное соперничество.

4. Согласно концепции Большой Центральной Азии, США рассматривают ЦА через призму Афганистана, который хотят сделать новым региональным центром, связывающим торговые и транспортные пути из Центральной и Южной Азии. Это позволило бы США увеличить своё влияние на стабильно развивающийся Афганистан после вывода из него миротворцев. В связи с этим, американцы поощряют строительство инфраструктурных объектов, связывающих Афганистан с ЦА: ключевыми являются проекты газопровода TAPI, высоковольтной линии CASA-1000 и Лазуритового коридора. Кроме того, регион приобретает всё большее значение в сдерживании развития Китая и России, что подтверждается активацией переговоров и принятием новой Стратегии по Центральной Азии 2019-2025. Согласно документу, США планируют обеспечить экономическую и политическую независимость, защитить суверенитет и территориальную независимость региона. Для этого, помимо прочего, расширяется военное сотрудничество между США и странами ЦА. Администрация Д. Трампа готова вкладывать большие средства, чтобы создать в ЦА противовес влиянию КНР и России, и следует ожидать продолжения этой политики с избранием Д. Трампа на второй срок.

5. Российско-китайские отношения укрепляются на фоне разногласий и санкционной войны с Западом, а также торговой войны США с Китаем. РФ и КНР разделяют общие интересы как по ряду глобальных вопросов, так и в ЦА, что выразилось в подписании соглашения по сопряжению ключевых региональных проектов двух стран – ЕАЭС и ЭШПШ. Интересы сторон в регионе пока что не противоречат – Россия реализует военное сотрудничество по поддержанию безопасности, КНР проводит экономическую политику. Обе страны заинтересованы в стабильном развитии ЦА и недопущении проникновения туда Запада. Однако этот баланс может скоро нарушиться, если одна из сторон решит усилить свои позиции. Кроме того, самой России следует проявлять осторожность, чтобы не попасть в зависимость от Китая.

6. После событий на Украине в 2014 г. отношения между США и Россией ухудшились, и пока что не наблюдается перспектив по их улучшению. Санкционная политика США будет продолжаться, затрагивая помимо России и зависимые от неё страны ЦА; интеграционная привлекательность РФ также будет оставаться под вопросом. США могут использовать этот момент, по примеру визита М. Помпео в ЦА. Стратегия США по Центральной Азии 2019-2025 устанавливает противодействие РФ на пространстве ЦА, для чего из бюджета США планируется выделить значительные средства.

7. Китайско-американские отношения в 2018-2019 г. прошли под знаком Торговых войн, что показывает трения между двумя государствами и вносит неопределённость в будущее. США хотели бы ограничить развитие Китая, в том числе на пространстве ЦА, и новая Стратегия США по Центральной Азии вместе с визитом М. Помпео обещают усиление попыток на этом направлении. Одним из направлений борьбы является создание по периметру Китая враждебных ему государств, для чего американские СМИ, политики и международные организации, получающее снабжение от Штатов, ведут в ЦА интенсивную пропаганду о китайской угрозе и притеснениях мусульманского населения в СУАР, развивая у местного населения синофобские чувства.

Список литературы

Братерский М., Суздальцев А. Центральная Азия: регион экономической конкуренции России, КНР, США и ЕС // Центральная Азия и Кавказ. 2009. 63 (03). С. 94–105.

Внешняя политика стран СНГ. Под ред. Д.А. Дегтерева, К.П. Курылева. М.: Аспект Пресс, 2019. 496 с.

Дегтерев Д.А., Цвык В.А. Экономическая экспансия КНР и проблемы безопасности в странах Азии и Африки // Американская стратегия сдерживания КНР и конфликтный потенциал в Азии и Африке: сборник научных статей / под ред. Д.А. Дегтерева, А.А. Забеллы. М: РУДН, 2018. С. 5–11.

Дмитриева М.О. Россия и Китай в Центральной Азии: сотрудничество или соперничество // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 139–146.

Клиников Е. Проблема сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском Автономном округе на современном этапе // Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безопасности в Центральной Азии: Материалы X Международной научной конференции 29 ноября 2018 г. М.: РУДН, 2019. С. 200–205.

Лукин В.А. Возвышающийся Китай и будущее России. Работы о Китае и российско-китайских отношениях. М.: Международные отношения, 2018. 792 с.

Международные отношения в Центральной Азии: События и документы / под ред. А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др. М.: Аспект Пресс, 2018. 560 с.

Сафранчук И. Концепция “Новый Шёлковый путь” и политика США в “Большой Центральной Азии” // Международная жизнь. 2013. № 7. С. 43–53.

Сыроежкин К. Китай в Центральной Азии: от торговли к стратегическому партнерству // Центральная Азия и Кавказ. 2007. 51 (03). С. 47–60.

Цездоев Р.М., Кирюшина М.А. Роль военно-технического сотрудничества со странами ЦА в отношениях КНР-Индия-США // Американская стратегия сдерживания

КНР и конфликтный потенциал в Азии и Африке: сборник научных статей / под ред. Д.А. Дегтерева, А.А. Забеллы. М: РУДН, 2018. С. 81–89.

Cheng G., Chen L., Degterev D.A., Zhao J. Implications of «One Belt, One Road» Strategy for China and Eurasia // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019. 19 (01). P. 77-88. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88

Oliphant C., Mills S., Campbell I., Mariani B., Paasiaro M., Xiaomin T. Central Asia at a crossroad. Russia and China's changing roles in the region and the implications for peace and stability. *Saferworld*, June 2015. 49 p. URL: https://www.saferworld.org.uk/resources/publications/918_ (accessed: 13.12.2020).

3.2. БАЛАНС СИЛ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: РОЛЬ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ В РЕГИОНЕ

Г.М. Турава*

Актуальность настоящей работы обусловлена местом и ролью Южного Кавказа в системе международных отношений. Регион привлекает внимание как региональных, так и нерегиональных акторов мировой политики, ведущих борьбу за усиление своего влияния и продвижение своих интересов [Курылев, Дегтерев, Смолик, Станис 2018]. Геополитическая конкуренция обострила ситуацию в регионе, приведя к еще большему разобщению закавказских стран. Так, Грузия избрала проевропейский вектор внешнеполитической ориентации, Армения продолжает ориентироваться на Россию, а Азербайджан придерживается нейтрального внешнеполитического курса. Серьезным деструктивным фактором являются существующие этнополитические конфликты, которые создают напряженность и несут угрозу региональной и глобальной безопасности, учитывая активную вовлеченность международных игроков.

Говоря об основных игроках в Закавказье, следует отметить, что, помимо трех южно-кавказских стран, значительную роль играют такие акторы, как Россия, Турция, Иран, США, ЕС и все больше проявляющий заинтересованность Китай. Южный Кавказ традиционно занимал важное место в региональной политике и тесно связан с национальными интересами и безопасностью России. Иран и Турция как сопредельные государства и региональные державы также всегда стремились развивать отношения со странами Южного Кавказа. Европейский союз и США демонстрируют интерес к региону ввиду уникальных возможностей по транзиту углеводородов и других товаров из Азии в Европу, как по сухопутному коридору, так и по Каспийскому и Черному морям.

В настоящей работе предпринята попытка проанализировать роль каждого из игроков в регионе, а также выявить степень их влияния на Южный Кавказ. Первая часть статьи посвящена короткому обзору концепции баланса сил в международных отношениях, в основной части работы рассмотрена «кавказская политика» представленных акторов, а в завершении представлены основные выводы, касающиеся текущего положения дел в регионе.

Концепция баланса сил в международных отношениях

Концепция баланса сил занимает важное место в реалистской парадигме международных отношений. В ее основе лежит распределение мирового влияния между отдельными центрами силы. Главная цель баланса сил – недопущение доминирования в международной системе одного государства или группы стран и обеспечить поддержание международного порядка. Выделяют «внутреннее балансирование» (internal balancing), связанное с наращиванием собственных возможностей, и «внешнее балансирование» (external balancing), сопряженное с объединением возможностей с другими государствами в рамках формирования альянсов [The Oxford Handbook...2008: 141].

---

* Турава Георгий Мерабиевич – аспирант кафедры ТИМО РУДН, e-mail: giorga939@mail.ru.

Следует отметить, что школа реализма зиждется на четырех основных столпах: 1) государства являются основными акторами международных отношений в анархическом мире, в котором отсутствует верховная власть, которая обладала бы монополией на легитимное насилие; 2) государство рассматривается в качестве унитарного образования, которое проводит единую политику в отношении других государств; 3) государства по своей природе – рационально действующие однородные политические организмы; 4) национальная и международная безопасность является ключевым вызовом, стоящим перед государством [Каурри, Viotti 2011: 39].

Как отмечают структурные реалисты (или неореалисты), баланс сил может принимать различные конфигурации: однополярную (одна великая держава), биполярную (две великие державы) или многополярную (три или больше великих держав). Так, для К. Уолтца полярность является наиболее важной характеристикой баланса сил. Согласно автору, баланс сил гораздо более устойчив в биполярной системе, нежели в многополярной [Little 2007: 257]. Дж. Миршаймер также уделяет значительное место полярности в своем анализе баланса сил. Он разделяет полярность на глобальную и региональную.

Важно подчеркнуть, что баланс сил во всех моделях – это не столько статичное состояние (*balance of power*), сколько динамический процесс (*balancing of power*). Традиционному пониманию баланса сил как уравновешенных весов можно противопоставить образ баланса сил как вечного двигателя [De Keersmaeker 2016: 211]. Баланс сил в таком случае перестает быть только глобальным, его составными частями становятся региональные и локальные подсистемы баланса сил, в которых ключевыми акторами могут выступать далеко не только великие державы. Данный процесс конституируется не только сверху вниз великими державами, но и снизу-вверх всеми игроками на международной арене [Окунев 2019: 41].

Неореалисты, представленные К. Уолтоном, Дж. Миршаемером и К. Лэйном, подчеркивают распределение силы между государствами и довольно скептически к тому, насколько международные нормы и международные институты в состоянии эту борьбу смягчить. Классические реалисты в лице Э. Карра, А. Уолферса и их сегодняшние последователи, которых можно назвать неоклассическими реалистами, предлагают более инклюзивный подход. Указанный подход заключается в том, что признавая значимость баланса сил, они также выступают за более детальное рассмотрение внутреннего и социального уровня и их влияния на международные отношения.

Теория баланса угроз (*balance-of-threat theory*), разработанная американским исследователем С. Уолтом, в определенной степени является развитием концепции баланса сил. Как следует из названия, эта теория предсказывает, что государства противостоят угрозам. Для того чтобы противостоять угрозам государства придерживаются двух стратегий: балансирование (*balancing*) и примыкание (*bandwagoning*) [Walt 1987: 148]. Автор отмечает, что первооснова союзов заключается в противодействии наиболее опасному игроку, а не наиболее сильному.

Говоря о региональных державах, возникает сложность концептуального анализа этого феномена. Разные авторы, применяя различные подходы, опираются на отличную друг от друга терминологию, выделяя, например, вторичные державы (*secondary powers*), великие державы (*great powers*), промежуточные государства

(intermediate states), средние державы (middle powers), региональные (великие) державы (regional (great) powers) [Nolte 2007: 7]. В частности, М. Уайт в своей известной работе «Power Politics», впервые опубликованной в 1946 г., разграничивает доминирующие державы (dominant powers), великие державы (great powers) и второстепенные державы (minor powers) [Wight 2002: 30-68].

Для нашей работы интерес представляет теория комплекса региональной безопасности (Regional Security Complex Theory), разработанная представителями Копенгагенской школы исследований безопасности Б. Бузаном и О. Вейвером. Указанная теория региональной безопасности в наиболее полном виде представлена в их монографии «Регионы и держава: структура международной безопасности» [Buzan, Woever 2003]. Авторы проводят грань между сверхдержавами и региональными державами, причем влияние последних может быть велико в регионах, но ограничено на глобальном уровне. К региональным силам авторы относят Турцию и Иран (а также Бразилию, Египет, Индию, Ирак, Израиль, Нигерию, Пакистан, Саудовскую Аравию и ЮАР). В свою очередь, статус великой державы требует наличия значительных материальных возможностей, а также формального признания этого статуса другими державами.

Россия – кавказская держава

Распад Советского Союза привел к кардинальным изменениям в регионе Южного Кавказа, усугубив нараставшие политические и социально-экономические противоречия. Так, глобальные акторы сумели распространить свое влияние на постсоветское пространство. Одновременно с этим начался процесс расслоения региона на страны, видящие свое будущее в союзе с Россией; ориентирующиеся на тесное взаимодействие с Западом во главе с США; декларирующие свой нейтральный статус и, наконец, дрейфующие от одного центра силы к другому, в зависимости от международной и внутренней конъюнктуры [Курылев, Галоян...2018: 108]. Армения, Грузия и Азербайджан, образуя регион Южного Кавказа, относятся к разным группам, имея различную внешнеполитическую ориентацию. К первой группе, безусловно, отнесем Армению, которая является стратегическим партнером Российской Федерации (РФ) и участвует в региональной интеграции (Армения – член ЕАЭС и ОДКБ). Во вторую группу входит Грузия, которая провозгласила целью своей внешней политики интеграцию в евроатлантические структуры. Наконец, Азербайджан – представитель третьей группы ввиду того, что страна не хочет вступать ни в НАТО, ни в ОДКБ. Вместо этого Баку примкнул к Движению неприсоединения, а также не стоит забывать, что Азербайджан и Турция взаимодействуют по формуле «один народ – два государства».

РФ рассматривает постсоветское пространство, включая регион Южного Кавказа, как зону исключительных интересов. Согласно Концепции внешней политики РФ, приоритетными направлениями внешней политики Кремля являются развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами-участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнейшей укреплению действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием²³⁹. В документе

---

²³⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451/page/2> (Дата обращения 17.12.2020).

отмечается активная роль России в урегулировании конфликтов на постсоветском пространстве. В Военной доктрине РФ указано, что приоритетным направлением является взаимодействие с государствами-членами ОДКБ для обеспечения коллективной безопасности и совместной обороны, а также государствами-участниками СНГ для поддержания региональной и международной безопасности²⁴⁰. В схожих тонах оценивается роль постсоветского пространства в Национальной стратегии безопасности Российской Федерации, в которой отводится особая роль развитию региональной и субрегиональной интеграции в контексте обеспечения национальной безопасности²⁴¹.

Таким образом, мы видим, что постсоветское пространство занимает приоритетное место во внешнеполитической деятельности Кремля. Россия является локомотивом интеграционных процессов в регионе, ведь она обладает значительным экономическим и военным потенциалом: является экспортером минеральных и технологических ресурсов; обладает огромным рынком, открывая его для товаров из стран региона; является реципиентом трудовых мигрантов. Более того, Москва является крупнейшей военной силой, а также – «ядерным зонтом» для членов ОДКБ.

Говоря о проблемах безопасности на Южном Кавказе, следует подчеркнуть наличие неурегулированных конфликтов в Абхазии, Нагорном Карабахе и Южной Осетии. Учитывая эти конфликты, Москва стремится проводить политическую линию, направленную на поддержание регионального баланса сил на Южном Кавказе. Особенно это проявляется в сохранении статус-кво в кооперации с Арменией и Азербайджаном. С одной стороны, мы можем назвать российско-армянские отношения союзническими, т.к. Ереван участвует во всех региональных интеграционных форматах, инициированных Россией. В Армении также дислоцируется 102-я российская военная база. С другой стороны, Россию и Азербайджан связывают отношения «стратегического характера»²⁴², в рамках которых они взаимодействуют по широкому спектру вопросов, в том числе в области военно-технического сотрудничества.

Одним из ключевых аспектов региональной безопасности является, на наш взгляд, военно-техническое сотрудничество со странами региона, а также собственное развитие военно-промышленного комплекса. Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (SIPRI), специализирующийся на исследованиях проблем мира и конфликтов, прежде всего, вопросах контроля над вооружениями и разоружения, предоставляет следующие данные по военным расходам среди стран региона (см. табл. 1).

---

²⁴⁰ Военная доктрина Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (Дата обращения: 17.12.2020).

²⁴¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (Дата обращения: 17.12.2020).

²⁴² Декларация о дружбе и стратегическом партнерстве между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией от 3 июля 2008 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/250> (дата обращения: 17.12.2020).

Таблица 1

Военные расходы в регионе в 2008-2018 гг., в млн долл. США

Год / Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Армения	349	363	380	348	356	401	407	441	433	444	609
Азербайджан	1226	1083	1025	1951	2024	2047	2054	2183	1456	1529	1709
Беларусь	544	482	542	582	661	708	718	705	657	631	715
Грузия	880	536	402	362	375	341	331	294	316	308	317
Молдова	34.3	24.8	18.9	20.9	21.4	23.8	26.0	26.6	34.1	30.6	34.0
Россия	48033	50396	51420	54877	63584	66682	71467	77023	82576	66527	61388
Украина	2851	2611	2627	2414	2703	2873	3506	3885	3778	3648	4750

Источник: SIPRI Military Expenditure Database. URL: <https://www.sipri.org/>

Следует отметить, что расходы Армении на военные нужды неуклонно и последовательно растут, в то время как военные расходы Азербайджана значительно сократились в 2015 г., после чего продолжают повышаться. Что касается Грузии, то расходы на военный комплекс после бума в 2008 г. неуклонно сокращаются и по региону Грузия занимает последнее место по объему средств, выделяемых на военную сферу.

Помимо этого, Россия является одним из крупнейших экспортеров вооружения в Армению и Азербайджан. Необходимо подчеркнуть, что военно-политическое сотрудничество России с Арменией и Азербайджаном, как известно, основано на поддержании интегрального паритета взаимоотношений, дабы поддержать региональный военный баланс. Для Москвы кооперация со странами региона в

военно-технической сфере является важным фактором сохранения рычагов влияния на ситуацию в регионе.

Для Армении военно-техническое сотрудничество с Россией в части закупок вооружений является практически безальтернативным. Хотя следует помнить, что существует научно-производственное сотрудничество с Литвой, Украиной и Польшей²⁴³, а также расширяется военная кооперация с Ираном²⁴⁴, Китаем²⁴⁵ и Индией²⁴⁶. Безусловно, масштабы закупок вооружений армянской стороной уступают таковым Азербайджана, о чем свидетельствует представленная выше таблица SIRPI. Армения закупает российскую военную технику по льготным ценам (будучи членом ОДКБ), а также часть поставляемых вооружений и военной техники Россия передает странам ОДКБ безвозмездно в рамках совместного оборонного строительства, либо заключаемых соглашений об оказании военной помощи²⁴⁷. Более того, Россия, Беларусь и Армения планируют сформировать объединенную систему противоракетной и противовоздушной обороны с дальнейшим включением центрально-азиатского региона²⁴⁸.

Что касается Азербайджана, то страна является одним из крупнейших российских клиентов. Следует помнить, что Азербайджан активно закупает вооружение у Украины и Беларуси, а с 1990-х гг. он активно развивает военно-техническое сотрудничество с Турцией, Израилем, западноевропейскими странами, США, а также Пакистаном²⁴⁹. Одним из ключевых факторов для перспективного российско-азербайджанского и российско-армянского партнерства в геополитическом плане и в военно-технической сфере является конъюнктура российских поставок вооружений обоим государствам в контексте соблюдения условного военного паритета.

Таким образом, мы видим, что военно-техническое взаимодействие России с Арменией и Азербайджаном весьма показательно в контексте соблюдения регионального баланса сил. Россия выступает основным поставщиком вооружений и военной техники, как для Еревана, так и для Баку. Очевидно, что Кремль старается не допустить нарушения сложившегося динамического равновесия на Южном Кавказе. Россия должна продолжать поддерживать мир и стабильность на Кавказе, чтобы исключить перевод конфликтов в «горячую» стадию, иначе это может иметь негативные последствия для Российской Федерации.

---

²⁴³ О кооперации ЕрНИИСС с литовскими и украинскими партнерами // ВПК Армении, 15.09.2015. URL: <https://vpk-armenii.livejournal.com/72133.html> (дата обращения: 17.12.2020).

²⁴⁴ Военное сотрудничество Ирана и Армении будет расширяться // Russia-Armenia info, 02.02.2017. URL: <http://russia-armenia.info/node/35368> (дата обращения: 17.12.2020)

²⁴⁵ Армения и Китай подписали соглашение в области обороны // Синьхуа Новости, 15.04.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-04/15/c_136210409.htm (дата обращения: 17.12.2020).

²⁴⁶ Ереван и Дели расширяют сотрудничество в области обороны // Sputnik Армения, 20.05.2017. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/armenia/20170520/7385847/erevan-i-deli-rasshiryayut-sotrudnichestvo-v-sfere-oborony.html> (дата обращения: 17.12.2020).

²⁴⁷ Хетагуров А. Военно-техническое сотрудничество России: страны СНГ // РСМД, 11.11.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/voenno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-strany-sng/> (дата обращения: 17.12.2020).

²⁴⁸ Центрально-Азиатский регион войдет в единую систему ПВО ОДКБ // РИА Новости, 19.04.2017. URL: <https://ria.ru/20170419/1492584446.html> (дата обращения: 17.12.2020).

²⁴⁹ Хетагуров А. Военно-техническое сотрудничество России: страны СНГ // РСМД, 11.11.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/voenno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-strany-sng/> (дата обращения: 17.12.2020).

Непросто складываются взаимоотношения России и Грузии, которые принимают скачкообразную форму. Достигнув своей низшей точки в 2008 г., определенное потепление наметилось в начале 2010-х гг., особенно в торгово-экономической сфере. В 2019 г. наступил очередной кризис, связанный с так называемой «ночью Гаврилова»²⁵⁰, а также последующей отменой прямого авиасообщения между Россией и Грузией²⁵¹.

Системные противоречия заключаются в том, что Грузия стремится интегрироваться в ЕС и НАТО²⁵², что вызывает недовольство Москвы, поскольку это будет означать приближение натовских сил к границам России. К этому стоит добавить, что отношения с Грузией уже не первый год рассматриваются Москвой в контексте конфронтации с Западом и планов США и НАТО по ее вытеснению из «ближнего зарубежья»²⁵³.

Мы можем заключить, что для РФ крайне важно сохранить влияние на Южном Кавказе. Наиболее натянутые отношения сложились с Грузией, которая избрала проевропейский вектор внешней политики. Касательно двух других республик Москва поддерживает статус-кво, о чем свидетельствует военно-техническое сотрудничество. Россия не хочет допустить уход Азербайджана в сферу влияния Запада, как это произошло с Грузией. Поэтому оружейные поставки в Баку преследуют цель сохранения и наращивания влияния в регионе. Предоставление военной техники увеличивает зависимость Азербайджана от России. При этом Москва сосредоточивает в своих руках еще больше механизмов воздействия на азербайджанскую сторону в виде обслуживания проданной техники, поставок запасных частей и комплектующих, знания возможностей и характеристик поставленных систем. Из чего можно сделать вывод, что благодаря двусторонней кооперации России с Арменией и Азербайджаном, на Южном Кавказе сложилось и поддерживается динамическое равновесие, которое позволяет не нарушать региональный баланс сил, а также «привязать» страны региона к России [Курылев, Галоян...2018: 114].

Турция на Южном Кавказе

С геополитической точки зрения распад Советского Союза привел к усилению роли региональных держав, таких как Турция и Иран, равно как и появлению глобальных игроков в лице, например, США, ЕС и Китая.

В конце 1990-х и начале 2000-х гг. началась разрабатываться конструктивная политика Турции в отношении стран Южного Кавказа. Говоря о стратегии Турции в отношении стран региона, мы можем наблюдать существующую асимметрию: отношения с Азербайджаном характеризуются слоганом «один народ – два государства», отношения с Грузией приняли характер стратегического партнерства, в то время как с Арменией отсутствуют официальные дипломатические отношения.

---

²⁵⁰ Девять дней и «ночь Гаврилова» // Эхо Кавказа, 28.06.2019. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/30026393.html> (дата обращения: 17.12.2020).

²⁵¹ Запрет на авиасообщение между Россией и Грузией вступил в силу // Интерфакс, 08.07.2019. URL: <https://www.interfax.ru/world/668244> (дата обращения: 17.12.2020).

²⁵² Внешнеполитическая стратегия Грузии на 2019-2022 гг. // Министерство иностранных дел Грузии. URL: <https://mfa.gov.ge/getattachment/MainNav/ForeignPolicy/ForeignPolicyStrategy/2019-2022-clebis-saqartvelos-sagareo-politikis-strategia.pdf.aspx> (дата обращения: 17.12.2020).

²⁵³ Как Россия и Грузия скатились в новый конфликт // РБК, 25.06.2019. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/06/26/5d11cfbd9a7947ada15501f6> (дата обращения: 17.12.2020).

Касательно концептуального уровня внешней политики Турции, то отметим, что ее внешнеполитический курс первого десятилетия во многом ассоциировался с именем бывшего министра иностранных дел Ахмета Давутоглу (2009-2014 гг.). Именно его считают архитектором новой внешнеполитической линии Турции, основные элементы которой описаны в его работе «Стратегическая глубина» (2001 г.). Автор концепции исходил из того, что значение страны в мировой политике определяется ее геостратегическим положением и «исторической глубиной». С этой точки зрения Турция практически уникальна – благодаря местоположению на стыке сразу нескольких важнейших регионов²⁵⁴. Турция является и азиатской, и европейской страной, а также страной балканского, кавказского, ближневосточного и средиземноморского регионов. Эта географическая глубина делает Турцию одним из центральных объектов геополитического влияния других игроков [Murinson 2006: 947].

А. Давутоглу продвигал доктрину «ноль проблем с соседями», в основе которой лежит подход, направленный на сведение к минимуму проблем в отношениях с соседними государствами, разрешение внутренних проблем и развитие экономики. Он также отмечал, что Кавказ является одним из регионов, который вместе с Балканами и Ближним Востоком образует «сухопутный бассейн» Турции, составляя единую линию от Северного Кавказа до Персидского залива. Согласно автору, для Турции Южный Кавказ является не только ближним окружением, но и частью оси Балканы-Ближний Восток-Средняя Азия. Давутоглу полагал, что необходимо учитывать «искусственную границу» Турции с кавказскими государствами, созданную в условиях «холодной войны». Такой подход, во-первых, в значительной степени разделяется турецкими элитами и в настоящее время сохраняет свою актуальность; во-вторых, указывает на то, что Кавказ интерпретируется как естественное продолжение зоны влияния Турции [В ожидании...2018: 121]

На сайте Партии справедливости и развития (правящая политическая партия Турции) опубликован документ под названием «Цели 2023». Там представлены основные внешнеполитические цели государства, которые должны быть достигнуты к указанному сроку (в 2023 г. в Турции отмечают столетний юбилей основания Республики)²⁵⁵. В документе отмечается, что важной целью внешней политики является укрепление отношений с соседними странами и укрепление региональной роли в пространстве от Балкан до Кавказа, от Центральной Азии до Ближнего Востока. Там же представлена и программа Партии, один из разделов которой посвящен внешней политике. В программе особый акцент делается на необходимости формирования дружеских, а не конкурентных отношений с Россией в Центральной Азии и на Кавказе²⁵⁶.

Во внешнеполитическом разделе предвыборной программы Партии за 2011 г., озаглавленном как «Государство – лидер», речь идет о намерении ПСР добиться того, чтобы в XXI в. Турция оказалась в числе ведущих держав мира. Свое внешнеполитическое видение ПСР строит с опорой на историческое наследие и геополитическое положение Турции, а также с учетом реалий глобализирующегося

---

²⁵⁴ Лукьянов Ф.А. Стратегическая бездна // Россия в глобальной политике, 18.10.2012. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/strategicheskaya-bezdna/> (дата обращения: 17.12.2020).

²⁵⁵ Цели 2023. Партия справедливости и развития // Официальный сайт Партии справедливости и развития. URL: <https://www.akparti.org.tr/parti/2023-siyasi-vizyon/> (дата обращения: 17.12.2020).

²⁵⁶ Программа Партии справедливости и развития // Официальный сайт Партии справедливости и развития. URL: <https://www.akparti.org.tr/parti/parti-programi/> (дата обращения: 17.12.2020).

мира. В отличие от программы 2007 г., в программе 2011 г. ПСР утверждает, что ей удалось превратить Турцию из ведомой в ведущую страну. В ней выделяется, что Турция стала центром «мягкой силы» благодаря активному развитию экономики, бизнеса, науки и технологий, высшего образования и дипломатии [Думнова 2014: 41]. Среди региональных приоритетов в документе указаны ЕС, США, Ближний и Средний Восток, Балканы, Россия, Кавказ, Центральная Азия.

Любопытно проследить альтернативный взгляд на внешнюю политику Турции, представленный представителями евразийской идеологии, возникший на основе левых идей. Они поддерживают антизападный подход во внешней политике и ультранационалистические настроения во внутренней политике. Евразийцы сходятся во мнении, что Турция должна покинуть НАТО и отозвать свою заявку на вступление в ЕС. Вместо этого Турция должна присоединиться к «антиимпериалистическому» лагерю, возглавляемому Россией и Китаем²⁵⁷. По словам одного из представителей Евразийского движения Эрола Манисали (Erol Manisali) Турция действует в интересах Запада, в то время как ей необходимо развивать отношения с Россией, Китаем и Ираном, с которыми у Анкары общие стратегические интересы. Впрочем, евразийцам в Турции явно не хватает поддержки.

Переходя к «кавказскому» измерению, отметим, что одним из ключевых направлений политики Турции в отношении Южного Кавказа представляет энергетическое измерение. Наличие крупных запасов минеральных месторождений каспийского бассейна привнесли кардинальные изменения в экономику и политику Турции, Азербайджана и Грузии. Сформировалась геополитическая ось Анкара–Тбилиси–Баку или «Запад–Восток». Стороны заняты реализацией крупных энергетических и инфраструктурных проектов, направленных на переброску энергоресурсов из Каспия в Турцию и далее в Европу. Следует выделить следующие проекты. Во-первых, через территорию Грузии проходят нефтепроводы Баку–Супса и Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД). Трубопровод БТД был открыт в 2005 г²⁵⁸. Добавим, что по указанному нефтепроводу транспортируется и казахская нефть, а также с 2010 г. в нефтепровод начала поступать туркменская нефть²⁵⁹. Вдобавок, Грузия совместно с Азербайджаном и Турцией вовлечена в еще один энергетический проект – газопровод Баку–Тбилиси–Эрзерум (Южно-Кавказский трубопровод), который был официально открыт 25 марта 2007 г²⁶⁰. Наконец, сложившийся региональный триумvirат запустил строительство транспортного коридора, который соединил железнодорожные сети данных стран. Осуществление проекта Баку–Тбилиси–Карс началось в 2007 г. Этот проект имеет существенное значение ввиду того, что он является коридором из Средней Азии в Европу²⁶¹.

---

²⁵⁷ Colakoğlu S. The Rise of Eurasianism in Turkish Foreign Policy: Can Turkey Change its pro-Western Orientation? // Middle East Institute, 16.04.2019. URL: <https://www.mei.edu/publications/rise-eurasianism-turkish-foreign-policy-can-turkey-change-its-pro-western-orientation> (accessed: 17.12.2020).

²⁵⁸ Нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан им. Гейдара Алиева // РИА Новости, 17.04.2009. URL: <https://ria.ru/20090417/168381928.html> (дата обращения: 17.12.2020)

²⁵⁹ Туркменская нефть начала поступать в нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан // Эхо Кавказа, 13.08.2010. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/2126375.html> (дата обращения: 17.12.2020).

²⁶⁰ Газопровод Баку–Тбилиси–Эрзерум будет официально открыт 25 марта // Кавказский Узел, 24.03.2007. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/110475/> (дата обращения: 17.12.2020).

²⁶¹ Юбилейный контейнер перевез по маршруту Баку–Тбилиси–Карс автомобили // Sputnik Грузия, 02.01.2020. URL: <https://sputnik-georgia.ru/caucasus/20200102/247410113.html> (Дата обращения: 17.12.2020).

На этом потенциал транзитного сотрудничества стран региона не исчерпывается. Стороны участвуют и продвигают перспективный проект по доставке прикаспийского природного газа в Турцию и ЕС в рамках «Южного газового коридора». В рамках данного проекта предполагается строительство Трансанатолийского газопровода (TANAP) по территории Турции и Трансадриатического газопровода (TAP) по территориям европейских стран (Албания, Греция, Италия). Собственно, в Турцию газ будет транспортироваться по уже существующей инфраструктуре – Южнокавказскому газопроводу. Сообщают, что TANAP введен в эксплуатацию, а TAP – уже на завершающей стадии строительства²⁶². Таким образом, указанные проекты, в особенности TANAP, являются масштабными и одновременно важными элементами энергетической политики Турции, которая стремится укрепить свои позиции в качестве энергетического транзитного центра.

Помимо энергетики, Турция развивает военное сотрудничество с Грузией и Азербайджаном. Трехстороннее сотрудничество начало принимать регулярный характер, о чем свидетельствуют частые встречи министров иностранных дел. Проходят также встречи высокого уровня между представителями военных ведомств, которые вылились в кооперацию в сфере военного образования и военных учений, на которых обсуждают помимо прочего развитие технологий, безопасность в киберпространстве и др. В частности, три республики задействованы в командно-масштабных учениях «Бесконечность» (Eternity), целью которых является охрана стратегически значимых для региона трубопроводов²⁶³. Отметим военные учения под названием «Кавказский орел», в которых задействованы представители спецназа трех стран. Более того, Турция играет ключевую роль в расширении сотрудничества Грузии и Азербайджана с евроатлантическими структурами в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира» и в подготовке вооруженных сил двух стран, а также позволяет Азербайджану участвовать в военных миссиях НАТО за рубежом под турецким флагом.

Турция стремится увеличить свою роль в архитектуре региональной безопасности. Анкара осознает и признает, что Москва также обладает серьезным влиянием в регионе и не стремится раздражать Москву чересчур амбициозными действиями. Турция заинтересована в сотрудничестве с Россией по многим другим вопросам, особенно в ближневосточной повестке. Следовательно, Турция проводит взвешенную политику по отношению к закавказским республикам и избегает действий, которые могли бы повредить российско-турецким отношениям. Это проявляется в том, что все три страны (Турция, Азербайджан и Грузия) избегают возможности придания военному сотрудничеству какой-либо институциональной формы союза, дабы не вызвать раздражение региональных игроков. В целом создание трехстороннего военного союза маловероятно, ввиду противоречий в двухсторонних отношениях между каждой из трех стран и их соседями.

Суммируя вышесказанное, можно прийти к выводу, что Турция, формируя свою политику в отношении Южного Кавказа, зиждется на трех ключевых положениях: первое – политическая позиция Турции, связанная с ролью региона в глобальном

---

²⁶² TANAP готов — дело за TAP // НефтьКапитал, 28.11.2019. URL: <https://oilcapital.ru/news/export/28-11-2019/tanap-gotov-delo-za-tap> (дата обращения: 17.12.2020).

²⁶³ Грузия, Турция и Азербайджан проведут совместные военные учения // Regnum, 27.08.2019. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2700697.html> (дата обращения: 17.12.2020).

геополитическом соперничестве; второе – позиция и роль Турции в насущной системе военно-политической безопасности в данном регионе; третье – политическая ангажированность Анкары в отношении энергетической геополитики региона [В ожидании...2018: 119].

Иран и Южный Кавказ

Понимание внешней политики Ирана связано с тщательным анализом глубокого культурного и психологического фона этой страны. Исламская республика Иран – многоуровневая страна, иранская культура крайне многослойна, с восточным характером, самодостаточностью, глубокой философией и мистикой [В ожидании...2018: 132]. Данные черты отразились в иранской внешней политике и дипломатии, которые отличаются четко выраженным прагматизмом и последовательностью.

Иран рассматривает Южный Кавказ как часть своей исторической территории. Иран никогда не отказывался от идеи господства на Южном Кавказе и, если на данный момент по этому направлению деятельность сравнительно пассивна, то только исходя из первичности для официального Тегерана развития ситуации на западном направлении.

В регионе Иран старается избегать конкуренции с Россией, ввиду важности взаимоотношений с Москвой. Что касается самих закавказских государств, то Тегеран выстраивает политику добрососедства со всеми республиками, наибольшее значение уделяется отношениям с Арменией и Азербайджаном, хотя они осложняются конфликтом вокруг Нагорного Карабаха. Тегеран выступает против проникновения в регион США, которые планомерно проводят антииранскую политику. В этом отношении иранские интересы совпадают с российскими, которая так же противодействует усилению западного влияния на Южном Кавказе.

Развивая мысль об ирано-азербайджанских и ирано-армянских отношениях, мы должны учитывать наличие неурегулированного конфликта между этими закавказскими странами. Претендуя на роль одного из региональных лидеров, Иран предпринимал попытки посредничества в разрешении конфликта. Так, в мае 1992 г. по приглашению президента Али Акбара Хашеми Рафсанджани в Иран прибыли главы Армении и Азербайджана Левон Тер-Петросян и исполняющий обязанности президента Азербайджана Якуб Мамедов [В ожидании...2018: 135]. По итогам встречи стороны выступали с совместным заявлением, в котором подчеркивали желание мирными способами нормализовать отношения. Между тем во время переговоров армянские силы Карабаха захватили г. Шуша, нарушив достигнутые договоренности. В результате этого отношения между Ираном и Арменией на время испортились. А в Азербайджане обвинили Иран в покровительстве Армении. Посредническая миссия Ирана провалилась.

Отношения Ирана и Азербайджана в 1990-х – начале 2000-х гг. переживали определенные спады, связанные, например, со спорными месторождениями и противоречиями вокруг Каспия. Ранее между прибрежными странами существовали коренные разногласия, которые не удавалось преодолеть в ходе многочисленных переговоров. Отсутствие общего подхода оказывало негативное влияние на двусторонние отношения. Однако в 2018 г. «каспийская пятерка» (Россия, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан и Иран) сумела согласовать и выработать соответствующую Конвенцию о правовом статусе Каспия, которую Назарбаев

обозначил как «Конституцию Каспийского моря» [Агазаде 2018]. В соответствии с документом, основная площадь водной поверхности Каспия остается в общем пользовании сторон, а дно и недра делятся соседними государства на участки по договоренности между ними на основе международного права.

Одним из самых больших раздражителей для Ирана является прозападная и протурецкая ориентация Азербайджана. Еще одной проблемой в ирано-азербайджанских отношениях остается потенциальный азербайджанский сепаратизм в Иране. По некоторым данным в Иране проживает около 20 млн азербайджанцев, которые составляют второе по численности большинство после персов²⁶⁴. Хотя официальные лица в Баку не поддерживают сепаратизм, время от времени данный вопрос выплывает в отношениях между странами.

В последние годы в отношениях между Ираном и Азербайджаном наметилось улучшение. Драйвером активизации связей стала принятая «Конституция Каспия», а также вовлечение в международный инфраструктурный проект, направленный на создание международного транспортного коридора «Север-ЮГ», в рамках которого должны быть объединены железнодорожные сети России, Азербайджана и Ирана. В целом, данный трех сторонний формат позитивно влияет на развитие политических и экономических связей (встречи проходили в 2016 и 2017 гг.). Однако, указанные проекты приостановлены в связи с возобновлением санкций США в 2018 г.

Касательно ирано-армянских отношений, то приблизительно со второй половины 1990-х гг. они неуклонно укреплялись и развивались без серьезных кризисов. У государств отсутствуют какие-либо территориальные, идеологические и политические претензии и притязания друг к другу. Военно-стратегическая ориентация Армении в первую очередь на Россию снимают у Ирана опасения по поводу возможности использования ее территории США или другими странами для действий против Ирана.

Основными точками соприкосновения между Арменией и Ираном являются отношения в сфере углеводородов. Дело в том, что поставки иранского газа в Армению осуществляются на бартерной основе по программе «газ в обмен на электроэнергию» [Андреева 2019: 116]. Помимо этого, стороны развивают и военное сотрудничество. Без особой огласки через Иран, по всей видимости, осуществляется транзит военных грузов из России в Армению. После того как Грузия ввела запрет на транзит российских военных грузов в Армению через свою территорию, Иран остался единственным надежным путем для этого [В ожидании...2018: 140].

Грузино-иранские отношения уходят корнями в глубокое прошлое. Грузия продолжительное время была ареной борьбы между Ираном и Османской империей: восточная Грузия находилась в сфере влияния Ирана, тогда как западная Грузия была объектом влияния Турции. На сегодняшний день до сих пор проживает большое количество грузин, насильно переселенных иранскими шахами в центральные районы страны. По некоторым данным иранских грузин сейчас насчитывается более 300 тыс, но число иранцев, имеющих грузинские корни – несколько миллионов²⁶⁵.

---

²⁶⁴ Азербайджанцы Ирана протестуют против «систематического нарушения прав» // Радио Свобода, 25.05.2006. URL: <https://www.svoboda.org/a/158867.html> (дата обращения: 17.12.2020).

²⁶⁵ Иранские грузины – история и современность // Радио Свобода, 15.09.2010. URL: <https://www.svoboda.org/a/2158970.html> (дата обращения: 17.12.2020).

Принимая во внимание историческую память, равно как и географическую близость, Грузия является для Ирана приоритетным направлением внешней политики. Ирану не нравится прозападный курс Грузии, нацеленный на стратегическое сближение с США и интеграцию в евроатлантические структуры. С другой стороны, в Тегеране есть понимание, что пока в Грузии нет американских военных баз, угроза безопасности страны стремится к нулю.

Грузино-иранские отношения можно охарактеризовать следующим тезисом: чистая экономика, никакой политики. Данный тезис, на наш взгляд, справедлив, поскольку основными областями взаимодействия являются экономика и туризм. Несмотря на проблемные периоды, в последние годы (особенно с 2016 г.) наблюдается рост иранских компаний, а также многократное увеличение турпотока из Ирана. В целом Иран в отношении Грузии проводит осторожную, прагматичную и сбалансированную политику. Большую роль на развитие двусторонних отношений оказывает ужесточение американо-иранских противоречий.

Следует подчеркнуть, что Иран проводит внешнеполитический курс, преследующий цель сохранение баланса сил в регионе. Наиболее стабильные и дружественные отношения Иран сумел выстроить с Арменией, которая является членом Евразийского экономического союза. Тегеран проявляет интерес к интеграционному объединению и считает его одним из важных направлений внешней политики. Об этом свидетельствует подписанное в 2018 г. Временное соглашение о зоне свободной торговли между Ираном и ЕАЭС²⁶⁶.

Географическая, историческая и культурная близость, а также общие торгово-экономические интересы являются стимулами для Ирана и его соседей по региону расширять двустороннее сотрудничество и преследовать стратегические цели по контролю над нестабильным регионом. Как уже отмечено, главным успехом южно-кавказской политики Ирана является сближение с Арменией, поскольку эта политика не противоречит интересам Москвы. В грузино-иранских отношениях доминируют экономические связи, потому что Грузия устремилась в ЕС и НАТО, а также она поддерживает действия США и их союзников в Сирии. Политические системы также сильно различаются, поэтому сторонам остается искать точки соприкосновения в туризме и торгово-экономической сфере. В отношениях между Азербайджаном и Ираном в последнее время наблюдается позитивная динамика. Однако, существует ряд противоречий, которые ограничивают развитие двусторонних связей. Точками преткновения выступают потенциальный азербайджанский сепаратизм в Иране, прозападная и протурецкая ориентация Баку. С другой стороны, республики взаимодействуют в нефтегазовой сфере, а также в процессе создания международного транспортного коридора «Север–Юг».

Политика США и НАТО на Южном Кавказе

США рассматривает Южный Кавказ в качестве буферной зоны, расположенной между тремя региональными державами – Россией, Турцией и Ираном. Следовательно, регион становится важной ареной для США на мировой шахматной доске.

---

²⁶⁶Подписано Временное соглашение, ведущее к образованию ЗСТ между ЕАЭС и Ираном // Внешняя торговля России, 17.05.2018. URL: <https://russian-trade.com/news/2018-05/podpisano-vremennoe-soglashenie-veduschee-k-obrazovaniyu-zst-mezhdu-eaes-i-iranom/> (дата обращения: 17.12.2020).

В 1995 г. Североатлантический альянс опубликовал весьма противоречивый отчет, который предусматривал намерение на движение НАТО на Восток, в Центральную и Восточную Европу. Организация открыла свои двери странам бывшего социалистического блока. Еще в 1994 г. НАТО предложила неопределенный вспомогательный статус странам Центральной и Восточной Европы и бывшим советским республикам. Спустя пятнадцать месяцев двадцать шесть стран – бывшие члены организации Варшавского договора, бывшие республики СССР, а также европейские нейтральные страны, такие как Швеция, Финляндия и Австрия – присоединились к программе Партнерство ради мира [Powell 1996: 56]. Все три государства Южного Кавказа подписали Рамочный Документ «Партнерство ради мира» в 1994 г.²⁶⁷.

Тогда на Западе разгорелась оживленная дискуссия, касающаяся политики расширения НАТО. Сторонники расширения отмечали, что оно сможет предотвратить соперничество и вражду на Востоке, а также то, что обещание членства в Альянсе будет способствовать развитию демократии и преодолению хронических внутренних и внешних этнических и территориальных претензий в новых независимых государствах. С другой стороны, было указано, что для Вашингтона важной, хотя негласной, целью являлось обеспечение своего присутствия в европейских делах, а также возможность влиять на события в области безопасности в Восточной Европе. По словам бывшего заместителя министра обороны по военно-политическим вопросам Уолтера Слокомба, «США будут вовлечены в вопросы европейской безопасности... более полувека НАТО служила механизмом для оказания воздействия, обеспечивая Вашингтону крайне важный доступ на европейский континент» [Powell 1996: 56].

Южный Кавказ также попал в сферу интересов Североатлантического альянса. Интерес к Южному Кавказу обусловлен геостратегической значимостью региона, который, по словам известного советского и российского ученого Ю.А. Жданова, является солнечным сплетением Евразии²⁶⁸. В настоящее время интерес к региону в основном связан с его конфликтным потенциалом, предопределенным специфическим этнокультурным и политическим разнообразием, спорными границами между странами, замороженными конфликтами и существующими непризнанными и частично признанными государствами.

Кроме того, важность и роль региона обусловлены различными интересами крупных геополитических игроков, которые, особенно после начала кризиса в Сирии, предпринимают перманентные усилия, чтобы утвердить свое политическое влияние на Южном Кавказе. Важную роль играет также энергетическая составляющая, в особенности это касается проектов по транспортировке углеводородных энергоресурсов через Кавказский регион. Не стоит забывать, что после политического кризиса на Украине, присоединения Крыма к России и до сих пор находящегося в активной фазе конфликта на Донбассе, обстановка в области безопасности в регионе постоянно ухудшалась, поэтому ключевое положение региона на политической карте

---

²⁶⁷ Азербайджан-НАТО: перспективы сотрудничества и геополитические реалии // New Times, 26.04.2019. URL: <http://newtimes.az/ru/organisations/6062> (дата обращения: 17.12.2020).

²⁶⁸ Юрий Жданов: Кавказ – солнечное сплетение Евразии // БезФормата, 11.01.2019. URL: <https://pyatigorsk.bezformata.com/listnews/zhdanov-kavkaz-solnechnoe-spletenie/20784002/> (дата обращения: 17.12.2020).

мира, равно как и сочетание проблем и угроз безопасности поставили Южный Кавказ и весь Черноморский регион в центр современных международных событий.

Если говорить о приоритетах США на Южном Кавказе, то они связаны, прежде всего, с вопросами безопасности и транзитом энергоресурсов из зоны Каспийского моря. Кроме того, роль США в регионе является интегральным элементом американской стратегии вытеснения России на запад и юг. Политика Вашингтона направлена на поддержку демократического развития, рыночных реформ и суверенитета стран. После начала конфликта в Сирии и активной политики России на Ближнем Востоке, Южный Кавказ, по утверждению бывшего советника президента США по национальной безопасности Джона Болтона, представляет собой стратегически важную роль для Белого дома. В этом отношении роль Азербайджана наиболее примечательна, учитывая его общую границу с Россией и Ираном²⁶⁹.

Ключевым инструментом политики США в регионе является НАТО. Представители Альянса стремятся установить тесные связи с политическими элитами закавказских республик. Все три государства Закавказья интенсивно взаимодействуют с Альянсом и участвуют в различных проектах, например, в упомянутой программе «Партнерство ради мира».

Следует выделить, что наиболее тесные отношения США поддерживает с Грузией, переросшие в стратегическое партнерство. Помимо этого, Грузия является единственной страной среди республик Закавказья, последовательно выступающей не просто за тесное партнерство с евроатлантическим блоком, но и стремящейся вступить в него. Интересно, что по итогам Уэльского саммита НАТО в 2014 г. стала обладательницей так называемой «золотой карточки» альянса, что подразумевает признание страны (наряду с Иорданией, Швецией, Финляндией и Австралией) как особого партнера²⁷⁰. По заявлению тогдашнего генсека Североатлантического блока Андерса Фог Расмуссена, участие Грузии в этой группе является признанием прогресса, которого страна достигла в отношениях с НАТО.

Примечательно также и то, что с 2004 г. Грузия задействована в Международных силах содействия безопасности (International Security Assistance Force), возглавляемый НАТО международный войсковой контингент, действовавший на территории Афганистана с 2001 года. У Грузии был самый крупный контингент среди стран-партнеров НАТО²⁷¹.

Важной вехой в грузино-американских отношениях является Хартия о стратегическом партнерстве, подписанная в январе 2009 г. В документе сформулированы принципы партнерства США и Грузии в сфере обороны, торговли, энергетической безопасности, укрепления институтов демократии и культурных обменов [Панков 2010].

На территории Грузии часто проводятся крупные военные учения, в которых задействованы государства-члены НАТО, а также его партнеры. Так, в 2019 г. на

---

²⁶⁹ John Bolton: Azerbaijan is a strategically important country for US // Report.Az, 25.10.2018. URL: <https://report.az/en/incident/john-bolton-azerbaijan-is-a-strategically-important-country-for-us/> (дата обращения: 17.12.2020).

²⁷⁰ Анджапаридзе З. Результаты саммита НАТО для Грузии: взгляд из Тбилиси // Аналитическое агентство «Внешняя политика», 10.09.2014. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/rezultaty-sammita-nato-dlya-gruzii-vzglyad-iz-tbilisi/> (дата обращения: 17.12.2020).

²⁷¹ Маркедонов С. США–Грузия: почему забеспокоился Конгресс // Sputnik Грузия, 31.01.2020. URL: <https://sputnik-georgia.ru/columnists/20200131/247623261/SShA--Gruziya-pochemu-zabespokoilsya-Kongress.html> (дата обращения: 17.12.2020).

прошли крупные многонациональные военные учения «Проворный дух 2019» (Agile Spirit 2019) с участием более трех тысяч военнослужащих 14 стран-членов НАТО и партнеров Североатлантического альянса²⁷². По словам генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга, Грузия вступит в НАТО, и Россия не сможет помешать этому, добавив, что ни одна страна не имеет права влиять на политику открытых дверей Альянса, и членство в НАТО – выбор грузинского народа²⁷³.

Армения также развивает партнерские отношения с НАТО, хотя их связи по понятным причинам (Армения – член ОДКБ) не столь тесные, как у Грузии. На сегодняшний день стороны завершают реализацию пятой программы индивидуального партнерства с Альянсом, а подписание новой запланировано на 2020 г²⁷⁴. Армения участвует в миротворческих миссиях в Косово и Афганистане, а армянские военнослужащие посещают учебные базы НАТО в Грузии, что является важным шагом в деле модернизации и адаптации вооруженных сил Армении на последовательной основе.

Азербайджан, представляющий стратегическую значимость для Запада, укрепляет отношения с блоком, хотя он не ставит перед собой задачи вступления в НАТО. Стороны стараются строить отношения исключительно на прагматических основаниях. Азербайджан с 2003 г. вносит свой вклад в операции НАТО в Афганистане. Стоит упомянуть еще один важный фактор. Как мы уже говорили, Азербайджан тесно сотрудничает с Турцией, которая является членом НАТО. Следовательно, еще с 1990-х гг. при строительстве вооруженных сил Азербайджана в качестве модели были выбраны Турция и в целом Североатлантический альянс. В кооперации с Турцией и альянсом проводится преобразование азербайджанской армии в соответствии со стандартами НАТО.

Тем не менее, Азербайджан проводит осторожную политику в отношении Североатлантического альянса. Позиция региональных держав оказывает влияние на подходы Баку к НАТО, Азербайджан не желает вызывать раздражение крупных государств региона, в частности России [Malek 2008: 33]. Следовательно, избранный руководством Азербайджана курс на сотрудничество укрепляет связи с НАТО, обеспечивает его перспективность и в то же время не раздражает крупные государства региона.

Таким образом, США и НАТО заинтересованы в кооперации с регионом Южного Кавказа. В какой-то степени можно утверждать, что Южный Кавказ является полем игры между Россией и НАТО [Насиров, Искандаров, Садиев 2017: 54]. У Альянса ограниченная роль в регионе, в то время как Россия сильно вовлечена в дела Южного Кавказа, как показывают продолжающиеся конфликты, и оказывает на него существенное влияние уже долгое время. Россия имеет обширное военное присутствие – военная база в Армении и в двух частично признанных республиках, отколовшихся от Грузии. С другой стороны, Североатлантический альянс обладает широким набором программ, направленных на сотрудничество с различными

---

²⁷² Военные учения Agile Spirit 2019 начнутся в Грузии // Интерфакс, 27.07.2019. URL: <https://www.interfax.ru/world/670638> (дата обращения: 17.12.2020).

²⁷³ Грузия станет членом НАТО, и Россия не сможет этому помешать – Столтенберг // Tsargrad, 25.03.2019. URL: https://tsargrad.tv/news/gruzija-stanet-chlenom-nato-i-rossija-ne-smozhet-jetomu-pomeshat-stoltenberg_190831 (дата обращения: 17.12.2020)

²⁷⁴ Relations with Armenia // Официальный сайт НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_48893.htm (accessed: 17.12.2020).

странами. Речь идет, например, о программе «Партнерство ради мира», которая является бесценным инструментом для строительства политических и военных мостов между членами НАТО и странами-партнерами [Chitadze 2011: 69]. Программа повышает безопасность в регионе и способствует его политическому, социальному и экономическому развитию. Своими видами деятельности программа доказала себя как очень успешный механизм для стимулирования и развития оборонного сотрудничества и военной оперативной совместимости между НАТО и странами Южного Кавказа [Насиров, Искандаров, Садиев 2017: 56].

Стратегия Европейского союза в отношении Южного Кавказа

Европейский союз стал одним из главных акторов в регионе в 1990-х гг., фокусируя свое внимание в кавказской политике в отличие от США и НАТО на социально-экономическую сферу. Кавказский регион представляет важность для европейского объединения, поскольку рассматривается в качестве транзитной зоны для товаров из Средней Азии и Каспийского бассейна. ЕС также заинтересован в поступлении каспийских углеводородов на свои рынки, поскольку стабильное энергоснабжение – залог функционирования экономик стран Евросоюза.

Общая политика ЕС на Южном Кавказе сосредоточена в рамках европейской политики соседства, в частности инициативы Восточного партнерства (ВП), запущенной в 2009 г. Эта инициатива действует в рамках Европейской политики соседства (ЕПС) и преследует цель повышения стабильности и устойчивости восточных соседей ЕС. ВП – это программа Европейского союза, призванная укрепить отношения с шестью восточными соседями: Арменией, Азербайджаном, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной. Цель программы заключается в «создании необходимых условий для ускорения политической ассоциации и дальнейшей экономической интеграции между Европейским союзом и заинтересованными странами-партнерами»²⁷⁵.

В последние годы направление ВП основано на Глобальной стратегии ЕС²⁷⁶ и обновленной Европейской политике соседства²⁷⁷, в которых указана необходимость сосредоточения усилий на повышении стабильности и устойчивости восточных соседей ЕС.

В 2014 г. в рамках ВП Грузия (наряду с Украиной и Молдовой) заключила Соглашение об ассоциации²⁷⁸ вместе с глубокой и всеобъемлющей зоной свободной торговли с Евросоюзом. Более того, у Грузии на сегодняшний день действует безвизовый режим с европейскими странами для туристических целей²⁷⁹.

---

²⁷⁵ Восточное партнерство // Официальный сайт Европейской службы внешних связей. URL: https://eeas.europa.eu/topics/eastern-partnership_ru (дата обращения: 17.12.2020).

²⁷⁶ EU Global Strategy // Официальный сайт Европейской службы внешних связей. URL: https://eeas.europa.eu/topics/eu-global-strategy_en (accessed: 17.12.2020).

²⁷⁷ Review of the European Neighborhood Policy, 2015 // Официальный сайт Европейской комиссии. URL: https://ec.europa.eu/neighborhood-enlargement/sites/near/files/neighborhood/pdf/key-documents/151118_joint-communication_review-of-the-enp_en.pdf (accessed: 17.12.2020)

²⁷⁸ Association Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and Georgia, of the other part, 30.08.2014 // Official Journal of the European Union. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830\(02\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830(02)) (accessed: 17.12.2020).

²⁷⁹ Сегодня вступает в силу безвизовый режим между Грузией и Евросоюзом // Gordonua, 28.03.2017. URL: <https://gordonua.com/news/worldnews/segodnya-vstupayet-v-silu-bezvizovyy-rezhim-mezhdu-gruzией-i-evrosoyuzom-180500.html> (дата обращения: 17.12.2020).

Что касается Армении, то в последние годы стороны работали над Соглашением о всеобъемлющем и расширенном партнерстве. Переговоры о рамочном соглашении начались в декабре 2015 г. и в ноябре 2017 г. оно было подписано. Отметим, что Армения стала первой страной ЕАЭС, которая подписала подобное соглашение с Евросоюзом.

Азербайджан и ЕС начали переговоры о новом рамочном соглашении, призванном придать новый импульс политическому диалогу и взаимовыгодному сотрудничеству в феврале 2017 г. Следует добавить, что Азербайджан является важным энергетическим партнером ЕС и играет ключевую роль в доставке каспийского газа на рынок ЕС²⁸⁰.

Важно подчеркнуть, что, продвигая свои интересы на Южном Кавказе, а также и в других регионах мира, Европейский союз опирается на концепцию нормативной силы. Автором указанной концепции является датский исследователь Иан Маннерс, который попытался объяснить роль ЕС в мировой политике и специфику его внешнеполитической деятельности. Если сравнивать работу Маннерса с трудами его предшественников, бросается в глаза качественный переход. И Ф. Дюшен, и Дж. Най, и даже частично Р. Каган сравнивали Евросоюз с классическим вестфальским государством и отмечали, какими материальными инструментами он обладает для продвижения своих целей. Р. Каган начинает, а Маннерс завершает переход на новый уровень осмысления: в концепции нормативной силы Евросоюза речь идет о том, как ЕС участвует в ценностной конкуренции и как это влияет на его положение в мире [Романова 2011: 53].

Таким образом, Евросоюз продвигает свои интересы в регионе через экстраполяцию своих универсальных норм и ценностей, как права человека, демократия и устойчивое развитие. Указанный автор, Маннерс, полагает, что демократизация, которая является одной из пяти основных норм, следует рассматривать через призму Европейской политики соседства. Утверждается также, что способность ЕС продвигать демократию в Грузию и Армению ограничена в свете сохраняющейся геополитической роли России в Закавказье [Democracy Promotion...2019: 100]

Интересное наблюдение сделал Р. Янгс в своей работе «Кризис Восточной Европы: геополитика асимметрии. Центральным аргументом его книги является идея о том, что политика ЕС отходит от либеральной модели, но становится чисто геополитической. Он вводит новый термин, объясняющий это положение между двумя экстремумами - «liberal-redux geopolitics» [Youngs 2017: 208]. Автор отмечает, что существующий треугольник в форме внутренних тенденций стран Восточного партнерства, региональных целей ЕС и влияния России оказал влияние на сочетание наступательной и оборонительной геополитической динамики ЕС. Он выступает за то, что подход ЕС к странам ВП оставался довольно осторожным и указывает, что ЕС исключил военную реакцию на политический кризис на Украине, выступив в роли наблюдателя событий [Youngs 2017: 128]. Что касается стран Южного Кавказа, то автор утверждает, что политика ЕС была сформирована той же логикой. ЕС повысил поддержку политических реформ в Грузии (и Молдове) как геополитическое

---

²⁸⁰ Отношения ЕС-Азербайджан. Справочный материал // Официальный сайт Европейской службы внешних связей. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/26622/node/26622_ru (дата обращения: 17.12.2020).

сравнительное преимущество перед Россией, а в Армении, Азербайджане (и Беларуси) ЕС стремился к более гибким формам сотрудничества, чтобы уравновесить российское превосходство.

Таким образом, ЕС заинтересован в продвижении своих интересов в регионе, поскольку, в первую очередь, нуждается в бесперебойной транспортировке углеводородов из каспийского бассейна. Евросоюз, опираясь на свою нормативную силу, продвигает свои ценности, а именно, демократию, верховенство права, устойчивое развитие и т.д. Тем не менее, действия ЕС находят сопротивление в лице региональных держав, в частности, России, которая рассматривает большинство проектов (например, ВП) как антироссийские, направленные на сокращение ее влияния в регионе.

Заключение

На сегодняшний день Южный Кавказ представляет собой геополитическое пространство, остающееся в кругу интересов ведущих держав [Галоян 2015: 130]. Регион расположен на стыке Европы и Азии, поэтому он представляет собой удобный плацдарм для продвижения вглубь Среднего и Ближнего Востока, а также в бассейны Каспийского, Черного и Средиземного морей. Одновременно он является связующим звеном между этими регионами.

Иран и Турция имеют тесные географические и исторические связи с регионом. Долгое время Южный Кавказ выступал ареной борьбы между региональными державами. Безусловно, эти факторы оказывают влияние на формирование южно-кавказской политики указанных государств. Так, Иран заинтересован в сохранении баланса сил в регионе для обеспечения безопасности его границ. Иран выступает против усиления присутствия Запада во главе с США и скептически относится к прозападному курсу Грузии и протурецкой ориентации Азербайджана. Как итог, Иран выстроил наиболее стабильные отношения с Арменией. Тегеран также заинтересован в отношениях с Россией и, шире, в складывающемся коридоре Север-Юг. В целом Иран избегает конкуренции с Россией в регионе, поскольку отношения с последней крайне важны для Тегерана. Интересы обеих сторон по противодействию усилению американского влияния в Закавказье совпадают.

Что касается Турции, то она никогда не отрицала своих притязаний на влияние в регионе. Кавказ интерпретируется как естественное продолжение зоны влияния Турции. Анкара также позиционирует регион как ворота к энергетически богатому бассейну Каспийского моря. Развитие и укрепление энергетического сотрудничества между Азербайджаном, Грузией и Турцией на протяжении 1990-х и 2000-х гг. ознаменовало начало трехстороннего сотрудничества, которое переросло в стратегическое партнерство в различных областях.

Между региональными игроками, Турцией и Ираном, существует ряд противоречий, которые касаются как идеологических факторов, так и вопросов региональной безопасности. В целом, характеризуя ирано-турецкие отношения многие исследователи полагают, что они в чистом виде не попадают под определения дружбы или вражды, и предлагают использовать термин «*frememies*», что можно перевести как «друзья-враги». Это гибкое многоплановое объединение, позволяющее его участникам избегать крайних точек и не допускать разрыва отношений [Свиштунова 2019 138:].

Отношения Турции со странами Запада переживают в настоящее время определенный спад. Оглядываясь назад, Вашингтон был весьма оптимистичен, когда Эрдоган впервые пришел к власти и предпринял шаги по модернизации экономики, демократии и бюрократии в стране. Успехи были отмечены в Брюсселе, с которым Анкара начала переговоры о вступлении в ЕС. Тем не менее, в течение последнего десятилетия отношения с Западом перманентно ухудшались. Стоит вспомнить недовольство Анкары по поводу отказа США выдать священника Фетхуллу Гюлена, который, по утверждению турецких чиновников, стоял за попыткой государственного переворота в 2016 г. Турция также испытывает опасения по поводу сотрудничества США с курдскими подразделениями народной самообороны (Kurdish People's Defense Units). В свою очередь, американские политики все чаще задаются вопросом, является ли Турция надежным партнером, учитывая ослабевание демократических процессов, решение о закупке у России зенитно-ракетных комплексов С-400.

Для России Южный Кавказ входит в зону жизненно важных интересов, поскольку тесно связан с национальной безопасностью страны. Поэтому Москва остро реагирует на любые попытки региональных и нерегиональных держав установить свой контроль. Россия обеспокоена желанием Грузии вступить в НАТО. Политика Кремля направлена на недопущение усиления влияния Запада в Закавказье и предотвращение создания военных баз США в регионе. Другим важным вопросом является недопущение строительства маршрутов для передачи углеводородных энергетических ресурсов в обход российских территорий. Следовательно, Россия использует все возможные инструменты для утверждения своего влияния. В связи с этим стоит упомянуть наличие военного присутствия в Армении, а также в частично признанных республиках — Абхазии и Южной Осетии.

Запад в лице США, НАТО и ЕС стремятся усилить свое влияние в регионе Южного Кавказа, который они рассматривают как важный плацдарм для продвижения вглубь Ближнего Востока. В частности, Вашингтон стремится свести к минимуму присутствие России и Ирана, а также получить беспрепятственный доступ к природным ресурсам Каспия. США удалось построить дружественные отношения с лидерами трех южно-кавказских государств, особенно в военной сфере. Реализация программы НАТО «Партнерство ради мира» играет важную роль в стратегии США. Наиболее тесные отношения у США сложились с Грузией, которая объявила своей целью интеграцию в евроатлантические структуры безопасности. Грузия видит в лице США и ЕС единственного союзника, способного защитить ее от давления Москвы.

ЕС и НАТО заинтересованы в продвижении своих интересов на Кавказе, поскольку он считается узловым в глобальной конструкции новых политических отношений в Евразии. Кроме того, НАТО смогла бы контролировать транзит в Центральную Азию и Афганистан, что особенно важно (прежде всего для США), принимая во внимание имплементацию Китая концепции Евразийского сухопутного маршрута. Наконец, через Южный Кавказ проходят международные энергетические коридоры, как ныне существующие, так и проектируемые.

Список литературы

Агазаде М.М. «Конституция Каспия» и новые горизонты сотрудничества между Азербайджаном и Ираном // Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: Международные отношения. 2018. 18 (04). С. 942-954. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-942-954

Андреева Е.С. Интересы Ирана на Южном Кавказе сквозь призму отношений Тегерана с Арменией // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 1. С. 110-123.

Галоян Н.Г. Армяно-грузинские отношения в контексте региональной безопасности на Южном Кавказе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. 15 (04). С. 120-131.

Думнова Е.С. Трансформация внешней политики Турции в XXI веке: магистерская диссертация. УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт социальных и политических наук. Департамент международных отношений. Кафедра востоковедения. Екатеринбург, 2014. 103 с.

В ожидании бури: Южный Кавказ / под ред. К.В. Макиенко. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2018. 200 с.

Курьлев К., Галоян Н., Станис Д., Бредихин А. Соблюдение баланса сил на Южном Кавказе // Мировая экономика и международные отношения. 2018. 62 (03). С. 108-118. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-108-118

Курьлев К.П., Дежтерев Д.А., Смолик Н.Г., Станис Д.В. Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. 13 (01). С. 134-156. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-08

Насиров Э., Искандаров Х., Садиев С. Южный Кавказ: поле игры между НАТО и Россией? // Connections: The Quarterly Journal. 2017. 16 (03). P. 53-63. DOI: 10.11610/Connections.rus.16.3.03

Окунев И.Ю. Политическая география. М.: Аспект Пресс, 2019. 512 с.

Панков Д.О. Грузия в геополитическом раскладе на Южном Кавказе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2010. № 2. С. 28-35.

Романова Т.А. Евросоюз как нормативная сила и проблемы ее восприятия в России как барьера пути политико-правового сближения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2011. № 6. С. 52-66.

Свистунова И.А. Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса // Вестник МГИМО-Университета. 2019. 12 (04). С. 130-144. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-130-144

Buzan B., Woever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 598 p.

Chitadze N. NATO: One of the Main Guarantees of Peace and Security in South Caucasus // Perceptions of NATO and the New Strategic Concept /Ed. L.N. Rodrigues and V. Dubovyk. Amsterdam: IOS Press, 2011. p. 61-73.

De Keersmaecker G. Polarity, Balance of Power and International Relations Theory: Post-Cold War and the 19th Century Compared. Palgrave Macmillan, 2017. 247 p. DOI: 10.1007/978-3-319-42652-5

Kauppi M., Viotti P.R. International relations theory. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2019. 448 p.

Little R. The Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths and Models. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 317 p. DOI: 10.1017/CBO9780511816635

Malek M. NATO and the South Caucasus: Armenia, Azerbaijan, and Georgia on Different Tracks // Connections: The Quarterly Journal. 2008. 7 (03). P. 30-51.

Murinson A. The Strategic Depth Doctrine of Turkish Foreign Policy // Middle Eastern Studies. 2006. 42 (06). P. 945—964.

Democracy Promotion and the Normative Power Europe Framework. The European Union in South Eastern Europe, Eastern Europe, and Central Asia / Ed. by M. Neuman. Cham: Springer, 2019. 201 p.

Nolte D. How to Compare Regional Powers: Analytical Concepts and Research Topics // Review of International Studies. 2010. 36 (04). P. 945-964. DOI: 10.1017/S026021051000135X

The Oxford Handbook of International Relations / Ed. by Ch. Reus-Smit and D. Snidal. Oxford: Oxford University Press, 2008. 772 p.

Powell St.M. NATO's Eastern Question // Air Force Magazine. 1996. 79 (01). P. 56-60.

Walt S. The origins of Alliances. Ithaca and London: Cornell University Press, 1987. 321 p.

Wight M. Power Politics. London: Royal Institute of International Affairs, 2002. 318 p.

Youngs R. Europe's Eastern Crisis: The Geopolitics of Asymmetry. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 262 p.

ГЛАВА 4. БАЛАНС СИЛ В ЕВРОПЕ

4.1. РОЛЬ «ВЫШЕГРАДСКОЙ ЧЕТВЕРКИ» В ЕС ПОСЛЕ «БРЕКСИТА»

С.В. Карамалак*

Изменение баланса сил в Европе во-многом является следствием «Брексита». С выходом Великобритании из союза, как одного из ведущих членов данной организации, в ЕС сместится традиционный баланс сил, существовавший в нем с 1970-х гг., т.е. ожидается повышение роли новых членов ЕС, а именно стран центрально-европейского региона. Действующее здесь объединение «Вышеградская четверка» (Венгрия, Чехия, Польша, Словакия) на фоне предстоящих изменений с одной стороны желает укреплять сотрудничество в рамках ЕС, с другой стороны углубляется в собственном объединении против европейской миграционной политики, подрывая единство и попытки выработать скоординированную позицию Союза. К тому же частью «Вышеградской четверки» является Польша, которая одновременно является и частью другого объединения – «Веймарского треугольника», куда кроме нее входят так же Германия и Франция. В составе Вышеградской группы Польша выступает активно против миграционной политики ЕС и наряду с Венгрией активно борется за большую независимость от Брюсселя. В контексте этих событий становится особенно интересным будущее Центрально-Восточного региона и Вышеградской группы.

«Вышеградская четверка» или «V4», созданная в 1991 г., признается одной из наиболее эффективных и стабильных организаций регионального сотрудничества в ЦВЕ. Согласно отчету Венгрии, председательствующей в 2017 г. на полях вышеградского формата, было произведено: 300 политических встреч и мероприятий на уровне «V4» и «V4 +»; 13 консультаций на уровне премьер-министров стран; более 250 мероприятий в посольствах по всему миру; более 50 совместных государственных заявлений, деклараций, неофициальных документов, и др.²⁸¹.

Характеристика стратегической расстановки сил в регионе

Для обозначения региона, в котором расположены страны Вышеградской группы, используются термины Центральная Европа, Срединная Европа, Центрально-Восточная Европа. Рассуждая о том, что же представляет собой этот регион, исследователи ссылаются на определение венгерского ученого Енё Сюча: «К Центральной Европе относится та часть Восточной Европы, которая всегда мечтала принадлежать к Западной Европе, но в той или иной форме всегда оставалась частью Европы Восточной» [Щербакова 2017: 8].

Однако такой взгляд, кажется, более не актуальным, так как во многом благодаря Вышеградскому формату Польша, Венгрия, Чехия и Словакия сумели примкнуть к Западной Европе и обрести свое особое положение, перестав быть частью Восточной. И это особое положение заключается в том, чтобы быть главной движущей силой ЕС в инициативе Восточного партнерства, образцом для восточно-

---

* Карамалак Степан Васильевич – магистрант кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Международные отношения», e-mail: karamalakstepan@gmail.ru.

²⁸¹ 2017-2018 Hungarian Presidency // Official website of the Visegrad Group. URL: http://www.visegradgroup.eu/documents/2017-2018-hungarian/20172018-hungarian#_Regional-Visegrad (accessed: 17.12.2020).

европейских и западно-балканских стран, стремящихся в ЕС. Однако в нынешних реалиях, в преддверии глубоких изменений, четверка стремится обрести новое, более прочное безопасное и выгодное место в Европейском союзе.

Основные региональные центры силы

Приблизившись к Западной Европе по экономическим и политическим показателям, страны «четверки» остаются в глубокой связи с географической Восточной Европой и Западными Балканами. Более того они являются ядром, центром силы всего этого региона. И если четверка является центром силы в регионе, то кто является лидером внутри самой четверки?

Отвечая на этот вопрос Ю. Щербакова, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, отмечает, что в регионе еще не появилось доминирующего государства. Его особенностью является общая культурная идентичность, оставшееся после распада Австро-Венгрии, частью которой эти страны являлись. Безусловно, в регионе не появилось столь влиятельного государства, коим была Австро-Венгрия, однако нельзя не отметить общее превосходство Польши [Щербакова 2017: 9].

С экономической точки зрения Польша является одной из ведущих экономик в регионе (см.табл.1.)

Таблица 1

ВВП стран V4 и Австрии

2018 г.	ВВП/мир в мил долл.	ВВП/мир в %	ВВП/ЕС в %	ВВП/ЕС-WB в %
V4	1 114 674	1.27	5.82	6.86
Польша	585 663	0.68	3.12	3.67
Чехия	245 225	0.28	1.30	1.53
Венгрия	157 882	0.18	0.83	0.97
Словакия	105 904	0.12	0.56	0.66
Австрия	455 285	0.53	2.42	2.86

Источник: подготовлено автором на основе данных World Bank²⁸²

По данным World Bank ВВП Польши на 2018 г. составляет 585.6 млрд долл. США. По этому показателю Польша занимает 22 строчку среди всех стран мира и шестую позицию среди стран ЕС, однако после «Брексита» Польша войдет в пятерку ведущих экономик ЕС по данному показателю. Разумеется, в ЦВЕ Польша занимает лидирующую позицию по уровню ВВП. Конкуренцию в регионе ей может составить только Австрия, ВВП которой составляет 455.2 млрд долл. США. Действительно Австрия воспринимается как ведущая держава в регионе, которая конкурирует с Польшей за влияние в нем. Однако следует отметить, что вплоть до 2005 г. Австрия входила в топ 25 экономик мира по уровню ВВП, а Польша находилась на границе Топ-30. Но в 2019 г. Австрия занимает 28 строчку в рейтинге. В «Вышеградской четверке» Польша в два раза опережает своего ближайшего преследователя Чехию, уровень ВВП которой 245.2 млрд долл. США, в Венгрии 157.8 млрд долл. США, в Словакии 105.9 млрд долл. США. Вместе ВВП Вышеградской группы составляет

²⁸² World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (accessed: 17.12.2020).

1114.6 млрд долл. США и этой мощнейшее объединение в ЦВЕ по показателям ВВП. Доля ВВП V4 в ЕС составляет 5.82%, но с выходом Великобритании из Европейского союза ее доля в ЕС возрастет больше, чем на один процент – до 6.86%. Показатель Польши вырастет с 3.12% до 3.67%.

Однако лидерство Польши лишь относительно. По данным исследования всех экономик стран Вышеградской группы в период 2000-2014 гг., произведенного на основе сравнения таких показателей как: ВВП на душу населения, ИЧР, ИГЧ, ИЭФ. Согласно исчерпывающим данным исследователей, основанных на собственных вычислениях, было установлено, что наиболее успешной страной в указанный период была Чешская Республика. Она набирала самые высокие значения в отношении ВВП на душу населения, ИЧР и ИРЧП в течение всего исследуемого периода за исключением 2013 г. Наибольший экономический рост в процентном соотношении продемонстрировала Словацкая Республика, показатель ВВП на душу населения в Словакии второй после Чехии. Рост экономических показателей Польши оценивается исследователями хуже, чем у Чехии и Словакии, однако они признаются наиболее стабильными. В 2009 г. во время финансового кризиса экономика Польши единственная из стран четверки не ушла вниз. Показатели Венгрии приравниваются к польским, но с 2012 г. польская экономика демонстрирует лучший рост [Ivanova, Masarova 2016: 279].

Таблица 2

Сводный индекс национального потенциала (CINC) стран V4 и Австрии

2018 г.	CINC/мир в %	CINC/ЕС в %
«V4»	≈ 1.03	≈ 11.21
Польша	≈ 0.62	≈ 6.73
Чехия	≈ 0.18	≈ 1.96
Венгрия	≈ 0.13	≈ 1.41
Словакия	≈ 0.10	≈ 1.08
Австрия	≈ 0.21	≈ 2.28

Источник: подготовлено автором на основе данных Eurostat; UN World Population Data 2018; Steel Statistical Yearbook 2018; Defence Data 2016-2017; Global Energy Statistical Yearbook 2018; World Military Personnel Ratio. Data of Global Fire Power 2018²⁸³.

Согласно Сводному индексу национального потенциала (Composite Index of National Capability, CINC) уровень национального потенциала Польши от мировой мощи в 2018 г. составляет ≈ 0.62 % когда в 2012 г. индекс равнялся 0.5 %. Среди стран Вышеградской четверки этот показатель наиболее высок: индекс Чешской республики ≈ 0.18 %; Венгрии ≈ 0.13 %; Словакии ≈ 0.10 % от мировой мощи. Это значительно меньше, нежели показатели Польши, более того объединив свой совокупный

²⁸³ Defence Data 2016-2017 // Key Findings and Analysis. European Defence Agency. URL: https://www.eda.europa.eu/docs/default-source/brochures/eda_defencedata_a4 (accessed: 17.12.2020); Global Energy Statistical Yearbook 2019 // Enerdata. URL: <https://yearbook.enerdata.net/total-energy/world-consumption-statistics.html> (accessed: 17.12.2020); Official European Statistic Agency // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat> (accessed: 17.12.2020); Steel Statistical Yearbook 2018 // World steel association. URL: https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:e5a8eda5-4b46-4892-856b-00908b5ab492/SSY_2018.pdf (accessed: 17.12.2020); World Population Prospects 2019 // United Nations, DESA, Population Division. URL: <https://population.un.org/wpp> (accessed: 17.12.2020); World Bank GDP Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (accessed: 17.12.2020); World Military Personnel Ratio // Data of Global Fire Power 2018. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp> (accessed: 17.12.2020).

потенциал три Вышеградские республики не превысят его. Что касается Австрии, потенциального конкурента Польши в регионе, то ее индекс национальной мощи составляет $\approx 0.21\%$, что почти втрое меньше польского.

Национальный потенциал Польши от ЕС оценивается в $\approx 6.7\%$, а совокупный потенциал Вышеградской четверки в ЕС составляет $\approx 11.2\%$. Может показаться, что эта цифра не столь внушительна, однако если взглянуть на индекс национально потенциала ЕС, одного из ведущих игроков на мировой арене, от общемирового $\approx 9.18\%$, становится очевидным степень влияния «четверки» в ЕС. Таким образом, с точки зрения CINC Вышеградская группа приобретает определенное влияние по меркам ЕС, в котором Польша законно занимает лидирующую место [Дегтерев 2020: 162].

Следует отметить значительную разницу между экономическими показателями и показателями CINC у всех стран кроме Польши. Это связано с тем, что Чехия, Венгрия и Словакия слабо развивают свою обороноспособность, когда военный рост Польши растет с каждым годом. Следует отметить и долю Польши в ЕС по показателям ВВП 3.67% и CINC 6.73% . Разница в этих показателях говорит о значительном отставании военного развития ЕС от экономического.

Амбиции Польши, ее тесное сотрудничество с США и сотрудничество с ведущими странами ЕС в рамках «Веймарского треугольника», инициации проекта «Восточного партнерства» в рамках ЕС, проекта «Трех морей» в ЦВЕ, «Бухарестской девятки» в рамках НАТО углубление отношений с Украиной, развитие отношений с Балтийскими странами и Западными Балканами позволяют нам рассматривать Польшу в качестве регионального лидера.

Более того глава офиса исследующего взаимоотношения ЕС и «V4» в рамках научного центра имени Антал Джозеф в Будапеште Петар Добривецкий и эксперт в области Центральной Европы в научном центре Восточной Европы Андреуш Садецкий называют Польшу «голосом» ЦВЕ в структурах ЕС и НАТО. Все вышеперечисленные инициативы, которые будут рассмотрены подробнее ниже, инициированы Польшей в целях укрепления своего влияния и достижения собственных интересов, однако они же укрепляют и положение входящих в этот регион стран [Dobrowiecki, Sadecki 2019: 19].

Эксперты называют Вышеградскую группу полезным инструментом для продвижения польских интересов. Партнеры «V4» стали важными государствами-единомышленниками для Польши во многих областях политики в ЕС (таких как энергетика, экология или сельское хозяйство). Польша в значительной степени опиралась на «V4» в продвижении одного из флагманских проектов ЕС «Восточное партнерство» и в частности, в получении поддержки для участия в нем Украины [Dobrowiecki, Sadecki 2019: 20].

В этой связи необходимо отметить и Венгрию. Именно эта страна была инициатором создания «Вышеградской четверки» в 1991 г. Венгрия придерживается более независимой и свободной политики от ЕС и активно, совместно с Польшей борется против миграционной политики Брюсселя, за большую независимость в рамках ЕС. Кроме этого, Венгрия является инициатором присоединения к Вышеградской группе Австрии, с которой у нее есть общее культурное, историческое и политическое прошлое. Присоединение Австрии к этой может способствовать изменению баланса сил в многоугольнике.

Пока этого не случилось, а интересы Польши и Венгрии во многих сферах совпадают, поэтому западные специалисты разделяют Вышеградскую четверку на две группы. К первой следует отнести Польшу и Венгрию, ко второй – Чехию и Словакию.

Страны первой группы проявляют внешнеполитическую активность, вступая в острую полемику с западными столицами (Польша – с Берлином и Брюсселем, Венгрия – с Брюсселем и Вашингтоном). Страны второй группы избегают острых диспутов, делая акцент на развитии экономических отношений с теми, с кем у первой группы отношения не складываются²⁸⁴. Акцент на экономические отношения второй группы дает результаты, как было установлено выше линия Чехия – Словакия демонстрирует более высокий экономический рост, нежели Польша – Венгрия.

Основные внерегиональные игроки, оказывающие влияние на стратегическую конфигурацию сил в регионе

Говоря о региональном лидере, следует сказать, что региональным лидером является то государство, которое признается таковым всеми остальными государствами в регионе, кому предлагается право принятия ключевых решений, от чего имени будет осуществляться развитие и безопасность региона. Именно таким, классическим лидером является Россия в рамках СНГ. В этом смысле Польшу нельзя назвать классическим лидером внутри «четверки», так как каждая сторона стремится продвигать независимую друг от друга внешнюю политику, ориентируясь не на внутрорегионального лидера, а на внерегиональных игроков.

Внерегиональным игроком в регионе традиционно являются США. Они заинтересованы в развитии ЦВЕ как никогда ранее. В случае выхода Великобритании из ЕС США потеряет своего «троянского коня» внутри Союза, что может отразиться на степени влияния США на страны ЕС. Западноевропейские страны уже становятся все более осторожными и критически настроенными по отношению к политике США по всему миру. Они действуют в направлении укрепления европейского военного сотрудничества и энергетической безопасности. С этой целью были созданы Европейский оборонный фонд (EDF) и Постоянное структурированное сотрудничество по вопросам обороны (PESCO). В этих условиях штаты вынуждены искать новых союзников в ЕС и ими могут стать страны Вышеградской группы. Между сторонами существует обоюдный интерес, и он подкрепляется как близостью ЦВЕ к России, так и личностью Трампа.

Вопросы обеспечения военной безопасности вынуждают страны Вышеградской группы активнее действовать в рамках НАТО и развивать его «восточный фланг». Действия России в Украине и отмеченное западными экспертами давление со стороны Москвы на прибалтийские страны, в частности на Литву, способствуют развитию военного сотрудничества между США и странами ЦВЕ.

Помимо военного сотрудничества, большинство новых стран-членов также поддерживают позицию США в области энергетической безопасности. Считая газовую зависимость от России основной энергетической угрозой, многие страны ЦВЕ приняли меры по переориентации своего энергетического рынка в сторону увеличения

---

²⁸⁴ Гувечич В. Вышеградская "четверка" – объединение с разными интересами // Международная жизнь, 26.07.2018. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/20261> (дата обращения: 14.12.2020).

импорта СПГ, что, по умолчанию, согласуется с интересами США. Между Польшей и США уже подписан 24-летний контракт на импорт американского сланцевого газа. При этом американцы оказывают поддержку Варшаве в проекте увеличения пропускной способности на 50 % польского терминала СПГ. Через этот терминал штаты планируют поставлять газ и в другие страны ЦВЕ²⁸⁵.

Развитие сотрудничества между сторонами особенно актуально благодаря личности Д. Трампа. Консервативные взгляды американского президента на иммиграцию и пограничный контроль, на национальный суверенитет и глобализацию разделяются лидерами «Вышеградской четверки», особенно в Венгрии и Польши. О взаимном интересе говорит и тот факт, что с марта по май 2019 г. все премьер-министры «V4» были приглашены на встречу с президентом США в Овальный кабинет. В связи с этим, влияние США как внерегионального игрока в регионе будет увеличиваться.

Несмотря на разногласие стран «Вышеградской четверки» и ЕС в области энергетической безопасности, первые находятся под глубоким политическим и экономическим влиянием последних. Основными экономическими партнерами «V4» являются западноевропейские страны, прежде всего Германия, тогда как США не входит даже в десятку торговых партнеров для этих стран. Кроме этого, страны Вышеградской группы сильно зависимы и от выплат ЕС им как странам-членам.

Являясь частью европейской политической системы, страны ЦВЕ находятся в глубокой политической зависимости от ЕС. Однако новые государства члены оказывают собственное давление на Брюссель. Их несогласие с миграционной политикой ЕС и различные подходы к решению проблемы энергетической безопасности привели к глубокому кризису между западноевропейскими и восточными странами ЕС. Возможно, это самый глубокий кризис между членами в истории ЕС и сиюминутный интерес Брюсселя заключается в преодолении кризиса, особенно в условиях развития отношений ЦВЕ с США, но для этого ЕС должен взглянуть на ЦВЕ свежим взглядом.

До сих пор на ЦВЕ возлагалась миссия продвижения проекта «Восточного партнерства» в рамках политики соседства. Новые государства-члены в особенности страны Вышеградской группы были призваны служить примером успешной интеграции в европейские системы для потенциальных новых членов ЕС. Однако роль «витрины» ЕС более не устраивает страны ЦВЕ особенно в условиях миграционных угроз и давления со стороны России. Являясь восточной границей ЕС эти страны, осознают ответственность и угрозы исходящие из этого и требуют другого к себе отношения.

Говоря о внерегиональных игроках в регионе нельзя не упомянуть Россию, которая в свою советскую бытность была главным игроком в ЦВЕ, однако влияние, которой сегодня ограничивается лишь энергетической дипломатией. ЦВЕ полностью зависит от российского газа, что позволяет России оказывать существенное влияние на регион. Однако в целях обеспечения энергетической безопасности некоторые страны «V4» ищут другие источники энергетических ресурсов. Так Польша уже подписала долгосрочный контракт с США на поставку сланцевого газа. И хотя Венгрия

---

²⁸⁵ Bokša M. The United States and its New Allies in Europe // Georgetown Journal of International Affairs: Conflict & Security. July 2019. URL: <https://www.georgetownjournalofinternationalaffairs.org/online-edition/2019/7/14/the-united-states-and-its-new-allies-in-europe> (accessed: 17.12.2020).

и Словакия остаются лояльными к российскому газу, с началом поставок американского топлива давление на них внутри Вышеградской группы увеличится. Таким образом, основной интерес России в регионе концентрируется вокруг своих газовых позиций. Кроме этого, Россия заинтересована и в восстановлении экономических отношений с Вышеградской группой, которые были нарушены после ухудшения отношений с западом. Для этого Россия должна снизить к минимуму возможность конфронтации с восточноевропейскими странами.

Свои интересы в регионе обозначают и Китай, который наращивает свое влияние в ЦВЕ посредством экономической инициативы 16+1. Данная инициатива обозначает сотрудничество Китая с единой региональной группой ЦВЕ. Формат был нацелен на активизацию китайских инвестиций в регионе. Сотрудничество в рамках формата «16+1» способствовало росту торговли стран ЦВЕ с Китаем в 2011-2015 гг. почти на 30 % [Китай и Восточная Европа...2016].

Формат «16+1», в определенном смысле, подготовил переход к более целенаправленной и комплексной стратегии «Один пояс, один путь» и удачно «вписывается» в ее главные составляющие – проекты «Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП)» и «Морской Шелковый путь XXI в.» (МШП), нацеленные на развитие новых сухопутных и морских транспортно-логистических и торгово-производственных систем, связывающих Китай с Европой. В первом проекте страны Центральной и Восточной Европы играют ключевую, во втором – достаточно важную транзитную роль в развитии «китайско-европейских» торгово-инвестиционных связей, а в перспективе – в формировании широкого евразийского «экономического пространства» и «пояса политической стабильности» [Китай и Восточная Европа...2016].

Основная транзитная страна ЦВЕ на северном маршруте – Польша, где находится главный транспортно-логистический хаб в г. Лодзь. Чехия так же располагает железнодорожной связкой с Китаем и хабом в Пардубице. Активность к китайским инициативам в регионе проявляет и Венгрия, которая не имеет прямого транспортного сообщения с Китаем, но является первым и наиболее активным партнером Китая в ЦВЕ. Таким образом, страны Вышеградской группы приобретают важнейшее значение для Китая, попутно приобретая более выгодное геоэкономическое и геополитическое значение для всего остального мира.

В целом интересы вышеперечисленных внерегиональных игроков сконцентрированы в геополитической и геоэкономической плоскости. Аванпостом влияния внерегиональных игроков на всю центральную и восточную Европу является «Вышеградская четверка».

Характер отношений между полюсами регионального стратегического многоугольника

Отношения государств-членов внутри четырехугольника мы рассмотрим через социальные опросы, описанные в работе специалистов из Института по связям с общественностью в Братиславе, приуроченной к 25-летию Вышеградской группы²⁸⁶. Социальные опросы, проведенные во всех четырех республиках, наглядно

---

²⁸⁶ Gyárfášová O., Mesežnikov G. 25 Years of the V4 as Seen by the Public // Official website of the Visegrad Group, 26.05.2016. URL: <http://www.visegradgroup.eu/25-years-of-the-v4-as> (accessed: 17.12.2020).

демонстрирует отношение стран друг к другу, к Вышеградскому формату и к внешним игрокам.

Оценка Вышеградских экспертов

Отвечая на вопрос о желании сотрудничать с другими членами «V4» граждане Чешской Республики наиболее высоко оценили сотрудничество со Словакией, менее с Польшей и Венгрией. Венгры наиболее высоко оценили возможность сотрудничества с Польшей затем с Чехией и Словакией. Отношение поляков относительно ровное по отношению ко всем трем странам, но с небольшим перевесом в сторону Венгрии, а словаки с большим преимуществом выделили Чехию, затем Польшу и Венгрию²⁸⁷. Таким образом мы можем подтвердить тезис о том, что внутри «четверки» действуют две линии поддержки и сотрудничества Польша – Венгрия и Чехия – Словакия

Отвечая на вопрос о наиболее важном направлении сотрудничества в рамках Вышеградской группы, чехи и словаки высоко оценили экономическое сотрудничество в рамках «V4» 66% и 67% соответственно. Польша и Венгрия не так высоко оценивают это направление 53% для обеих стран. Однако следует отметить, что это направление признается наиболее приоритетным, и ни одно другое направление сотрудничества не было поддержано более чем 50% опрошенных. Тем ни менее некоторые результаты приводят к весьма интересным выводам. Так, миссия «V4» по отстаиванию общих интересов в рамках ЕС наиболее высоко оценивается Чехией, затем Словакией и Венгрией их показатели варьируют от 44% до 39%, показатель Польши значительно меньше всего 27%. Такая тенденция наблюдается относительно всех направлений деятельности группы. Польша оценивает важность совместной деятельности в рамках формата значительно ниже, нежели остальные страны. Даже значение Вышеграда в осуществлении проекта «Восточное Партнерство», оценивается Польшей ниже всех. Единственное направление, которое поляки оценивает выше других стран «четверки» это сотрудничество в области культуры и образования: 30% против средних 20% среди других республик²⁸⁸. Низкий отклик польских граждан может указывать нам на низкую заинтересованность Польши в Вышеградском формате. Чехия, Словакия и Венгрия значительно больше ставят на него.

Что касается отношения стран «V4» к внерегиональным игрокам, исследователи провели опрос на тему доверия и недоверия к иностранным гражданам. По результатам исследования чехи больше всего доверяют словакам – 79%, французам, англичанам и полякам 59-58%. Отношение к американцам неоднозначно – 41% доверяют Америке, 24% не доверяют. Страны, которым чехи доверяют меньше всего это Россия – 52% самый высокий уровень недоверия и Украина – 50%²⁸⁹.

Венгры больше всего доверяют Германии и Польше – 62% и 58% соответственно. Отношение к американцам такое же неоднозначное – 33% доверяют,

---

²⁸⁷ Gyárfášová O., Mesežnikov G. 25 Years of the V4 as Seen by the Public // Official website of the Visegrad Group, 26.05.2016. URL: <http://www.visegradgroup.eu/25-years-of-the-v4-as> (accessed: 17.12.2020).

²⁸⁸ Ibid.

²⁸⁹ Ibid.

23% не доверяют. Примерно такое же отношение и к французам. Менее всех Венгры доверяют украинцам и русским – 45% и 42% недоверия соответственно²⁹⁰.

Польша более всех доверяет словакам, как это ни странно – 69%. Доверие к венграм и чехам тоже довольно высоко – 61% доверия к обеим странам. Польша единственная страна из «четверки», которая демонстрирует наиболее высокое и примерно равное доверие ко всем странам Вышеграда. Польша сильнее всех доверяет американцам – 50%, однако и уровень недоверия к Америке довольно высок – 17%. Страны, которым Польша больше всех не доверяет те же: Россия и Украина. Недоверие к России – 71%, это самый высокий показатель среди всех стран «V4». Здесь же следует отметить неоднозначное отношение поляков к украинцам. С одной стороны, уровень недоверия к украинцам составил 32%, с другой стороны 29% поляков все же доверяют Украине и это самый высокий показатель доверия к этой стране среди всех стран «четверки»²⁹¹.

Словаки демонстрируют беспрецедентное доверие к Чехии – 78%. На втором месте Австрия – 49%. Интересно отношение словаков к русским и венграм. К первым словаки относятся максимально противоположно – 31% доверяют России, 31% не доверяют. Венграм же словаки больше не доверяют – 37% против 30% доверяющих. Словакия также единственная страна, которая меньше всех доверяет американцам – 45% недоверия. Примерно такой же уровень недоверия и к Украине – 44%²⁹².

Анализируя эти данные, мы вновь констатируем, что чехи и словаки наиболее сплочены. Их доверие к Венгрии значительно ниже, чем к Польше. Видимо, это связано с радикальной политикой борьбы Венгрии против Брюсселя. При этом чехи и словаки сильнее других стран доверяют Австрии, чем и обусловлен формат Славковского сотрудничества (Австрия, Чехия и Словакия). Венгры ориентируются на Польшу больше, чем на остальные страны четверки, тогда как Польша доверяет всем странам четверки примерно одинаково. Это может говорить о том, что Венгрия больше заинтересована в Польше, чем та в ней. Кроме всего прочего Польша демонстрирует наиболее низкий совокупный уровень недоверия, нежели другие страны четверки. Это говорит о некоторой независимости и отсутствии страха, такое поведение типично для регионального лидера. Польша также единственная страна «четверки», которая в первую очередь ориентируется на своих партнеров по вышеграду и затем на внерегиональных игроков. Чехия в этом смысле ориентирована на Францию и Англию, Венгрия на Германию, Словакия на Австрию. Общим для всех стран стало недоверие по отношению к России и Украине. При этом Польша ожидаемо теплее всех относится к украинцам и холоднее всех к россиянам, что подтверждается ее внешней политикой.

В целом социальные опросы людей удивительно точно отразили внешне политические настроения стран Вышеградской группы, обнаружив некоторые подводные камни, которые незаметны при общем анализе внешней политики стран. Некоторые вновь убедятся, а кто-то с удивлением откроет то, что внешняя политика государства во многом формируется внутренним настроением граждан.

---

²⁹⁰ Ibid.

²⁹¹ Ibid.

²⁹² Ibid.

Оценка США

В отчете RAND Corporation относительно северо-восточного фланга НАТО от 2017 г. дается подробное описание стран Вышеградской четверки с военной точки зрения, а также дается оценка двусторонних взаимоотношений каждой страны с США [Chivvis, Cohen...2017]. В описании этого направления в НАТО в условиях нарастания российской угрозы США выделяет несколько групп стран: Вышеградскую четверку, прибалтийские республики, а также Швецию и Финляндию. Докладчики оценили положение прибалтийских стран наиболее уязвимым для российской угрозы, и стратегия развития северо-восточного фланга НАТО должна изменить свой вектор развития на усиление безопасности Балтии отмечается в рекомендациях доклада. При этом Вышеградской группе выделяется особая роль в развитии и обеспечении безопасности Балтии.

Эксперты RAND изучили возможность каждой страны «V4» сыграть свою роль в этой миссии, а также оценили общее внешнее политическую направленность каждой из стран четверки.

Отношения США и Венгрии оцениваются неоднозначно. Эксперты считают, что Венгрия пытается «усидеть на двух стульях» поддерживая хорошие отношения с Востоком и Западом. Действительно, Венгрия ведет себя очень сдержанно по отношению к санкционной политике США против России, а ее нынешнее правительство имеет тесные связи с Москвой. К тому же Венгрия заинтересована в дешевом российском газе и не хочет от него отказываться. С другой стороны, эксперты отмечают готовность Венгрии внести свой вклад в обеспечении безопасности воздушного пространства прибалтийских республик и заключают, что в условиях нарастания угрозы со стороны России, Венгрия обратиться к более тесному сотрудничеству с США. В рейтинге экономических партнеров Венгрии на 2014 г. США занимает 16 строчку, Россия по этому показателю опережает даже Польшу, расположившись на шестой строчке [Chivvis, Cohen...2017: 50-56].

Отношения с Чехией оцениваются несколько выше. Эксперты заключают, что американцам стоит ожидать, что Чехия будет продолжать брать на себя выполнение незначительных миссий в НАТО таких как регулярное патрулирование воздушного пространства Исландии (Iceland Air Policing) и миссия по поддержанию целостности воздушного пространства над странами Балтии (Baltic Air Sovereignty Mission). Чехи осознают значимость роста влияния России и готовы идти на контакт с Западом, однако из западных партнеров чехи в первую очередь ориентируются на Германию. Торговый оборот между странами относительно не высок. В рейтинге экономических партнеров Чехии США находится на 14 позиции, Россия на 10 [Chivvis, Cohen...2017: 22-25].

Отношения со Словакией оцениваются докладчиками наиболее низко в сравнении с остальными странами четверки. Отмечаются довольно сильные пророссийские настроения, высокий уровень российской пропаганды. Военные способности Словакии также оцениваются наиболее скромно. Эксперты отмечают, что не следует ожидать активности Словакии в рамках миссии по поддержанию целостности воздушного пространства над странами Балтии. Торговые отношения США со Словакией также находятся на самом низком уровне. Среди Топ-20 экономических партнеров Словакии США находится на последнем месте, Россия на пятом. [Chivvis, Cohen...2017: 99-104].

Роль Польши в регионе эксперты RAND характеризуют в качестве возрастающей. Польша является самой мощной военной странной на всем Северо-Восточном фланге НАТО. Польша активно наращивает свой военный потенциал и военные расходы после 2014 г. Экспертами отмечается, что Польша в значительной степени готова предоставлять ресурсы для региональной обороны и НАТО могут рассчитывать на Польшу в обеспечении надежной логистики и плацдармов для военных операций. Польша довольно резко относится к России и угрозе с ее стороны, однако с торгово-экономической точки зрения Россия является вторым по величине экономическим партнером Польши после Германии. США находится на 16 строчке из 20 на момент 2014 г. Однако это отставание сокращается за счет энергетических соглашений между странами. В отчете приводится статистика падения зависимости Польши от российского газа после 2014 г. Польша ищет новые источники энергетических ресурсов и на этой почве происходит экономическое сближение с США [Chivvis, Cohen...2017: 68-74].

На основе этих данных социальных опросов и отчета RAND, который значительно подтверждает данные соцопросов можно схематически изобразить расстановку баланса сил в регионе (См. рис.1.) Главным критерием является уровень доверия стран Вышеградской группы ко внерегиональным игрокам измеряющийся в процентах от 0 до 100 %. Через этот критерий мы рискуем предположить и изобразить степень влияния и степень вовлеченности ЕС, США и РФ в ЦВЕ. Величина полукруга каждого государства «четвёрки» построена в соответствии с его индексом CINC и обозначает величину его роли в Вышеградской группе и ЦВЕ. Величина четырехугольников ЕС, США и РФ наглядно демонстрируют величину их влияния на регион. По рисунку видно, что влияние ЕС наиболее велико, однако оно осуществляется за счет малых государств «четверки», тогда как США пользующаяся наибольшим доверием в Польше, действует через нее, потому ее влияние довольно велико. Влияние России значительно меньше оно поддерживается за счет Словакии продолжающей доверять России больше, чем США.

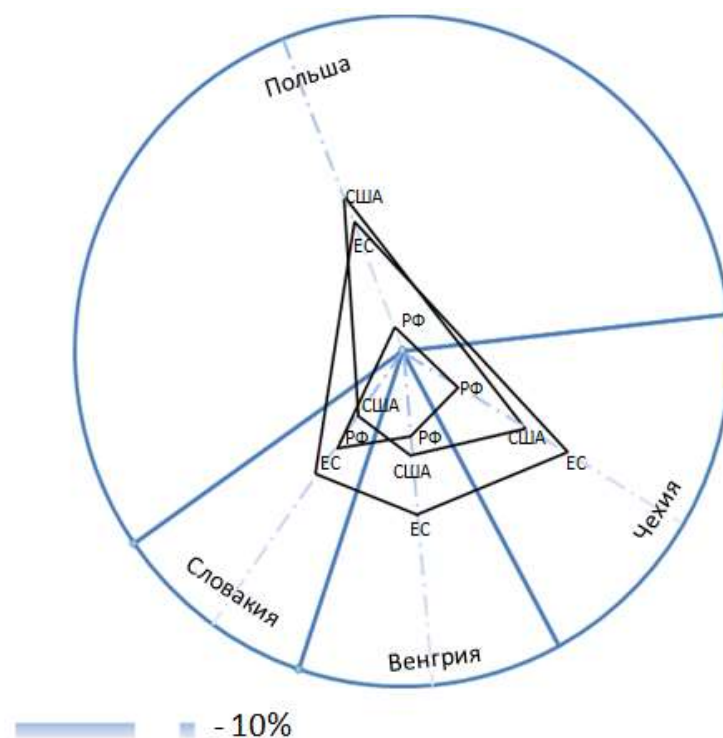

Рис. 1. Расстановка Баланса сил V4 и ЦВЕ в 2019 г.

Источник: подготовлено автором на основе данных социальных опросов в странах «V4»²⁹³.

Характеристики наиболее перспективных проектов

В ЦВЕ активно развиваются различного рода региональные проекты. Некоторые из них являются проектами внерегиональных игроков и осуществляются при помощи стран Вышеграда или совместно с ними. Таким проектом является «Восточное партнерство», продвигаемое Европейским союзом. Движущим механизмом этого проекта является Польша, которая стремится быть лидером в регионе Восточной Европы. Именно Польша, наряду со Швецией в 2008 г. предложила проект сближения Армении, Азербайджана, Беларуси, Грузии, Молдовы и Украины с ЕС.

Главным результатом десятилетней деятельности программы является подписание в 2014 г. соглашений об ассоциации с ЕС трех из шести республик участниц программы: Грузии, Молдовы и Украины. С тех пор заметных продвижений по программе не наблюдается, более того многими экспертами отмечается стагнация и потеря интереса к программе со стороны ЕС. Это связано с тем, что Евросоюз озабочен более важными и срочными делами, связанными с европейским миграционным кризисом и «Брексит», которые гораздо сильнее заботят Брюссель. Интерес к программе продолжает проявлять лишь Польша, которая ищет пути развития проекта.

Как страна-инициатор Польша, ожидаемо, наиболее вовлечена в процесс углубления сотрудничества со странами «Восточного партнерства». Польша реализует множество инициатив в области государственного управления, человеческого капитала, свободы СМИ, предпринимательства и государственного

²⁹³ Gyárfášová O., Mesežnikov G. 25 Years of the V4 as Seen by the Public // Official website of the Visegrad Group, 26.05.2016. URL: <http://www.visegradgroup.eu/25-years-of-the-v4-as> (accessed: 17.12.2020).

сектора. Флагманским проектом Восточного партнерства, осуществляемым Польшей и нацеленным на все шесть стран, является Академия государственного управления Восточного партнерства, в которой приняли участие 504 должностных лица из шести стран в период с 2011 по 2018 гг.²⁹⁴.

Для Польши этот проект представляет прекрасную возможность заявить о себе как о региональном лидере. Через ВП Польша пытается построить новый порядок, расширить свое влияние и ослабить влияние России на постсоветскую Восточную Европу. Некоторыми специалистами отмечается довольно эффективная политика «мягкой силы» Польши в отношении Украины и Белоруссии осуществляемой, в том числе на площадке ВП [Касалапов 2016: 45]. Являясь внешней границей ЕС, Польша ищет в программе ВП новые возможности для своей, прежде всего военной безопасности.

Иным довольно перспективным проектом является инициатива «Трех морей» представляющая собой углубление экономического сотрудничества двенадцати центральных и восточно-европейских государств между Черным, Адриатическим и Балтийским морями. Эта инициатива впервые была выдвинута той же Польшей в 2015 г., однако она далека от своего институционального воплощения. Однако перспективы этого проекта довольно глубоки. Он поддерживается США, которые подписали крупный контракт с Польшей о поставке после 2022 г. сланцевого газа. США рассчитывают на то, что Польша будет распространять американский газ на весь регион в рамках этого соглашения. Проект «Трех морей» представляет собой и угрозу для ЕС, что тоже может быть, как это ни парадоксально, гарантом его живучести и устойчивости. Двенадцать государств, входящих в эту инициативу, представляют собой 22% населения и 10% экономических мощностей ЕС. Углубление экономического партнерства государств между тремя морями направлено именно на развитие экономического потенциала этих государств. В частности, развитие оси Юг-Север против довлеющей оси Восток-Запад должны значительно увеличить экономическое влияние ЦВЕ в ЕС.

Примерно в одно время с инициацией проекта «Трех морей», Польша в 2014 г. инициировала встречу девяти президентов стран НАТО из Центральной и Восточной Европы в Варшаве, где Болгария, Венгрия, Чехия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Румыния и Эстония, ранее выступавшие за укрепление восточного фланга НАТО в Европе, с учетом действий России против Украины, собрались обсудить эту идею. Поскольку следующий саммит президентов в 2015 г. был организован Румынией, этот формат известен как Бухарестская девятка (B9)²⁹⁵. Его целью является укрепление обороноспособности восточного фланга ЕС и обеспечение сплоченности со странами Центральной и Восточной Европы перед лицом любых возможных серьезных вызовов безопасности²⁹⁶.

---

²⁹⁴ 10 years of Eastern Partnership: 10 Years Challenge. Eastern Partnership 2009-2019 // Official information portal of the Republic of Poland. URL: <https://polska.pl/politics/foreign-affairs/10-years-eastern-partnership/> (accessed: 17.12.2020).

²⁹⁵ Presidents in favour of strengthening NATO's eastern flank // National Security Bureau of Poland. URL: <http://en.bbn.gov.pl/en/news/347,Presidents-in-favour-of-strengthening-NATO039s-eastern-flank.html> (accessed: 17.12.2020).

²⁹⁶ First Parliamentary Summit of Bucharest Format (B9), Bucharest, 17-19 April 2018 // Official website of The First Parliamentary Summit of the Bucharest Format (B9). URL: <http://www.b9parl2018.ro/index.php/despre-summit/> (accessed: 17.12.2020).

Формат создан при поддержке США и перерос из президентского саммита в парламентский. Первый подобный саммит случился в 2018 г. в Бухаресте. Этот формат существует для того, чтобы создавать пространство для дебатов, направленных на взаимопонимание и изучение специфики каждой участвующей страны, чтобы максимизировать сходящиеся точки между союзниками²⁹⁷. Для Польши это еще одна возможность усилить свое влияния в регионе, в том числе в военном секторе. С его помощью Польша может эффективнее следить и в случае необходимости оказывать влияние и на ситуацию в Украине.

Кроме того, стоит выделить инициативу Китая в отношении стран Центральной и Восточной Европы – инициатива «16+1». Этот формат создан Китаем в начале XXI в. в качестве экономического сотрудничества со странами ЦВЕ, но со времен он обрел и политические очертания. По сути, это формат, который означает прямое взаимодействие Китая с 16 государствами из центральной и восточной Европы, в том числе 11 стран ЕС. Это взаимодействие происходит без участия Брюсселя и в этом смысле этот формат является еще одной угрозой для ЕС и благоприятной возможностью для стран «Вышеградской четверки» увеличить свое влияние в его рамках. Именно со странами Вышеградской группы Китай больше всех и чаще всех «общается». Общая доля торгово-экономических отношений Вышеградской группы с Китаем составляет 76% из всех 16 стран [Виноградов, Борумбей 2018: 205]. А автономный характер этих отношений, проходящий без участия Брюсселя, увеличивает автономность самой Вышеградской четверки, которая с таким мощным экономическим союзником как Китай способна достичь более высоких целей.

Кроме инициатив и проектов, в которых активно участвуют внерегиональные игроки, внутри региона формируются собственные инициативы. Они пока не признаны внешними игроками, однако уже обращают на себя их внимание и имеют большой потенциал для развития региона. В частности, в регионе активно развивается Славковское взаимодействие с участием Чехии, Словакии и Австрии. «Славковский треугольник» или «S3» был создан по инициативе Чехии в 2015 г. в городе Славков-у-Брна, где канцлером Австрии и премьер-министрами Чехии и Словакии была подписана Славковская декларация. Согласно декларации, новый формат направлен не только на укрепление сотрудничества между Чехией, Словакией и Австрией. Одной из его главных целей на европейском уровне является интенсификация экономики и повышение уровня занятости [Русакова 2018: 39].

Таким образом, главной задачей «S3» стало создание новой платформы регионального сотрудничества между Словакией, Чехией и Австрией, где основное внимание уделяется как совместным проектам, так и взаимному обмену информацией, координации позиций по текущей ситуации в Европейском союзе [Русакова 2018: 39].

Славковский проект, несмотря на свою относительную молодость уже привлекает внимание ведущих игроков в Европе. Так в 2017 г. саммит тройки государств посетил президент Франции, чем признал состоятельность организации и обратил внимание всех деятельней ЕС на это событие.

К этому формату можно относиться по-разному. Его можно воспринимать как расширение Вышеградской группы с перспективой вступления Австрии в

---

²⁹⁷ Ibid.

четырёхугольник и превращения ее в многоугольник. Австрия давно проявляет интерес к Вышеграду и кроме сотрудничества с Чехией и Словакией в рамках Слвковосвского проекта, Австрия активно взаимодействует с Венгрией, которая исторически ей наиболее близка. Венгрия в свою очередь активно продвигает идею вступления Австрии в Вышеградский формат.

С другой стороны, «Славковский треугольник» является следствием отсутствия солидарности относительно общей внешней политики внутри «Вышеградской четверки». Польша и Венгрия взаимодействуют друг с другом больше и чаще, они ведут общую борьбу против Брюсселя, с которым Чехия и Словакия нашли общий язык. Формат «S3» это ответ последних на развивающиеся тенденции сотрудничества первых. Это попытка обзавестись сильным союзником в лице Австрии и ослабить на себе оковы Вышеградского альянса. Это демонстрация малых Вышеградских государств, того, что им есть куда идти.

Славковский формат теоретически может оказаться не выгодным для Польши, которая является лидером не только в Вышеградской группе, но и в ЦВЕ в целом. Проводимые ей региональные инициативы в «Триморье» и «Восточном партнерстве», а также ее амбиции относительно ЕС, должны настораживать остальных союзников по Вышеграду. «S3» может стать запасным аэродромом для остальных стран четверки в случае глубокого несоответствия интересов между Польшей и остальными.

В условиях давления Польши на своих союзников, «Славковский треугольник» может быстро превратиться в четырехугольник с вступлением туда Венгрии, которая не против присоединится к группе, учитывая ее тесные связи с Австрией. В таком случае в Вышеградском сотрудничестве более не будет смысла. Поэтому Славковский формат может предстать в роли контрмеханизма против резких движений со стороны Польши. Так или иначе, новый формат вносит свою лепту в развитие региона, влияя на его стабильность, во многом определяя ее.

Вышеградскому формату необходимо расширяться и развиваться для того, чтобы иметь больший вес в ЕС. Научный сотрудник из Центра евроатлантической интеграции и демократии Даниель Барта считает, что Брюссель воспринимают «V4» как «токсичную группу» для ЕС²⁹⁸. Но с расширением своей группы этот статус сменится. Приоритетным направлением расширения кроме Австрии являются Западные Балканы. Это Македония, Босния и Герцеговина, Сербия, Косово, Черногория. В декларации Вышеградской группы от 2011 г. указано, что необходимо продолжить и даже усилить поддержку странам Западных Балкан в их стремлении к интеграции в системы ЕС и НАТО.²⁹⁹

Спустя годы группа не отказалась от этих намерений. На саммите ЕС в сентябре 2019 г. премьер-министры Вышеградской группы выступили с заявлением о поддержке Западных Балкан на пути их интеграции в ЕС. Вышеград призывает ЕС ускорить процесс принятия Балкан стран в союз, так как наблюдается поэтапная

---

²⁹⁸ Bartha D. Central Europe: A Region to Lead or to Fail // Centre for Euro-Atlantic Integration and Democracy. 2017. URL: <http://ceid.hu/wp-content/uploads/2017/03/A-region-to-lead-or-to-fail.pdf> (accessed: 17.01.2020).

²⁹⁹ The Bratislava Declaration of Vishegrad Group, 15 February 2011 // Official website of the Visegrad Group. URL: <http://www.visegradgroup.eu/2011/the-bratislava> (accessed: 17.12.2020).

реализация необходимых реформ и существенный рост близкий к требуемым стандартам ЕС³⁰⁰.

Наиболее активно Западные Балканы поддерживаются Польшей, которая запустила «Академию расширения» (ER) – это проект, реализуемый польским МИДом, целью которого является обмен польским опытом, процесса реформ, особенно в связи со вступлением в ЕС, со странами Западных Балкан³⁰¹.

До тех пор, пока Западные Балканы не вступили в ЕС, они могут стать выгодными союзниками для Вышеградской группы, которая силами Польши и Венгрии остро выступает против миграционной политики ЕС. Основной миграционный канал притока беженцев с Ближнего Востока в ЕС лежит через Западные Балканы, и он может оказаться в распоряжении Вышеграда вследствие необходимых договоренностей двух регионов. Кроме того, через Западные Балканы проходят основные энергетические пути ЕС, поэтому сближение Вышеградской четверки с Балканскими государствами может изменить баланс сил в ЕС.

У этой инициативы есть перспективы, так как Вышеградское сотрудничество – это организация, которая эффективно выполнила задачу по вхождению в ЕС. Именно для этого лидеры четырех центрально-восточных стран впервые и объединились. Сотрудничество Западных Балкан, стремящихся в ЕС, с региональной организацией, успешно выполнившей эту миссию, выглядит вполне осуществимо.

Заключение

В настоящее время в Вышеградской группе можно выделить два уровня активности. Первый – это широкое понимание политического сотрудничества, включая консультации и обмен мнениями. Однако, как полагают польские эксперты, члены Вышеградской группы не убеждены в том, что они займут совместную позицию и представят ее на форуме ЕС. Второй уровень деятельности Вышеградской группы – межведомственное сотрудничество, реализация решений, принятых в конкретных областях. Это сотрудничество, как ожидается, будет улучшаться по мере расширения Международного Вышеградского фонда и его возможностей финансирования. [Медушевский 2017: 381].

Вышеградский фонд является гарантом стабильного и единого взгляда стран V4 на развитие региона ЦВЕ. Фонд является международной донорской организацией, созданной в 2000 г. Его основной целью, является развитие и углубление культурных, исторических, социальных и политических отношений, как между странами четверки, так и между V4 и регионами Восточной Европы и Западных Балкан. Фонд ежегодно выделяет 8 млн евро в качестве грантов и стипендий в области науки и образования, культуры, искусства и спорта³⁰².

Кроме двух уровней активности выделяются две оси взаимодействия политического и экономического взаимодействия: Польша – Венгрия и Чехия –

---

³⁰⁰ V4 Statement on the Western Balkans, 12 September 2019 // Official website of the Government of the Czech Republic. URL: <https://www.vlada.cz/en/media-centrum/aktualne/v4-statement-on-the-western-balkans-176116/> (accessed: 17.12.2020).

³⁰¹ Program of the Polish Presidency in the Visegrad Group (1 July 2016–30 June 2017) // Official website of the Visegrad Group. URL: <http://www.visegradgroup.eu/documents/presidency-programs/program-of-the-polish> (accessed: 17.12.2020).

³⁰² Statute of the International Visegrad Fund // Official website of the Visegrad Fund. URL: <https://www.visegradfund.org/about-us/the-fund/> (accessed: 17.12.2020).

Словакия. Первая ось направлена против миграционной политики ЕС и уменьшение зависимости от Брюсселя. Вторая ось более лояльна к ЕС и развивает региональное сотрудничество с Австрией в рамках «S3». При этом вторая ось демонстрирует лучший экономический рост, нежели первая.

Несмотря на это Вышеградский формат продолжает рассматриваться экспертами как самый стабильный и эффективный союз в ЦВЕ, хотя для Брюсселя формат и носит «токсичный» характер. Тенденции, возникшие после миграционного кризиса и связанные с выходом Великобритании из ЕС, вынуждают страны «четверки» углубляться в сотрудничестве, несмотря на все противоречия.

Как показали социальные опросы в четырех странах, они заинтересованы в сотрудничестве в рамках организации, однако интерес Польши к формату ниже, чем у остальных стран. Польша заметно выделяется среди других стран региона. Ее интересы выходят далеко за рамки Вышеградской группы и распространяются на всю центральную и восточную Европу. Польша ведет себя активно и бесстрашно как подобает лидеру. Все региональные инициативы кроме «Славковского треугольника», являются проектами Польши, и, так или иначе, ведут к утверждению Польши в качестве регионального лидера, формируя баланс сил в ее пользу. Славковский формат развивается отдельно от Польши, в противовес ей и в перспективе может выступить в качестве альтернативного центра силы, сдерживающего польские амбиции.

Тесное сотрудничество Польши и США, участие США в некоторых региональных инициативах указывают на увеличение ее влияния в регионе. ЕС, напротив, рискует потерять часть своего влияния. Превращение Польши в регионального лидера заставит ЕС идти на уступки по отношению к ней в вопросах, которые уже сейчас вызывают противоречия между сторонами. Эта тенденция будет способствовать превращению Польши в одного из лидеров ЕС после «Брексита».

Сам по себе «Брексит» изменит характер распределения центров силы их материально-властных возможностей, нарушит сложившееся между ключевыми игроками силовое равновесие, но при этом не изменит сущность системы как таковой [Байков 2017: 41]. В этих условиях Польша сможет войти в состав исторического «ядра» ЕС оставаясь страной «периферии».

В случае отмены «Брексита» «Вышеградская четверка» продолжит укреплять свое влияние в ЦВЕ, а Польша продолжит претендовать на роль регионального лидера. С Великобританией в составе ЕС голос Вышеградской группы будет громче, однако ее экономический вес останется прежним.

Список литературы

Бабынина Л.О. Влияние Брексита на фракционную структуру европейского парламента // Современная Европа. 2019. № 5. С. 68-78.

Байков А.А., Дымова Л.А. Выход Великобритании из ЕС и устойчивость европейской региональной структуры // Современная Европа. 2017. № 3. С. 37-46.

Виноградов А.О., Борумбей Е.К. Отношения Китая со странами Вышеградской группы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. № 23. С. 201-216.

Дегтерев Д.А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. М: Русайнс, 2020. 214 с.

Китай и Восточная Европа: звенья нового Шелкового пути / под ред. В. Михеев, В. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 70 с.

Медушевский Н.А. Вышеградская группа и вызовы европейской интеграции // Теории и проблемы политических исследований. 2017. 6 (3А). С. 377-385.

Русакова М. Славковское сотрудничество // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 6. С. 36-41.

Щербакова Ю.А. Вышеградская четверка в контексте европейского сотрудничества // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2017. № 45 (61). С. 8-11.

Chivvis C.S., Cohen R.S., Frederick B., Hamilton D.S., Larrabee F.S., Lin B. NATO's Northeastern Flank Emerging Opportunities for Engagement. RAND Corporation. 2017. 358 p.

Ivanova E., Masarova J. Performance evaluation of the Visegrad Group countries // Ekonomiska Istraživanja / Economic Research. 2018. 31 (01). P. 270-289. DOI: 10.1080/1331677X.2018.1429944

Dobrowiecki P., Sadecki A. Hungary and Poland: Translating Bilateral Partnership into Regional Cooperation // The Polish-Hungarian Alliance: Six Dimensions of Bilateral Relations / Ed. by D. Bartha and E. Inotai. Budapest: Centre for EuroAtlantic Integration and Democracy, 2019. P. 14-21.

4.2. УСИЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ВЕЙМАРСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ В КОНТЕКСТЕ БРЕКСИТА

Р.Э. Марданлы, Н. фон Хейль*

Веймарский треугольник – это довольно сложный и противоречивый политический союз. Альянс был создан в 1991 г. в результате политической инициативы Германии, Франции и Польши, дал начало многообразной сети социальных и политических инициатив, но при этом не имел никаких институтов на государственном уровне. Свою главную цель, а именно привести Польшу в ЕС, данным объединением было давно достигнуто. Однако после этого развитие данного формата сотрудничества не претерпело никаких изменений – ни после включения стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в ЕС, ни после создания программы «Восточного партнёрства», т.е. фактически он оказался в «замороженном» состоянии. Однако спустя четверть века после своего основания, когда Европейский союз сталкивается с системным кризисом, связанным как с экономической дифференциацией по линии Север-Юг, так и с миграционным кризисом, данный союз получает возможность по-новому взглянуть на будущее ЕС. Рост евроскептицизма, который уже привел к фактическому выходу Великобритании из состава Европейского союза, также негативно влияет на поддержание единства в рамках принятия решений внутри ЕС, что сказывается на дальнейшем развитии Союза. Учитывая, что основным оплотом подобных идей является регион ЦВЕ, реанимация Веймарского треугольника может сыграть положительное влияние на дальнейшем политическом развитии Европейского союза.

Германия, Франция и Польша как основные региональные центры силы в Европе

Пространство европейской политики сильно изменилось за последние 30 лет, что было следствием серьезных изменений на внешнеполитической арене – окончание холодной войны, распад биполярной системы МО и др. Особенно заметны эти изменения в случае с Германией, которая после воссоединения в 1990 г. поэтапно преобразовалась в политического, экономического и социального лидера европейского интеграционного проекта. Более того, объединенная Германия стала постепенно отходить от практики невмешательства в вооруженные конфликты. Впервые Бундесвер принял участие в боевой миссии, после решения красно-зелёного федерального правительства³⁰³, за пределами территории альянса НАТО, которое стало переломным моментом во внешней политике Германии после 1989 г.³⁰⁴. На этом фоне Германия все более активно вовлекалась в развитие интеграционных процессов в рамках ЕС. При этом речь министра иностранных дел ФРГ Йошки Фишера в 2000

---

* **Марданлы Ровшан Эмиль оглы** – магистрант кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Международные отношения», e-mail: rovshan.mardanly@gmail.com; **Натали фон Хейль** – магистрант кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Международные отношения», e-mail: n.vonheyhl@outlook.com.

³⁰³ Wahl zum 14. Deutschen Bundestag am 27 September 1998 // Der Bundeswahlleiter. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/1998.html> (accessed: 14.12.2020).

³⁰⁴ Geis M. Der linke Krieg. Kosovo, zehn Jahre danach: War es richtig, dass sich deutsche Soldaten 1999 am Nato-Kampfeinsatz beteiligten? // Die Zeit, 19.03.2009. URL: <https://www.zeit.de/2009/13/10-Jahre-Kosovo> (accessed: 14.12.2020).

г.³⁰⁵ и прагматичная речь канцлера А. Меркель в Брюгге десять лет спустя³⁰⁶ указывают на тот факт, что Германия всё ещё ищет систему координат, в которой были бы сбалансированы национальные интересы Германии и интересы дальнейшего развития и углубления европейской интеграции. На сегодняшний момент Германия все больше придерживается линии по принятию односторонних решений, например, в энергетической или миграционной политике, что часто вызывает недовольство среди её партнёров [Lippert 2015]. С другой стороны, в экономическом плане страна стала единственным движущим локомотивом ЕС, тогда как в социальном плане проевропейский базовый консенсус этого члена-основателя ЕС подвергается всё большему давлению в условиях миграционного кризиса. Партия «Альтернатива для Германии» (Alternative für Deutschland, или AfD), созданная вслед за кризисом еврозоны, теперь стала сильным политическим рупором для движения евроскептиков, которая критикует нынешнюю миграционную политику властей, чтобы позиционировать себя против существующих партий с их упрощённым взглядом по этим вопросам. Результаты на выборах в ландтаги трех федеральных земель Германии весной 2016 г. показывают, насколько успешна эта стратегия в настоящее время³⁰⁷.

С другой стороны, европейская и внешняя политика другой страны-члена ЕС – Франции – в последние 25 лет характеризовалась значительно большей стабильностью и предсказуемостью. Как и Германия, Франция помогала формировать и реализовывать дальнейшее развитие европейской интеграции. Однако в скором времени французская позиция по этому вопросу подверглась изменению – так, например, Франция стала одним из критиков процесса дальнейшего расширения ЕС на восток [Lequesne 2008]. На этом фоне внутри самой Франции нарастали кризисные явления в сфере экономической и трудовой политики. В частности, отсутствие конкурентоспособности со стороны компаний и, как следствие, сохраняющийся высокий уровень безработицы среди молодёжи³⁰⁸ ослабляли страну на внутреннем фронте в течение многих лет и являются главной причиной того, что в стране резко возросла популярность правонационалистического Национального фронта. Во Франции, которая выступает против структурных реформ, политики сталкиваются с серьёзными социальными и политическими проблемами в своих усилиях по осуществлению программ реформ. Сам процесс реформирования, инициированный правительством, вероятно потребует большого количества времени, чтобы осуществить модернизацию отдельных сфер жизни французского общества. И чуть менее чем за год до важных президентских и парламентских выборов в 2017 г. растёт впечатление, что ориентированные на реформы проевропейские силы левых и консервативных партий становятся всё более бессильными перед лицом давления со

---

³⁰⁵ Speech by Joschka Fischer at the Humboldt University in Berlin 12 May 2000 "From Confederacy to Federation - Thoughts on the finality of European integration" // DORIE (DOcumentation et Recherche sur les questions Institutionnelles Européennes). URL: <https://ec.europa.eu/dorie/fileDownload.do?docId=192161&cardId=192161> (accessed: 14.12.2020).

³⁰⁶ Rede von Bundeskanzlerin Merkel anlässlich der Eröffnung des 61. Akademischen Jahres des Europakollegs Brügge, 02.11.2010 // Official website of College of Europe. URL: <https://www.coleurope.eu/events/mrs-angela-merkel-delivered-opening-address-opening-ceremony> (accessed: 15.12.2020).

³⁰⁷ German state elections: Success for right-wing AfD, losses for Merkel's CDU // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/en/german-state-elections-success-for-right-wing-afd-losses-for-merkels-cdu/a-19113604> (дата обращения: 15.12.2020).

³⁰⁸ Unemployment statistics for the European Union (EU), the euro area and individual Member States // Official website of Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Unemployment_statistics (accessed: 18.12.2020).

стороны паникёров и радикальных политиков с простыми ответами на крайне правые вопросы. Террористические нападения в 2015 г. также глубоко потрясли страну. С точки зрения европейской политики Франция сейчас, возможно, слабее, чем когда-либо с момента начала процесса европейской интеграции.

Со вступлением в НАТО и ЕС Польша претерпела наиболее заметное развитие из трёх стран Веймарского треугольника. Вступление в эти организации отражают ключевые политические и экономические приоритеты Польши после окончания холодной войны. Огромное значение обеспечения внешней безопасности в этом контексте всегда было связано с сильным желанием быть членом трансатлантического альянса, наличием военной инфраструктуры на польской территории и гарантии безопасности от США. В последние 30 лет особенно интенсивное внимание уделяется именно евроатлантическому вектору внешней политики, проводимой Варшавой, кульминацией которой стало участие Польши во вторжении в Ирак в 2003 г.³⁰⁹. При этом также существуют периоды, характерные явным охлаждением отношений с США. Пример этого является отказ президента США Барака Обамы от размещения элементов системы ПРО в Польше в конце 2009 г. Однако НАТО является самым важным приоритетом для безопасности Польши. Вооружённый конфликт между Россией и Грузией в августе 2008 г. оказал глубокое воздействие как на Польшу, так и на регион Центральной и Восточной Европы, а политический кризис на Украине в 2013 г., переросший в полноценный конфликт в 2014 г., лишь усилил трансатлантическую направленность внешней политики Польши.

Наряду со вступлением в НАТО, вступление в ЕС также являлось одним из приоритетов внешней политики Польши после 1991 г. Несмотря на некоторые слабые стороны в том числе уровень безработицы почти 20% в 2003 г.³¹⁰, процесс радикальной трансформации Польши в 1990-е гг. считается беспрецедентным; эта трансформация значительно ускорилась с момента вступления страны в ЕС. Показатели польской экономики выросли на 49 % между 2003 и 2014 гг., в то время как средний показатель по ЕС составил всего 11%³¹¹. Рейтинги одобрения ЕС в польском обществе были стабильно высокими; незадолго до финансового кризиса они составляли 90%. Позитивное экономическое развитие во время долгового кризиса в еврозоне объясняет очевидный парадокс, что, несмотря на сильную поддержку в обществе ЕС в целом Польша вряд ли присоединится к еврозоне в обозримом будущем. Это, конечно, было закреплено победой на выборах партии «Право и справедливость» (PiS) в 2015 г., которая никогда не скрывала своей негативной позиции по отношению к евро. При всей последовательности внешней политики Польши, политики в области безопасности и европейской политики за последние 25 лет особенно выделяются годы первых двух администраций PiS в период с 2005 г.³¹²

---

³⁰⁹ Poland sends troops to Iraq // World Socialist Web Site. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2003/08/pola-a07.html> (accessed: 18.12.2020).

³¹⁰ Euro area unemployment rate at 10.4%, 02.02.2016 // Official website of Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7149413/3-02022016-AP-EN.pdf/545157bf-6284-498f-a984-e031a89719c9> (accessed: 18.12.2020).

³¹¹ Financial Accounts data on New Member States, 2014 // Official website of Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3433488/5301673/KS-NJ-04-029-EN.PDF/8ef4edd0-70f6-41e3-a751-7544120a8513> (accessed: 18.12.2020).

³¹² Election results - Seats share 2005 // Official website of National Electoral Commission 2005. URL: <https://wybory2005.pkw.gov.pl/SJM/EN/WYN/M/index.htm> (accessed: 18.12.2020).

по 2007 г.³¹³, которые поставили страну на грань международной изоляции. Сегодня Польша вновь сталкивается с разделением взглядов, последствия которого невозможно предсказать.

Влияние политики Великобритании на стратегическую расстановку и конфигурацию сил в ЕС

Один из наиболее важных вопросов, поднятых в ходе дебатов по теме Брексита, заключается в том, изолирована ли Великобритания в процессе разработки политики ЕС и, следовательно, может ли Великобритания должным образом влиять на решения, принимаемые в Брюсселе. Опираясь на набор данных зарегистрированных голосов в Европейском парламенте и Совете ЕС, последний отчет VoteWatch Europe³¹⁴ дает ответ на эти вопросы. В анализе рассматривалась роль, которую сыграло правительство Великобритании и его депутаты в Европарламенте в формировании политики ЕС за последние 12 лет. Как часто Великобритания оказывалась на стороне «победителей» в Совете ЕС и Европейском парламенте? Согласно данным о поведении при голосовании в Совете ЕС, Великобритания поддержала подавляющее большинство законов ЕС, принятых за последние 12 лет (более 97 %).

Британская оппозиция решениям ЕС возникла, в частности, по вопросам общего бюджета, внешней политике и внешней помощи. Тем не менее, Великобритания поддерживала различные инициативы в нескольких важных областях: внутренний рынок, правовые вопросы, транспорт, окружающая среда и рыболовство. Данные также указывают на то, что Швеция, Нидерланды и Дания являются ближайшими союзниками Великобритании в Совете ЕС и эти страны потеряют важного партнера, если произойдет Брексит.

Что касается Европейского парламента, то в последние годы Великобритания, похоже, уменьшила свое влияние в этом учреждении в результате самоотделения некоторых своих партийных делегаций от основных политических групп ЕС, а также из-за результатов последних выборов в ЕС и в Великобритании. Поведение при голосовании в парламенте в основном соответствует политическим, а не национальным признакам. Кроме того, три центристские группы (Alliance of Liberals and Democrats for Europe group–ALDE, Progressive Alliance of Socialists and Democrats–S&D и European People's Party–EPP) голосуют вместе и занимают большую часть мест в Европарламенте. Тот факт, что в настоящее время в ALDE есть только один британский евродепутат, а в EPP их нет вообще, объясняет, почему в среднем британские евродепутаты выигрывают меньше, чем раньше. Тем не менее, британские депутаты Европарламента занимают ряд важных постов, например, с 2004 г. председателем Комитета по внутреннему рынку и защите прав потребителей является британец³¹⁵. С этой точки зрения британские депутаты Европарламента

---

³¹³ Elections in the Sejm of the Republic of Poland in 2007 // Official website of Inter-Parliamentary Union. URL: http://archive.ipu.org/parline-e/reports/arc/2255_07.htm (accessed: 18.12.2020).

³¹⁴ Hix S., Hagemann S., Frantescu D. Would Brexit matter? The UK's voting record in the Council and the European Parliament // VoteWatch Europe. 2016. URL: http://eprints.lse.ac.uk/66261/1/Hix_Brexit%20matter_2016.pdf (accessed: 20.12.2020).

³¹⁵ Activity Report of Committee on the Internal Market and Consumer Protection (June 2004-May 2009) // Official website of European Parliament. URL: <http://www.europarl.europa.eu/document/activities/cont/200909/20090910ATT60424/20090910ATT60424EN.pdf> (accessed: 20.12.2020).

подготовили больше докладов, чем депутаты Европарламента из всех других государств-членов, кроме Германии. Мы также задавались вопросом, как Брексит повлияет на некоторые области политики ЕС. Фактически, основными проигравшими от Брексита среди заинтересованных сторон ЕС являются те, которые способствуют снижению нормативной нагрузки для бизнеса ЕС и более сильной защите авторских прав. Возможный Brexit также подтолкнет остальные правительства стран ЕС платить больше в бюджет ЕС. Кроме того, налоговая гармонизация по всему ЕС и более высокое налогообложение для финансовых операций были бы более вероятны без Великобритании в Евросоюзе. И последнее, но не менее важное: Брексит приведет к сокращению поддержки развитию ядерной энергетики и сланцевого газа по всему ЕС.

Проблемы и перспективы интеграции Веймарского треугольника в политику ЕС

До вступления Польши в Европейский союз в 2004 г. основной функцией Веймарского треугольника была интеграция восточноевропейского партнера. После смены правительства сотрудничество прошло через сложный этап переориентаций³¹⁶.

Многие авторы упоминают о многочисленных проблемах взаимодействия этого союза, а также пишут о его многообещающих перспективах и больших возможностях, ожидаемых в будущем. Особенно через Польшу ведущие центральноевропейские государства сейчас надеются получить доступ из (денежной) еврозоны к рынкам сбыта, расположенным восточнее³¹⁷.

Конstellация Веймарского треугольника предлагает себя в качестве вспомогательной структуры для более быстрого принятия решений и в целом более эффективного общего подхода для принятия решений о дипломатических действиях по определенным вопросам. Также данная структура подходит для оказания помощи при переговорах для вступления стран Юго-Восточной Европы в ЕС, и улучшения европейского сотрудничества [Adebahr 2011].

В качестве источника идей и связующего звена между Центральной и Восточной Европой, сотрудничество могло бы в первую очередь способствовать укреплению отношений между «старыми» и «новыми» восточноевропейскими странами-членами Евросоюза и в целом положительно повлиять на уровень доверия внутри ЕС³¹⁸.

Тем не менее, сотрудничество в рамках данного формата создает впечатление, что оно существует только на бумаге, а какие-либо реальные результаты отсутствуют.

---

³¹⁶ Raabe S. Werkzeug der Hegemonie oder Ideengeber in Europa? Das Weimarer Dreieck aus polnischer Sicht // Konrad-Adenauer-Stiftung in Polen. 2006. P. 1. URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/7_dokument_dok_pdf_8753_1.pdf/a8a8d900-40d1-ce65-07a7-6b10f0e1bdda?version=1.0&t=1539665301289 (accessed: 20.12.2020).

³¹⁷ Skala F. Weimarer Dreieck. So wichtig wie nie // Frankfurter Allgemeine, 29.03.2018. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/angela-merkel-und-heiko-maas-weimarer-dreieck-reaktivieren-15513781.html> (accessed: 20.12.2020).

³¹⁸ Raabe S. Werkzeug der Hegemonie oder Ideengeber in Europa? Das Weimarer Dreieck aus polnischer Sicht // Konrad-Adenauer-Stiftung in Polen. 2006. P. 2. URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/7_dokument_dok_pdf_8753_1.pdf/a8a8d900-40d1-ce65-07a7-6b10f0e1bdda?version=1.0&t=1539665301289 (accessed: 20.12.2020).

Проблемы сотрудничества стран-участниц Веймарского треугольника в Европейском союзе

К концу второго десятилетия XXI в. формат Веймарского треугольника оказался «забытым» – даже бывший министр иностранных дел Польши Витольд Ващиковский назвал данное сотрудничество «исчерпанным»³¹⁹.

Общие планы реформ для ЕС, которые потребовали бы дальнейшего сотрудничества, сильно отличаются друг от друга по своим основным идеям: Франция хочет остановить процесс принятия новых членов в состав ЕС, Германия желает ее «расширить», а Польша стремится к меньшей интеграции и большей компетенции для отдельных стран³²⁰. Проблема, заключается, в том, что Германия и Франция редко привлекают Польшу к принятию решений [Romer 2014: 9]. Различия между двумя ведущими европейскими странами иногда велики, и если Париж и Берлин найдут общее решение, то другим европейским странам, по идее, будет проще присоединиться к компромиссу [Vogel 2008: 262].

Елисейский договор 1963 г. оказал большое влияние не только на сотрудничество между двумя странами, но и заверил европейских соседей в том, что будущие разногласия, ведущие к возрождению исторической вражды между названными странами, будут предотвращены. Аналогичные договоры и документы подписали представители Польши и Франции, Польши и Германии, но ни один из них не сравнился с показателями взаимовыгодного политического действия франко-германского соглашения в области экономики, финансов, культуры и образования [Vogel 2008: 265].

Среди других серьезных недостатков являются споры о количестве принятых мигрантов³²¹, а также тот факт, что в конкретных планах действий европейских стран-участниц в общем отсутствовала тема общей системы обороны [Adebahr 2011: 4]. В этом контексте сфера совместной, управляемой только европейцами обороны в настоящее время рассматривается как одна из наиболее важных, учитывая проблемы в отношениях между США и странами Европы, наряду с монетарным вопросом и фискальной политикой [Miszczyk 2016: 52]. Совсем недавно с немецкой стороны в еженедельном журнале «Шпигель» министр иностранных дел ФРГ Хейко Маас опубликовал статью о европейской политике безопасности, в которой он объявил НАТО стагнирующей структурой, но при этом подчеркнул ее особую важность. В будущем эта организация была бы незаменимой, даже если бы Европа имела свою собственную функционирующую структуру безопасности. Таким образом, он подтверждает тот факт, что Европа не имеет собственных действующих структур безопасности, не говоря уже о какой-либо самостоятельности от НАТО³²².

Поскольку отдельные европейские страны сами определяют свою внутреннюю политику, наряду с желаемыми соглашениями в рамках общего права ЕС политика безопасности и охрана внешних границ ЕС по-прежнему являются одной из

---

³¹⁹ Skala F. Weimarer Dreieck. So wichtig wie nie // Frankfurter Allgemeine, 29.03.2018. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/angela-merkel-und-heiko-maas-weimarer-dreieck-reaktivieren-15513781.html> (accessed: 20.12.2020).

³²⁰ Ibid.

³²¹ Straub D. Streit um Flüchtlinge im Mittelmeer // Der Tagesspiegel, 08.07.2019. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/streit-um-fluechtlinge-im-mittelmeer-darum-spitzt-sich-die-krise-um-die-seenotrettung-wieder-zu/24534320.html> (accessed: 18.12.2020).

³²² Maas H. Sicherheit für Europa // Der Spiegel, 10.11.2019. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/heiko-maas-sicherheit-fuer-europa-gastbeitrag-des-bundesaussenministers-a-1295735.html> (accessed: 19.12.2020).

важнейших тем обсуждения между странами ЕС и, следовательно, одной из тем для обсуждения в Веймарском треугольнике³²³.

Формирование военизированной многонациональной боевой группы в качестве оборонительного фактора в регионе

В июле 2013 г., несмотря на различные планы реформ трех стран для ЕС, оперативная деятельность веймарской боевой группы ЕС (Weimar Battlegroup) с оптимизмом была подтверждена от имени министров обороны стран Веймарского треугольника³²⁴.

Военные конфликты на Балканах и в Косово в 1990-х гг. привели к усилиям по поиску общего европейского решения проблем безопасности. В 2004 г. европейские государства-члены ЕС обязались разработать к 2010 г. планы со всеми необходимыми шагами для индивидуального управления кризисом («План действий по гражданскому управлению кризисом»). Одна из главных целей на 2010 г. заключалась в обеспечении быстрого реагирования на эскалацию кризисных ситуаций, которая должна обеспечить оперативность реагирования в течение 10 дней.

Великобритания проголосовала против интеграции Веймарской боевой группы в европейскую оборонную программу, и поэтому может рассматриваться как препятствие для самого Веймарского треугольника. Таким образом, Брексит устраняет это препятствие [Doliger 2014: 3-16]. Две из этих боевых групп, как представляется, должны были быть полностью введены в строй с 2013 г.³²⁵.

На сайте Бундесвера описаны боевые группы ЕС, которые, стоит отметить, должны быть доступны в неопределенном будущем для решения внутриевропейских проблем. В состав боевых групп должны войти от 50 до 60 тыс. солдат. В зоне конфликта оперативная группа должна быть готова к действию максимум через 60 дней после утверждения миссии (в отличие от первоначально запланированного времени реакции в 10 дней) и быть боеспособным в течение одного года с помощью ресурсов НАТО³²⁶.

Польша руководит этой инициативой и, как рамочная страна, также берет на себя роль военного лидера, возглавляет структуру командования боевыми операциями и военными маневрами. Соглашение объявляет Германию лидером тылового обеспечения Веймарской боевой группы, а Францию – объявляется ответственной за обеспечения медицинскими ресурсами³²⁷.

Хотя Польша классифицируется немецким исследователем Вольфгангом Фогелем как второстепенный партнер в Веймарском треугольнике, она занимает

---

³²³ *Wojciechowski M.* Szefowie dyplomacji Trójkąta Weimarskiego we Wrocławiu, 03.04.2015// Archive website of Ministry of Foreign Affairs of Republic Poland. URL: https://www.msz.gov.pl/pl/aktualnosci/wiadomosci/szefowie_dyplomacji_trojkatu_weimarskiego_we_wroclawiu (accessed: 18.12.2020).

³²⁴ Brussels European Council 17 and 18 June 2004 Presidency Conclusions // Official website of European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/DOC_04_2 (accessed: 19.12.2020).

³²⁵ Treffen der Außenminister des „Weimarer Dreiecks“ (26. und 27.04.2010) // Die Deutsch-Französische Internetportal. URL: <https://www.france-allemande.fr/Weimarer-Dreieck-trifft-in-Bonn,5425.html> (accessed: 19.12.2020).

³²⁶ Einsatzführungskommando der Bundeswehr. Einsatzführung aus einer Hand // Official website of Bundeswehr. URL: <https://www.bundeswehr.de/resource/blob/32872/284f149715a3fd446317ab4c5d0731f5/download-broschuere-efk-data.pdf> (accessed: 01.12.2020).

³²⁷ Podpisanie Porozumienia Technicznego Weimarskiej Grupy Bojowej UE, 05.07.2011) // Archive website of Polish General Staff. URL: https://archiwum-sgwp.wp.mil.pl/pl/1_595.html (accessed: 31.11.2020).

лидирующее положение в этом военно-стратегическом проекте [Vogel 2008: 261]. Она и является одной из стран, которые могли бы способствовать укреплению обширней и эффективной общеевропейской политики безопасности и обороны (CSDP) [Strauß, Lux 2019].

Тем не менее, ЕС все еще не имеет возможности самостоятельно планировать и проводить гражданско-военные операции³²⁸. В статье министра иностранных дел ФРГ Хейко Мааса также заметно, что боевые группы, именно из кооперации веймарских стран-участниц, не упоминаются в одном слове³²⁹. Официальный веб-сайт министерства иностранных дел Франции на своей информационной странице о Веймарском треугольнике также скрывает существование веймарской боевой группы³³⁰. В последние годы развитие проекта стагнировало. Знания о существовании так называемых веймарских боевых групп или боевых групп поддерживаемые странами Веймарского треугольника, похоже, предназначаются для нескольких информированных или заинтересованных лиц. Ссылки, например, с сайта Министерства иностранных дел Германии, Министерства Европы и внешней политики Франции или Министерства иностранных дел Польши или ведущие на эти страницы, сегодня уже недоступны, перенесены в какие-то архив или соответствующие статьи удалены.

Боевые группы ЕС – лишь без ключевого слова «Веймар», часто и регулярно упоминаются, и выделяются в различных местах в связи с общей европейской структурой безопасности. Собственно говоря, формирование вооруженных групп является единственным реальным достижением объединения Веймарского треугольника, т.к. до сих пор она даже не использовалась в зарубежных военных миссиях ЕС [Doliger 2014: 11] [Reykers 2016: 36].

Несмотря на это, нужно быть осторожным, чтобы не смешивать различные термины и обозначения. Ни немецкие, ни французские СМИ больше не публикуют новостей о боевой группе Веймарского треугольника. Только польские газеты или их филиалы в международных СМИ сохраняют свои статьи о данной боевой группе в Интернете несмотря на то, что за последние несколько лет не найдется актуальных публикаций³³¹.

В немецких СМИ, например, это объясняется простой причиной того, что после политических споров именно термин «Веймарская боевая группа» был признан разговорным и со временем стал общепринятым, но первоначально классифицировался представителями левых политических партий как военно-пропагандистский. Такого не желали жители г. Веймар и, следовательно, это обозначение утратило свою актуальность. По этой же причине, возможно, ключевое

---

³²⁸ Brussels European Council 17 and 18 June 2004 Presidency Conclusions // Official website of European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/DOC_04_2 (accessed: 19.12.2020).

³²⁹ Maas H. Sicherheit für Europa // Der Spiegel, 10.11.2019. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/heiko-maas-sicherheit-fuer-europa-gastbeitrag-des-bundesaussenministers-a-1295735.html> (accessed: 19.12.2020).

³³⁰ The Weimar Triangle // Official website of Ministry for Europe and Foreign Affairs of France. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/germany/the-weimar-triangle/> (дата обращения: 28.12.2020).

³³¹ See: Weimarska Grupa Bojowa // Wyborcza.pl. URL: <http://info.wyborcza.pl/temat/wyborcza/weimarska+grupa+bojowa> (accessed: 18.12.2020); Romaniec R. Szczyt Trójkąta Weimarskiego w Warszawie // Deutsche Welle, 07.02.2011. URL: <https://www.dw.com/pl/szczyt-trójkąta-weimarskiego-w-warszawie/a-14824185> (accessed: 18.12.2020).

слово «Веймарская боевая группа» было удалено почти из всех старых источников и больше не может быть найдено после 2010 г³³².

Прогнозы относительно изменений баланса сил на фоне Брексита в ЕС

Прогнозируется, что с выходом Великобритании из Европейского союза будет разрушен фундамент, на котором держится ЕС. Германия полагается на поддержку Великобритании, когда речь заходит о содействии свободной торговле перед лицом протекционистских тенденций Франции. Франция рассматривает Великобританию не только как ключевого оборонного партнера, но и как потенциальный противовес германскому влиянию. Исключение Британии из состава разрушит это хрупкое соглашение в особенно опасное время для глубоко раздробленной Европы, когда ни Германия, ни Франция не удовлетворены существующим положением вещей. Если они покинут лагерь и выиграют британский референдум, между Севером и Югом континента возникнет напряженность. Страны Южной Европы захотят превратить Европейский союз в трансфертный союз, который перераспределит богатство от относительно богатого Севера к менее развитому Югу и делит риск поровну между членами. Северная Европа, напротив, будет стремиться защитить свое богатство и согласится разделить риск только в том случае, если блок возьмет на себя больший контроль над способностью юга занимать и тратить. Регионы также расходятся во мнениях относительно того, как Европейский союз должен использовать свои средства. Южная Европа выступает за щедрые субсидии для сельского хозяйства и развития, мнение большинства восточноевропейских государств разделяет, но Северная Европа предпочла бы заморозить или даже сократить бюджет ЕС.

Влияние Брексита на сотрудничество между странами-участницами Веймарского треугольника

Как указывалось, выше, существует серьезная проблема сотрудничества между соответствующими странами в секторе перспективной общеевропейской оборонной структуры. На фоне Брексита, дополнительные проблемы сотрудничества возникают, например, в таких экономических сферах, как авиационная промышленность, и это лишь один из примеров того, что в последнее время оказало большое влияние на СМИ³³³. Таким образом, неплатежеспособность туристического агентства Thomas Cook, предсказуемое банкротство которого было окончательно закреплено продолжающимся Брекситом, уже привела к миллиардной инвестиции со стороны правительства Германии. Эта тема долгое время широко обсуждалась в немецких СМИ и, кроме того, касалась денег, которые уже не могут быть разделены на такие проекты, как боевая группа, описанная выше³³⁴.

---

³³² *Kaczmarek H., Sommer G.* Weimar will nicht Battle Group werden // Thüringische Landeszeitung, 30.04.2010. URL: <https://www.tlz.de/politik/weimar-will-nicht-battle-group-werden-id217262453.html> (accessed: 19.12.2020).

³³³ *Detting-Ott R.* Vor Turbulenzen wird gewarnt – die luftrechtlichen Folgen des Brexit // Neue Züricher Zeitung, 21.12.2018. URL: <https://www.nzz.ch/meinung/vor-disruption-wird-gewarnt-die-luftrechtlichen-folgen-des-brexit-id.1443349> (accessed: 29.12.2020).

³³⁴ *Frenzel K.* Pleite des Reiseveranstalters Thomas Cook. Ein Vorbote des Brexit // Deutschlandfunk Kultur, 28.09.2019. URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/pleite-des-reiseveranstalters-thomas-cook-ein-vorbote-des.2950.de.html?dram:article_id=459909 (accessed: 29.12.2020).

На настоящий момент не представляется реалистичным, чтобы трехсторонняя кооперация могла бы быть возобновлена³³⁵. В своей статье в блоге «Роуман и Литтлфилд» Пол Кьяер кратко излагает факты, лежащие в основе указанного заявления: «Европу, поражает целый ряд различных, но в то же время усиливающих друг друга кризисов. Некоторые из них: устранение последствий финансового кризиса 2007 г., кризис в Еврозоне, развязанный событиями 2007 г., но затем принявший самостоятельный характер, продолжающийся миграционный кризис и кризис безопасности, связанные с терроризмом и российской деятельностью на постсоветском пространстве, в первую очередь в случае с Украиной, значительные проблемы в области верховенства права и демократии, которые возникли в последнее время в таких странах, как Венгрия и Польша, и появление сепаратистских движений в Каталонии и Фландрии, так же как и в Шотландии»³³⁶.

Помимо политических событий в Польше, которые намеренно игнорируются партнерами по Веймарскому треугольнику, вероятно, из-за собственных подобных проблем, инициатива страны по созданию независимой от структур НАТО европейской группы обороны более или менее не удалась. В архивах Министерства обороны Польши до сих пор можно прочитать о Веймарской боевой группе, которая должна была быть задействована с 2013 г. С немецкой и французской стороны о существовании этой группы даже не вспоминается, как отмечалось выше³³⁷.

Создается впечатление, что Польша маргинализирована в Веймарском треугольнике, поскольку Германия и Франция – как видно из разногласий по термину «Веймарская боевая группа» – смогли прийти к единому согласию и явно не смогли найти компромисс с Польшей по этому вопросу.

Чтобы утвердить себя против возрождающегося немецко-французского локомотива Европы, Польша могла бы стремиться к более тесным отношениям с США, ибо различные миграционные потоки между Великобританией и Польшей скорее всего прекратятся после Брексита и ориентации на восток представляются маловероятными лишь по историческим причинам. Франко-немецкая пара, превосходящая своего восточноевропейского партнера, полностью отвлечена продолжающимся европейским кризисом, который проявляется по-разному и значительно ухудшился после обнародования Брексита и всех тех неопределенностей, которые это отделение все еще предполагает.

Воздействие Веймарского треугольника на Европейскую политику, после выхода Великобритании из Европейского союза

Важным фактором, лежащим в основе неэффективности Веймарского треугольника в области европейской политики, является разное восприятие франко-германскими отношениями трех стран. До 2015 г. Варшава стремилась участвовать в двусторонних отношениях между Берлином и Парижем на равных. Франция, со своей

---

³³⁵ Skala F. Weimarer Dreieck. So wichtig wie nie // Frankfurter Allgemeine, 29.03.2018. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/angela-merkel-und-heiko-maas-weimarer-dreieck-reaktivieren-15513781.html> (accessed: 20.12.2020).

³³⁶ Kjær P. F., Olsen N. Returning to Weimar? Europe after the Brexit vote // Rowman & Littlefield International, 25.01.2016. URL: <https://www.rowmaninternational.com/blog/return-to-weimar-europe-after-the-brexit-vote> (accessed: 19.12.2020).

³³⁷ DPBM Ministerstwo Obrony Narodowej: Zaangażowanie Polski w realizację wspólnej polityki bezpieczeństwa i obrony UE - Wymiar wojskowy // Archive website of Ministry of National Defence of Poland. URL: http://archiwum2013.mon.gov.pl/pl/strona/196/LG_51_53.html (accessed: 19.12.2020).

стороны, затормозила это и с озабоченностью рассматривала любую релятивизацию своего собственного влияния. Тем временем Германия заняла свое традиционное место на заборе. Пока еще рано делать какие-либо надежные прогнозы относительно влияния изменений в правительстве в Польше, признаки указывают на изоляционизм, а не на сближение.

Таблица 1

Сводный индекс национального потенциала Веймарского треугольника

Страна	% от мирового потенциала	% от потенциала ЕС с учетом Великобр.	% от потенциал а ЕС.
Германия	1,8%	17,8%	20,4%
Франция	1,4%	13,5%	15,8%
Польша	0,6%	6,1%	7,04
Великобритания	1,4%	12,5%	-

Источник: рассчитано автором с использованием Correlates of War

Просчитав Сводный индекс национального потенциала [Дегтерев 2020], можно проанализировать ситуацию следующим образом. До выхода Великобритании из состава ЕС, общая сумма национального потенциала от ЕС у Веймарского Треугольника, составляло 37,4%. После выхода Великобритании из состава ЕС, 31 января 2020 г., цифры в индексе национального потенциала трех стран по отношению к Европейскому союзу кардинально изменились, и составило 43,24%. Это говорит о том, что чуть меньше половины всей мощи ЕС находиться под контролем у Веймарского Треугольника. Отправная точка для реформирования Треугольника сложнее, чем когда-либо. И все же эти разнообразные кризисы и проблемы, и особенно выход Великобритании из Союза в будущем, позволяют нам сделать только один вывод: Европе нужен Веймар. Должны быть сформулированы задачи и цели, которые не растягивают Треугольник в краткосрочной перспективе и которые, по крайней мере, в долгосрочной перспективе, соответствуют основным вызовам, с которыми сталкивается ЕС. В этой связи следует учитывать три момента.

Во-первых, в краткосрочной перспективе Веймарский треугольник должен использоваться в качестве платформы для укрепления доверия. В сообществе государств, которое так тесно связано с ЕС, государства-члены должны посредством диалога друг с другом постоянно объяснять и обосновывать политические мотивы, цели и приоритеты своих национальных интересов. Соответствующие форматы для этого не должны находиться под каким-либо давлением, чтобы придать конкретный политический импульс обсуждениям или выработать предложения. Такие учреждения должны объединять лица, принимающие политические и административные решения, и представителей аналитических центров и исследовательских институтов.

Во-вторых, «треугольник» должен в среднесрочной перспективе объявить политику безопасности и обороны приоритетом своих коллективных действий и дополнить ее общими внешнеполитическими вопросами по мере необходимости. На фоне опыта сотрудничества следует установить постоянный диалог по вопросам

политики безопасности для выработки стратегических целей, постоянного мониторинга кризисов с целью координации быстрых мер реагирования на кризисы и разработки эффективных гражданских и военных совместных проектов. Кроме того, «треугольник» должен стать институционализированным с созданием Веймарского совета по политике безопасности и обороны.

В-третьих, Германия, Франция и Польша должны стремиться, по крайней мере в долгосрочной перспективе, взять на себя задачи стратегического планирования и координации в важных будущих областях европейской интеграции. Это должно включать в себя усилия по формированию последовательной и эффективной политики расширения и соседства, и разработке одинаковых целей в области энергетической политики.

В целом, независимо от текущей политической ситуации, Веймарский треугольник должен быть в состоянии внести важный вклад в посредничество и разрешение фундаментальных политических конфликтов в ЕС от имени других государств-членов. Он должен быть в состоянии придать импульс ЕС с целью позитивного влияния на долгосрочное развитие Союза на благо всех. Это может быть достигнуто только как дополнение к хорошим франко-германским отношениям, а не как замена их.

Список литературы

Дегтерев Д.А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. М: Русайнс, 2020. 214 с.

Adebahr C. The comprehensive approach to crisis management in a concerted Weimar effort // Genshagener Papier. 2011. № 6. P. 1-18.

Doliger P. Le Triangle de Weimar à l'épreuve de la crise ukrainienne // Allemagne d'aujourd'hui. 2014. 3 (209). P. 3-16. DOI: 10.3917/all.209.0003

Hynek N. Consolidating the EU's Crisis Management Structures: Civil-Military Coordination and the Future of the OHQ // DG EXPO Policy Department. 2010. P. 1-18.

Lequesne C. La France dans la nouvelle Europe. Assumer le changement d'échelle. Paris: Presses de Sciences Po, 2008. 160 p.

Lippert B. Deutsche Europapolitik zwischen Tradition und Irritation. Beobachtungen aus aktuellem Anlass // SWP-Berlin. 2015. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/arbeitspapiere/Deutsche_Europapolitik.pdf (accessed: 24.12.2020).

Miszczak K. Raisons d'État. EU Security and Defence Policy Framework in the Context of Polish and German Interests. An Analysis // Stosunki Międzynarodowe / International Relations. 2016. 52 (04). P. 51-66.

Reykers Yf. No supply without demand: explaining the absence of the EU Battlegroups in Libya, Mali and the Central African Republic // European Security. 2016. 25 (03). P. 346-365.

Romer J-C. The Weimar Triangle and The Ukrainian Crisis // Vestnik RUDN. International Relations. 2014. № 4. P. 7-12.

Strauß L., Lux N. European Defence – Debates in and about Poland and France // SWP Journal Review. 2019. № 1. P. 1-7.

Vogel W. The Franco-German-Polish Weimar Triangle. A Strategic Instrument of Franco-German Relations // A History of Franco-German Relations in Europe. From

“Hereditary Enemies” to Partners / Ed. by C. Germond and H. Türk. New York: Palgrave Macmillan, 2008. p. 261-271.

ГЛАВА 5. БАЛАНС СИЛ В РЕГИОНЕ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

5.1. БАЛАНС СИЛ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ³³⁸

Е.М. Савичева, А.Х. Исраилов, О.В. Кембель*

Актуальность темы исследования заключается в необходимости всестороннего изучения стратегического баланса сил на Ближнем Востоке с учетом влияния региональных и внерегиональных акторов на события и процессы в регионе, в частности, на сирийский кризис [Дегтерев, Савичева, Матева 2015].

Рассматривается роль ключевых игроков и стратегический баланс сил на Ближнем Востоке, а также воздействие на него разнообразных факторов, включая этно-конфессиональный, анализируется продукция ведущих «мозговых центров» по ближневосточной проблематике, предпринимается попытка спрогнозировать развитие ситуации в регионе.

Расстановки и баланс сил на Ближнем и Среднем Востоке

Основными региональными игроками являются Иран, Саудовская Аравия, Катар и Турция, что определяется и их военной мощью (см. табл. 1). Так, рейтинг Ирана составляет 0,2606 (14-ое место), Турции 0,2089 (9-ое место), Саудовской Аравии 0,4286 (25-ое место), единственное исключение составляет Катар, который не обладает необходимыми людскими ресурсами и имеет следующий рейтинг – 1,8696 (105-ое место), однако значительные финансовые и политические ресурсы позволяют ему играть весомую роль в регионе.

Таблица 1

Сравнительный анализ военной мощи стран Ближнего Востока в 2019 г.

Страна	Место в мире	Global Firepower Index
Турецкая Республика	9	0,2089
Исламская Республика Иран	14	0,2606
Королевство Саудовская Аравия	25	0,4286
Государство Катар	105	1,8696

Источник: 2019 Military Strength Ranking // Global Firepower. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp> (accessed: 12.12.2020).

Также все названные страны занимают важное место в мировой энергетической системе: по данным ОПЕК, Саудовская Аравия находится на первом месте, Иран – на шестом и Катар – на 25-м месте по добыче нефти, по добыче газа Иран занимает третье место, Катар – четвертое и Саудовская Аравия – восьмое, что определяет экономический вес данных стран, который, во многом, детерминирует их политические устремления (см. табл. 2).

³³⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-41001 «Этноконфессиональность в политике на Ближнем Востоке и интересы России».

*Савичева Елена Михайловна – к.и.н., доцент кафедры ТИМО РУДН, e-mail: savicheva-em@rudn.ru; Исраилов Адам Хамзатович – магистрант кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Зарубежное регионоведение», e-mail: adam-kadet@mail.ru; Кембель Олинда Викторовна – студент 2 курса бакалавриата кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Международные отношения», e-mail: 1032181266@pfur.ru.

Добыча углеводородов в странах Ближнего Востока

Страна	Добыча нефти (место в мире)	Добыча газа (место в мире)
Королевство Саудовская Аравия	1	8
Исламская Республика Иран	6	3
Государство Катар	25	4

Источник: OPEC Annual Statistical Bulletin 2016 // OPEC official website. URL: http://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/ASB2017_13062017.pdf (accessed: 12.12.2020).

При этом каждая из стран заинтересована в развитии национальных вооружённых сил [Армии и безопасность...2019]. Например, Турция, несмотря на сокращение численности вооружённых сил после попытки военного переворота, активно развивает своё военное присутствие в регионе. Так, она планирует организовать до восьми военных баз в Северной Сирии. На данный момент уже имеет военные базы в Катаре, Ираке и на территории Африканского Рога [Армии и безопасность...2019]. Вместе с тем в самой САР Турция долгое время опиралась на суннитскую «умеренную» оппозицию, которую всячески поддерживала³³⁹.

Другим примером может являться Саудовская Аравия, чья армия считается третьей по силе в регионе после Египта и Алжира. Стоит подчеркнуть, что одним из основных стимулов для развития вооружённых сил Королевства является противостояние с Ираном. Именно угроза, которую ощущает Саудовское Королевство со стороны Ирана, вынуждает Эр-Рияд наращивать военные расходы, сопоставимые с расходами таких мировых гигантов, как США, Китай и Россия, являющихся крупнейшими в регионе БСВ³⁴⁰. Однако эффективность данных расходов является отдельным вопросом: о необходимости повышения качества работы системы ПВО свидетельствуют недавние атаки на НПЗ в Букейке. Также следует отметить активную помощь Соединённых Штатов, предоставляемую Саудовской Аравии, включающую в том числе подготовку военных кадров, обеспечение необходимым военным сырьём и т.д.³⁴¹.

Весомую роль в плане военного строительства играет и Иран, значительное место в котором отводится Корпусу Стражей Исламской революции (КСИР). КСИР соединяет в себе несколько функций: от госбезопасности и внешней разведки до ракетных частей, которые они использовали в качестве ответного удара против США на убийство Касима Сулеймани³⁴². Правительство Ирана тратит крупные средства на Корпус стражей. По мнению исследователей, 60-70% всех военных расходов

³³⁹ Ceyhan H.E. Turkey in the Middle East: Findings from the Arab Barometer // Working papers of Arab Barometer. 2018. № 2. URL: <https://www.arabbarometer.org/wp-content/uploads/Turkey.pdf> (accessed: 26.12.2020).

³⁴⁰ Ежегодник SIPRI 2015: Вооружение, разоружение и международная безопасность // SIPRI, 2015. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRI_YEARBOOK_2015_RUS.pdf. (Дата обращения: 12.12.2020).

³⁴¹ Blanchard C.M. Saudi Arabia: Background and U.S. Policy // Congressional Research Service, 18.02.2020. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/RL33533.pdf> (accessed: 15.12.2020).

³⁴² Хроника конфронтации США и Ирана // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/%D1%85%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D1%81%D1%88%D0%B0-%D0%B8-%D0%B8%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B0/a-51943462> (дата обращения: 25.12.2020).

приходится именно на данную структуру, общий же объём её финансирования они оценивают в 12-17 млрд долл. США в год [Alfoneh 2011]. Большое значение в рамках организации отводится и спецподразделению «Кудс», которое как раз и возглавлял Касим Сулеймани. Кроме непосредственного участия в боевых действиях, подразделение играет важную роль в прокси-войнах, оказывая поддержку различным негосударственным военным акторам (НГВА) в регионе, например, таким, как Хезболла [Армии и безопасность...2019]. Так, исполнительный директор IISS в своём комментарии подчеркнул, что Иран выигрывает войну не путём непосредственного участия в боевых действиях, а «воюя в среде народных масс», используя третьи стороны³⁴³. Преимущественно данные организации представляют интересы шиитского населения, которое традиционно ориентируется на Иран. Их же участие в политике способствует поддержанию системы «шиитского треугольника» в регионе³⁴⁴.

Схожую политику с ИРИ и КСА проводит Катар. С одной стороны, Катар активно наращивает свои военные расходы: к примеру, импорт военной продукции в период с 2012 г. по 2016 г. вырос на 282%³⁴⁵ и Государство Катар вошло в тройку мировых лидеров по импорту вооружений. С другой стороны, Катар, как и Исламская Республика Иран, делает ставку на различные НГВА и спецслужбы, из-за чего ряд политических деятелей обвинял Доху в поддержке различных террористических бандформирований. Так, бывший директор Агентства государственной безопасности Катара (Джихаз амн даулят Катар) заявил, что Катар оказывает активную поддержку «Талибану» (здесь и далее – организация признана террористической, её деятельность запрещена на территории Российской Федерации), «Братьям-мусульманам» (здесь и далее – организация признана террористической, её деятельность запрещена на территории Российской Федерации), ХАМАСу и другим организациям³⁴⁶. Несмотря на это, Катар понимает, что, будучи малым государством с большими амбициями, находится между молотом и наковальней в лице Саудовской Аравии и Ирана, стремится обеспечить свою безопасность путём сотрудничества с другими акторами, предоставления им на своей территории военных баз, которые должны обеспечить безопасность Дохи от иностранного вторжения.

Необходимо также отметить, что, хотя Катар и не обладает значительной военной мощью, благодаря наличию крупных месторождений газа, в его распоряжении находятся огромные финансовые средства, а также один из сильнейших в мире медийных ресурсов – Аль-Джазира³⁴⁷. Во многом именно данные факторы определяют внешнюю политику Катара: так, для экспорта газа в Европу Катару необходимо либо построить газопровод через Сирию, либо же экспортировать СПГ через Суэцкий канал [Кузнецов, Савельев, Бахтизина 2012]. Что касается «веса» катарского СМИ, его важность проявилась во время «арабской весны», когда Аль-Джазира имела значительное влияние на события в Сирии и в Египте, по сути,

---

³⁴³ Chipman J. Iran is winning the war for the Middle East, and the West has no convincing response // International Institute for Strategic Studies, 07.11.2019. URL: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2019/11/iran-influence-middle-east> (accessed: 26.12.2020).

³⁴⁴ Hodek J., Panadero M. Iran strategic report // Center for Global Affairs and Strategic Studies, 2019.

³⁴⁵ Qatar has increased military spending by 282 % // The Greater Middle East, 2017. URL: <http://en.thegreatermiddleeast.com/2017/08/qatar-has-increased-military-spending-by-282/> (accessed: 12.12.2020).

³⁴⁶ Former head of Qatar spy agency sides with Saudis in diplomatic quarrel // Intel News, 2017. URL: <https://intelnews.org/2017/06/13/01-2123/> (accessed: 12.12.2020).

³⁴⁷ Беленькая М. Новая ось зла. Почему Катар стал изгоем на Ближнем Востоке // Московский Центр Карнеги, 06.06.2017. URL: <https://carnegie.ru/commentary/71158> (дата обращения: 22.12.2020).

координируя деятельность оппозиции³⁴⁸. Тем не менее, деятельность Аль-Джазиры оказала крайне негативный эффект на связи Катара с её соседями [Khatib 2013], что привело вкупе с падением цен на нефть в 2014 г. к сокращению расходов правительства Катара на Аль-Джазиру на 40% [Al-Marri 2017]. Однако, это не спасло Катар от ухудшения отношений со странами ССАГПЗ и от дипломатического кризиса 2017 г.

Основные внерегиональные игроки, оказывающие влияние на стратегическую конфигурацию сил в регионе: США, Россия

Россия и США являются ключевыми военными державами в мире, так, согласно рейтингу Global Firepower, Соединённые Штаты Америки занимают первое место в мире по вооружённым силам (0,0615), Российская Федерация, в свою очередь, занимает второе место (0,0639)³⁴⁹. Стоит отметить, что обе страны активно представлены в регионе и являются ключевыми внерегиональными игроками, что обусловлено их военным и дипломатическим влиянием на БСВ.

В 2011 г. Россия стала одним из ключевых игроков в сирийском кризисе, а после 2015 г. – на всём Ближнем Востоке. И если с начала «арабской весны» Россия преимущественно была включена в события посредством дипломатии и экономической помощи правительству Асада, то после 2015 г. Россия нарастила и своё военное присутствие в регионе: размещённые в Сирии комплексы С-400 и С-300 охватывают своим радиусом действия весь Левант, Кипр, Израиль, Иорданию и часть Турции³⁵⁰. На данный момент в Сирии активно представлены российские вооружённые силы, среди которых основной ударной является авиационная группа Военно-воздушных сил Военно-космических сил Российской Федерации, главные части которой размещены на авиабазе аэродрома Хмеймим, сданного Москве в аренду сроком на 49 лет. Для поддержания группы Россия использует ряд авиационных узлов на территории Сирии, а также некоторое время пользовалась аэродромом Хамадан в Иране³⁵¹. На территории САР имеется и база ВМФ РФ в г. Тартусе, кроме того, для поддержки своих подразделений в Сирии Россия использовала корабли Каспийского флота и дальнюю авиацию ВКС. Также в Сирии проводятся специальные операции Министерства обороны Российской Федерации, действует военная полиция, состоящая преимущественно из выходцев Северокавказских республик России, особенно из Чечни, которые вызывают доверие у местного населения³⁵².

Кроме того, российские военные советники участвуют в переподготовке и реорганизации сирийской армии. Россия активно сотрудничает с различными НГВА, как проправительственными, так и умеренно-оппозиционными, которые видят в

---

³⁴⁸ Там же.

³⁴⁹ 2019 Military Strength Ranking // Global Firepower. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp> (accessed: 12.12.2020).

³⁵⁰ Rumer E. Russia in the Middle East: Jack of All Trades, Master of None // Carnegie. Endowment for international peace, 2019. URL: <https://carnegieendowment.org/2019/10/31/russia-in-middle-east-jack-of-all-trades-master-of-none-pub-80233> (accessed: 15.12.2020).

³⁵¹ Эксперты: использование ВКС РФ базы в Иране меняет расстановку сил на Ближнем Востоке // ТАСС, 17.08.2016. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/3545704> (дата обращения: 25.12.2020).

³⁵² В Минобороны России заявили об успешном становлении военной полиции в Сирии // РИА Новости, 18.12.2018. URL: <https://ria.ru/20181218/1548159855.html> (Дата обращения: 25.12.2020).

Москве гарантию своей безопасности³⁵³. Необходимо добавить, что часть турецких исследователей считает, что Россия поддерживает и курдские вооружённые формирования [Yeşiltaş, Kardaş 2018]. Активное участие в сирийских событиях приняли и российские частные военные компании (ЧВК), выполнявшие ту роль, которую были не способны выполнить регулярные войска, однако их деятельность получила неоднозначную оценку³⁵⁴.

Существенное место в регионе занимают и Соединённые Штаты Америки. Оценить точное количество американских вооружённых сил в регионе не представляется возможным в связи с тем, что данные носят закрытый характер. Тем не менее, известно расположение некоторых их военных объектов. Стоит отметить, что за Ближневосточный регион у США отвечают две группировки: Центральное командование США (USCENTCOM), расположенное в Катаре на базе Аль-Удейд³⁵⁵, и Европейское командование, в котором ключевую роль играет 6-ый флот США и база ВВС США в Турции в г. Инджирлике³⁵⁶. Основная ударная сила американских вооружённых сил находится в Бахрейне в виде 6-го флота ВМС США. Также американские военные объекты расположены в Иордании, ОАЭ, Омане и Ираке, присутствовал военный контингент США и в Сирии [Армии и безопасность...2019], который, однако, был частично выведен Трампом Д., что было связано с наметившимся после его избрания курсом на изоляционизм³⁵⁷. В сирийском кризисе Вашингтон длительное время поддерживал Сирийские демократические силы (далее СДС), костяком которых были курдские формирования, Отряды народной самообороны (YPG) [Yeşiltaş, Kardaş 2018].

Несмотря на то, что Соединённые Штаты Америки являются одним из ключевых внерегиональных акторов на Ближнем Востоке, на данный момент наблюдается тенденция на снижение американского влияния в регионе, что связано с сокращением американского военного присутствия в регионе [Gause 2019]. Данное явление может быть вызвано стремлением администрации Трампа сконцентрироваться на утренних проблемах и постепенном отказе от роли «мирового жандарма».

Характер отношений между полюсами регионального стратегического многоугольника

Отношения между сторонами стратегического многоугольника в регионе носят весьма неоднозначный характер. Так, до событий 2011 г. связи России со странами региона были неустойчивыми, а крепкие партнёрские отношения имелись только с Ираном и Сирией, многие ключевые региональные игроки (КСА, Катар, Турция,

---

³⁵³ Лукьянов Г. Военное присутствие и политика безопасности России на Ближнем Востоке после начала военной операции в Сирии // РСМД, 02.11.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voennoe-prisutstvie-i-politika-bezopasnosti-rossii-na-blizhnem-vostoке-posle-nachala-voennoy-operats/> (дата обращения: 26.12.2020).

³⁵⁴ Pukhov R.N. Moscow-based think tank director: Russia's unexpected military victory in Syria // Russia in Global Affairs, 11.12.2017. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/book/Moscow-based-think-tank-director-Russias-unexpected-military-victory-in-Syria-19211> (accessed: 15.12.2020).

³⁵⁵ Katzman K. Qatar: Governance, Security, and U.S. Policy // Congressional Research Service, 04.12.2018. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R44533/42> (accessed: 15.12.2020).

³⁵⁶ Garamone J. Innirlik Provides Important NATO Capability // Official website of US Department of Defence, 09.12.2014. URL: <https://www.defense.gov/Explore/News/Article/Article/603781/incirlik-provides-important-nato-capability/> (accessed: 15.12.2020).

³⁵⁷ Филатов С. Зигзаги американской политики в Сирии // Международная жизнь, 08.10.2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/24053> (дата обращения: 26.12.2020).

Израиль, Египет), в свою очередь, преимущественно ориентировались на США, но после 2015 г. Россия активизировала свои отношения с разными странами в регионе, в том числе и с теми, которые настроены не самым доброжелательным образом друг к другу³⁵⁸.

Не менее противоречивы отношения между самими региональными акторами, чему ярким примером служит Катар. Несмотря на то, что Катар вплоть до 2011 г. не являлся ключевым региональным игроком, падение старых региональных гегемонов, а также наличие финансовых ресурсов позволило Дохе увеличить своё влияние в регионе. Внешняя политика Катара во многом напоминает политику Турции и строится на необходимости поддерживать баланс в рамках противоборства России–США и Саудовской Аравии–Турции³⁵⁹. В самой Сирии её интересы столкнулись с интересами Ирана и России [Кузнецов 2014]. Также Доха поддерживала Саудовскую Аравию в Йемене³⁶⁰, однако интересы Саудовской Аравии и Катара столкнулись в вопросе отношений с Ираном, контакты с которым Катар активно укреплял [van Slooten 2019]. Стоит отметить теплые отношения Катара с Турцией, которая планирует разместить в Государстве Катар свою военную базу³⁶¹. Турцию и Катар сближает и поддержка «Братьев-мусульман», с помощью которых они усиливают своё влияние в регионе [Korolkov 2016]. Схожую картину можно наблюдать и в позиции Катара в противостоянии России и США, когда, с одной стороны, Катар находится под американской защитой, а с другой, после событий 2017 г., понимает, что американская защита может быть недостаточно надёжной. Исходя из этих соображений, Катар ищет пути сближения с Россией, Турцией и в определённой степени с Ираном [Армии и безопасность...2019].

Ключевое значение для региона имеет саудовско-иранское противоборство, разворачивающееся на различных уровнях и берущее своё начало в 1979 г., когда произошла Исламская революция в Иране [Hodek, Panadero 2019]. Так, противостояние двух сторон имеет как религиозный подтекст в виде суннитско-шиитского раскола, так и геополитический - за право лидерства на Ближнем Востоке [Ekşi 2017]. Их противостояние обострилось в 2011 г., когда в результате «арабской весны» союзниками Ирана в регионе стали не только страны шиитского «треугольника» (Сирия, Ливан и Ирак), но и обозначилось потепление отношений с Египтом во времена Мурси; возникли движения хуситов в Йемене, беспорядки в Бахрейне, улучшились отношения Ирана и Катара – все эти события заставили Саудовскую Аравию опасаться роста влияния Ирана. Данное противостояние в итоге привело к ряду прокси-войн в регионе, в том числе в Сирии [Ekşi 2017], где Тегеран поддерживает правительство Асада, а Саудовская Аравия – антиасадовскую оппозицию.

В этом противостоянии старается балансировать Турция, так как, с одной стороны, и Турция, и Иран, и Катар часто имеют одних и тех же союзников среди НГВА

---

³⁵⁸ Sladden J., Wasser B., Connable B., Grand-Clement S. Russian Strategy in the Middle East // RAND Corporation. 2017. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE236.html> (accessed: 14.12.2020).

³⁵⁹ Abdelmoula E. A Balance of Power or a Balance of Threats in Turbulent Middle East? // Aljazeera Centre for Studies, 06.13.2018. URL: <https://studies.aljazeera.net/en/reports/2018/06/balance-power-balance-threats-turbulent-middle-east-180613100647165.html> (accessed: 14.12.2020).

³⁶⁰ Ibid.

³⁶¹ Turkey-Qatar Defense Cooperation Stepped up as Regional Crisis Drags on // Sputnik, 14.03.2018. URL: <https://sputniknews.com/military/201803141062519866-turkey-qatar-increase-military-cooperation/> (accessed: 25.12.2020).

или общественных движений (ХАМАС, «Братья-мусульмане»)³⁶², но с другой стороны, интересы Турции сталкиваются с интересами Ирана в Сирии, где они поддерживают разные стороны конфликта³⁶³. Данный фактор сближает Турцию с Саудовской Аравией и Соединёнными Штатами Америки, делая её позицию во многом похожей на позицию Катара. При этом Турция наравне с Россией и Ираном участвует в рамках Астанинского процесса в зонах деэскалации, одну из которых и контролирует [Армии и безопасность...2019].

Исходя из своих национальных интересов активную, максимально прагматичную внешнюю политику проводит Россия, стараясь не вмешиваться в конфликты между региональными акторами. Российская Федерация стремится установить взаимовыгодные партнерские отношения со всеми странами региона, так как это способствует и открытию новых рынков сбыта (в первую очередь, для продукции ВПК, который является, по сути, флагманом российской высокотехнологичной промышленности), и развитию энергетики: строительству АЭС в Иране, сотрудничеству с Саудовской Аравией в вопросе поддержания цен на энергоресурсы [Lund 2019]. Нынешний этап отношений начался в 2015 г., когда Россия ввела свои войска в Сирию, показав способность защищать свои национальные интересы и поддерживать своих партнёров.

В итоге куда в более сложной ситуации оказались Соединённые Штаты Америки. Так, на данный момент Вашингтон имеет крепкие отношения только с Саудовской Аравией, Катаром и Турцией, с Ираном же на протяжении последних несколько лет растёт напряжение³⁶⁴. В последнее время непростые отношения складываются и с Турцией, что даже вынудило США перебросить стратегические бомбардировщики с военных баз на территории Турции в другие страны³⁶⁵. Аналогичные процессы наблюдаются и в отношениях с Катаром, хотя о полном разрыве или о том, что страны встают по разные стороны баррикад, говорить нельзя. При этом у США сохраняются тесные связи с Саудовской Аравией в вопросах противостояния Ирану: их взгляды совпадают по проблемам Сирии, Йемена и других регионов³⁶⁶.

Необходимо также затронуть и вопрос российско-американских контактов, так, несмотря на общую напряжённость в отношениях, что связано с противоречиями по вопросу Украины, Крыма, ДРСМД и другим спорным моментам, по сирийскому вопросу двум сторонам удалось наладить определённый уровень сотрудничества: США выступают наблюдателями в рамках Астанинского процесса [Армии и безопасность...2019]; обе страны с 2013 г. стали гарантами вывоза химического

---

³⁶² *Frantzman S.J.* Turkey's Grand Plans for Middle East Primacy // *The National Interest*, 21.12.2019. URL: <https://nationalinterest.org/blog/middle-east-watch/turkeys-grand-plans-middle-east-primacy-107596> (accessed: 05.12.2020).

³⁶³ *Barnes-Dacey J., Geranmayeh E., Lovatt H.* The Middle East new battle line // *European Council on Foreign Relations*, May 2018. URL: https://www.ecfr.eu/page/-/The_Middle_Easts_New_Battle_Lines.pdf (accessed: 26.12.2020).

³⁶⁴ *Katzman K., McInnis K.J., Thomas C.* U.S.-Iran Conflict and Implications for U.S. Policy // *Congressional Research Service*, 06.01.2020. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/R45795.pdf> (accessed: 26.12.2020).

³⁶⁵ *Акинъшин В.* Политический развод: как США своими руками вбили клин в отношения с Турцией // ТРК «Звезда», 22.12.2019. URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201912221818-8EQH7.html (дата обращения: 15.12.2020).

³⁶⁶ *Blanchard C.M.* Saudi Arabia: Background and U.S. Policy // *Congressional Research Service*, 18.02.2020. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/RL33533.pdf> (accessed: 15.12.2020).

оружия из Сирийской Арабской Республики, а с 2015 г. функционирует прямая оперативная связь между USCENTCOM и российской военной базой в Хмеймим ³⁶⁷.

Проблема взаимодействия на Ближнем Востоке в исследованиях аналитических центров стран региона

Сирийский конфликт, вспыхнувший в период «арабской весны», уже в течение многих лет является предметом споров и дискуссий не только в мировом сообществе, но и в более тесных кругах региональных и внерегиональных игроков, оказывающих непосредственное влияние на развитие и баланс сил в конфликте.

Трансформация локального противостояния в один из острейших политических кризисов, обсуждающихся на международных площадках, вызвала особый интерес к данной проблеме в научно-исследовательских центрах.

Соединённые Штаты Америки рассматривают конфликт как подрыв своих национальных интересов и выражают опасения, что дестабилизация в Сирии ослабит позиции как самих Штатов, так и их союзников, и что более важно – кардинально изменит геополитическую расстановку сил, укрепив российско-иранское присутствие³⁶⁸. Центр стратегических и международных исследований отмечает, что США не могут решить внутренние проблемы Сирии, однако их курс нацелен не столько на поиск путей деэскалации кризиса, сколько на участие в переговорах о будущем этой ближневосточной страны с извлечением наибольшей для себя выгоды, обеспечением максимального влияния Штатов в регионе.

Таким образом, для США с позиций геополитики Сирия и весь Ближневосточный регион рассматривается как зона укрепления своего влияния во всех сферах. На основе статистических данных (см. табл. 3.) можно оценить долю влияния США, России и Турции на экономики отдельных стран региона. Для анализа взяты военная и энергетическая сферы.

Таблица 4

Данные о сотрудничестве в экспорте-импорте вооружения и энергоресурсов, 2017 г.

Страны региона	Импорт		Экспорт
	<i>военное оружие, %</i>	<i>ружья (пневматика, газовые пушки), %</i>	<i>необработанная нефть, %</i>
Сирия	нет данных	Турция (100 %)	нет данных
Иран	нет данных	Турция (62 %), Китай (7.5 %)	Китай (28 %), Индия (22 %)
Саудовская Аравия	США (90 %)	Турция (7.5 %), США (1.5 %), Россия (0.68 %)	Китай (17 %), США (15%), Европа (9 %)

³⁶⁷ Лукьянов Г. Военное присутствие и политика безопасности России на Ближнем Востоке после начала военной операции в Сирии // РСМД, 02.11.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voennoe-prisutstvie-i-politika-bezopasnosti-rossii-na-blizhnem-vostoke-posle-nachala-voennoy-operats/> (дата обращения: 26.12.2020).

³⁶⁸ Alterman J.B., Conley H.A. Syria, Turkey, and the Eastern Mediterranean // CSIS Briefs Series. 2018. URL: <https://www.csis.org/analysis/syria-turkey-and-eastern-mediterranean> (accessed: 13.12.2020).

Страны региона	Импорт		Экспорт
	военное оружие, %	ружья (пневматика, газовые пушки), %	необработанная нефть, %
Катар	США (98 %)	США (3.6 %)	Индия (9.2 %), Китай (2.6 %)

Источник: составлено автором на основе данных ОЕС³⁶⁹.

Значительное место в экспорте военного оружия в Саудовскую Аравию занимает Южная Корея (10%); пневматики – Чешская Республика (28 %).

Большой процент экспортируемого странами региона сырья приходится на Индию. Следует также отметить проникновение КНР в регион. С 2013 г. отношения Ирана и Китая набирают оборот, а сама «Поднебесная» проявляет стратегический интерес к треугольнику влияния Иран–Ирак–Сирия, так как это открывает ей выход в Средиземное море.

Россия, Турция и США активно участвуют в экономиках стран Ближнего Востока, причём их доля в импортируемых данным регионом товарах весьма значительна. Влияние Соединённых Штатов больше всего прослеживается на примере Саудовской Аравии и Катара. Тем не менее, их полному контролю препятствуют всё более ухудшающиеся ирано-американские отношения.

Позиции США в Иране пошатнулись ещё в 1980-х гг. прошлого века: контакты с «новым» Ираном не сложились, таким образом, после Исламской революции 1979 г. Штаты потеряли прозападно ориентированную страну. Исламская Республика Иран, позиционирующая себя лидером в регионе БСВ и установившая тесные связи с двумя другими противостоящими США странами – Россией и Китаем (Россия–Иран–Китай – «ядерный зонтик»), является также участницей другого не менее важного для Ближнего Востока треугольника – Дамаск–Багдад–Тегеран, базирующегося уже и на этно-конфессиональной основе.

Большое внимание Штаты акцентируют на режиме Асада Б., точнее – на его поддержке российской и иранской сторонами. Так, возвращение захваченных террористами территорий Сирии под контроль правительства САР с помощью ВКС Российской Федерации рассматриваются США как «поражение» проводимой ими политики и «возвращение деспотического режима» Асада³⁷⁰, который «даёт возможность правительству и его союзникам получать прибыль» с государственных объектов Сирии, тогда как обычное население находится далеко за чертой бедности и не получает результатов от предпринимаемых попыток «перемен к лучшему»³⁷¹. В качестве примера Carnegie Middle East Center была приведена новость о заключении

³⁶⁹ Where does the world import Weapons Parts and Accessories from? // The Observatory of Economic Complexity, 2017. URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/import/all/show/9305/2017/ (accessed: 26.12.2020); Where does the world export Crude Petroleum to? // Observatory of Economic Complexity, 2017. URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/all/show/2709/2017/ (accessed: 26.12.2020).

³⁷⁰ Cordesman A.H. Losing by "Winning": America's Wars in Afghanistan, Iraq, and Syria // Center for Strategic and International Studies, 13.08.2018. URL: <https://www.csis.org/analysis/losing-winning-americas-wars-afghanistan-iraq-and-syria> (accessed: 26.12.2020).

³⁷¹ Daher J. The Paradox of Syria's Reconstruction // Carnegie Middle East Center. 2019. URL: <https://carnegie-mec.org/2019/09/04/paradox-of-syria-s-reconstruction-pub-79773> (accessed: 26.01.2020).

властями Сирии договора с российским «Стройтрансгазом» для «его участия в управлении портом Тартуса, его расширении и работы»³⁷².

Американские исследователи акцентируют особое внимание на контактах США и Турции в рамках разрешения конфликта. Тем не менее, такая партия вызывает противоречия между акторами: военные операции, проводимые турецкой стороной против курдов в Северной Сирии, считаются «неприемлемыми»³⁷³ для американской стороны. Обостряет отношения между государствами и решение Турции закупать российские зенитные системы С-400.³⁷⁴

Турецкая Республика, в свою очередь, занимает двойственное положение, сотрудничая одновременно и с Соединёнными Штатами Америки, и с их «противниками» в борьбе за влияние – Россией и Ираном – в рамках Астанинского формата по Сирии. «Двойная игра» проявляется и в том, что Турция, несмотря на ведение совместных действий с Россией и Ираном, является яркой противницей режима Асада Б. [Иванов 2018а].

Российские исследователи, хотя и выделяют активное вмешательство военных контингентов держав, прямо или косвенно вовлечённых в сирийский конфликт, большое внимание обращают на изучение переговорных процессов: Астанского и Женевского форматов, обсуждение возможности создания Конституционного комитета Сирии на таких крупных международных площадках, как заседания ГА ООН и т.д., которые позволили бы минимизировать военную повестку дня и сосредоточиться на гуманитарных аспектах, путях привлечения большего количества сторон к диалогу, достижении консенсуса и начале реального политического урегулирования [Исаев, Коротаев, Мардасов 2018].

Однако несмотря на то, что странами-посредниками предпринимаются попытки выработать единые условия дальнейших действий и создания Конституции, которая бы положила начало «новой Сирии», приглашаются делегации представителей оппозиции и государств-наблюдателей (например, Ирака и Иордании)³⁷⁵. Стабилизации ситуации в Сирии препятствует и тот факт, что внутренние силы этой страны имеют различные подходы и позиции касательно самого урегулирования. И хотя Конституционный комитет, сформированный осенью 2019 г., призван объединить оппозицию и правительство для совместной работы, Al Jazeera Centre for Studies отмечает, что плодотворным ведением переговоров и созданием действительно новой Конституции «новой Сирии» это может так и не закончиться: большинство людей в рабочей группе имеют тесные контакты с ненавистным правительством, а представителей этнических и политических малых групп в дефиците – так, например, в составе группы отсутствуют члены администрации Курдской автономии [Hafez 2019].

Следует отметить, что подобные противоречия возникают и между другими акторами – Россией, Ираном, Турцией и США. Понятие «мирного» решения конфликта, как и инструментов «мягкой силы» у них значительно различается,

---

³⁷² Власти Сирии заключили контракт со «Стройтрансгазом» на развитие Тартуса // РИА, 25.04.2019. URL: <https://ria.ru/20190425/1553025304.html> (дата обращения: 26.12.2020).

³⁷³ Комитет сената США одобрил законопроект о санкциях против Турции // РБК, 11.12.2019. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/12/2019/5df11bd49a7947ed46673923> (дата обращения: 13.12.2020).

³⁷⁴ Там же.

³⁷⁵ Совместное заявление Ирана, России и Турции по итогам Международной встречи по Сирии в Астанинском формате (МВСА-14) (Нур-Султан, 10–11 декабря 2019 года) // МИД России, 11.12.2019. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/regprla/asset_publisher/YCxLFJnKuD1W/content/id/3949043 (дата обращения: 13.12.2020).

следовательно, вступают в противоборство и подходы к деэскалации. И пока государства-игроки не откажутся от тактики взаимных обвинений, говорить о сворачивании конфликта в Сирии и окончательной «победе» нельзя.

Так несмотря на то, что президент США Д.Трамп заявил в октябре 2019 г. о выводе американских войск из мест проведения турецких операций, Штаты продолжают контролировать месторождения нефти, аргументируя это сдерживанием «Исламского государства» (ИГ, запрещена в Российской Федерации)³⁷⁶. 5 ноября 2019 г. власти США были также обвинены президентом Турции в срыве союзных обязательств и «совместном патрулировании террористами»³⁷⁷ на северо-востоке Сирии.

Часто поднимается вопрос о роли Саудовской Аравии, Иордании, Ливана и других стран ЛАГ в сирийском вопросе. Не заинтересованные в увеличении влияния Ирана на Сирию, они активно финансируют оппозицию и военно-политические объединения арабов суннитского толка [Иванов 2018б]. Не остаётся в стороне и Израиль, чьи интересы национальной безопасности охватывают юг Сирии и находят реализацию по линии США. Всё это ведёт к расширению акторов конфликта, борющихся за своё превосходство, и, несмотря на попытки выработать пути и способы взаимодействия сторон, боевые столкновения продолжаются, закрепляя раздел страны на зоны влияния и препятствуя мирному урегулированию ситуации, снижению военизации и политизации, оказываемой «гуманитарной» помощи.

Характеристика наиболее перспективных проектов: создание

Конституционного комитета Сирии, план Аннана, Резолюция СБ ООН № 2254

Одним из первых проектов урегулирования кризиса в Сирии был план Аннана, или «план из шести пунктов». Он был предложен Аннаном К., специальным представителем ООН и ЛАГ в Сирии, ещё в 2012 г., через год после обострения ситуации, однако ввиду своей нечёткости, отсутствия конкретных сроков и действий быстро потерпел неудачу. С инициативой выступила Россия, высказав идею о созыве международной конференции по Сирии, ключевые внешние акторы которой могли бы воздействовать на сирийские стороны, побудив их к диалогу и выработке шагов по деэскалации конфликта³⁷⁸.

Соединённые Штаты Америки рассматривали отстранение Асада Б. от власти как один из этапов разрешения ситуации, уже принятое решение, предлагая объявить это сирийцам от лица мирового сообщества, тем самым подрывая позицию российской стороны о передаче вопроса политического урегулирования в руки самого народа Сирии [Ходынская-Голенищева 2018]. Во время президентства Обамы Б. также обострились антииранские настроения реализуемой США внешней политики, что отразилось в неготовности Штатов включать Иран в обсуждение сирийского кризиса. Однако, несмотря на расхождение позиций двух важных внерегиональных

---

³⁷⁶ Трамп заявил, что США будут делать с нефтью в Сирии всё, что захотят // ТАСС., 03.12.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7251683> (дата обращения: 13.12.2020).

³⁷⁷ Эрдоган обвинил США в срыве соглашения по отводу курдов в Сирии // РБК, 05.11.2019. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5dc173ea9a7947d0b95648e2?from=materials_on_subject (дата обращения: 13.12.2020).

³⁷⁸ Выступление и ответы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы СМИ в ходе пресс-конференции по итогам встречи «Группы действий» по Сирии (Женева, 30 июня 2012 г.) // МИД России. 01.07.2012. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/150786 (дата обращения: 26.01.2020).

игроков – Российской Федерации и США – России удалось отстоять свою позицию на встрече «Группы действий» 30 июня 2012 г. и закрепить принцип необходимости перехода решений сирийцам в заключительном и Женевском коммюнике.

В 2015 г. Советом Безопасности ООН была принята резолюция № 2254, которая закрепила твёрдую приверженность сохранению суверенитета Сирии и стремление бороться с терроризмом³⁷⁹. Положениями данной резолюции руководствовались при проведении Женевского переговорного процесса в 2016 г.

Так, 30 сентября 2015 г. началась операция ВКС Российской Федерации. К тому моменту около 70% сирийских территорий были захвачены террористическими организациями³⁸⁰. Военное вмешательство России в конфликт позволило САР вернуть контроль над землями, разбить основные очаги группировок, и к концу 2017 г. Путин В.В. заявил об окончательном выполнении поставленных в борьбе с вооружёнными бандами задач и начале вывода ВКС России из Сирии в точки постоянной дислокации³⁸¹. Для российской стороны это было важным действием по укреплению своей национальной безопасности и позиций в ближневосточном регионе.

Однако операции России в САР были агрессивно восприняты Соединёнными Штатами Америки – американские СМИ дезинформировали население, публикуя новости о намеренных бомбардировках российскими ВКС госпиталей, жилых домов, в результате которых гибло мирное население. Такая информация появляется в известных источниках и сейчас: в октябре 2019 г. в The New York Times было сказано, что Россия «годами атакует клиники и больницы», а цель такой кампании – «помощь режиму Асада Б.»³⁸². Таким образом, Штаты пытаются вести информационную войну, воздействуя для достижения своих интересов на гражданское население всего мира.

Одной из самых известных площадок для обсуждения возможности сирийского диалога и последующих операций по нормализации ситуации внутри страны является Астанинский процесс, который был создан по инициативе Путина В.В. и Эрдогана Р.Т. и гарантами которого в настоящее время выступают Российская Федерация, Турецкая Республика и Исламская Республика Иран.

К первой Международной встрече по Сирии в Астане (январь 2017 г.) присоединились два государства-наблюдателя (США и Иордания) и Специальный Посланник Генерального секретаря ООН по Сирии, Де Мистура С., что автоматически подключало ООН к реализации выработанных на площадке договорённостей. Это был действительно важный шаг на пути к урегулированию конфликта: впервые за одним столом российской стороне удалось собрать Иран и США, представителей правительства, оппозиции и группировок Сирии.

Союз Москвы, Анкары и Тегерана, безусловно, не может урегулировать кризис в масштабах всей страны самостоятельно, однако он тактически объединил акторы конфликта и помог впоследствии выработать план снятия напряжённости. Так, в сентябре 2017 г. было объявлено о создании первых четырёх зон деэскалации

³⁷⁹ Резолюция СБ ООН № 2254 от 18 декабря 2015 г. // Совет Безопасности ООН, 2015. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2254\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2254(2015)) (дата обращения: 13.12.2020).

³⁸⁰ Операция ВС РФ в Сирии. Досье // ТАСС, 29.09.2017. URL: <https://tass.ru/info/4603727>. (дата обращения: 26.12.2020).

³⁸¹ Владимир Путин посетил авиабазу Хмеймим в Сирии // Официальный сайт Президента России, 11.12.2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56351> (дата обращения: 26.12.2020).

³⁸² 12 Hours. 4 Syrian Hospitals Bombed. One Culprit: Russia // The New York Times, 13.10.2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/10/13/world/middleeast/russia-bombing-syrian-hospitals.html> (accessed: 26.12.2020).

конфликта на территории Сирии³⁸³ – на юго-западе государства, в Восточной Гуте, Идлибе и Хомсе.

Тем не менее, милитаризация сирийского кризиса и силовые пути урегулирования продолжают, превращая территорию Сирийской Арабской Республики в площадку для войны третьих стран.

Следует упомянуть встречи России, США и Иордании. Так, в мае 2017 г. на Амманских переговорах обсуждалась тема контроля южных границ Сирии. Участие в них Российской Федерации, с одной стороны, было неоднозначным, ведь в таком формате диалога она была единственным представленным государством-гарантом Астанинского процесса. С другой, учитывая непримиримость Вашингтона и Тегерана, Москва могла выступить связующим звеном в вопросе, непосредственно касающемся и Ирана – на юге САР имелись значительные силы, подконтрольные ему (КСИР, Хезболла и т.д.) [Ходынская-Голенищева 2018].

Призванный дополнить Женевский формат, Астанинский процесс смог предоставить пространство для согласования интересов правительства и оппозиции Сирии. В январе 2018 г. по итогам Конгресса сирийского национального диалога в г.Сочи, на котором представители всех сегментов сирийского общества, конфессий и социальных групп выразили приверженность суверенитету, территориальной целостности, единству народа Сирии, было сделано заявление об образовании Комитета – население обозначило желание определить будущее собственной страны без вмешательства государств извне, руководствоваться принципами плюрализма, веротерпимости и равноправия³⁸⁴.

23 сентября 2019 г. Генеральный секретарь ООН официально объявил о создании Конституционного комитета Сирии, отмечая, что подобное решение станет шагом к политическому урегулированию конфликта³⁸⁵.

После завершения в Женеве первой сессии Сирийского Конституционного комитета 2 ноября 2019 г. была сформирована редакционная группа, которая займётся реформой Конституции³⁸⁶.

В 2020 г. в Сирии пройдут парламентские выборы, а в 2021 г. – президентские. Сирийская оппозиция стремится подготовить проект основного закона непосредственно перед этими событиями, тем не менее, противоречия между сторонами диалога сохраняются: представители правительства видят в своих оппонентах «террористов», а оппозиционные силы, в свою очередь, обвиняют верхи в войне против своей же страны.

Хади аль-Бахра, член оппозиции, отметил, что главная задача – «научиться слушать друг друга»³⁸⁷. Для достижения мира и урегулирования кризиса,

---

³⁸³ Россия, Турция и Иран объявили о создании зон деэскалации в Сирии // РИА Новости, 15.09.2017. URL: <https://ria.ru/20170915/1504839641.html>. (дата обращения: 13.12.2020).

³⁸⁴ Заключительное заявление Конгресса сирийского национального диалога, Сочи, 30 января 2018 года // МИД России, 30.01.2018. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ckNonkJE02Bw/content/id/3046246. (дата обращения: 13.12.2020).

³⁸⁵ Генсек ООН объявил о создании Конституционного комитета // РБК, 23.09.2019. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d88d1769a794771f8b065d0>. (дата обращения: 13.12.2020).

³⁸⁶ Конституционный комитет Сирии достиг первой договорённости // РБК, 02.11.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7073453> (дата обращения: 13.12.2020).

³⁸⁷ Хади аль-Бахра о том, как видит работу Конституционного комитета сирийская оппозиция // Коммерсантъ, 30.10.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4142266> (дата обращения: 13.12.2020).

продолжающегося вот уже почти девять лет, нужно сплотиться и думать не о гордости и противоборстве, а о путях стабилизации ситуации.

Заключение

Отношения между ключевыми игроками в регионе носят сложный и противоречивый характер, так, в рамках отдельно взятого сирийского кризиса можно выделить ряд коалиций: Россия–Иран–Сирия, Россия–Иран–Турция, Турция–Катар–Иран, США–Турция–Катар–Саудовская Аравия. Каждый участвующий актер имеет интересы, зачастую противоположные интересам других акторов. Несмотря на совместную поддержку Б. Асада, Россия стремится ограничить рост влияния Ирана в Сирии [Армии и безопасность...2019]. Российская Федерация и США, будучи склонными к активным противоречиям на международной арене, в поиске путей разрешения сирийского кризиса проявляют способность договариваться и находить совместные подходы к решению общих проблем, например, для борьбы с ИГИЛ (запрещённая в Российской Федерации организация) на территории Сирии и Ирака.

Тем не менее, можно наблюдать и отношения преимущественно или однозначно негативные: Иран–Саудовская Аравия, Иран–США. В первом случае это определяется борьбой за лидерство в регионе и находит проявление в ряде прокси-войн, поддержке различных НГВА и т.д. В свою очередь, отношения Ирана и США носят нестабильный характер, и если ранее удалось добиться определённого «потепления», то с приходом Д. Трампа отношения постепенно ухудшаются.

Можно сказать, что каждый из ключевых игроков преследует свои национальные интересы и стремится строить коалицию с теми игроками, которые в определённом времени и вопросе будут наиболее полезны и имеют совпадающие стремления.

На данный момент единственным проектом, который реализуется и является признанным всеми заинтересованными сторонами, является Женевский формат, в рамках которого активизирован Астанинский процесс, отводящий ключевые роли России, Ирану и Турции.

Итогом реализации проекта должно стать окончание гражданской войны в Сирии при сохранении САР единым независимым государством. Представленный формат деэскалации в целом удовлетворяет интересы вовлечённых акторов, будучи разработанным в рамках ООН и официально поддерживаемым всеми сторонами.

На данный момент война в Сирии подходит к своему концу, и, по сути, в гражданской войне победило правительство. Данный факт определяет, что ключевую роль в послевоенном восстановлении будут играть государства, поддержавшие Б. Асада, то есть Россия и Иран, а также примкнувшая к ним Турция. В самой же Сирии резко возрастет роль России и Исламской Республики Иран, при этом Иран будет играть настолько крупную роль в послевоенном восстановлении, что это будет вызывать опасения у российской стороны. В свою очередь, Российская Федерация, не имея достаточное количество финансовых ресурсов для помощи Сирии, скорее всего, попытается сбалансировать влияние Ирана с помощью монархий Персидского залива и европейских стран [Армии и безопасность...2019].

Влияние США в регионе, вероятно, будет постепенно сокращаться [Gause 2019], но исключительно до того уровня, до которого захотят сами американцы и такой спад будет не спонтанным, а запланированным и контролируемым.

Россия продолжит развивать свои отношения со всеми странами в регионе, выстраивая с каждой взаимовыгодные отношения в сфере безопасности и экономики, но вряд ли станет расширять своё военное присутствие.

Противоречия между Ираном, с одной стороны, США и Саудовской Аравии, с другой, сохранятся, однако, весьма вероятно, что основной накал напряжения между акторами переместится в Ирак, где уже в связи с последними событиями наблюдается ещё большее ухудшение ирано-американских отношений³⁸⁸.

Турция и Катар продолжают играть на противоречиях иных игроков, при этом роль Турции станет куда более значительной, и она сможет стать полноценным третьим региональным «полюсом», учитывая её экономическое значение и «мягкосиловое» влияние в арабских странах³⁸⁹. Авторитет Катара, зажатого между Ираном и Саудовской Аравией, может заметно снизиться.

Тем не менее, ситуация на Ближнем Востоке в определённой перспективе не столько изменится, сколько подчеркнёт уже, по сути, произошедшие изменения.

Список литературы

Армии и безопасность на Ближнем Востоке и в Северной Африке: хрестоматия / сост. Т.А. Махмутов, Р.Ш. Мамедов, О.А. Пылова. М.: НП РСМД, 2019. 268 с.

Дегтерев Д.А., Савичева Е.М., Матеева И.М. Динамический хаос, конфликты на Большом Ближнем Востоке и механизмы глобального управления в XXI в. (Материалы экспертного семинара и ситуационного анализа РУДН) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. 15 (03). С. 9-23.

Иванов С.М. Перспективы мирного урегулирования конфликтов в Сирии и Ираке // Зарубежное военное обозрение. 2018а. № 1. С. 12-15.

Иванов С.М. Роль и значение внешних сил в Сирийском кризисе // Дипломатическая служба. 2018б. № 4. С. 15-21.

Исаев Л., Коротаев А., Мардасов А. Метаморфозы межсирийского переговорного процесса // Мировая экономика и международные отношения. 2018. 62 (03). С. 20-28. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-20-28

Кузнецов А.А. О роли Ирана в сирийском кризисе // Ежегодник Института международных исследований МГИМО (У) МИД России. 2014. № 2. С. 84-93.

Кузнецов А.М., Савельев В.И., Бахтизина Н.В. Мировой рынок природного газа: современные тенденции и перспективы развития // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 2. С. 273-277.

Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 3. С. 14-21.

---

³⁸⁸ Хроника конфронтации США и Ирана // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/%D1%85%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D1%81%D1%88%D0%B0-%D0%B8-%D0%B8%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B0/a-51943462> (Дата обращения: 25.12.2020).

³⁸⁹ *Ceyhan H.E.* Turkey in the Middle East: Findings from the Arab Barometer // Working papers of Arab Barometer. 2018. № 2. URL: <https://www.arabbarometer.org/wp-content/uploads/Turkey.pdf> (accessed: 26.12.2020).

Ходынская-Голенищева М.С. Сирийский кризис в трансформирующейся системе международных отношений: дис. ... д. полит. наук. М., 2018. 1047 с.

Alfoneh A. The Revolutionary Guards' Looting of Iran's Economy. American Enterprise Institute for Public Policy Research. Middle Eastern Outlook. 2011. № 3. URL: <https://www.aei.org/research-products/report/the-revolutionary-guards-looting-of-irans-economy/> (accessed: 15.12.2020).

Al-Marri F.H.M A. The Impact of the Oil Crisis on Security and Foreign Policy in GCC Countries: Case Studies of Qatar, KSA and UAE. Arab Center for Research and Policy Studies. 2017.

Ekşi M. Regional Hegemony Quests in the Middle East from the Balance of Power System to the Balance of Proxy Wars: Turkey as Balancing Power for the Iran – Saudi Rivalry // *Gazi Akademik Bakış*. 2017. 11 (21). P. 133–156. DOI: 10.19060/gav.379597

Hodek J., Panadero M. Iran strategic report. Center for Global Affairs and Strategic Studies, Universidad de Navarra 2019. URL: https://www.unav.edu/documents/16800098/17755721/Iran-Strategic-Report_JHodek-MPanadero.pdf (accessed: 25.12.2020).

Gause III G.F. Should We Stay or Should We Go? The United States and the Middle East // *Survival: Global Politics and Strategy*. 2019. 61 (05). P. 7–24.

Khatib L. Qatar's foreign policy: the limits of pragmatism // *International Affairs*. 2013. 89 (02). P. 417–431. DOI: 10.1111/1468-2346.12025

Korolkov L. The shifting Middle East balance of power // *International Trends. Digest*. 2016. P. 87-94.

Lund A. Russia in the Middle East. The Swedish Institute of international affairs. 2019. № 2. URL: <https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/ui-publications/2019/ui-paper-no.-2-2019.pdf> (accessed: 15.12.2020).

Savicheva E. Security Factor in the Middle East in Russian-Egyptian Relations (2014-2018). Policy Brief No 121. ORSAM (Center for Middle Eastern Studies), April 2019.

Tira R. The Future Middle East Strategic Balance. Conventional and Unconventional Sources of Instability. French Institute of International Relations Proliferation Papers. 2016. № 56. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/prolif56_tira_oksl_v2.pdf (accessed: 15.12.2020)

van Slooten S. The Strategic Alliance of Saudi Arabia and the UAE. Kuwait Program at Sciences Po Student Paper Award. 2019. URL: <https://www.sciencespo.fr/kuwait-program/wp-content/uploads/2019/09/The-Strategic-Alliance-of-Saudi-Arabia-and-the-UAE.pdf> (accessed: 15.12.2020).

Yeşiltaş M., Kardaş T. Non-State Armed Actors in the Middle East: Geopolitics, Ideology, and Strategy. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. 278 p.

5.2. ВЛИЯНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ США НА ИЗМЕНЕНИЕ БАЛАНСА СИЛ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ³⁹⁰

П.М. Павлова, В.И. Юртаев*

Во второй половине XX – начале XXI вв. главными поставщиками энергоресурсов для США выступали государства Ближнего и Среднего Востока, что определяло ключевую значимость этого региона для американской внешней политики. Являясь крупнейшими в мире потребителем энергии, Вашингтон выстраивал свою внешнюю политику в русле приоритетов национальной безопасности США, добиваясь уверенного контроля над энергопотоками из стран зоны Персидского залива. В результате вторжения в Ирак в 2003 г. и расширения здесь Соединенными Штатами своего военно-политического присутствия, «лицо региона» изменилось. На повестку дня вышел вопрос формирования нового «баланса сил, с учетом последствий Сирийского конфликта и нового витка внутриконтинентального соперничества в исламе с участием Ирана и Саудовской Аравии. Одновременно, благодаря «сланцевой революции», США стали претендовать на роль мировой энергетической державы, что не могло не сказаться на проводимой ими энергетической политике. В данной статье рассмотрено влияние энергетической политики США на международные отношения в регионе Персидского залива, в том числе особенное внимание уделено рассмотрению особенностей американской внешней политики в отношении основных региональных акторов, а именно Саудовской Аравии и Ирана.

Энергетическая революция в США и ее последствия

Революция в добыче сланцевого газа, которая была основным источником увеличения добычи природного газа с 2000 г. в США, является результатом технологических прорывов, произошедших более чем за три десятилетия. Отметим также, что большую роль в развитии нового направления сыграло прямое государственное финансирование и льготное налогообложение³⁹¹, поскольку добыча нефти и газа из нетрадиционных источников оказалась очень дорогой [Мельникова и др. 2012: 7]. Значительный вклад в развитие сланцевой газодобычи внесла компания «Mitchell Energy & Development», которой уже к концу 1990-х гг. удалось найти метод, который позволил добывать газ с положительным экономическим эффектом³⁹². Позднее создателя компании Дж. Митчелла по праву прозвали «отцом сланцевой революции».

По мере того, как успех «Mitchell Energy and Development» становился очевидным, другие компании начали активно добывать газ, так что к 2005 г. только на месторождении «Barnett Shale» добывалось почти 0,5 трлн куб. футов природного газа

³⁹⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-41001 «Этноконфессиональность в политике на Ближнем Востоке и интересы России».

* Павлова Полина Михайловна – студентка 4 курса бакалавриата кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Международные отношения», e-mail: misspavlova98@yandex.ru; Юртаев Владимир Иванович – д.и.н., профессор, профессор кафедры ТИМО РУДН, e-mail: Yurtaev_vi@pfur.ru.

³⁹¹ Так, в 1980 г. был принят закон о налоге на случайный доход (Windfall Profits Tax Act), который содержал статью 29 о налоговом кредите при добыче газа из нетрадиционных источников. См. H.R.3919 - Crude Oil Windfall Profit Tax Act of 1980 // US Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/96th-congress/house-bill/3919> (accessed: 15.12.2020).

³⁹² Natural gas explained. Where our natural gas comes from // Official website of U.S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/energyexplained/natural-gas/where-our-natural-gas-comes-from.php> (accessed: 15.12.2020).

в год. Этот успех дал старт кампании по разработке следующих месторождений сланцевого газа в США: Marcellus, Haynesville, Eagle Ford, Woodford, Fayetteville, Barnett³⁹³. Активная разработка новых месторождений сланца привела к увеличению добычи сланцевого газа в США в пять раз в период 2007-2018 гг. (рис. 1).

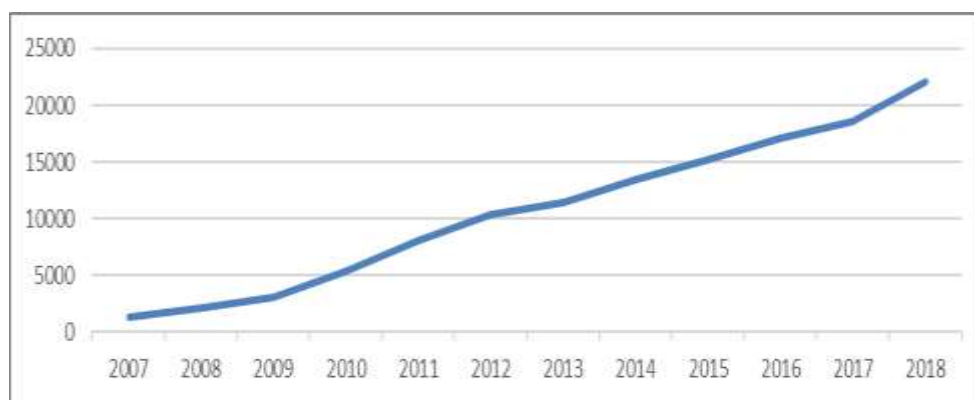

Рис. 1 Динамика производства сланцевого газа в США 2007-2018 гг. (млрд куб. футов)

Источник: Energy Information Administration (EIA).

URL: https://www.eia.gov/dnav/ng/hist/res_epg0_r5302_nus_bcfa.htm (accessed: 15.12.2020).

Технология гидроразрыва пласта в сочетании с горизонтальным бурением оказалась эффективна при добыче не только сланцевого газа, но и нефти³⁹⁴. Таким образом, технологический прорыв в добыче сланцевого газа вызвал новую сланцевую революцию – нефтяную [Иванов 2014: 45]. Благодаря добыче сланцевой нефти производство нефти в США в последние годы увеличилось с 5 млн баррелей в день в 2008 г. до 10,9 млн баррелей в день в 2018 г. (рис. 2).

Рис. 2. Динамика добычи нефти в США (тыс. баррелей в день)

Источник: Energy Information Administration (EIA).

URL: <https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=MCRFPUS2&f=A> (accessed: 15.12.2020).

³⁹³ Review of Emerging Resources: U.S. Shale Gas and Shale Oil Plays // Official website of U.S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/analysis/studies/usshalegas/> (accessed: 15.12.2020).

³⁹⁴ Термин «сланцевая нефть» употребляется для удобства. На самом деле речь идет о нефти, содержащейся в различных коллекторах с низкими фильтрационно-емкостными свойствами.

В 2009 г. США стали крупнейшим в мире производителем природного газа, обогнав по этому показателю Россию, и крупнейшим в мире производителем нефтяных углеводородов с 2013 г., когда добыча нефти в США превысила добычу в Саудовской Аравии³⁹⁵.

«Сланцевая революция» обусловила значительные изменения в энергетической сфере США и это стало основанием для пересмотра американской энергетической политики в мире. Так, в 2014 г. США смогли отказаться от закупок катарского газа. Подобные изменения для Катара означали перенаправление экспортных поставок в Европу. Возникла новая ситуация, когда постепенно начала изменяться карта мировой торговли энергоресурсами. До этого применение международных санкций в отношении Ирана, входящем в тройку ведущих поставщиков нефти на мировом энергетическом рынке, такого эффекта не вызывало. На Азию были переориентированы и поставки большей части южноафриканской нефти [Blackwill, O'Sullivan 2014]. С середины 2010-х гг. Соединенные Штаты постепенно снижали уровень поставок нефти также и из Саудовской Аравии (рис. 3).

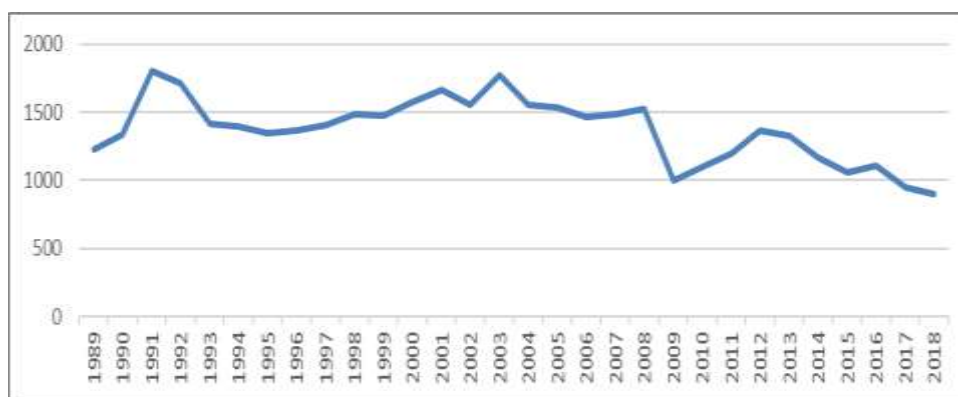

Рис. 3. Динамика импорта сырой нефти и нефтепродуктов из Саудовской Аравии в США (тыс. баррелей в день).

Источник:

<https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=pet&s=mttimussa2&f=m> (accessed: 15.12.2020).

Важнейшим шагом для превращения США в качестве поставщика на мировом рынке энергии стало подписание президентом США Б. Обамой в декабре 2015 г. законопроекта об отмене 40-летнего запрета на экспорт сырой нефти³⁹⁶. Уже 31 декабря 2015 г. первый танкер, перевозивший сырую нефть из США на экспорт, отплыл из Корпус-Кристи (штат Техас). С тех пор нефть из США экспортируется по всему миру. В 2018 г. основными государствами-импортерами американской нефти стали: Мексика – 1,19 млн баррелей в сутки (16% от общего объема экспорта), Канада (13%), Япония (6%), а также Бразилия, Южная Корея, Нидерланды, Франция, Индонезия, Сингапур и т.д.³⁹⁷.

³⁹⁵ United States remains the world's top producer of petroleum and natural gas hydrocarbons // Official website of U.S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=36292> (accessed: 15.12.2020).

³⁹⁶ US spending bill lifts 40-year ban on crude oil exports // BBC News, 18.12.2015. URL: <https://www.bbc.com/news/business-35136831> (accessed: 15.12.2020).

³⁹⁷ How much petroleum does the United States import and export? // Official website of U.S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/tools/faqs/faq.php?id=727&t=6> (accessed: 15.12.2020).

Эксперты назвали экспорт сырой нефти из США «переломным моментом». Конкурентное преимущество американских поставок обстоятельно объяснил старший научный сотрудник Манхэттенского института, М. Миллс: «Если вы, например, покупатель из Южной Кореи, и вам предложили одинаковую цену в Саудовской Аравии, России и США, вы сделаете очевидный выбор в пользу США. Поскольку это единственный поставщик, который не будет угрожать вам или прекращать поставки, что, безусловно, не относится к Саудовской Аравии, России или Ирану»³⁹⁸. Данный достаточно спорный тезис об «угрозах» скорее адресован тем странам, которым важно оставаться «под зонтиком» США, ведь любой импортер энергоресурсов, как и экспортер, заинтересован в стабильных поставках.

Как и в случае с нефтью, экспорт природного газа из США также способен изменить ситуацию на мировом рынке энергетики. Первая крупная партия сжиженного природного газа (СПГ) в США была отправлена в Бразилию в конце февраля 2016 г. В 2018 г. США экспортировали природный газ в 33 страны³⁹⁹. Значительную долю экспорта СПГ в США составляют государства Азии, а именно Япония, Южная Корея и Китай. В свою очередь, поставки в Европу значительно увеличились с октября 2018 г. и составили почти 40% экспорта СПГ в США за первые пять месяцев 2019 г. Основными покупателями СПГ в Европе будут Франция, Великобритания, Испания, Португалия, Польша и Нидерланды.

Важно отметить, что политическая элита США значительно способствует увеличению объемов экспорта энергоресурсов. Так, выступая на Всемирном экономическом форуме в январе 2020 г., Д. Трамп призвал европейские государства воспользоваться энергосырьем из США с целью добиться реальной энергетической безопасности. Он уверил, что США готовы помочь своим союзникам в достижении данной цели. Однако, возможно, Вашингтон оказался не совсем готов к появлению нового внешнеполитического инструмента, что показало вступление в силу с 1 мая 2020 г. новой сделки ОПЕК+, с сокращением ее участниками добычи и ростом цены на нефть⁴⁰⁰. В целом, США столкнулись с необходимостью сформировать новую стратегию своей энергетической политики в мире на основе полученных преимуществ.

Баланс сил в Персидском заливе

Регион Персидского залива включен в число приоритетных направлений внешней политики США и еще в 1968 г. в доктрине президента Р. Никсона был заложен стратегический план, в котором основной упор шел на обеспечение «свободного потока сырой нефти из региона Персидского залива»⁴⁰¹.

Даже несмотря на изменения и потрясения в геополитическом ландшафте, включая иранскую революцию 1979 г., ирано-иракскую войну (1980-1988 гг.), вторжение Ирака в Кувейт в 1990 г. и вторжение США в Ирак в 2003 г. на протяжении

---

³⁹⁸ The trickle of US oil exports is already shifting global power // Bloomberg, 22.02.2016. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-02-23/liquid-freedom-sails-from-texas-tilting-power-in-global-oil> (accessed: 15.12.2020).

³⁹⁹ Natural gas explained. Natural gas imports and exports // Official website of U.S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/energyexplained/natural-gas/imports-and-exports.php> (accessed: 15.12.2020).

⁴⁰⁰ OPEC Monthly Oil Market Report // OPEC, 13 May 2020. URL: [OPEC_MOMR_May_2020.pdf](https://www.opec.org/Assets/2020/05/OPEC_MOMR_May_2020.pdf) (accessed: 15.12.2020).

⁴⁰¹ The Nixon Doctrine in the 21st Century // World Politics Review, 22.07.2009. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/4106/the-nixon-doctrine-in-the-21st-century> (accessed: 15.12.2020).

всего этого периода Соединенные Штаты сохраняли стратегическую установку, согласно которой свободный поток нефти из региона Персидского залива является определяющей чертой их региональной внешней политики⁴⁰². Однако, такая зависимость от ближневосточной нефти ограничивала возможности внешней политики США. В последние десятилетия всё чаще среди американской политической элиты озвучивались опасения по поводу подобной зависимости. Так, например, в январе 2006 г. президент США Дж. Буш в своей речи на совместном заседании Конгресса США заявил, что «Америка слишком зависима от ближневосточной нефти» и предложил инициативу о преодолении зависимости от иностранных источников энергии⁴⁰³.

Благодаря энергетической революции и добыче сланцевых пород, США стали менее зависимы от импортных поставок с Ближнего Востока. Из-за превращения Соединенных Штатов в крупнейшего в мире производителя нефти и обретения в определенной степени энергетической независимости стала очевидной новая контекстная включенность стратегических расчетов Соединенных Штатов в отношении Ближнего Востока и, в частности, в отношении региона Персидского залива, что, возможно, придаст новую динамику внешней политики США⁴⁰⁴.

Изменения в ближневосточной политике США стали наиболее очевидны во время первого зарубежного турне президента США Д. Трампа на Ближний Восток. В 2017 г. Д. Трамп прямо заявил, что первоочередная ответственность за будущее Ближнего Востока лежит на плечах стран региона и назвал ключевых союзников США – Саудовскую Аравию и Израиль. Иран был оценен как «основная угроза безопасности региона». Как отмечали эксперты Российского института стратегических исследований, по сути Д. Трамп предложил реанимировать «политику двух столпов», известную со времен Р. Никсона [Боровков и др., 2019: 15]. Это заявление действительно удивило общественность, ведь на Ближнем Востоке привыкли к другому стилю американской внешней политики. Так, например, администрация Дж. Буша-мл. напрямую выражала стремление самой определять судьбу региона, действуя при этом преимущественно в одностороннем порядке, без консультаций со своими союзниками в регионе [Краснов, Юртаев 2016]. С 2007 г. со стороны США проводилась политика сдерживания Ирана, его изоляции – «путем проведения линии от Ливана до Омана», позиционирование США как единоличного лидера на «Большом Ближнем Востоке» [Юртаев 2012: 262].

Позиция президента США базировалась на идее формирования Ближневосточного стратегического альянса (MESA), то есть создания аналога НАТО на Ближнем Востоке с участием стран – участниц ССАГПЗ, Египта и Иордании [Боровков и др. 2019: 17], при сохранении влияния, необходимого для решения внешнеполитических задач США. Важность этого сдвига заключается в том, что после 1945 г. США были основным игроком в ближневосточной геополитике и выступали в качестве гаранта безопасности для ряда ключевых арабских государств. Это

---

⁴⁰² Energy Geopolitics in 2019 // Al Jazeera Centre for Studies, 02.24.2019. URL: <https://studies.aljazeera.net/en/reports/2019/02/energy-geopolitics-2019-190224101522420.html> (accessed: 15.12.2020).

⁴⁰³ Timeline of Events: 2006 // Official website of U.S. Department of Energy. URL: <https://www.energy.gov/management/office-management/operational-management/history/doe-history-timeline/timeline-events-11> (accessed: 15.12.2020).

⁴⁰⁴ Energy Geopolitics in 2019 // Al Jazeera Centre for Studies, 02.24.2019. URL: <https://studies.aljazeera.net/en/reports/2019/02/energy-geopolitics-2019-190224101522420.html> (accessed: 15.12.2020).

означало, что Соединенные Штаты играли координирующую роль во внешней политике ведущих региональных государств, таких как Египет и Саудовская Аравия. Также с учетом особенностей зонтика безопасности США осуществлялось противодействие усилению Ирана в период после исламской революции 1979 г., свергнувшей проамериканский шахский режим [Fürtig 2007: 628-629].

Отметим, что именно после 1979 г. произошел слом стратегии США по обеспечению безопасности в Индийском океане с опорой на Иран, ЮАР и Японию и только в 1990-х гг. после операции «Буря в пустыне» на Ближнем и Среднем Востоке была воссоздана система международных отношений, основанная на принципе «баланса сил». Отличительной чертой данной системы (от действовавшей до 1979 г.), стала прямая включенность США [Юртаев 2012: 261], что стало особенно заметно после 2003 г. В противовес Ирану США в своей внешнеполитической деятельности на Ближнем Востоке стали опираться на арабские монархии Персидского залива [Краснов 2017].

Как уже было описано выше, Соединенные Штаты после «сланцевой революции» превратились в одного из самых влиятельных игроков на энергетическом рынке. Однако, несмотря на масштабные изменения энергетического рынка, регион Персидского залива по-прежнему является ключевым для международного рынка нефти (24% мировой добычи нефти, 1/3 всей международной торговли нефтью). Государства Залива играют решающую роль в установлении мировых цен на нефть [Westphal, Overhaus, Steinberg 2014: 10]. В особенности ключевую роль играет Саудовская Аравия (СА), которая является одним из важнейших игроков на рынке энергоресурсов и поставляет нефть Японии, Китаю, Южной Корее, Индии, Сингапуру, США. Более того, ключевой оппонент Соединенных Штатов на Ближнем Востоке – Исламская Республика Иран (ИРИ) является членом ОПЕК (Организация стран – экспортеров нефти). Важную роль в энергетической промышленности Ирана играет именно нефтегазовая промышленность. Так, в 2012 г. Иран, экспортировавший около 1,5 млн баррелей сырой нефти в день, был вторым по величине экспортером среди стран ОПЕК⁴⁰⁵.

Исходя из вышеизложенного возможно предположить, что страны Ближнего Востока, в особенности нефтедобывающие государства Персидского залива, становятся конкурентами Соединенных Штатов на рынке энергоресурсов. В связи с чем США становится выгодна дестабилизация региона Персидского залива [Дегтерев, Савичева, Матева 2015]. Нестабильность в Персидском заливе приведет к тому, что страны этого региона не смогут обеспечить безопасность поставок своим покупателям, что, в свою очередь, позитивно скажется на спросе американской нефти. Прежде всего, это касается Ирана и Саудовской Аравии, поскольку в настоящее время наиболее сильным дестабилизирующим фактором в регионе остается суннитско-шиитское противостояние [Ghoble 2019: 42-44].

Усиление напряженности очевидным образом скажется на «страховой репутации» СА и ИРИ как экспортеров нефти, что позволит США получить новые контракты на поставку углеводородов.

---

⁴⁰⁵Sanctions reduced Iran's oil exports and revenues in 2012 // Official website of U.S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=11011> (accessed: 15.12.2020).

Ответной реакцией Саудовской Аравии на изменения ближневосточного курса Соединенных Штатов стало сближение с Россией. Так, показательным в этом плане стал государственный визит короля Саудовской Аравии в Москву в 2017 г., в ходе которого между партнерами были заключены соглашения об экономическом, научно-техническом сотрудничестве, а также Меморандум о покупке и локализации производства продукции военного назначения. «Газпром нефть» и Saudi Aramco, в свою очередь, договорились о расширении двустороннего сотрудничества в нефтегазовой сфере⁴⁰⁶. Более того, в 2016 г. Россия подписала соглашение об ограничении добычи нефти между странами ОПЕК и странами, не входящими в организацию. По словам министра энергетики РФ, договоренности по нефти позволяют говорить, что сотрудничество ОПЕК и стран вне картеля вышло на новый уровень, и будет носить долгосрочный характер⁴⁰⁷. Позднее в 2018 г. было заключено еще одно соглашение в рамках ОПЕК+ об очередном сокращении добычи нефти. Более того, государства-подписанты заявили, что продолжают уделять основное внимание показателям стабильного и сбалансированного нефтяного рынка и по-прежнему стремятся быть надежными поставщиками нефти и нефтепродуктов на глобальные рынки⁴⁰⁸. Таким образом, в последние годы очевидные изменения характера саудовско-российских отношений в какой-то мере стали следствием изменений на мировой рынке энергоресурсов, в частности вызванных «сланцевым бумом» в США.

В контексте американской политики дестабилизации региона Персидского залива стоит особенно отметить американо-иранские отношения. С приходом к власти в США Д. Трампа наблюдается тенденция к усугублению и без того напряженных отношений между Соединенными Штатами и шиитским государством. В этой связи показателен выход США из СВПД (Совместный всеобъемлющий план действий) 8 мая 2018 г.⁴⁰⁹, что в итоге повлекло за собой возобновление действия американских санкций в отношении Ирана. Санкционные меры серьезно ограничили активность Ирана в ключевых для страны отраслях экономики, таких как экспорт иранской нефти, финансовый сектор, автомобильный, судоходный, судостроительный и портовый сектора.

Более того, США провоцировали напряженность в регионе путем постоянных провокаций и обвинений в отношении ИРИ, так, например, наиболее показательными в данном контексте можно считать инциденты с танкерами в Оманском заливе. Соединенные Штаты, например, не располагая достоверными доказательствами, обвинили Иран в нападениях на танкеры «Фронт Альтаир» и «Кокука Карейджес»⁴¹⁰.

Очередные обвинения в сторону Ирана прозвучали в сентябре 2019 г. после инцидента в Саудовской Аравии. В ночь на 14 сентября 2019 г. в Саудовской Аравии

---

⁴⁰⁶ Итоги первого госвизита короля Саудовской Аравии в Россию // ТАСС, 08.10.2017. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4627597> (дата обращения: 15.12.2020).

⁴⁰⁷ В Вене состоялось подписание соглашения об ограничении добычи нефти между странами ОПЕК и странами, не входящими в картель // Официальный сайт Министерства энергетики РФ, 10.12.2016. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/6707> (дата обращения: 15.12.2020).

⁴⁰⁸ Страны ОПЕК+ договорились о сокращении добычи нефти // BBC News, 07.12.2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-46479537> (дата обращения: 15.12.2020).

⁴⁰⁹ US exit from Iran nuclear deal: Who will it hurt? // Al Jazeera, 09.05.2018. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2018/05/exit-iran-nuclear-deal-hurt-180508181327812.html> (accessed: 15.12.2020).

⁴¹⁰ США обвинили Иран в нападении на танкеры в Оманском заливе // BBC News, 13.06.2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-48628819> (дата обращения: 15.12.2020).

произошел пожар на одном из крупнейших в мире нефтеперерабатывающих заводов Saudi Aramco. В Министерстве внутренних дел страны сообщили, что два объекта компании Saudi Aramco на крупных месторождениях Абкайке и Хурайсе подверглись атаке с использованием дронов. Дональд Трамп обвинил в этих нападениях Иран. Интересно, что профессор Катарского университета аль-Азани в связи с атакой на объекты Saudi Aramco заявил, что «США извлекут пользу из происходящего в нефтяной отрасли в Саудовской Аравии. Вероятно, что после последних событий страны-импортеры могут начать поиск источников энергоносителей из районов, где нет напряженности, и Америка может стать такой альтернативой, о чем ясно заявил президент Трамп, когда написал об отсутствии необходимости в поставках ближневосточной нефти, адресовав тем самым послание импортерам, что США могут стать альтернативным поставщиком».⁴¹¹

Как представляется, подобная политика США в отношении Ирана не только провоцирует усугубление дипломатического кризиса между государствами, дипломатические отношения между которыми были разорваны после захвата американского посольства в Тегеране в 1979 г., но и оказывает негативное влияние на суннитско-шиитское противостояние в лице СА и ИРИ.

Таким образом, Соединенным Штатам выгодна напряженность в регионе Персидского залива, однако сценарий полной дестабилизации, скорее всего, не принесет долговременных экономических и политических дивидендов для США, которым необходимо сохранять тесные контакты с нефтедобывающими государствами региона исходя не только из приоритетов новой энергетической политики, но и из геополитических установок американской внешней политики в целом.

Фактор возвышения Китая

Регион Ближнего Востока по-прежнему остается одним из ключевых в контексте борьбы крупнейших мировых держав за глобальное доминирование [Кривов, Рыжов 2014: 387]. В 2010-е гг. КНР наращивает свое присутствие в качестве инвестора и делового партнера во многих государствах Персидского залива. Национальные амбиции Китая тесно связаны с расширением экономических связей, а государственные предприятия строго следуют приоритетам правительства. К тому же КНР является одним из крупнейших мировых импортеров нефти, при этом большая часть поставок «черного золота» приходится на страны Ближнего Востока, прежде всего, это касается Саудовской Аравии и Ирана. В силу этих факторов Китаю не выгодна напряженность в Персидском заливе. Военно-политическое присутствие США в регионе является вызовом для Китая и в этом контексте поддержка Ирана обусловлена стратегическими интересами Китая⁴¹².

---

⁴¹¹ США выгодно сокращение нефтедобычи в Саудовской Аравии, считает эксперт // РИА Новости, 16.09.2019. URL: <https://ria.ru/20190916/1558745137.html> (дата обращения: 15.12.2020).

⁴¹² *Alterman J.B.* China's Middle East Model // Center for Strategic and International Studies, 23.05.2019. URL: <https://www.csis.org/analysis/chinas-middle-east-model> (accessed: 20.12.2020).

Региональный баланс сил в оценках экспертов

Проблемы взаимодействия основных центров силы региона Персидского залива обстоятельно раскрыты в исследованиях региональных и зарубежных аналитических центров.

В исследованиях аналитических центров арабских монархий большой акцент делается на том, что арабские государства региона серьезно обеспокоены планами лидеров в Тегеране построить «Большой Иран». По их мнению, в таком случае Иран будет доминировать над всем Персидским заливом и Аравийским Полуостровом, и тем самым обладать большой властью на Ближнем Востоке и во всем мусульманском мире⁴¹³. Более того, исследователи арабского мира уточняют, что традиционная роль США в сдерживании амбиций Ирана заметно отсутствовала в течение двух сроков президентства Барака Обамы. Утверждается, что именно это бездействие сыграло значительную роль в распространении незаконных амбиций Ирана и повлияло на сложившийся баланс сил в регионе. По мнению арабских исследований, основная проблема заключается в том, что политика Ирана противоречит понятиям сосуществования и угрожает глобальной безопасности и единству региона. Интересно также, что, по мнению саудовских экспертов, арабские страны Персидского залива никогда не поощряли идею нового военного противостояния в регионе для урегулирования споров по ядерной программе Ирана⁴¹⁴. Намного большую озабоченность среди стран ССАГПЗ вызывает ситуация в Ираке в основном из-за растущего влияния шиитских экстремистских групп, которые традиционно поддерживает Иран. Также подчеркивается, что все большую актуальность приобретает необходимость создания международного альянса с целью обеспечения свободы судоходства, что также объясняется растущим влиянием Ирана.

В противовес арабским ученым, К. Барзегар, научный сотрудник Центра ближневосточных стратегических исследований в Тегеране, считает, что если с участием США будет определен статус Ирана в новой архитектуре безопасности региона, то это сделает возможным достижение договоренностей, которые охватят все заинтересованные стороны – как региональных, так и внерегиональных акторов в Персидском заливе [Barzegar 2010: 85]. Как утверждает ученый, баланс сил в регионе основан на игре с нулевой суммой (выигрыш-проигрыш), такая система порождает напряжение, недоверие, кризисы и войны. Увидеть Иран в качестве источника опасности он полагает непродуктивным, одновременно отмечая, что основным источником отсутствия безопасности в регионе является политика иностранных игроков, пытающихся вмешиваться в дела региональных государств с целью достижения своих национальных интересов. Поэтому, установление надлежащего «баланса безопасности» между Тегераном и Вашингтоном имеет решающее значение [Barzegar 2010: 79].

Давая оценку ядерной стратегии Ирана, Барзегар указывает на ее значимость с точки зрения «создания взаимовыгодного баланса безопасности. В этом случае доступ Ирана и региона к ядерной энергии станет важным шагом на пути к достижению

---

⁴¹³ Miller R. International Actors and the New Balance of Power in the Gulf. // Al Jazeera Centre for Studies, 18.03.2018. URL: <http://studies.aljazeera.net/en/reports/2018/03/international-actors-balance-power-gulf-180319102303575.html> (accessed: 20.12.2020).

⁴¹⁴ Targeting Carriers in the Gulf: What Future Awaits the Region? // International Institute for Iranian Studies, 05.08.2019. URL: <https://rasanah-iis.org/english/position-estimate/iran-targeting-carriers-in-the-gulf-what-future-awaits-the-region> (accessed: 15.12.2020).

устойчивого развития и безопасности в регионе, где все конфликты прежних лет произошли вокруг энергоресурсов. Таким образом, по мнению иранского ученого, только когда в Персидском заливе будут сбалансированы существующие двусторонние вызовы безопасности между Ираном и США, будет создана самостоятельная и мирная архитектура политической безопасности на основе «баланса интересов» [Varzegar 2010].

Особое внимание хочется также уделить оценкам зарубежных экспертов в контексте их активной роли в региональных делах. Американские эксперты утверждали, что баланс в регионе все больше определяется внутренними конфликтами и разногласиями в Ираке, Сирии и Йемене, а также влиянием «несостоявшихся государственных войн» на относительное стратегическое влияние Ирана по сравнению с другими арабскими государствами и Соединенными Штатами. Совокупная угроза, исходящая от Ирана и региональной нестабильности, имеет решающее значение в регионе⁴¹⁵. Реакция Ирана на выход США из СВПД, растущая напряженность в отношениях между арабскими государствами Персидского залива, бойкот Катара и нестабильный исход борьбы с ИГИЛ, а также сирийская гражданская война - все это способствует все большей хрупкости и опасности среде безопасности⁴¹⁶.

В свою очередь, британские эксперты аналитического центра «Chatham House» большое внимание уделяли выходу США из СВПД, уточняя, что подобные действия увеличат вероятность дальнейшей эскалации конфликтных ситуаций и насилия в регионе. Исследователи утверждают, что без всеобъемлющей единой политики ССАГПЗ в отношении Тегерана вряд ли удастся уменьшить степень напряженности в регионе⁴¹⁷. Более того, связи Ирана с некоторыми странами Персидского залива предоставили Тегерану экономические, политические и стратегические возможности, которые одновременно помогли противодействовать санкциям, а также ослабить влияние Саудовской Аравии в регионе [Мелкумян 2015].

Как полагали российские исследователи Московского Фонда Карнеги, в основе нынешней дилеммы в регионе лежит столкновение интересов прибрежных государств: Иран желает вывода американских войск, чтобы реализовать свое законное, как считают в Тегеране, право на контроль над регионом. В то же время арабские государства Залива хотят сохранения американского присутствия в качестве противовеса традиционного, по их мнению, стремления Ирана к гегемонии [Уэри, Сокольский 2015].

Таким образом, по мнению арабских и американских ученых основным источником отсутствия безопасности в регионе является Исламская Республика Иран, и любая региональная политика сдерживания должна быть направлена на предотвращение угроз, создаваемых иранской внешней политикой. Иной точки зрения придерживаются иранские эксперты, отмечая, что именно политика США

---

⁴¹⁵ Cordesman A.H. Iran and the Gulf Military Balance // Centre for Strategic and International Studies, 04.10.2016. URL: <https://www.csis.org/analysis/iran-and-gulf-military-balance-1> (accessed: 23.12.2020).

⁴¹⁶ Cordesman A.H., Harrington N. The Arab Gulf States and Iran: Military Spending, Modernization, and the Shifting Military Balance // Centre for Strategic and International Studies, 12.12.2018. URL: <https://www.csis.org/analysis/arab-gulf-states-and-iran-military-spending-modernization-and-shifting-military-balance> (accessed: 20.12.2020).

⁴¹⁷ Vakil S. Iran and the GCC Hedging, Pragmatism and Opportunism. Middle East and North Africa Programme. // Chatham House, September 2018. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2018-09-13-iran-gcc-vakil.pdf> (accessed: 20.12.2020).

дестабилизирует и без того сложную ситуацию в регионе Персидского залива. Более нейтральную позицию занимают европейские и российские ученые, которые раскрывают интересы всех участников региона и указывают на основные проблемы взаимодействия государств региона.

Заключение

Таким образом, в последние годы масштабные трансформации в американской энергетической политике, вызванные «сланцевой революцией», оказали влияние на ближневосточный курс внешней политики Соединённых Штатов. Новая ближневосточная стратегия США еще будет уточняться, но уже происходящие изменения в отношениях между США и ключевыми государствами Персидского залива симптоматичны: проявлена тенденция к корректировке саудовско-американских отношений и углубляется политика комплексного давления на Исламскую Республику Иран. Динамика позиционирования Саудовской Аравии и Ирана во внешнеполитической доктрине США показывает не только естественные изменения в концептуалистике в связи с меняющимися обстоятельствами, но и изменившееся видение американцами этих стран как по отношению к самим США, так и в качестве возможных ключевых столпов безопасности в регионе. Баланс сил здесь напрямую влияет на мировой рынок нефти, в процессе «перекройки» которого, помимо США и государств зоны Персидского залива участвуют также Российская Федерация, Китайская Народная Республика и государства-члены ОПЕК.

Список литературы

Боровков И.И. и др. Политика администрации Д. Трампа на Ближнем Востоке как отражение лозунга «Америка прежде всего» // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 2. С. 11—51.

Дегтерев Д.А., Савичева Е.М., Матеева И.М. Динамический хаос, конфликты на Большом Ближнем Востоке и механизмы глобального управления в XXI в. (Материалы экспертного семинара и ситуационного анализа РУДН) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. 15 (03). С. 9-23.

Иванов Н.А. Сланцевая Америка: энергетическая политика США и освоение нетрадиционных нефтегазовых ресурсов. М.: Магистр, 2014. 304 с.

Краснов К.Г., Юртаев В.И. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. 16 (04). С. 616-627.

Краснов Ю.К. Новые акценты внешней политики США на Ближнем Востоке // European Scientific Conference: Сборник статей V Международной научно-практической конференции 30 июля 2017. Часть 1. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. С. 330-333.

Кривов С.В., Рыжов И.В. Политика США и баланс сил на Ближнем Востоке: от ключевых очагов воздействия к нейтрализации радикальных режимов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1. С. 382-389.

Мелкумян Е.С. Регион Персидского Залива в мировой политике: история и современность // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 82-89.

Мельникова С., Сорокин С., Горячева А., Галкина А. Первые 5 лет «сланцевой революции»: что мы теперь знаем наверняка? Центр изучения мировых энергетических рынков. ИНЭИ РАН, 2012. URL: https://www.eriras.ru/files/slancjevyj_gaz_5_ljet_nojabr_2012.pdf (Дата обращения: 20.12.2020).

Уэри Ф., Сокольский Р. Концепция новой системы безопасности в Персидском заливе. Рабочие материалы Карнеги, 2015. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Sokolsky_Wehrey_web_Rus2015.pdf (Дата обращения: 12.12.2020).

Юртаев В.И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979-2010 гг.). М.: РУДН, 2012. 385 с.

Barzegar K. Balance of Power in the Persian Gulf: An Iranian View // Middle East Policy. 2010. 17 (03). P. 74-87.

Blackwill R., O'Sullivan M. America's Energy Edge: The Geopolitical Consequences of the Shale Revolution // Foreign Affairs. 2014. 93 (02). P. 102-114.

Fürtig H. Conflict and Cooperation in the Persian Gulf: The Interregional Order and US Policy // The Middle East Journal. 2007. 61 (04). P. 627-640

Ghoble V.T. Saudi Arabia–Iran Contention and the Role of Foreign Actors // Strategic Analysis. 2019. 43 (01). P. 42—53.

Westphal K., Overhaus M., Steinberg G. The US shale revolution and the Arab Gulf States: the economic and political impact of changing energy markets. SWP Research Paper. 2014. № 11. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2014_RP11_wep_ovs_sbg.pdf (accessed: 20.12.2020).

ГЛАВА 6. БАЛАНС СИЛ В АФРИКЕ

6.1. ОТ ПАНАРАБИЗМА К ПАНАФРИКАНИЗМУ: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ

М. КАДДАФИ⁴¹⁸

Кассае Ныгусие В. Микаэль, Л.В. Пономаренко, Е.М. Савичева*

Внешняя политика М. Каддафи, как, впрочем, неоднозначность и противоречивость его социально-государственных экспериментов, во многом несли отпечаток индивидуальности ливийского лидера, его непомерного честолюбия и склонности к смене политических ориентиров [Савичева 2004: 43]. Будучи крайне харизматической личностью, М. Каддафи стремился играть весомую роль в международных отношениях, а его страна – Ливийская Джамахирия должна была стать центром силы и притяжения не только в арабском мире, но и на мировой арене. Юнионистская концепция М. Каддафи основывалась на его «Третьей мировой теории», положения которой детерминировали особенность и нюансы внутренней и внешней политики страны.

Панарабские интеграционные инициативы

Африканская политика Ливии в 1970-1980-е гг. была нацелена на объединение с соседними североафриканскими арабскими государствами и Суданом на принципах панарабизма, получивших широкое распространение на Арабском Востоке благодаря кипучей деятельности общепризнанного арабского лидера – Г.А.Насера. Первым шагом ливийского лидера к арабскому единству стала его встреча с президентом Египта Г. Насером, на которой обсуждался вопрос объединения двух государств. В 1969 г. ливийский лидер, президент Египта и премьер-министр Судана обсуждали объединение уже трех государств, итогом чего стало подписание «Триполийской хартии», дополненной через год «Каирской декларацией» о создании Федерации в составе Египта, Судана и Ливии (Федерации Арабских Республик – ФАР) [Bechtold 1973].

К объединительному процессу впоследствии выразила желание присоединиться и Сирия, где к власти пришел Хафез Асад, провозгласивший политику братского сотрудничества с прогрессивными арабскими государствами. Однако реализовать поставленные цели арабским лидерам не удалось; вследствие острых разногласий, а также отсутствия перспектив развития такого интеграционного формата, ФАР оказалось лишь формальным актом. Египетский президент А. Саддат отказался от сотрудничества в рамках Федерации, он отклонил и последующие инициативы М. Каддафи об объединении двух стран, что привело к ухудшению двусторонних ливийско-египетских отношений и последующей вооруженной конфронтации между Триполи и Каиром («марш на Каир» 1973 г., пограничный вооруженный конфликт в июле 1977 г.).

Однако, несмотря на провал данного проекта, идея объединения арабов Африки не оставляла М. Каддафи, и, продолжая этот курс, в январе 1974 г. он заявил об объединении с Тунисом и создании Арабской Исламской Республики, но референдум

---

⁴¹⁸ Данный материал основан на статье [Кассае Ныгусие, Пономаренко, Савичева 2020].

*Кассае Ныгусие В. Микаэль – д.и.н., профессор кафедры ТИМО РУДН, e-mail: kassae-nv@rudn.ru; Пономаренко Людмила Васильевна – д.и.н., профессор, профессор кафедры ТИМО РУДН, e-mail: ponomarenko-lv@rudn.ru; Савичева Елена Михайловна – к.и.н., доцент, доцент кафедры ТИМО РУДН, e-mail: savicheva-em@rudn.ru.

по этому вопросу так и не был проведен [Егорин 1989: 367-368]. Спустя четыре года, в мае 1978 г., во время официального визита в Алжир, М. Каддафи вновь выступил с предложением об объединении, на этот раз – с Алжиром и Тунисом. Ратуя за единство стран Магриба, а к союзу в перспективе могли присоединиться Марокко и Мавритания, он тем самым стремился утвердить свое лидерство в регионе. И хотя политический аспект этого проекта не вызвал энтузиазма у его арабских партнеров, он, тем не менее, способствовал активизации торгово-экономического сотрудничества между странами.

Заключенное в 1984 г. ливийско-марокканское соглашение и создании Арабо-Африканского союза⁴¹⁹ было воспринято в арабском мире как «странный альянс» двух «несовместимых» государств и, естественно, практической реализации не получило. Союз должен был стать первым шагом на пути создания Великого Арабского Магриба. Это объединение просуществовало до 1985 г., пока марокканская сторона не аннулировала его по причине подписания совместного ливийско-иранского соглашения⁴²⁰.

Однако интеграция стран Великого Магриба все-таки состоялась – в 1989 г. возникла региональная организация – Союз Арабского Магриба (САМ) в составе Алжира, Ливии, Марокко, Мавритании и Туниса, деятельность которой продемонстрировала крайне низкую эффективность из-за серьезных разногласий между ее участниками [Савичева 2014]. Практически до 1990-х гг., несмотря на откровенные провалы своих проектов, с нескрываемым энтузиазмом М. Каддафи продолжал продвигать идею объединения арабских стран Северной Африки.

Что касается Африки южнее Сахары, то первоначально целью сближения Ливии с государствами региона было ограничение поддержки Израиля в конфликте с палестинцами со стороны африканских государств, что отвечало принципам арабского национализма. М. Каддафи сыграл немалую роль в разрыве отношений Чада, Конго, Нигера и Мали с Израилем в 1973 г. Впоследствии ливийский лидер постарался распространить свое влияние и на другие африканские страны, проявляя на этот раз «силовой юнионизм», настороживший ряд африканских государств. Ливия стала поддерживать оппозиционные группы и движения - вооруженные или невооруженные, прямо или косвенно выступавшие против действующих правительств (Чад, Либерия, Сьерра-Леоне).

В 1972 г. Ливия вмешалась в конфликт между Угандой и Танзанией, направив свои подразделения (400 человек) для поддержки угандийского президента Иди Амина. В 1976-1978 гг. в ходе угандийско-танзанийской войны ливийский воинский контингент составлял уже 2500 человек, из них погибло около 600 [Vandewalle 2012: 90-120]⁴²¹.

Триполи сражался с Чадом на полосе Аузу с конца 1970-х гг. почти на протяжении десятка лет. М. Каддафи снабжал оружием и обеспечивал финансовую поддержку группы чадских оппозиционеров – Фронта национального освобождения Чада (ФРОЛИНА), объявивших открытое неповиновение тогдашнему режиму

---

⁴¹⁹ Libya-Morocco: Treaty Instituting the Arab-African Union of States // International Legal Materials. 1984. 23 (05). P. 1022-1026. DOI: 10.1017/S0020782900030989

⁴²⁰ Joint Libyan-Iranian Communiqué: Rafsanjani's Talks in Syria // BBC Summary of World Broadcasting. 25.06.1985.

⁴²¹ Александров Е. Джамахирийская гвардия // Независимое военное обозрение, 25.04.2008. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2008-04-25/1_guardia.html (дата обращения: 20.12.2020).

президента Ф. Томбалбайя. Ливия неоднократно вмешивалась в ход конфликта в Чаде – в 1978, 1979, 1980-1981 и 1983-1987 гг., нарушая принципы ООН и ОАЕ о невмешательстве во внутренние дела суверенного государства.

Непросто складывались отношения Триполи и с Суданом. Первоначально диалог М. Каддафи с суданским лидером Дж. Нимейри был весьма дружественным. Ливия выражала готовность помочь Хартуму в борьбе против местных коммунистов и повстанцев Юга, но суданский лидер отклонил предложенную помощь, подписав в 1972 г. в Аддис-Абебе соглашение с южно-суданскими оппозиционерами. Тогда ливийцы создали базы в Джабель Увайнат и Матан ас-Сарра в Треугольнике Сарра, которые использовались в борьбе с официальным Хартумом. Тогда Нимейри столкнулся с более непримиримым врагом, чем коммунисты, и лишь в результате кровопролитных боев, унесших жизни 3000 суданцев, сумел восстановить в стране порядок. Ливийско-суданские отношения окончательно испортились, что фактически положило конец любым договоренностям между Ливией и Суданом [Ronen 2011].

В Западной Африке М. Каддафи поддерживал повстанческие движения Чарльза Тейлора и Фоды Санко, которые дестабилизировали Либерию и Сьерра-Леоне ¹⁰. Либерийский конфликт создал серьезные угрозы национальной и региональной безопасности. Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), возглавляемое Нигерией, Ганой и Гвинеей, даже создало западноафриканские миротворческие силы (ЭКОМОГ) и вмешалось в либерийский конфликт, чтобы положить ему конец [Tijani 2018].

М. Каддафи поддерживал и финансировал освободительные и повстанческие движения самого разного толка – ФАТХ, ООП, Фронт освобождения Западной Сахары (ПОЛИСАРИО), Фронт освобождения Эритреи, Фронт освобождения Мали, Африканский национальный конгресс, Африканский, национальный союз Родезии (Зимбабве), Народный фронт освобождения Бахрейна и др. [Oueniyi 2019: 147]. Содействие Сомалийскому демократическому фронту спасения послужило причиной разрыва дипломатических отношений между Сомали и Ливией. В 1984 г. ливийский лидер отправляет оружие и военнослужащих в Никарагуа для участия в борьбе Сандинистского фронта национального освобождения против США.

На деньги Ливии содержались антиколониальные движения в Анголе, Гвинее-Бисау, Мозамбике. Огромные средства ливийцы тратили на поддержку борцов с апартеидом в ЮАР, а также в Намибии и Зимбабве. Несмотря на это Ливия не стала ключевым игроком на Африканском континенте.

Как же объяснить переориентацию внешней политики Ливийской Джамахирии с межарабской арены на африканскую? Прежде всего, неудачами и разочарованием М. Каддафи в разобщенности арабского мира, в невозможности реализовать на практике идею арабского единства. Некоторые эксперты полагают, что это было также и своеобразным ответом Триполи на поддержку, полученную Ливией от африканских стран в период санкций и международной изоляции в 1990-е гг. [Ibrahim 2009]. Братья арабы во главе с Лигой арабских государств (ЛАГ) в этот сложный для страны период не только не пытались поднять вопрос об отказе от соблюдения режима санкций, но исправно соблюдали введенное против Ливии торгово-экономическое эмбарго.

В сложившихся политических реалиях летом 1998 г. М. Каддафи принимает

решение переориентировать внешнюю политику страны с Арабского Востока на Африку. Был снижен уровень ливийского представительства в ЛАГ, Высший народный комитет (министерство) по вопросам арабского единства был переименован в министерство по делам Африки, а радиостанция «Голос арабской нации» стала называться «Голос Африки»⁴²². Однако таких жестов оказалось недостаточно, чтобы заслужить доверие африканских лидеров; пришлось также отказаться от поддержки вооруженных формирований, боровшихся против центральных властей на континенте. Этот сдвиг во внешней политике Ливии нашел отражение в создании Сообщества сахельско-сахарских государств (CEN-SAD), посреднических усилиях по урегулированию ряда африканских конфликтах, инвестировании в африканские страны.

Таким образом, после длительного периода приверженности панарабизму М. Каддафи обращается к панафриканизму; «поджигатель» и «дестабилизатор» Африки стремится создать имидж миротворца и «партнера по развитию». Так, Ливия возвращается в Чад с инвестиционными проектами и с финансовой помощью для развития инфраструктуры. Аналогичную политику она проводит в Буркина-Фасо, Мали, Уганде, Сьерра-Леоне и ряде других африканских стран. В апреле 1999 г. Каддафи оказал содействие в заключении мирного соглашения между Угандой и Конго⁴²³, и для оказания помощи в его осуществлении направил ливийские войска в Уганду.

Панафриканская интеграция

Первая в истории общеконтинентальная организация – Организация Африканского единства – была создана 25 мая 1963 г. со штаб-квартирой в Аддис-Абебе. Главами делегаций 30 африканских государств была подписана Хартия Организации Африканского Единства (ОАЕ)⁴²⁴. Государства-члены ОАЕ, в соответствии с положениями Хартии, стремились к развитию добрососедских отношений, упрочению межгосударственного сотрудничества, разрешению возникающих споров мирными средствами [Касеа Ныгусие 2013]. Так, в актив организации можно зачислить успешное приостановление конфликта между Марокко и Алжиром, прекращение столкновений между Эфиопией и Сомали, между Сомали и Кенией, которые имели место, в том числе, и из-за территориальных разногласий. Однако после достижения главной цели организации – полного освобождения континента от колониализма, ее активность приостановилась. Организация стала малоэффективной, и в начале 1980-х гг. стали раздаваться голоса в пользу ее реформирования.

В 1980 г. чрезвычайный саммит ОАЕ принял Лагосский план действий, предусматривавший решение назревших социально-экономических проблем континента и, в конечном итоге, создание общего африканского рынка как важного шага на пути к объединению Африки. Принципы и обязательства, содержащиеся в Лагосском плане действий и в Заключительном акте, были переведены в

⁴²² Юрченко В.П. О снятии с Ливии международных санкций // Институт Ближнего Востока. 29 сентября, 2003. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3011> (accessed: 20.12.2020).

⁴²³ Congo (Kinshasa): Peace Talks Update // University of Pennsylvania African Studies Center, June 24, 1999. URL: http://www.africa.upenn.edu/Urgent_Action/apic_62499.html (accessed: 20.12.2020).

⁴²⁴ Организация Африканского Единства (История создания и деятельности). Сборник документов. М.: Наука, 1970.

конкретную форму в Абудже, в июне 1991 г., когда главы государств и правительств ОАЕ подписали Договор об учреждении Африканского экономического сообщества. Документ создавал основу для региональной интеграции путем объединения более пятидесяти с лишним национальных экономик в единый континентальный рынок посредством деятельности существующих и будущих региональных экономических сообществ (РЭС) в Африке.

Вместе с тем вопрос – сможет ли ОАЕ оставаться жизнеспособной структурой и способна ли будет она решать насущные задачи и продвигать интересы африканских стран в меняющейся международной обстановке – не потерял своей актуальности. Эта проблема была вынесена на обсуждение на Ассамблее ОАЕ в июле 1999 г.

На состоявшемся 12-14 июля 1999 г. в Алжире ежегодном очередном саммите ОАЕ вождь Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии полковник Муамар Каддафи предложил созвать внеочередную сессию ОАЕ в Ливии с целью обсуждения путей и средств повышения эффективности ОАЕ, необходимости отвечать на вызовы глобализации, с тем чтобы сохранить социальный, экономический и политический потенциал Африки⁴²⁵. Кстати, это был первый саммит ОАЕ с 1977 г., в котором участвовал ливийский лидер. Как известно М. Каддафи на протяжении 22 лет не присутствовал на мероприятиях ОАЕ в связи с тем, что подвергся критике со стороны Организации за вовлеченность в чадский конфликт и оккупацию северных районов Республики Чад.

Внеочередной саммит ОАЕ по времени совпал с 30-й годовщиной свержения ливийской монархии, когда М. Каддафи пришел к власти. Накануне встречи 20 августа 1999 г. в интервью французской газете *Le Figaro* ливийский лидер заявил, что африканским странам пришло время «выбросить винтовку» и работать на благо мира и развития, что необходимо создать современное автомобильное, железнодорожное и воздушное сообщение, чтобы связать страны Африки к югу от Сахары и страны Северной Африки, что «образование Соединенных Штатов Африки — это историческое решение для континента». Он также предложил создать Африканский банк развития и предположил, что на континенте может появиться своя единая валюта⁴²⁶.

9 сентября 1999 г. главы государств и правительств стран-членов ОАЕ на четвертой внеочередной сессии Ассамблеи приняли Сиртскую декларацию⁴²⁷, содержащую следующие ключевые положения:

–Создать Африканский союз, в соответствии с конечными целями Устава ОАЕ и положениями Договора об учреждении Африканского экономического сообщества.

–Ускорить процесс реализации Договора о создании Африканского экономического сообщества, в частности, сократить сроки осуществления Абуджийского договора, обеспечить скорейшее создание всех институтов и учреждений, предусмотренных Абуджийским договором, таких как Африканский центральный банк, Африканский валютный союз, Африканский суд, Панафриканский

⁴²⁵ Thirty-Fifth Ordinary Session of OAU // OAU, 12-14 July 1999. URL: https://au.int/sites/default/files/decisions/9544-1999_ahg_dec_132-142_xxxv_e.pdf (accessed: 20.12.2020).

⁴²⁶ Gaddafi calls for United States of Africa // BBC News, August 20, 1999. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/425929.stm> (accessed: 20.12.2020).

⁴²⁷ Sirte Declaration, September 9, 1999. URL: <https://rcmlibya.wordpress.com/1999/09/09/sirte-declaration/> (accessed: 20.12.2020).

парламент. Парламент планировалось создать к 2000 г., чтобы предоставить народам Африки и их низовым организациям общую платформу для более активного участия в дискуссиях и принятии решений по проблемам и вызовам, с которыми сталкивался континент. Предусматривалось также укрепить и консолидировать региональные экономические сообщества в качестве опоры для достижения целей Африканского экономического сообщества и реализации намеченного союза.

Очередной саммит ОАЕ, проходивший 10-12 июля 2000 г. в столице Того г. Ломе, был организован на ливийские деньги. Поэтому практически все выступавшие благодарили Каддафи за помощь, оказанную не только в финансировании мероприятия, но и странам континенту в целом⁴²⁸. Однако из-за межгосударственных противоречий уже на подготовительном этапе создания Союза результативность встречи была поставлена под сомнение. Ангола и Намибия отвергли саму возможность проведения саммита в Того, обвинив президента этой страны в нарушении санкций ООН против УНИТА. Они призвали перенести встречу в Аддис-Абебу (Эфиопия), где находилась штаб-квартира ОАЕ, но не найдя поддержки, бойкотировали встречу. Нашлись причины не участвовать в ней и у глав других государств - ДРК, Гвинеи, и вовсе приглашены из-за того, что в них у власти находились лица, возглавившие режим в результате военного переворота. В результате из 53 стран-членов ОАЕ в работе саммита участвовали только 33⁴²⁹.

По пути в Ломе ливийский лидер нанес визит в Нигер, Буркина-Фасо и Гану – это была недельная 4000-километровая поездка. Обращаясь к большой массе людей в Аккре, Каддафи заявил, что африканские лидеры обязаны действовать в соответствии с потребностями своих народов, однако они опасаются идеи континентального единства, поскольку оно может создать угрозу их власти и привилегиям. Такие лидеры должны уйти и присоединиться к своим «колониальным хозяевам». Он также подчеркнул, что существующие между африканскими странами границы являются иллюзорными и искусственными, созданными колониальными державами для удовлетворения их потребностей в процессе разграбления ресурсов Африки.

Визит в Гану завершился вручением Дж. Ролингсом М. Каддафи «Ордена Звезды Ганы», высшей награды страны. Такой награды были удостоены кубинский руководитель Фидель Кастро и бывший лидер Южной Африки Нельсон Мандела⁴³⁰.

На саммите в Ломе одной из главных дискуссионных тем стала инициатива М. Каддафи о создании Африканского союза (АС) и Соединенных Штатов Африки с жесткой федеративной структурой. Однако его инициатива натолкнулась на сопротивление более влиятельных государств континента, таких, как Нигерия, которая добилась роли лидера в ЭКОВАС, а также ЮАР и Кения, являвшихся субрегиональными «центрами силы» и не заинтересованными в появлении конкурента и некоей наднациональной структуры⁴³¹. Но идея Каддафи все же

---

⁴²⁸ Александров К. Соединенные Штаты Африки // Коммерсантъ, 13.07.2000. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/152964> (дата обращения: 20.12.2020).

⁴²⁹ Шараев С. К итогам африканского саммита в Того // Сообщения, события, факты – ЗВО, 8/2000. URL: <http://commi.narod.ru/txt/2000/0806.htm> (дата обращения: 20.12.2020).

⁴³⁰ Africa: Kadhafi Urges Lome OAU Summit to Solve African Problems // Panafrican News Agency, July 9, 2000. URL: <https://allafrica.com/stories/200007180270.html> (accessed: 20.12.2020).

⁴³¹ Philips B. United States of Africa? // BBC News, July 11, 2000. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/829060.stm> (accessed: 20.12.2020).

получила одобрение большинства участников саммита – 27 глав государств поддержали подготовку Учредительного акта о создании Африканского союза⁴³². Более того, поддержав инициативу Триполи, они заявили, что Ливия имеет право на получение компенсации за ущерб, понесенный этой стране в результате введения Советом Безопасности ООН санкций из-за «дела Локерби», и призвали ускорить их окончательную отмену⁴³³.

На 37-й сессии Ассамблеи глав государств и правительств Организации Африканского Единства, прошедшей в столице Замбии Лусаке 9-11 июня 2001 г., было принято окончательное решение о преобразовании этой организации в более тесное межгосударственное объединение – Африканский союз (АС). Образцом для вновь созданной континентальной структуры послужили интеграционные идеи, успешно реализовавшиеся в Европейском союзе. В рамках АС было предусмотрено создание общеафриканского парламента, единого банка, валютного фонда, суда и иных надгосударственных структур.

По словам горячего сторонника, панафриканизма и самого активного строителя Африканского союза ливийского лидера Муамара Каддафи, ОАЕ выполнила свою историческую миссию, поспособствовав деколонизации региона и оказав давление на расистский режим Южной Африки. Теперь, когда на континенте уже не осталось колоний, а в ЮАР в результате свободных выборов к власти пришли представители черного большинства, ОАЕ может уходить на покой. Приоритетами для современных африканских обществ уже давно стали внутренние проблемы развития – бедность, низкий уровень развития экономики, необходимость привлечения иностранных инвестиций, борьба с инфекционными заболеваниями (прежде всего с эпидемией СПИДа) и достижение внутренней политической стабильности путем постепенной либерализации режимов. На саммите была одобрена масштабная стратегия развития Африки – «Новое партнерство для развития Африки» (НЕПАД), а не проект М. Каддафи – «США». Однако он не отказался от своей давней мечты создания «США» и неоднократно (в 2005, 2006, 2008 гг.) озвучивал ее на всех уровнях.

Эта и другие эксцентричные, порой непредсказуемые действия ливийского лидера, если не раздражали, то вызывали недоверие руководителей африканских государств. Идеи М. Каддафи о создании союзного правительства «США» поддержали лишь некоторые члены АС, такие, как лидер Сенегала Абдулай Уэйд. Но большинство стран, в том числе, ЮАР, Ангола, Кения и другие, рассматривали эту идею как отдаленную и непрактичную и не имеющую перспективы, которая нарушит суверенитет государств-членов.

От ОАЕ к Африканскому союзу

В июле 2002 г. на встрече глав африканских государств в Дурбане (Южная Африка), существовавшая 38 лет ОАЕ была преобразована в Африканский союз. Ливия заплатила 2,2 млн долл. США для покрытия членских взносов 11 стран. Президент Южной Африки Табо Мбеки стал первым его председателем. Он приложил

---

⁴³² Constitutive Act of the African Union, 2000. URL: https://au.int/sites/default/files/pages/34873-file-constitutiveact_en.pdf (accessed: 20.12.2020).

⁴³³ Gaye S. OAU Demands Compensation for Libya // PANA, July 12, 2000. URL: http://www.nkrumah.net/4registered/z_lome2000.htm (accessed: 20.12.2020).

немало усилий, чтобы сгладить разногласия, касающиеся создания АС, и убедить всех в важности программы «Новое партнерство для развития Африки».

НЕПАД была представлена президентами Южной Африки, Сенегала и Нигерии на саммите «Группы восьми» (г. Кананаскис, Канада, июнь 2002). Африканские лидеры обратились к богатым процветающим странам с просьбой инвестировать в экономику африканских государств, чтобы дать толчок их развитию. 27 июля 2002 г. «Группа восьми» принимает документ под названием «План действий «Группы восьми» по Африке», направленный на поиск нестандартных решений для реализации НЕПАД и создания прочной основы для будущего сотрудничества⁴³⁴.

Каддафи всегда скептически относился к позиции Запада по правам человека и связанным с этими вопросами. В своем выступлении на инаугурации АС он приветствовал иностранные инвестиции, но предупредил, что они должны прийти на условиях Африки. «Тех, кто хочет помочь нам, мы приветствуем. Тех, кто хочет навязать нам условия, мы не хотим», – сказал он. «Нам нужно экономическое развитие и здравоохранение больше, чем философские мысли и толкования демократии», – добавил он⁴³⁵. Ливия получила место в руководящем комитете НЕПАД после встречи африканских лидеров в Дурбане.

На саммите в Дурбане Каддафи пытался внести поправки в предлагаемый устав АС. Но его радикальные идеи оказались не слишком популярны среди африканских коллег, в их числе предложенная Ливией поправка, предусматривавшая создание единой армии на континенте. Вместе с тем члены АС согласились создать действенный Совет мира и безопасности в составе 15 человек, который уполномочен вмешиваться в конфликты, чтобы останавливать случаи геноцида. ОАЕ традиционно избегала вмешательства во внутренние дела стран-членов, и в ее Уставе был зафиксирован принцип консенсуса в решении важных вопросов. Это ограничивало ее возможности оперативно и эффективно решать многие проблемы, которые преследовали континент в последние четыре десятилетия.

В январе 2009 г. на саммите в столице Эфиопии Аддис-Абебе Ливия стала председателем АС. Блестящий, в золотых одеждах, провозглашенный в 2008 г. «королем королей» традиционными африканскими лидерами, Каддафи принял молоток «Группы восьми» символ председателя АС, от уходящего с этого поста президента Танзании Джакайи Киквете. По мнению вождей, звания «короля королей Африки» Каддафи был удостоен как «пламенный лидер ливийской революции». К титулу прилагался королевский трон, Коран XVIII века, страусиные яйца, а также золотая корона и длиннополое одеяние мужчин Западной Африки – бубу. Награждение произошло в Бенгази во время необычной церемонии, на которой собрались более 200 африканских вождей, султанов, принцев, шейхов и мэров городов континента.

В январе 2010 г. М. Каддафи попытался переизбраться на второй срок в качестве Председателя АС. С этой целью Ливия использовала разные методы и рычаги воздействия – предлагала нефть по низким ценам, обещала щедрую финансовую помощь. Однако усилия Триполи оказались бесплодными, и после переговоров за

---

⁴³⁴ План действий «Группы восьми» по Африке // Официальный сайт Президента России, 26 июня 2002 года. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3456/print> (accessed: 20.12.2020).

⁴³⁵ Cherian J. African Union arrives // Frontline, July 20, 2002. URL: <https://frontline.thehindu.com/world-affairs/article30245524.ece> (accessed: 20.12.2020).

закрытыми дверями президент Малави Бингу Ва Мутарика занял пост председателя АС. Ливийский лидер так и не добился создания «США». Каддафи был в ярости. Представляя своего преемника, он сказал: «Я не верю, что мы можем достичь чего-то конкретного в будущем.... Политической элите нашего континента не хватает политического сознания и политической решимости» [Huliaras, Magliveras 2011].

Самым большим успехом в международной деятельности М. Каддафи стало создание Африканского союза. Он проявил значительную активность на континенте, тем самым пытаясь упрочить свои позиции на международной арене. Его значительная финансовая поддержка экономических и политических проектов АС, а также материальная помощь небогатым африканским государствам снискали одобрение многих стран Африки, поддерживавших инициативу Ливии реформирования ОАЕ, а также в ее противостоянии с Западом.

Ливийский лидер до последнего настаивал на создании единого общеафриканского правительства, заявляя, что это единственный путь для Африки решить проблемы глобализации, борьбы с бедностью и урегулирования конфликтов без вмешательства Запада. Но прагматичные лидеры африканских стран не верили в «прогрессивные», но утопичные идеи М. Каддафи по созданию «США». Для продвижения этого проекта Каддафи потратил немало энергии и денег. Но это не значит, что взамен он ничего не получал. Во многом, благодаря африканской политике он не только был реабилитирован в западных столицах, но и сотрудничал с США и Францией в урегулировании конфликтов в Африке и транссахарском контртеррористическом партнерстве.

Африканская политика помогла Триполи изменить имидж Ливии, который эволюционировал от государства-изгоя до ответственного международного игрока, который может заседать и принимать решения не только на саммитах Африканского союза, но и в Совете Безопасности ООН, в который она была избрана непостоянным членом в октябре 2007 г. на двухлетний срок.

Кроме того, Африка южнее Сахары стала местом вложения ливийского капитала. С этой целью в 1990 г. была основана Ливийская африканская инвестиционная компания (The Libyan African Investment Company (LAICO)), инвестирующая, главным образом в гостиничный бизнес, сферу услуг, недвижимость.

Список литературы

Егорин А.З. Ливийская революция. М.: Наука, 1989. 264 с.

Кассае Ныгусие В. Микаэль Император Хайле Селассие I и Организация Африканского Единства (к 50-летию Африканского Союза) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2013. № 3. С. 57-71.

Кассае Ныгусие В. Микаэль, Пономаренко Л.В., Савичева Е.М. Особенности африканского вектора внешней политики Муаммара Каддафи: от арабского единства к panaфриканизму // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 234-244.

Савичева Е.М. Арабский Восток: исторические факты и выдающиеся личности. М.: РУДН, 2004. 55 с.

Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. №3. С. 14-21.

Bechtold P.K. New Attempts at Arab Cooperation: The Federation of Arab Republics, 1971-? // *Middle East Journal*. 1973. 27 (02). P. 152-172.

Huliaras A., Magliveras K. The end of an affair? Libya and Sub-Saharan Africa // *The Journal of North African Studies*. 2011. 16 (02). P. 167-181. DOI: 10.1080/13629387.2011.534335

Ibrahim A. Libya: A Critical Review of Tripoli's Sub-Saharan African Policies. Institute for Security Studies. Situation Report, 23 November 2009. URL: <https://issafrica.s3.amazonaws.com/site/uploads/23NOV09LIBYA.PDF> (accessed: 20.12.2020).

Oyeniya B.A. The History of Libya. Santa Barbara, Denver: Greenwood. 2019. 250 p.

Ronen Y. Between Africanism and Arabism: Libya's Involvement in Sudan // *The Journal of the Middle East and Africa*. 2011. 02 (01). P. 1-14. DOI: 10.1080/21520844.2011.565713

Tijjani M.A. United Nations Observer Mission and ECOMOG Intervention in Liberia's Peace Process // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2018. 18 (04). P. 872-887. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-872-887

Vandewalle D. A History of Modern Libya. 2nd Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 292 p.

6.2. ЮАР И НИГЕРИЯ В КОНКУРЕНЦИИ ЗА РЕГИОНАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО⁴³⁶

С.О. Идахоса, М.М. Мугадам, О. Сидиббе, Ж.М. Ндонго Нлате*

Вопросы регионализма и региональных держав традиционно находятся в центре внимания международных ученых. На фоне широкого освещения данной проблематики используются разные подходы к определению характеристик и источников статуса региональной державы, а также ее взаимодействий в глобальной международной системе [Börzel, Risse 2016; Söderbaum, Shaw 2003]. В контексте теории комплекса региональной безопасности Б. Бузан и О. Вейвер предлагают различать, с одной стороны, сверхдержавы и великие державы, действующие и имеющие влияние на глобальном (или системном) уровне, с другой стороны, региональные державы, влияние которых может быть большим в соответствующих регионах, но при этом не переносится на глобальный уровень [Buzan, Waever 2003].

Региональные державы демонстрируют сравнительно высокие военные, экономические, политические и идеологические возможности, позволяющие им формировать собственную повестку региональной безопасности. Наличие только лишь военной силы или экономического потенциала недостаточно для достижения статуса региональной державы [Neumann 1992]. Региональная держава проецирует свое влияние в конкретном регионе, соответственно статус региональной державы вытекает из способности структурировать регион.

Появление региональных держав, которые призваны обеспечивать безопасность, стабильность и процветание своих регионов, определяет следующий набор критериев, которым они должны соответствовать [Nolte 2010: 890; Prys 2010]:

–Внутренняя динамика региональной державы должна обеспечить ей ведущую и стабилизирующую роль в своем регионе;

–Региональная держава должна продемонстрировать готовность, мощь и способность взять на себя роль регионального лидера, стабилизатора и миротворца;

–Региональную державу должны принять соседи и другие члены регионального комплекса безопасности в качестве лидера, ответственного за региональную безопасность. Возможно, более широкое признание также является необходимым условием, однако его недостаточно, даже если оно поддерживается и продвигается крупными мировыми державами.

Важным фактором позиционирования региональных держав выступает взаимодействие между идентичностью, приписываемой себе и другим, структурным положением в системе, целями, поведением и конечным влиянием на международные процессы.

Силовой потенциал региональных держав может быть значительным, но они ограничены региональным контекстом [Nolte 2010]. В случае если мощь региональной державы не имеет себе равных в своем регионе, то государство может подняться до уровня регионального гегемона.

---

⁴³⁶ Данный материал основан на статье [Omogun et al 2020]. Перевод на русский язык и научное редактирование осуществил Ж.М. Ндонго Нлате.

* **Стефан Осахерумвен Идахоса** – аспирант кафедры ТИМО РУДН, e-mail: idahosa8@gmail.com; **Махамат Мугадам Мугадам** – аспирант кафедры политического анализа и управления РУДН, e-mail: mougadamamahamat@gmail.com; **Омар Сидиббе** – магистрант кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Международные отношения», e-mail: omersidibe@gmail.com; **Ндонго Нлате Жан Мартъаль** – аспирант кафедры ТИМО РУДН, e-mail: andy.nlate@yahoo.fr.

К категории региональных держав можно с уверенностью отнести такие государства, как Бразилия, Египет, Индия, Иран, Ирак, Израиль, Пакистан, Саудовская Аравия, Турция. В качестве основных игроков в Африке считаются Нигерия, Южная Африка, Алжир, Египет, Марокко, Кения, в меньшей степени Ангола, Эфиопия и Танзания.

Развитие региональных процессов в Африке демонстрирует обострение конкуренции за региональное лидерство. Это происходит из-за того, что ни одно государство не обладает достаточной мощью, чтобы называться неоспоримым гегемоном на континенте, поскольку нет существенного разрыва между возможностями и влиянием существующих крупных держав [Adebajo 2008; Alden, Schoeman 2015; Prys 2010]. Вместе с тем большинство аналитиков согласны с тем, что в значительной степени именно Нигерия и Южная Африка отвечают условиям для соответствия статусу регионального гегемона [Adebajo 2008; Alden, Le Pere 2009; Tella 2018].

Сравнительный анализ материальных потенциалов Нигерии и ЮАР

С точки зрения материального потенциала (жесткой силы) Нигерия и ЮАР являются наиболее мощными и влиятельными государствами Африки к югу от Сахары (см. табл. 1), что подтверждается показателями Сводного индекса национального потенциала (CINC). По данному показателю на первый план в Африке вышел Египет, который проецирует свою мощь главным образом на Северную Африку. Нигерия доминирует в рамках ЭКОВАС, а ЮАР проецирует свое влияние в странах Южной и Восточной Африки [Дегтерев 2020: 164].

Таблица 1

Топ-10 стран Африки по материальному потенциалу⁴³⁷

Страна	% от глобального потенциала	% от потенциала АС
Египет	0,99	12,8
Нигерия	0,91	11,2
ЮАР	0,69	9,0
ДР Конго	0,47	6,1
Алжир	0,42	5,4
Марокко	0,39	5,0
Эфиопия	0,38	5,0
Судан	0,30	3,9
Ангола	0,24	3,1
Эритрея	0,22	2,9

Источник: Composite Index of National Capability (CINC). V.5.0. The Correlate of War Projects. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities> (accessed on 15.12.2020).

Анализ показателей CINC по состоянию на 2018 г. (см. Приложение 1) показывают, что за шесть лет доля Нигерии в глобальном потенциале увеличилась с 0,91% до 0,94%, в то время как доля ЮАР снизилась с 0,69% до 0,61% (см. табл. 2).

⁴³⁷ Composite Index of National Capability (CINC). The Correlate of War Projects. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities> (accessed on 15.02.2020).

Показатели CINC для ЮАР и Нигерии за 2018 год

	Военные расходы, млн долл. США	Военный персонал, тыс. ч.	Выплавка стали, тыс. т.	Первичное потребление энергии	Общее население, тыс. ч.	Городское население, тыс. ч.	CINC
Нигерия	1746	118	100	7135	195875	98611	0,009445
ЮАР	3678	66	6327	197130	57398	38087	0,006174

Источник: составлено авторами.

Как видно из таблицы, Нигерия превосходит ЮАР по численности военного персонала (118 тыс. против 66 тыс.), общей численности населения (195 млн против 57 млн), а также по численности городского населения (98 млн против 38 млн), в то время как ЮАР сохраняет лидерство по военным расходам (3,6 млрд долл. США против 1,7 млрд долл. США), по производству стали и первичному потреблению энергии.

Экономическое соперничество в погоне за лидерством

Южная Африка и Нигерия, на которые приходится около трети регионального ВВП, играют ведущую роль в экономике континента. Это крупнейшие страны региона с совокупным ВВП порядка 750 млрд. долл. США⁴³⁸. В Нигерии с населением в 202 млн человек уровень ВВП достигает 376,284 млрд долл. США, что делает Нигерию лидером по этому показателю в Африке. ЮАР занимает второе место по ВВП в Африке с показателем в 349,299 млрд долл. США.

Нигерия является ключевым региональным актором в Западной Африке [Omo-Ogbebor, Sanusi 2017], на ее долю приходится около половины населения Западной Африки и одна из самых больших популяций молодого населения в мире⁴³⁹. Несмотря на то, что в последние годы Нигерии удалось добиться определенного прогресса в социально-экономической сфере, уровень человеческого развития в стране остается слабым из-за недостаточного инвестиционного развития. Согласно Индексу человеческого капитала Всемирного банка, за 2018 г. по данному показателю Нигерия заняла лишь 152-е место в списке в 157 стран⁴⁴⁰.

Нигерия страдает от неравенства доходов и возможностей, что оказывает негативное влияние на процесс борьбы с нищетой. Разрыв между Севером и Югом в последние годы увеличился из-за деятельности «Боко Харам» [Vokeriya, Omo-Ogbebor 2016] и отсутствия экономического развития в северной части страны⁴⁴¹. Нигерия является основным источником благосостояния ЭКОВАС (75% регионального ВВП), но не входит в число стран с наиболее высокими показателями

⁴³⁸ Oyekunle O. The Largest Economies in Africa by GDP, 2019 // The African Exponent, Feb 6, 2020. URL: <https://www.africanexponent.com/post/9786-top-six-countries-with-the-biggest-gdp-in-africa> (accessed on 15.12.2020).

⁴³⁹ Overview of Nigeria // The World Bank in Nigeria, 2019. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/nigeria/overview#1> (accessed on 15.12.2020).

⁴⁴⁰ Human Capital Project // World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/human-capital> (accessed on 15.02.2020).

⁴⁴¹ Overview of Nigeria // The World Bank in Nigeria, 2019. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/nigeria/overview#1> (accessed on 15.12.2020).

региональной интеграции (доля внутрирегиональной торговли). В то время как ВВП Кот-д'Ивуара, лидера в области региональной интеграции, составляет лишь 6% регионального ВВП⁴⁴².

На протяжении многих лет Нигерия могла использовать свою экономическую мощь в качестве ресурса жесткой и мягкой силы для проецирования влияния в Африке. Например, в 1975 г. на пике своего экономического восстановления после опустошительной гражданской войны Нигерия подтолкнула другие субрегиональные государства к созданию ЭКОВАС. Тогда нигерийский лидер Якубу Говон не только выступил одним из инициаторов проекта, но и пообещал, что страна возьмет на себя треть всех расходов на нужды ЭКОВАС. Неожиданный нефтяной бум 1970-х гг. привел к оживлению экономики и придал дополнительный импульс усилению нигерийских позиций на континенте. Уверенная позиция руководства Нигерии отчетливо проявилась в той ведущей роли, которую страна сыграла в борьбе за независимость Анголы, Гвинеи-Бисау, Намибии и Зимбабве, а также в ликвидации апартеида в ЮАР [Tella 2019].

Нигерия является крупнейшим экспортером нефти в Африке и располагает крупнейшими на континенте запасами природного газа. В геополитической сфере значимость Нигерии неразрывно связана с ее экономическим превосходством и другими экономическими преимуществами, особенно в рамках субрегионов Западной и Центральной Африки. Финансовая мощь Нигерия также позволяет ей быть сильным актором и оказывать влияние в международном масштабе.

Экономическая мощь Южной Африки среди прочего обеспечивается через широкое распространение ее транснациональных компаний по всей Африке. Так, в настоящее время более 150 южноафриканских компаний работают в Нигерии и Танзании, а ее банки, включая Absa Group, Первый национальный банк, Nedbank и Standard Bank, присутствуют в таких странах, как Ботсвана, Гана, Замбия, Зимбабве, Кения, Лесото, Маврикий, Малави, Намибия, Нигерия, Сейшельские Острова, Танзания [Ogunnubi, Tella 2017]. Таким образом, южноафриканские компании проникли в экономику африканских стран, в том числе стран с большими рынками, таких как Нигерия и Танзания.

Экономическая мощь Южной Африкой сыграла решающую роль в достижении внешнеполитических целей страны, в том числе по линии оказания помощи и содействия развитию других африканских стран. Южноафриканский экономический ресурс способствовал установлению либерального экономического порядка на континенте.

Оказав значимое влияние на экономическое развитие Африки в целом и ее субрегионов в частности, Нигерии и Южной Африке удалось повысить собственный имидж. Оба государства преследуют преимущественно свои национальные интересы, при этом в практическом ключе с точки зрения стратегии их действия в значительной степени пересекаются, поскольку обе страны ориентированы на статус региональной державы [Odubajo, Akinboye 2017].

---

⁴⁴² ECOWAS: Economic Community of West African States // Africa Regional Integration Index. URL: <https://www.integrate-africa.org/rankings/regional-economic-communities/ecowas/> (accessed on 15.12.2020).

Военный потенциал: смена ролей?

В Глобальном индексе военной мощи по итогам ежегодного обзора за 2020 г. Нигерия заняла 42 место среди 138 стран-участниц, а по Африке – 4-е место⁴⁴³. В то время как Южная Африка в общем ранжировании находится на 29-ой позиции и 3-м месте по региону⁴⁴⁴.

В 2017 г. военные расходы Нигерии составили 1621 млн долл. США, увеличившись в 2018 г. Это было связано с выделением дополнительных средств и повышения бюджетных расходов на безопасность для борьбы с незаконными вооруженными формированиями и похищениями людей⁴⁴⁵. По сравнению с 2017 г. военные расходы ЮАР в 2018 г. сократились с 3639 млн долл. США. Согласно глобальным макроэкономическим моделям и долгосрочным прогнозам аналитиков Trading Economics, к 2020 г. военные расходы Нигерии достигнут порядка 2 млрд долл. США⁴⁴⁶, в то время как военные расходы ЮАР к 2020 г. будут примерно на уровне 3 млрд долл. США⁴⁴⁷.

На сегодняшний день Нигерия объективно отстает от стран с сопоставимой военной мощью по самодостаточности с точки зрения производства вооружений. К примеру, в ЮАР ценой огромных усилий и благодаря продуманной государственной политике удалось создать оборонную промышленность мирового класса⁴⁴⁸. Южная Африка, которая ранее самостоятельно производила только боеприпасы, смогла перейти к собственному производству боевых вертолетов, бронетанковой техники и легких боевых самолетов⁴⁴⁹.

Казалось бы, спустя более 55 лет после обретения независимости Нигерия должна была сосредоточиться на создании оборонно-промышленного комплекса, обеспечив производством сложных вооружений и военной техники двойного назначения. Однако затянувшаяся война с террористической группировкой «Боко Харам» наглядно обнажила проблему отсутствия жизнеспособного нигерийского оборонно-промышленного производства.

---

⁴⁴³ Nigeria Military Strength (2020) // Global Fire Power. URL: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.asp?country_id=nigeria (accessed on 15.12.2020).

⁴⁴⁴ South Africa Military Strength (2020) // Global Fire Power. URL: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.asp?country_id=south-africa (accessed on 15.12.2020).

⁴⁴⁵ Ojekunle A. 5 countries with the biggest and smallest military budgets in Africa // Pulse, September 8, 2019. URL: <https://www.pulse.ng/bi/politics/5-countries-with-the-biggest-and-smallest-military-budgets-in-africa/1q3lbn1> (accessed on 15.12.2020).

⁴⁴⁶ Nigeria Military Expenditure. 1960-2018 Data, 2019-2020 Forecast // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/nigeria/military-expenditure> (accessed on 15.12.2020).

⁴⁴⁷ South Africa Military Expenditure. 1960-2018 Data, 2019-2020 Forecast // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/south-africa/military-expenditure> (accessed on 15.12.2020).

⁴⁴⁸ Lionel E. South African made weapons // Military Africa, November 28, 2017. URL: <https://www.africanmilitaryblog.com/2017/11/here-are-some-of-south-african-made-weapons> (accessed on 15.12.2020).

⁴⁴⁹ Lionel E, Rooivalk D. South Africa's indigenous attack helicopter // Military Africa, January 5, 2018. URL: <https://www.africanmilitaryblog.com/2018/01/denel-rooivalk-africas-indigenous-attack-helicopter> (accessed on 15.12.2020).

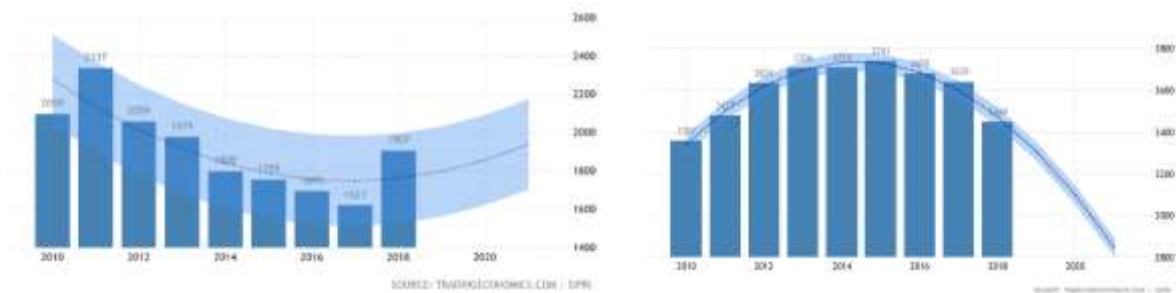

Рис. 1. Расходы на оборону Нигерии и ЮАР
 Источник: Trading Economic.Com, SIPRI.

Представленная выше статистика по военным расходам Нигерии и Южной Африки (см. рис. 1) наглядно иллюстрирует, каким образом внешнеполитическая линия этих стран выстраивается с учетом субъективного восприятия их мощи со стороны других стран.

Экономическая сила Нигерии, с одной стороны, сыграла жизненно важную роль для приобретения военной техники, а, с другой, позволила стране продемонстрировать арсенал несиловых методов, которые проявляются в миротворческой деятельности и оказании помощи соседним государствам. Аналогично, Южная Африка, которая является единственной африканской страной, обладающей достаточными возможностями для производства вооружений и боеприпасов в достаточных объемах, продолжает принимать активное участие в миротворческих операциях и миротворческой деятельности по всему Африканскому континенту. Развитие местной оборонной промышленности стало главным приоритетом правительства страны еще с самого становления демократического государства в 1990-х гг., когда был принят закон «Об оборонной и смежной промышленности»⁴⁵⁰. Крупнейшими игроками в оборонной промышленности Южной Африки являются компании Armscor и AMD. «Военно-промышленная корпорация Южной Африки» (Armscor, Закон № 51 от 2003) является официально назначенной специализированной компанией, занимающейся закупками для Министерства обороны Южной Африки и других правительственных ведомств и государственных предприятий, которая строит свою политику закупок на принципе поддержки местной оборонной промышленности. AMD – это Южноафриканская ассоциация авиакосмической, морской и оборонной промышленности, деятельность которой преимущественно сосредоточена на том, чтобы представлять интересы местного оборонно-промышленного комплекса как в самой Южной Африке, так и на глобальных рынках⁴⁵¹.

Африканская квота в ООН

Следует признать, что с точки зрения административного ресурса Африка представлена в ООН. Так, например, африканские лидеры, такие как Джозеф Н. Гарба

⁴⁵⁰ South African Defence Related Industries White Paper, 1998 // South African Government. URL: <https://www.gov.za/documents/south-african-defence-related-industries-white-paper> (accessed on 15.12.2020).

⁴⁵¹ South African Defence Industry // Embassy of the Republic of South Africa to the Kingdom of Belgium. URL: <http://www.southafrica.be/south-african-defence-industry/> (accessed on 15.12.2020).

(Нигерия, 1978)⁴⁵² возглавляли Генеральную Ассамблею ООН (ГА ООН), последними примерами служат Сэм Кутеса (Уганда 2014), Али Абдель Салам ат-Трейки (Ливия 2009), Жан Пин (Габон 2004) и Тиджани Мухаммад-Банде (Нигерия, 2019 по н.в.)⁴⁵³, а также Амина Мохаммед – заместитель Генерального секретаря ООН (с 2017 по н.в.)⁴⁵⁴.

Дважды пост Генерального секретаря ООН занимали представители стран Африки: Бутрос Бутрос-Гали (Египет, 1992-1996) и Кофи Аннан (Гана, 1997-2006). В Экономическом и Социальном Совете ООН (ЭКОСОС), в состав которого входят 54 участника, представители стран Африки заняли 14 мест, что лишь дополнительно иллюстрирует значительный вклад и активное участие Африканского континента в деятельности ООН [Tella 2019].

Что касается представительства в Совете Безопасности ООН, члены Африканского союза надеются на подвижки в сторону расширения представительства его состава, призывая к реформам и принятию Общей африканской позиции по представительству Африки, исходя из принятого в 2005 г. «консенсуса Эзульвини» и последовавшей за ним Сиртской декларации. Консенсус был принят Африканским Советом в качестве единой позиции по предложенной реформе ООН и призван отстаивать право Африки на полное представительство во всех органах ООН, в том числе и СБ. Согласно консенсусу, континенту должно быть предоставлено не менее двух постоянных мест в СБ со всеми привилегиями, включая право вето, и еще двух дополнительных непостоянных мест [Maseng, Lekaba 2014]. Несмотря на действие «консенсуса Эзульвини», Ливия и Сенегал продвигают более твердый подход по немедленному предоставлению Африке места постоянного члена с правом вето вне зависимости от продвижения общей дискуссии по реформе Совета Безопасности.

В соответствии с Эзульвинийским консенсусом за избрание представителей от Африки в Совет Безопасности ООН должен отвечать Африканский союз. Однако в документе ничего не говорится о том, какие африканские государства должны занять два постоянных места [Maseng, Lekaba 2014]. Здесь стоит отметить, что в сложившейся ситуации не последнюю роль играет так называемый субрегиональный фактор. Во время выдвижения кандидатов и избрания Председателя Комиссии Африканского союза в 2012 г. континент фактически проголосовал согласно субрегиональным предпочтениям. Это лишний раз подчеркивает субрегиональное разделение Африканского континента. Южная Африка получила серьезную поддержку от региона Сообщества развития Юга Африки (САДК), в то время как Жан Пин, кандидат от Габона, получил поддержку от региона Экономического сообщества государств Западной Африки (ЭКОВАС) [Maseng 2013: 22]. В свете подобных тенденций вполне вероятным становится расклад, при котором Южная Африка и Нигерия договорятся между собой и установят гегемонию на места в Совете Безопасности ООН.

---

⁴⁵² Joseph N. Garba – Elected President of the forty-fourth session of the General Assembly // United Nations. URL: <https://www.un.org/en/ga/president/bios/bio44.shtml> (accessed on 15.12.2020).

⁴⁵³ Newly-elected Nigerian UN General Assembly President pledges focus on 'peace and prosperity' for most vulnerable // UN News, June 4, 2019. URL: <https://news.un.org/en/story/2019/06/1039801> (accessed on 15.12.2020).

⁴⁵⁴ Sanni K. Nigeria: Another Nigerian Gets Top UN Position // Premium Times, June, 2018. URL: <https://www.premiumtimesng.com/news/more-news/271499-another-nigerian-gets-top-un-position> (accessed on 15.12.2020).

Борьба за постоянное место в СБ ООН: критерии

Нигерия и Южная Африка как крупнейшие экономики и региональные державы являются одними из главных претендентов среди африканских государств на участие в обновленном СБ ООН в случае реализации реформы по расширению его состава. Вместе с тем следует признать, что так активно обсуждаемая реформа СБ ООН далека от финала и даже если бы проект реформы были согласован, вполне вероятно, что у Нигерии и Южной Африки возникли бы соперники среди африканских государств⁴⁵⁵. От Африканского союза на постоянные места в обновленном Совете Безопасности помимо ЮАР и Нигерии претендуют Египет, Сенегал и Ливия.

Для того чтобы оценить шансы Нигерии и Южной Африки на членство в Совете Безопасности ООН, будут использованы три критерия для сравнения [Tella 2019: 44-45], два из которых (1 и 2) были описаны в отчете Группы экспертов высокого уровня [HLP 2004], а именно:

–Критерий 1: в соответствии со статьей 23, в числе прочего учитываются такие факторы, как участие в санкционированных миротворческих операциях, вклад в добровольную деятельность ООН в сфере развития и безопасности, а также дипломатическая деятельность в поддержку целей и мандатов ООН;

–Критерий 2: вовлечение в процесс принятия решения стран, представляющих интересы крупных групп и объединений, особенно в развивающемся мире;

–Критерий 3: Панафриканский статус Нигерии и Южной Африки.

Критерий 1: вклад в ООН и ее деятельность. Алекс Дж. Беллами и Пол Д. Уильямс выделили пять основных причин участия в миротворческой деятельности ООН, а именно: политические основания, экономические соображения, обеспечение безопасности, институциональные соображения и нормативные соображения [Bellamy, Williams 2013]. С политической точки зрения, миротворческая деятельность укрепляет статус страны в сфере безопасности, равно как и увеличивает шансы государства на получение выборного места в СБ. Преимущества обусловлены тем фактом, что в миротворческих операциях, как правило, участвуют государства, расположенные в непосредственной близости от проблемной территории, чем представители более отдаленных регионов. Близлежащие государства с большей готовностью принимают участие в сдерживании вооруженных конфликтов из опасений о том, эскалация ситуации может негативно затронуть из собственные интересы.

Нигерия и ЮАР отправляли свои миротворческие контингенты в составе миссий ООН, а также последовательно использовали свои вооруженные силы для преследования целей и интересов своих соответственных региональных органов – ЭКОВАС и САДК, равно как и международных организаций, таких как Африканский союз. В результате подобных усилий Нигерия и Южная Африка вошли в число ведущих стран-участниц миротворческих миссий ООН.

Критерий 2: Широкое представительство. Нигерия и Южная Африка являются частью развивающегося мира. С населением около 202 млн человек, Нигерия – наиболее густонаселенная страна Африки, в то время как Южная Африка занимает лишь пятое место с размером населения в 60 млн жителей. Нигерийские политологи

---

⁴⁵⁵ Campbell J. Global Peacekeeping Operations Overwhelmingly African and in Africa // Council on Foreign Relations, July 10, 2018. URL: <https://www.cfr.org/blog/global-peacekeeping-operations-overwhelmingly-african-and-africa> (accessed on 15.12.2020).

часто используют именно этот факт в качестве аргумента в пользу права Нигерии на постоянное представительство в СБ ООН. Нигерия рассматривает себя как наиболее населенную страну африканского континента, а также как наиболее многочисленную собственно африканскую нацию на Земле [Akpotor, Agbebaaku 2010: 53]. С другой стороны, хотя в демографической структуре Южной Африки и преобладает чернокожее население, на которое приходится 79,4%⁴⁵⁶, страна также занимает первое место среди всех африканских стран по размеру белого населения (приблизительно 9,2%), 8,8% цветного населения и 2,6% индийского или азиатского населения. Соответственно, нигерийские критики утверждают, что с такой демографической структурой Южная Африка не должна представлять африканский континент в СБ ООН [Tella 2019].

С одной стороны, такое утверждение справедливо, однако использование демографических параметров, таких как размер или состав населения, не могут использоваться в качестве критерия того, какая из стран должна представлять Африку в СБ ООН. По критерию численности населения Нигерия превосходит всех остальных нынешних постоянных членов СБ ООН, кроме США и Китая. Если отойти от использования в качестве критерия размера населения, В. Окуму считает, что «какая бы страна не была избрана для представления интересов Африки, такая страна, в первую очередь, должна идентифицировать себя как африканское государство и должна в равной степени отстаивать интересы всего континента»⁴⁵⁷.

Кроме того, Южная Африка уже занимала ряд ведущих должностей и мест в органах международных групп, таких как БРИКС, ИБСА, «Группа двадцати» и СБ ООН; такие примеры представительства уверенно можно считать символическими, поскольку они наглядно демонстрируют международному сообществу способность ЮАР участвовать в руководстве международных организаций [Alden, Schoeman 2015: 241].

С другой стороны, представители Нигерии также занимали должности в международных группах, таких как Организация исламского сотрудничества [Kaayaoglu 2015] и СБ ООН, и к тому же, Нигерия по-прежнему имеет определенное преимущество перед ЮАР, принимая во внимание ее роль в антиколониальном движении на континенте. Тем не менее, важно отметить, что, будучи относительным «новичком», ЮАР все же прекрасно справилась с поставленной задачей и стала одним из крупнейших игроков в Африке.

Критерий 3: Пан-Африканский статус. Панафриканский статус Нигерии и Южной Африки можно оценить на основании вклада этих государств в установление мира, стабильности и развития на африканском континенте. Постколониальная администрация Нигерии выбрала краеугольным камнем своей внешней политики освобождение Африки от колониального гнета. Это проявлялось в качестве активной борьбы за деколонизацию Африки и, в частности, за освобождение всего населения Южной Африки. С помощью таких государств, как Ангола, Зимбабве, Мозамбик, Намибия и ЮАР, Нигерия успешно вышла на передовые позиции, даже невзирая на то, что территориально Нигерия находится за пределами Юга Африки [Akpotor, Agbebaaku 2010: 54; Raimi 2016: 318].

---

⁴⁵⁶ South Africa Population 2020 // World Population Review. URL: <http://worldpopulationreview.com/countries/south-africa-population/> (accessed on 15.12.2020).

⁴⁵⁷ Okumu W. Africa and the UN Security Council permanent seats // Pambazuka News, April 28, 2005. URL: <http://pambazuka.org/en/category/aumonitor/27913> (accessed 15.12.2020).

Нигерия не только внесла значительный вклад в работу Координационного комитета по освобождению Африки Организации африканского единства, но и предоставляла непосредственную финансовую, материальную, военную и моральную поддержку освободительному движению в Южной Африке. В результате усилий по свержению апартеида в Южной Африке Нигерия возглавляла Специальный комитет ООН против апартеида с начала 1970-х годов и вплоть до тех пор, пока законы апартеида не были отменены в 1994 г. [Adebajo 2008]. Помимо борьбы за деколонизацию африканского континента, Нигерия также принимала участие и в других программах, таких как Лагосский план действий по развитию Африки (1980-2000 гг.), принятый Организацией Африканского Единства и направленный на повышение самодостаточности Африки. Более того, нельзя не отметить роль Нигерии в решении конфликтов в Западной Африке, которая особо ярко проявилась в операциях в Ливии и Сьерра-Леоне, когда Нигерия не только направляла своих миротворцев, но и практически единолично финансировала миротворческие операции [Tijjani 2018].

После падения режима апартеида в 1990-х гг. бытовало предвзятое мнение о том, что демократическая ЮАР станет «новичком» на африканской политической арене. Хотя формально это и было правдой, политическое влияние ЮАР стремительно распространилось, начиная с рассвета демократической эры, что сделало страну крупным игроком не только в регионе Сообщества развития Юга Африки (САДК), но и на всем Африканском континенте и, в конечном итоге, во всем мире. С. Амос отмечает, что Сообщество развития Юга Африки было и остается «наиболее важным приоритетом внешней политики ЮАР», что наглядно подтверждается «приверженностью страны всем сферам повестки САДК, включая политическое, социальное и экономическое благополучие региона...» [Amos 2010: 124].

После своего возвращения на африканскую и мировую политическую арену ЮАР начала политику «Африка превыше всего», об эффективности которой можно судить уже только по тому факту, что дипломатические представительства ЮАР имеются в 46 из 54 африканских стран. Хотя ЮАР и не входила в число государств-основателей Организации африканского единства, Южная Африка сыграла ключевую роль в ее трансформации в Африканский Союз. Как Африканский Союз, так и другие заинтересованные акторы достаточно часто, хотя и с переменным успехом обращались к Южной Африке с просьбами выступить посредником в конфликтах в Бурунди, ДРК, Кот-д'Ивуаре, Лесото и Зимбабве [Miti 2012].

О. Абеунрин отмечает, что западные силы относятся к ЮАР более благосклонно, чем к Нигерии, в том числе, благодаря ее демократическим институтам, открытым для представителей всех рас [2009: 32]. Подобное благосклонное отношение ЮАР лишь подтверждается тем, что страна получила приглашение присоединиться к БРИКС, группе крупных развивающихся экономик, и «Группе двадцати», не считая уже устоявшейся роли страны в ООН [Alden and Schoeman 2015: 113].

Заключение

Несмотря на то, что Нигерия и ЮАР прикладывают весомые усилия для реализации панафриканских проектов, их критикуют за продвижение в первую

очередь собственных национальных интересов под видом панафриканизма, не считаясь с некоторыми из своих региональных партнеров [Amos 2010: 127]. Вероятно, Нигерия и ЮАР являются самыми важными государствами в Африке к югу от Сахары. Однако существуют ограничения, подрывающие их способность играть эффективную роль в регионе. Для обеспечения развития Африки, мира и безопасности обеим странам необходимо продвигаться по пути объединения усилий и стратегий.

Список литературы

Дегтерев Д.А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. М: Пусайнс, 2020. 214 с.

Abegunrin O. Africa in Global Politics in the Twenty-First Century. A Pan-African perspective. New York: Palgrave Macmillan, 2009.

Adebajo A. Hegemony on a Shoestring: Nigeria's Post-cold War Foreign Policy. In A. Adebajo & A. R. Mustapha (Eds.). Gulliver's Troubles: Nigeria's Foreign Policy after the Cold War. Kwazulu-Natal: University of Kwazulu-Natal, 2008.

Akpotor A.S., & Agbebaku P.E. The United Nations Reforms and Nigeria's Quest for a Permanent Seat // Journal of Social Science. 2010. 24 (01). P. 51–55.

Alden C. & Le Pere G. South Africa in Africa: Bound to Lead? // Politikon. 2009. 36 (01). P. 145-169.

Alden C. & Schoeman M. (2015). South Africa's Symbolic Hegemony in Africa // International Politics. 2015. 52 (02). P. 239-254.

Amos S. (2010). The Role of South Africa in SADC Regional Integration: The Making or Breaking the Organization // Journal of International Commercial Law and Technology. 2010. 5 (06). P. 124-130.

Bellamy A.J. & Williams P.D. (Eds). Providing Peacekeepers. The Politics, Challenges, and Future of United Nations Peacekeeping Contributions. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Bokeriya S.A., Omo-Ogbebor O.D. Boko Haram: a new paradigm to West Africa security challenges // Vestnik RUDN. International Relations. 2016. 16 (02). P. 274-284

Börzel T. & Risse T. (Eds.) The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Buzan B. & Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. DOI: 10.1017/CBO9780511491252

HLP (High-level Panel). A more secure world: Our shared responsibility. Report of the secretary general's high-level Panel on threats, challenges and change. New York: United Nations, 2004.

Kayaoglu T. The Organization of Islamic Cooperation: Politics, Problems, and Potential. London: Routledge, 2015. DOI: 10.4324/9781315751467

Maseng J.O. Integrating Africa and the Politics of Inclusion and Exclusion in the Process of UNSC Reform // Conflict Trends. 2013. 4. P. 19-25.

Maseng J.O. & Lekaba F.G. United Nations Security Council Reform and the Dilemmas of African Continental Integration // African Security Review. 2014. 23 (04). P. 395-404. DOI: 10.1080 / 10246029.2014.948896

Miti K. South Africa and conflict resolution in Africa: From Mandela to Zuma // Southern African Peace and Security Studies. 2012. 1 (01). P. 26-42.

Neumann I. (Ed). *Regional Great Powers in International Politics*. New York: St. Martin's, 1992.

Nolte D. How to Compare Regional Powers: Analytical Concepts and Research Topics // *Review of International Studies*. 2010. 36. P. 881-901. DOI: 10.1017 / S026021051000135X

Odubajo T. & Akinboye S. Nigeria and South Africa: Collaboration or Competition? // *South African Journal of International Affairs*. 2017. 24 (01). P. 61-77. DOI: 10.1080 / 10220461.2017.1314224

Ogunnubi O. & Tella O. Framing South Africa's Soft Power through Non-State Sources // *Strategic Analysis*. 2017. 41 (05). P. 478-495. DOI: 10.1080/09700161.2017.1343228

Omo-Ogbebor O.D. & Sanusi H.A. Asymmetry of Ecowas Integration Process: Contribution of Regional Hegemon and Small Country // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2017. 17 (01). P. 59-73. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-59-73

Omoruyi I., Idahosa S.O., Mugadam M.M., Sidibe O. Nigeria - South Africa Rivalry in Quest for Regional Power Status: from Material Potential to UN Security Council Membership // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2020. 20 (01). P. 147-157. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-147-157

Prys M. Hegemony, Domination, Detachment: Differences in Regional Powerhood // *International Studies Review*. 2010. 12 (04). P. 479–504. DOI: 10.1111/j.1468-2486.2010.00957.x

Raimi A.L. The Reform and Democratization of the Security Council of the United Nations: The Viability of Nigeria's Quest for a Permanent Seat in the Council // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2016. 6 (11). P. 313-321.

Söderbaum F. & Shaw T. (Eds). *Theories of New Regionalism: A Palgrave Reader*. New York: Palgrave Macmillan, 2003.

Tella O. Space as a fulcrum of Nigeria's external relations and regional hegemony // *Space Policy*. 2018. 46 (01). P. 1–7. DOI: 10.1016/j.spacepol.2018.05.001

Tella O. *Nigeria-South Africa Relations and Regional Hegemonic Competence*. Berlin: Springer Nature, 2019. DOI: 10.1007/978-3-030-00081-3

Tijjani M.A. United Nations Observer Mission and ECOMOG Intervention in Liberia's Peace Process // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2018. 18 (04). P. 872-887. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-872-887

**ГЛАВА 7. БАЛАНС СИЛ В НОВЫХ
МИРОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВАХ
7.1. ОСНОВНЫЕ УЧАСТНИКИ «АРКТИЧЕСКОЙ ГОНКИ»
И БАЛАНС СИЛ В АРКТИКЕ**

М.О. Квасецкий, А.Х. Дегтерев*

Актуальность темы исследования обусловлена наблюдаемыми последствиями глобального потепления. Повышение температуры приводит к значительному уменьшению площади ледяных покровов и уменьшению вдвое толщины морского льда в Арктике, что в свою очередь делает доступными ранее недосыгаемые водные пространства, изменяется ландшафт и открываются новые месторождения полезных ископаемых [Швец, Береснева 2014]. Это вносит свои коррективы в международную геополитическую обстановку в регионе [Загорский 2017; Heininen, Exner-Pirot 2020]. Особенно важно то, что открывается для использования Северный морской путь (находится в юрисдикции России), который позволяет значительно уменьшить транспортные расходы в результате того, что время в пути от Западной Европы до Японии или Китая сократится на 20-40%. Происходящие климатические изменения, а также новые разведанные запасы углеводородов в регионе обострили геополитическое соперничество, получившее название «арктической гонки» [Зонн, Жильцов 2013].

Ключевым аспектом, связанным с таянием полярных льдов, является вопрос обеспечения безопасности. Уменьшение ледяного покрова подразумевает возможность пересмотра принадлежности некоторых территорий в пользу России, согласно конвенции ООН по морскому праву.⁴⁵⁸ Столь существенные изменения естественно учитывают в оборонных ведомствах государств, чьи границы проходят через этот регион. А это страны, состоящие в Арктическом совете: Россия, Канада, США, Норвегия, Дания. Финляндия и Швеция являются субарктическими странами, но, тем не менее, так же состоят в Арктическом совете и поэтому являются полноценными игроками в Арктике.

---

* **Квасецкий Михаил Олегович** – студент бакалавриата вечернего отделения кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Международные отношения», e-mail: 1032157745@rudn.ru; **Дегтерев Андрей Харитонович** – д.ф.-м. наук, профессор, профессор кафедры радиозкологии и экологической безопасности Института ядерной энергии и промышленности Севастопольского государственного университета, e-mail: degsebal@mail.ru.

⁴⁵⁸ Россия заявила о новых доказательствах принадлежности арктического шельфа // РБК, 18.10.2019. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/10/2019/5da996659a7947930671cc9e> (дата обращения 07.12.2020)

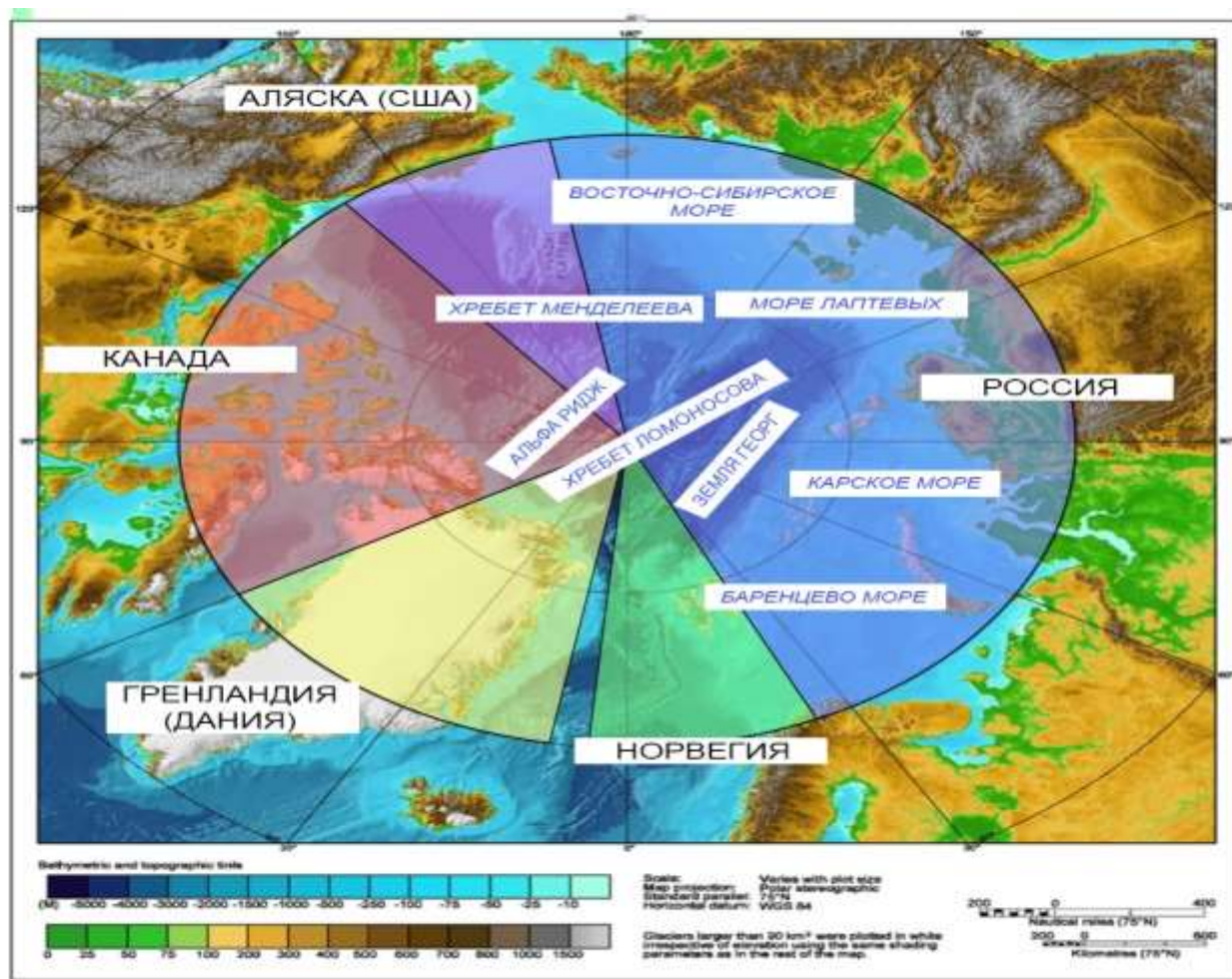

Рис. 1. Деление Арктики согласно секторальному подходу на пять зон: российскую, американскую, канадскую, норвежскую и датскую.

Источник: National Centers for environmental information (National Oceanic and atmospheric Administration).

Такие изменения (и преследуемая выгода вкуче с национальными интересами) сопровождаются дискуссиями между этими странами, где предметами споров становятся не только шельфы и подводные хребты, но и целые острова, архипелаги и полуострова⁴⁵⁹. Свои интересы в этом регионе имеют не только страны, располагающиеся в Арктике. Активно свои экономические цели в Арктике планирует преследовать и Китай [Ягья, Харлампьева, Лагутина 2015], объявивший Арктику зоной своих экономических интересов в документе «Белая книга Арктики» в 2018 г. Стоит так же отметить, что ещё одна неарктическая страна, Великобритания (которая является членом НАТО), объявила о наращивании своей группировки войск в Арктике⁴⁶⁰. Этот факт также нельзя игнорировать.

Тема данной работы подразумевает анализ основных участников «арктической гонки» и оценку баланса сил в регионе. Под балансом сил подразумевается распределение мирового влияния между отдельными центрами силы [Цыганков

⁴⁵⁹ Бурдина А. Хребет преткновения // The Arctic, 15 ноября 2018. URL: <https://ru.arctic.ru/analytic/20181115/804531.html> (Дата обращения 20.12.2020).

⁴⁶⁰ Nicholls D. British forces to step up Arctic deployment to protect Nato's northern flank from Russia // The Telegraph, 17.02.2019. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2019/02/17/british-forces-step-arctic-deployment-protect-natos-northern/> (Accessed 20.12.2020).

2003]. В рамках данной работы рассматривается баланс сил стран, интересы которых заявлены в этом регионе на официальном уровне для реализации мер по развитию Арктики. Для того, чтобы рассмотреть и сравнить основных акторов, расположенных в регионе, необходимо проанализировать их военный потенциал.

Основные региональные акторы и сопоставление их военных потенциалов

В рассматриваемом регионе можно выделить следующих основных акторов: страны Североевропейского оборонного сотрудничества (NORDEFCO), США, Канада, Россия. Разделение осуществляется по географическому признаку. В NORDEFCO входит три государства-члена НАТО – это Дания, Исландия (не имеющая фактически своих вооружённых сил) и Норвегия (которая, как и Исландия, выполняет обязательства перед блоком и разместила на территории своей страны контингент НАТО).

Соединённые Штаты Америки так же являются страной, имеющей выход в Арктику (штат Аляска). Сведения об Аляскинские группировки войск (она же ALCOM) приведены на сайте Северного Командования США (USNORTHCOM)⁴⁶¹. Более подробно структура военного контингента США на Аляске отображена на официальном сайте военной базы Эльмендорф-Ричардсон⁴⁶². У Канады протяжённая арктическая береговая линия, поэтому Арктика входит в зону ответственности всех структурных подразделений Вооружённых сил Канады так или иначе.

NORDEFCO активно развивает сотрудничество между скандинавскими странами: Швеция, Норвегия, Исландия, Дания и Финляндия [Дзюбан 2019]. Целью этого сотрудничества является обеспечение совместной безопасности. Общее командование в рамках данного сотрудничества отсутствует⁴⁶³. Данный союз является оборонительным и направлен на реализацию политики коллективной безопасности. Особенность данного объединения заключается в том, что некоторые страны-участницы (например, Исландия, Дания и Норвегия) состоят ещё и в НАТО, в то время как Швеция и Финляндия заявляют, что придерживаются нейтралитета (что не мешает этим странам являться тесными партнёрами НАТО). Исландия, как уже отмечалось, вообще не имеет собственных вооружённых сил, ограничиваясь только береговой охраной и отрядом специального назначения в составе ООН. Особенность Дании заключается в её выгодном геостратегическом положении: на полуострове Ютландия, Фарерских островах и Гренландии. Так же необходимо отметить, что под её контролем находятся 409 островов датского архипелага. Она является страной-участницей НАТО, как и Норвегия.

Для того, чтобы использовать арктическое пространство, необходимо обладать специальными судами, которые способны проводить ледокольные операции: прокладывать путь во льдах, преодоление ледовых перемычек, выполнение спасательных работ. В Арктике используют как дизельные, так и атомные ледоколы. Атомные ледоколы обладают неоспоримыми преимуществами перед дизельными, так как отсутствует необходимость в регулярной дозаправке топливом, и они намного

---

⁴⁶¹ United States Northern command. URL: <https://www.northcom.mil/About-USNORTHCOM/> (Accessed 08.12.2020).

⁴⁶² Joint Base Elmendorf-Richardson. URL: <https://www.jber.jb.mil> (Accessed 08.12.2020).

⁴⁶³ NORDEFCO official site. URL: <http://www.nordefco.org/the-basics-about-nordefco> (Accessed 11.12.2020).

мощнее. Страной с самым большим ледокольным флотом является Россия (минимум 10 в строю и несколько введены в эксплуатацию в 2020 г.)⁴⁶⁴.

На конференции НАТО по перспективам безопасности в Арктике, проходившей в 2009 г. в Рейкьявике, были определены приоритеты арктической политики этого блока⁴⁶⁵. Был объявлен новый приоритет НАТО – борьба за ресурсы в глобальном масштабе. Роль НАТО в решении задачи обеспечения энергетического снабжения на глобальном уровне не раз становилась вопросом дискуссий на собраниях этого блока. Увеличилось давление на нейтральные Швецию и Финляндию, с целью убедить их вступить в НАТО. Вообще, этот блок стремится удержать лидирующие позиции гаранта глобальной безопасности, что поможет доказать необходимость его существования. И Арктика для них – один из вариантов подтвердить это [Воронков 2013; Шапаров 2013].

В 2018 г. прошли самые масштабные с 2002 г. учения НАТО в Арктическом регионе «Единый трезубец 2018» (Trident Juncture 2018)⁴⁶⁶. К этим учениям были привлечены и страны НАТО, находящиеся далеко на юге. Подразумевается возможность привлечения к действиям в Арктике и прилегающих районах вооружённых сил всех стран-участниц военного блока.

Привлечение к учениям представителей неарктических стран-членов НАТО привело к ряду курьезных ситуаций. Так, СМИ европейских стран осветили инциденты, которые произошли с вооружёнными силами Нидерландов и Словении, бойцы которой не были экипированы должным образом для отработки боевых действий в данном регионе (дефицит подходящей теплой одежды и обуви)⁴⁶⁷, а статистика ДТП на территории Норвегии пополнилась сотнями аварий с участниками боевой техники стран блока. Причиной тому стал гололед.

Официально учения признаны удачными. Они позволили отработать боевую слаженность практически всех стран этого блока. Между тем на практике выяснились критические недочеты, причем не только в оснащении (как техническом, так и в оснащении индивидуальной боевой единицы), но и в навыках личного состава по использованию материальной части эксплуатируемой техники.

Отдельно стоит рассмотреть и боевые корабли блока, которые могут применяться на территории Арктики, но нуждаются в кораблях обеспечения. К ним относятся ледоколы, а ледокольный флот арктических стран НАТО абсолютно несопоставим с российским. Россия является единственной страной, обладающей своим флотом атомных ледоколов (шесть единиц на конец 2019 г.), которые могут работать без дозаправки и в полной автономии, в отличие от дизельных ледоколов, которых у России больше, чем во всех других странах, вместе взятых: 32 дизельных ледокола у России и 22 ледокола у 12 стран, которые могут применяться в Арктическом регионе [CRS2020].

---

⁴⁶⁴ Слободян Е. Новый ледокольный флот России. Инфографика // Аргументы и факты, 26.08.2019. URL: https://aif.ru/money/economy/novyy_ledokolnyy_flot_rossii_infografika (Дата обращения 21.12.2020).

⁴⁶⁵ Holtsmark S. Towards cooperation or confrontation? Security in the High North. Research Paper № 45. NATO Defense College, Rome, February 2009.

⁴⁶⁶ Masters J. NATO's Trident Juncture Exercises: What to Know // Council on Foreign Relations, October 23, 2018. URL: <https://www.cfr.org/in-brief/natos-trident-juncture-exercises-what-know> (Accessed 21.12.2020).

⁴⁶⁷ Nederlandske militære glemte å kjøpe vinterklær før vinterøvelse // Aftenposten, September 26, 2018. URL: <https://www.aftenposten.no/norge/i/oRbGjK/nederlandske-militaere-glemte-aa-kjoepe-vinterklaer-foer-vinteroevelse> (Accessed 21.12.2020).

При рассмотрении технического оснащения сухопутных сил необходимо обратить внимание, что только Норвегия и Дания обладают боевой техникой, которая действительно пригодна для ведения боевых действий в данных климатических условиях. Речь идет о танках «Леопард» 2А4, БМП CV9030N и гусеничном двухсекционном вездеходе «Лось» (Bandvagn 206), являющихся основными для этих стран. Необходимо учитывать одну важную особенность: данная техника производится преимущественно в ФРГ и Швеции (последняя является нейтральной страной).

В России есть целое семейство военной техники, которая специально подготовлена для ведения боевых действий в Арктике. Разница наблюдается и в подходе к освоению этого региона: пока это единственная страна в мире, которая создаёт полноценную боевую систему сухопутных сил, предназначенную для действий в Арктике.

Если абстрагироваться от НАТО и перейти к рассмотрению вооружённых сил собственно арктических стран, то становится понятно, что по большей части у каждой страны так или иначе Арктика входит в зону ответственности, но только российские военные развернули специальную систему, предназначенную для ведения боевых действий на территории Арктического региона. Данная особенность обуславливается протяжённостью арктической линии России. Оснащение этой системы должно быть соответствующее: уже известны арктические модификации боевых машин зенитных комплексов «Тор-М2дт» и «Панцирь-СА», выполненные на базе двухзвенных транспортёров ДТ-30ПМ⁴⁶⁸.

Для сопоставления численности войск в данном регионе были проанализированы официальные ресурсы указанных стран, а также издания The Military Balance (см. табл. 1-2).

Таблица 1

Численность боевых единиц ВМФ, расквартированных на территории Арктики

Страна	Боевые корабли	Корабли поддержки (в т.ч. десантные и авианосцы)	Подводные лодки разных классов	Минные, противоминные корабли	Патрульные катера и корабли разведки
Россия	20	10	33	9	3
США	-	-	-	-	-
Швеция	4	145	5	7	16
Канада	12	10	4	12	12
Норвегия	10	3	6	6	15
Дания	4	2	-	-	4
Исландия	-	-	-	-	5
Финляндия		12		13	8

Составлено на основе данных, приведённых в The Military Balance 2019

⁴⁶⁸ ЗРК «Тор-М2ДТ»: надежный щит для российской Арктики // Национальная оборона, 2019. URL: <https://oborona.ru/includes/periodics/maintheme/2019/0517/130926759/detail.shtml> (дата обращения 21.12.2020).

**Численность сухопутных войск и ВВС,
расквартированных на территории Арктики**

Страна	Сухопутные подразделения (дивизии, бригады, полки)	Подразделения ВВС (эскадрильи, звенья) и ПВО
Россия	18	16
США	8	5
Швеция	14	4
Канада	5	2
Норвегия	11	7
Дания	10	5
Исландия	1	-
Финляндия	7	3

Источник: составлено на основе данных, приведённых в The Military Balance 2019

На основании приведённой информации можно прийти к выводу, что российская группировка войск доминирует и способна отразить военную угрозу в случае прямой агрессии, направленной на нарушение суверенитета России в Арктике.

Так же необходимо отметить, что среди всех арктических и субарктических стран наибольшим военным потенциалом обладает Швеция, так как эта страна производит вооружение для своей страны самостоятельно и является нейтральной страной. Нейтральный статус данной страны позволяет ей вести конструктивный диалог с другими скандинавскими странами.

Внерегionalные акторы в Арктике

К внерегionalным акторам, желающим поучаствовать в так называемой «арктической гонке», относятся Великобритания и Китай. Рассмотрим этих акторов и дадим оценку их влияния на обстановку в данном регионе.

На протяжении 10 лет Великобритания последовательно уменьшала свой военный бюджет, но в 2018 г. министр обороны Великобритании Г. Уильямсон заявил, что британские силы готовятся усиливать своё присутствие в Арктике и разрабатывают свою арктическую стратегию⁴⁶⁹. Для этого будет использоваться военная база НАТО в Норвегии (данная страна является ключевой для НАТО в этом регионе). Великобритания участвовала в учениях 2018 г. и в этом году уже развернула в Норвегии бригаду морских пехотинцев. В апреле 2019 г. британский МИД опубликовал доклад «За границами льда: политика Соединённого Королевства по

⁴⁶⁹ Defence Secretary announces new Defence Arctic Strategy // UK Government, September 30, 2018. URL: <https://www.gov.uk/government/news/defence-secretary-announces-new-defence-arctic-strategy> (Accessed 28.12.2020).

отношению к Арктике», в котором сформулирована задача: стать лидирующей страной-наблюдателем Арктического совета⁴⁷⁰.

Великобритания позиционирует себя как страна, являющаяся одним из лидеров среди стран НАТО и намерена участвовать в «арктической гонке», но из-за недостатка финансирования своих вооружённых сил она выступает за создание своего рода «мини-НАТО» для арктического региона. В январе 2011 года в Лондоне собрали первый саммит с участием стран Северной Европы и Балтии (UK-Nordic-Baltic), в котором приняли участие представители 9 стран: Великобритания, Исландия, Швеция, Дания, Финляндия, Норвегия, Эстония, Латвия и Литва⁴⁷¹. В 2012 г. в Стокгольме (Швеция) форум прошел во второй раз, а его название было изменено на «Северный Форум Будущего» (Northern Future Forum). В 2013 г. 3-й форум прошел в Риге, в 2014 г. – в Хельсинки, в 2015 г. – Рехьявике. В 2016-2017 гг. форум не проводился из-за ухода Д. Кэмерона с поста премьер-министра Великобритании и референдума о членстве Великобритании в ЕС. В 2018 г. форум прошел в 6-й раз в Осло (Норвегия).

В «Северном Форуму Будущего», как правило, принимают участие премьер-министры данных стран, а также деловые круги, исследователи, представители гражданского общества. Тем не менее, ряд экспертов говорит о том, что настоящие цели объединения лежат в военно-политической плоскости. Они связаны с тем, чтобы даже нейтральные арктические и приарктические страны (Финляндия, Швеция) вовлечь в «арктическое мини-НАТО» с целью сдерживания Российской Федерации в Арктике⁴⁷².

В 2018 г. Китай объявил Арктику зоной своих экономических интересов⁴⁷³. Так как у этой страны имеется крупный товароборот со странами Европейского Союза, то она заинтересована в уменьшении цены и времени на транспортировку своих товаров. И Северный морской путь позволяет решать эти задачи. Так же в Арктике находятся большие залежи полезных ископаемых, которые могли бы заинтересовать Китай [Никулин 2019]. Реакцию США на деятельность Китая в Арктике хорошо характеризует предложение Д. Трампа предложение о покупке у Дании острова Гренландия⁴⁷⁴. Сделано это было для того, чтобы вытеснить оттуда Китай, который уже ведёт там разработку полезных ископаемых⁴⁷⁵. В то же время Китай активно развивает сотрудничество с Исландией для того, чтобы увеличить своё присутствие в этом регионе.

Другими целями арктической политики Китая, упомянутыми в основах арктической политики 2018 г. являются: защита Арктики, использование Арктики и участие в управлении Арктикой, защита общих интересов стран и международного

---

⁴⁷⁰ Beyond the Ice: UK policy towards the Arctic // Foreign & Commonwealth office, 2018. URL https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/697251/beyond-the-ice-uk-policy-towards-the-arctic.pdf (Accessed 28.12.2020).

⁴⁷¹ PM hosts Nordic Baltic Summit in London // UK Government, January 19, 2011. URL: <https://www.gov.uk/government/news/pm-hosts-nordic-baltic-summit-in-london> (Accessed 28.12.2020).

⁴⁷² Балмасов С. Арктическое НАТО присмотрит за русскими // Pravda.ru, 19.01.2011. URL: <https://www.pravda.ru/world/1063899-finruss/> (дата обращения 28.12.2020).

⁴⁷³ / 中国的北极政策 / Арктическая политика Китая, 2018 г. //Xinhuanet, 26.01.2018 URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-01/26/c_1122320088.htm (Дата обращения 28.12.2020)

⁴⁷⁴ Donald Trump and Greenland: Why would he want to buy it? // BBC News, August 21, 2009. URL: <https://www.bbc.com/news/newsbeat-49422832> (accessed 28.12.2020).

⁴⁷⁵ Петров Г. Трамп беспокоит китайское присутствие в Гренландии // Новая Газета, 22.08.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-08-22/6_7657_dania.html (дата обращения 28.12.2020).

сообщества в Арктике и содействие устойчивому развитию Арктики. Нельзя сказать, что у Китая нет сил для реализации этих планов – страна уже приступила к постройке собственного ледокольного флота, но пока трудно дать оценку способности вооруженных сил Китая оказывать влияние на обстановку в этом регионе, так как учений Китай в этом регионе не проводит и конкретных подразделений для ведения боевых действий в этом регионе он не имеет. Тем не менее, у Китая сохраняются сильные экономические рычаги давления на США, поэтому необходимо наблюдать за ситуацией дальше, для получения информации, которая позволит ответить на вопрос о возможностях Китая в Арктике.

В целом Китай имеет долгую историю участия в арктических делах. В 1925 г. Китай присоединился к Договору о Шпицбергене, официально начав процесс участия в арктических делах. С тех пор исследования Китая в Арктике продолжали углубляться, его практика продолжала расширяться, его деятельность продолжала расширяться, и его сотрудничество продолжало углубляться. В 1996 г. Китай стал членом Международного арктического научного комитета, и научно-исследовательская деятельность Китая в Арктике становится все более активной. После 1999 года Китай успешно провел множество научных экспедиций в Арктике, используя научно-исследовательское судно «Снежный дракон» в качестве платформы [Никулин 2019].

В отличие от других стран Китай начал своё проникновение в этот регион позднее их и при этом он делал ставку на научно-исследовательскую деятельность. Однако, потом Пекин стал рассматривать Арктику как зону своего экономического, ресурсного и транзитного потенциала. К началу XXI в. эта страна провела масштабную работу по изучению региона, которая в дальнейшем способствовала повышению активности КНР в Арктике.

В деятельности внерегиональных игроков по усилению своих позиций в Арктике можно проследить одну очень важную закономерность: и Китай и Великобритания расширяют сотрудничество со скандинавскими странами. Со стороны скандинавских стран это связано либо с нехваткой финансирования, либо с отсутствием должного уровня технического оснащения для освоения данного региона собственными силами.

Взаимопересечение интересов участников «арктической гонки»

Несмотря на все противоречия между странами арктического региона они стремятся к сотрудничеству. Главной организацией в этом регионе является Арктический совет, в который входят США, Канада, Исландия, Норвегия, Дания, Швеция, Финляндия и Россия. И эти страны ищут пути для невоенного разрешения всех возможных конфликтов. В Арктическом совете ведется диалог по основным проблемам, касающимся Арктики. Однако, это не исключает возникновения напряжённости между отдельными странами-участницами [Коньшев, Сергунин 2018]. Для того, чтобы определить цели и приоритеты отдельных стран в этом регионе, необходимо обратить внимание на нормативно-правовые акты, регулирующие политику этих стран в Арктике, а также посмотреть на основные национальные исследовательские структуры, изучающие регион.

Координацию арктических исследований в США осуществляет Межведомственный комитет по политике в области арктических исследований

(Interagency Arctic Research Policy Committee) ⁴⁷⁶. Среди приоритетных тем, выделенных комитетом, следующие: изучение влияния изменений климата на национальную безопасность, боеготовность, транспортные потребности, рациональное использования природных ресурсов и энергетическую безопасность в регионе. Если изучить пятилетний план исследований Комитета (2017-2021 г.), то можно прийти к выводу, что основные исследования направлены на изучении таяния льдов и прогнозирования того, как это отразится на безопасности США, а также на обеспечении доступности полезных ископаемых и сохранение уникальной природы Арктики. Можно, однако, предположить, что США не заинтересованы в добыче полезных ископаемых в этом регионе. Об этом свидетельствует, например, недавняя сделка по продаже компанией Exxon своих месторождений в Норвегии⁴⁷⁷. В своей деятельности вышеупомянутый комитет руководствуется Законом об арктических исследованиях и политике 1984 г. (дополнен в 1990 г.)⁴⁷⁸.

В 2009 г. была издана Директива № 66 президента США по вопросам политики в отношении Арктики, в которой заявлено о широких и фундаментальных интересах национальной безопасности в арктическом регионе, в число которых входит противоракетная оборона и дальнейшее обнаружение целей, а также обеспечение свободы судоходства и авиационного сообщения⁴⁷⁹. В этой директиве отдельным пунктом отмечена задача по усилению сотрудничества со всеми арктическими державами для усиления коллективной безопасности (в том числе и с Российской Федерацией) [Dwyer 2013].

Следует особое внимание обратить на специфику арктической политики Норвегии. В 2006 г. была представлена Арктическая стратегия Норвегии, в которой были изложены семь основных векторов⁴⁸⁰: реализация стабильной и прогнозируемой политики в отношении Арктики, занимать решающую роль в реализации международной политики в этом регионе, разработка залежей природных ресурсов Арктики, защита коренных народов и развитие их сотрудничества с государствами арктических держав. Укрепление сотрудничества с Россией сформулировано в отдельном пункте. В Норвегии ввели официальное название сферы влияния и интересов Норвегии в Арктике - Nordområdene (национальный приоритет).

В 2017 г. представлена новая арктическая стратегия, предполагающая гармоничное развитие региона ⁴⁸¹. В новом документе обозначены основные направления сотрудничества с Россией, в т.ч. в гуманитарной сфере (people-to-people cooperation), продвижение политического диалога, подписание соглашения по

---

⁴⁷⁶ Interagency Arctic Research Policy Committee // National Science Foundation. URL: <https://www.nsf.gov/geo/opp/arctic/iarpc/start.jsp> (accessed 27.12.2020).

⁴⁷⁷ СМИ узнали о планах Exxon Mobil уйти из Норвегии // РБК, 06.09.2019. URL: <https://www.rbc.ru/business/06/09/2019/5d71ba629a794744ff35fce5> (дата обращения 28.12.2020).

⁴⁷⁸ Arctic Research and Policy Act of 1984 (amended 1990). URL: http://www.iarpcollaborations.org/uploads/cms/documents/iarpc_annex_j_arpa.pdf (accessed 28.12.2020).

⁴⁷⁹ Arctic Region Policy. National Security Presidential Directive 66, Homeland Security Presidential Directive 25, 2009 // Homeland Security Digital Library. URL: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=750476> (accessed 08.01.2020).

⁴⁸⁰ Offerdal K. Norwegian High North strategy // Arctic Strategy Document, GeoPolitics in the High North. URL: https://web.archive.org/web/20171107030511/http://www.geopoliticsnorth.org/index.php?option=com_content&view=article&id=84:arctic-strategy-documents&catid=52&showall=&limitstart=7 (accessed 28.12.2020).

⁴⁸¹ Norway's Arctic Strategy - between geopolitics and social development // Norwegian Ministry of Local Government and Modernization, 2017. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/76dc3d09a93a460c8fe649390a722689/arctic-strategy_kort-versjon.pdf (accessed 28.12.2020).

сейсмическим исследованиям по линии делимитации в Баренцевом море, по мониторингу разливов нефти и в других сферах.

Арктическая политика Швеции сформулирована в Стратегии Швеции в Арктическом регионе⁴⁸². В ней обозначены следующие векторы: обеспечение низкой политической напряжённости в Арктике, укрепление роли Арктического совета в качестве главной площадки для сотрудничества арктических стран, подключение ЕС к арктическим делам в качестве партнёра по сотрудничеству, осуществление проектов сотрудничества в Арктике в соответствии с нормами международного права⁴⁸³.

Арктическая стратегия Дании определяется Стратегией Королевства Дания в отношении Арктики на 2011-2020 гг. Обозначены четыре основных вектора⁴⁸⁴: региональная безопасность, достижение стабильного роста на основе самообеспечения (разработка месторождений полезных ископаемых, проведение научных исследований), охрана природы и развитие контактов с иностранными партнёрами. Несмотря на то, что Дания является конкурентом России (наряду с Норвегией) в вопросе расширения границ континентального арктического шельфа, она вносит вклад в укрепление сотрудничества в Арктике.

Исландия не имеет каких-либо претензий по отношению к России или к другим странам в вопросах расширения морских границ. Все вопросы этого государства так или иначе связаны с изучением экологических проблем. Сформулированы четыре главных вектора национальной арктической политики: расширение сотрудничества с Фарерскими островами и Гренландией на взаимовыгодной основе, поддержка коренных народов, охрана природы и урегулирование разногласий в Арктике с помощью конвенции ООН по морскому праву⁴⁸⁵. Всеми исследованиями занимается Исландское арктическое содружество.

Финляндия основные усилия направляет на решение вопросов безопасности своих границ, защите экологии, развитию экономики и поддержке развития коренных народов Арктики. Все эти векторы⁴⁸⁶ были сформулированы в программе развития Финляндии финского премьер-министра Антти Ринне.

Политика Канады в отношении Арктики была сформулирована еще в 2009 г. в Северной стратегии Канады⁴⁸⁷. Значительные усилия направлены на исследования перспективных месторождений газогидратов метана [Дегтерев 2017] и укрепление обороны. [Bobbitt 2011]. Сама концепция ограничивается только собственными территориями, которые уже по факту принадлежат Канаде. Сформулированы четыре

---

⁴⁸² Swedens's strategy for the Arctic region // Government Offices of Sweden, 2011. URL <https://www.government.se/49b746/contentassets/85de9103bbbe4373b55eddd7f71608da/swedens-strategy-for-the-arctic-region> (accessed 30.12.2020).

⁴⁸³ *Коптелов В.* Арктическая стратегия Швеции // РСМД, 20.08.2012. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arkticheskaya-strategiya-shvetsii/> (дата обращения 28.12.2020).

⁴⁸⁴ Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011– 2020 // Ministry of Foreign Affairs of Denmark URL: https://um.dk/~media/um/danish-site/documents/udenrigspolitik/nyheder_udenrigspolitik/2011/denmark%20strategy%20for%20the%20arctic%202011-2020.pdf (accessed 30.12.2020).

⁴⁸⁵ Together Towards a Sustainable Arctic // Government of Iceland. URL: <https://www.government.is/default.aspx?pageid=482bb71b-eb84-4a2f-9722-cb5e6659a4d1> (Accessed 29.12.2020).

⁴⁸⁶ Inclusive and competent Finland. URL <https://valtioneuvosto.fi/documents/10184/13929401/Inclusive%20and%20competent%20Finland%202019%20WEB.pdf/b9fa92d3-646f-cb37-0593-3724d1b0550a> (дата обращения 30.11.2020).

⁴⁸⁷ Canada's Northern Strategy: Our North, Our Heritage, Our Future (2009) // The Polar Connection. URL <http://polarconnection.org/canadas-northern-strategy-north-heritage-future/> (accessed 30.12.2020).

основных вектора: защита суверенитета Канады, развитие экономики в Северных регионах, охрана климата и адаптация к его изменениям и развитие политической активности. В частности, Канада претендует на Северо-Западный морской проход вдоль Северной Америки через Канадский Арктический архипелаг [Конышев, Сергенин, Субботин 2015].

Выводы

На основании данного исследования можно прийти к следующим выводам:

1) Российская группировка войск находится в конкурентоспособном состоянии и способна отразить военную угрозу (в случае прямой агрессии), направленную на нарушение суверенитета России в Арктике. После проведения анализа военного потенциала арктических стран становится понятно, что среди всех арктических и субарктических стран наибольшим военным потенциалом обладает Швеция, так как эта страна производит вооружение для своей страны самостоятельно и сохраняет внеблоковый статус.

2) Основные внерегиональные игроки (Великобритания и Китай) пытаются расширить сотрудничество со скандинавскими странами для того, чтобы увеличить своё присутствие в Арктическом регионе. В деятельности этих стран по усилению своих позиций в Арктике отмечается важная закономерность: и Китай, и Великобритания расширяют сотрудничество со скандинавскими странами, на которые те идут по двум причинам. Это либо нехватка финансирования, либо отсутствие должного уровня технического оснащения, которое требуется для освоения этого региона.

3) Несмотря на повышение градуса напряженности со стороны НАТО в Арктике, изучение нормативно-правовых актов всех арктических стран показало, что на данный момент ни одна страна не заинтересована в прямой конфронтации с Россией. В частности, Норвегия и Дания в своих доктринальных документах закрепили необходимость расширения сотрудничества с РФ в области исследования и освоения Арктики.

4) Важно, что существует определенная автономия в рамках военно-политического блока NORDEFSCO, который имеет статус оборонительного союза и существует вне рамок НАТО. По мнению авторов, расширение сотрудничества с блоком NORDEFSCO позволит избежать вступления Швеции и Финляндии в НАТО, что позволит сохранить действующий региональный баланс сил, а также минимизирует необходимость присутствия НАТО в Арктике. Тесное экономическое, научно-исследовательское сотрудничество, вкуче с применением политики «мягкой силы» (например, культурный обмен и сотрудничество в сфере образования) являются действенными инструментами для развития диалога между странами NORDEFSCO и России. А налаживание диалога в военной сфере (а при возможности и начало сотрудничества в обеспечении безопасности) с странами-участницами этого блока позволит избежать нежелательных дискуссий по вопросу милитаризации Арктики.

Список литературы

Воронков Л.С. Арктика на восьмерых. Эволюция роли НАТО в арктических широтах // Россия в глобальной политике. 2013. 11 (03). С. 177-189.

Дегтерев А.Х. Влияние гидратообразование на проявление свободных газовых выходов метана на дне водоемов // Геология и геофизика. 2017. 58 (09). С. 1388-1393. DOI: 10.15372/GiG20170910

Дзюбан В. Арктическая политика Норвегии в XXI веке // Архонт. 2019. 6 (15). С. 4-9.

Загорский А.В. Безопасность в Арктике // Современная Европа. 2017. №4. С. 40-49.

Зонн И.С., Жильцов С.С. Арктическая гонка. Захватить и разбудить. М.: Восточная книга, 2013. 264 с.

Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Российско-американские отношения в Арктике: сотрудничество или соперничество? // Мировая экономика и международные отношения. 2018. 62 (09). С. 103-111. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-103-111

Никулин М.А. Великодержавная конкуренция в Арктике: геополитическое соперничество в новом политическом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. 19 (03). С. 392-403. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-392-403

Коньшев В.Н., Сергенин А.А., Субботин С.В. Военная стратегия Канады в Арктике // ПОЛИТЭКС. 2015. 11 (02). С. 27-40.

Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. 590 с.

Шапаров А. НАТО и новая повестка дня в Арктике // РСМД Арктика, 24.09.2013. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nato-i-novaya-povestka-dnya-v-arktike/> (Дата обращения: 24.12.2020).

Швец Н.Н., Береснева П.В. Нефтегазовые ресурсы Арктики: правовой статус, оценка запасов и экономическая целесообразность их разработки // Вестник МГИМО Университета. 2014. 37 (04). С. 60-67.

Ягья В.С., Харлампыева Н.К., Лагутина М.Л. Арктика - новый регион внешней политики Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. №1. С. 43-52.

Bobbitt D.R. Canada's 2009 Northern Strategy: Cold War Policy in a Warming Arctic. School of Advanced Military Studies, United States Army Command and General Staff College Fort Leavenworth, Kansas, 2011. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/6731/a890e2c20c97501d7b42cc0debe36d8f6f6c.pdf?_ga=2.208545618.1902232360.1610017565-2015652378.1608734872 (Accessed 25.12.2020).

CRS. Coast Guard Polar Security Cutter (Polar icebreaker) Program: Background and Issues for Congress. Report RL34391. Congressional Research Service, 2020. URL: <https://fas.org/sgp/crs/weapons/RL34391.pdf> (Accessed 25.12.2020).

Dwyer W. The evolving Arctic: current state of U.S. Arctic policy. Naval Postgraduate School, 2013.

Heininen L., Exner-Pirot H. (Eds). Climate Change and Arctic Security. Searching for a Paradigm Shift. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. DOI: 10.1007/978-3-030-20230-9

The Military balance 2019. The International Institute for Strategic Studies, 2019.

7.2. РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Д.А. Пискунов*

Зарождение мирового киберпространства

Проблема информационной безопасности появилась с зарождением технологий телевидения. В процессе развития радиовещание вышло на международный уровень, что привело к появлению Британо-американской модели международного информационного вещания, информационного вещания СССР и других стран [Международная...2019: 53-60]. С запуском в 1965 г. на геостационарную орбиту первого спутника Intelsat-1 (International Telecommunications Satellite Organization), который положил начало передачи телевизионного сигнала на 11 государств⁴⁸⁸. В том же году Советский Союз запускает свой первый спутник и развивает телекоммуникационную индустрию путем проникновения в другие страны. Тем самым, с 1965 г. начинается борьба за информационное влияние на население, как своей страны, так и зарубежных государств⁴⁸⁹. Телестудии в первую очередь работали на Министерства культуры и выполняли государственную установку на транслирование своей позиции всему миру.

Примерно в это же время в Китае был сформирован центр телевидения, главной задачей которого стало наращивание информационного присутствия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. В рамках CCTV (China Central Television) были созданы отдельные каналы на других языках, направленные на аудиторию других государств. При этом необходимо отметить, что в рамках телевидения государство по своему усмотрению допускает вещание телеканалов других государств на свою территорию. Так, КНР регулировала поток информации, поступающий по телекоммуникационным каналам, через выдачу разрешений на телевидение на территорию своей страны и обязывала использовать китайские спутники. Национальные органы, отвечающую за информационную среду, в праве были запрещать освещать какие-либо темы для китайского телезрителя.

Тем самым, еще до массового запуска интернета и появления СМИ уже была обозначена проблема информационной безопасности, и применялась практика по ограничению и защите информационного пространства. Телевидение выполняло функции формирования общественного мнения, влияния на умы населения, в первую очередь, других государств. Информационное противоборство начало свой отчет с начала транслирования государственных каналов на другие языки.

С процессом формирования телевидения и становления его в качестве инструмента влияния проходил параллельный процесс создания компьютерной техники. Проект компьютеризации, разработкой которого занималось агентство ARPA (Advanced Research Projects Agency), был направлен на обновление военно-ядерной инфраструктуры. Для выполнения проекта была создана первая сеть ARPANET. Министерство обороны США ставило задачу создание механизмов коммуникацию

---

* Пискунов Данил Андреевич – студент 1-го курса бакалавриата кафедры ТИМО РУДН, направление подготовки «Международные отношения», e-mail: 1032191598@pfur.ru.

⁴⁸⁸ История Intelsat // Спутниковые технологии, 15.12.2008. URL: <https://tcomm.ru/istorija-intelsat.html> (дата обращения: 10.11.2020).

⁴⁸⁹ История телевидения в России // ТАСС, 30.09.2011. URL: <https://tass.ru/spravochnaya-informaciya/523158> (дата обращения: 10.11.2020).

между президентом, вооружёнными силами и военными структурами. С развитием данной среды к исследованиям и разработке новых компьютерных систем стали подключаться иностранные научно-исследовательские центры из Великобритании и Норвегии. Впоследствии изучения новой среды были открыты протоколы HTTP, язык HTML, идентификатор URL и принцип WWW, благодаря которым работает современная сеть Интернет. В 1991 г. Всемирная паутина была оформлена благодаря изобретению первого браузера (Mosaic) от М. Андрессена [Международная...2019: 95].

По мере развития сферы ИКТ появлялись как новые возможности для развития социально-экономических отношений, частного и промышленного секторов, так и угрозы для отдельных стран и мирового сообщества. Международное сообщество быстро дало ответ на проблемы, возникшие в связи с отсутствием правового регулирования, принятием в рамках ОЭСР «Директив по проблеме безопасности информационных систем и сетей: формирование культуры обеспечения безопасности»⁴⁹⁰. «Директивы» являются первым документом, в котором были разработаны принципы создания информационной безопасности. В документе «упор делается на необходимость обеспечения безопасности при разработке информационных систем и сетей и принятие новой модели мышления и поведения при использовании информационных систем и сетей и при взаимодействии с ними»⁴⁹¹. Принятие Директив свидетельствует об изменении отношения к обеспечению защиты деятельности в информационном пространстве.

Последующим актом, обосновавшим важность механизма регулирования информационной среды, стала «Окинавская хартия глобального информационного общества»⁴⁹², принятая на саммите «Группы восьми» в Японии в 2000 г. Декларация констатировала оформление «глобального информационного общества», существование которого основывается на взаимодействии с информационно-коммуникационными технологиями. В Хартии выделено прогрессивное влияние информационно-коммуникационных технологий (ИТ) на формирование общества, взаимодействие общества и государства, развитие социально-экономических отношений, открытие новых возможностей для предпринимательства. В документе рассмотрены вопросы сотрудничества по транснациональной организованной преступности, поиска эффективных политических решений актуальных проблем, привлечение представителей промышленности и других структур для защиты информационных структур, а также выполнения принципов по безопасности информационных систем ОЭСР.

С появлением мобильных средств доступа в сеть Интернет заметно изменилось количество пользователей и характер обмена информацией. Увеличение числа Интернет-пользователей обусловлено влиянием развития информационно-коммуникационных технологий, цифровой среды. Под действием этих факторов оформлялось «Информационное общество», которое в процессе развития становилось глобальным. Как было отмечено ранее, в 2000 г. информационное

---

⁴⁹⁰ Обзор Директивы ОЭСР по проблеме безопасности информационных систем и сетей: формирование культуры обеспечения безопасности // Официальный сайт ОЭСР, 2003. URL: <https://www.oecd.org/sti/ieconomy/15582276.pdf> (дата обращения: 18.12.2020).

⁴⁹¹ Там же.

⁴⁹² Окинавская хартия Глобального информационного общества // Официальный сайт Президента России, 21.07.2000. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения 19.12.2020).

глобальное общество и структуры, которые обеспечивают взаимодействие членов этого общества, было оформлены.

Как видно из таблицы 1, глобальное информационное общество с 2000 г. за период в 19 лет увеличилось на 1,157%. Данный факт свидетельствует о том, что мировое общество адаптирует и использует достижения сферы ИКТ и становится глобальным. Однако пользователями сети Интернет является только половина населения, это означает, что влияние ИКТ будет распространяться.

Таблица 1

Мировая статистика использования Интернета по состоянию на 2019 г.

Регионы	Население	Процент от мирового населения	Интернет пользователи	Скорость проникновения (% от населения)	Рост 2000-2019	Доля от мирового Интернета
Африка	1,320,038,716	17.1 %	522,809,480	39.6 %	11,481 %	11.5 %
Азия	4,241,972,790	55.0 %	2,300,469,859	54.2 %	1,913 %	50.7 %
Европа	829,173,007	10.7 %	727,559,682	87.7 %	592 %	16.0 %
Латинская Америка	658,345,826	8.5 %	453,702,292	68.9 %	2,411 %	10.0 %
Средний Восток	258,356,867	3.3 %	175,502,589	67.9 %	5,243 %	3.9 %
Северная Америка	366,496,802	4.7 %	327,568,628	89.4 %	203 %	7.2 %
Океания/ Австралия	41,839,201	0.5 %	28,636,278	68.4 %	276 %	0.6 %
Весь мир	7,716,223,209	100.0 %	4,536,248,808	58.8 %	1,157 %	100.0 %

Источник: Internet World Stats. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (accessed 13.12.2020).

Более половины населения Земли интегрированы в сеть Интернет, обмениваются информацией и составляют основу сферы ИКТ. Тенденции развития ИКТ в мире, в том числе в странах Азии и АТР, свидетельствуют о том, что влияние цифровых технологий на все сферы человеческой жизни будет только возрастать. А это означает, что обеспечение безопасности в информационной сфере, в области современных телекоммуникаций, «классического» и мобильного Интернета становится ключевой задачей в развитии и внедрении цифровых технологий [Исаев 2018: 225-226].

Таким образом, первое международное телевидение показало возможности влияния информационных потоков, что привело к появлению таких явлений, как информационное влияние, информационное общество, информационная война. Ввиду этого государства предприняли меры по защите своего информационного пространства от иностранного влияния. Появление компьютера и начало его широкого применения привело к оформлению нового пространства, ключевое место

в котором занимала информация. Компьютерные технологии изменили подход к методам обработки, хранения и передачи информации.

Достижения сферы ИКТ позволило создать пространство для передачи информации из одной системы в другую, что стало определенным шагом для развития сети Интернет. Сформировавшаяся сеть Интернет изменила все сферы жизни общества и стала основой для выполнения многих процессов, которые раньше проходили с меньшей эффективностью. Однако это создало комплексную проблему по защите информации, производимой в результате таких процессов. Крайне сложный характер приобрел вопрос защиты информационного потока от внешнего влияния и нераспространения ложной информации [Некоторые аспекты анализа... 2014: 334-481]. Эти и многие другие проблемы стали результатом развития информационно-коммуникационных технологий.

Потенциал стран и союзов в киберпространстве

Запуск Интернета произошёл впервые в Соединенных Штатах Америки в 1969 г. в рамках проекта под совместным руководством Министерства обороны и Управления перспективных исследовательских проектов США. Данный проект был направлен на обеспечение Президента, национальных структур безопасности и вооружённых сил новыми альтернативными средствами безопасности [Ситуационные анализы 2013: 133-150]. На данный момент, в области киберпространства большинство стран находятся на начальном этапе разработки системы, отвечающей за кибербезопасность. С другой стороны, по той причине, что данная сфера является новой и создана благодаря деятельности человека, определился перечень стран, которые являются лидерами по разработкам, продвижению инициатив и экспорту.

Одним из таких лидеров являются Соединенные Штаты Америки. США – одно из немногих государств, имеющих структурные органы, отвечающие за военную и оборонную кибербезопасность государства. Первоначально Киберкомандование находилось под командование USSTRATCOM, выполняющее такие задачи, как стратегическое сдерживание, совместные операции в электронной среде, ядерные операции, противоракетную оборону. Повышение роли политики кибербезопасности и изменения характера ведения войны привело к созданию отдельного Боевого командования. В 2018 г. в структуре Министерства Обороны США было выделено 10-е Объединенное боевое командование - Киберкомандование США (USCYBERCOM). Проект создания Киберкомандования США выполняет три основных направления деятельности: оборона, оказание поддержки командирам-комбатантам для выполнения их задач по всему миру, противостояние кибератакам и реагированию на них. Финансирование Киберкомандования США составляет 610 млн долл. США⁴⁹³.

Миссия Киберкомандования – планирование и осуществление операций в киберпространстве для защиты и продвижения национальных интересов. Киберкомандование США имеет в распоряжении 133 команды и 6187 военных и гражданских лиц⁴⁹⁴, из которых штатным (full-time personnel) персоналом являются

---

⁴⁹³ Statement of General Paul M. Nakasone Commander US Cyber Command before the Senate Committee on Armed Services, 14 February 2019 // Official website of US Senate Committee on Armed Services. URL: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Nakasone_02-14-19.pdf (accessed: 3.12.2020).

⁴⁹⁴ U.S. Cyber Command History // Official website of US Cyber Command. URL: <https://www.cybercom.mil/About/History/> (accessed: 3.12.2020).

1520 военных⁴⁹⁵. В структуре данной боевой единицы выделены следующие функциональные службы: Армия Киберкомандования США, Десятый Флот Киберкомандования США, Шестнадцатые Военно-воздушные силы и Командование Киберпространством Сил Морской Пехоты. Армия Киберкомандования включает в себя около 16 500 солдат, гражданских служащих и подрядчиков. Структура армейского командования имеет киберподразделения по информационным операциям, 780-ю Бригаду военной разведки, Командование по технологиям сетевого предприятия армии США, Бригаду Киберзащиты и штаб Совместных Киберсил⁴⁹⁶. Каждая киберединица расположена в разных штатах и имеет свой круг компетенции. Также стоит отметить, что в структуре Киберармии существуют региональные центры, расположенные в Европе, на Корейском полуострове, в Персидском заливе, в Тихом океане и штате Аризона⁴⁹⁷. Данные киберцентры отвечают за стабильность, проведение полного спектра операций и ограничение деятельности противников в киберпространстве.

Законодательная база по ведению государственной политики в киберпространстве является также одной из сильных сторон США. Первый документ был принят в 2003 г. в виде «Национальной стратегии безопасности киберпространства»⁴⁹⁸. Вместе со Стратегией была принята директива Президента от 2003 г. № 7 «Об определении, приоритизации и защите критически важных элементов инфраструктуры»⁴⁹⁹. Данные законодательные акты заложили основы политики кибербезопасности США. После их принятия последовало создание Министерства внутренней безопасности США. Далее в 2008 г. была подписана «Комплексная национальная инициатива по кибербезопасности»⁵⁰⁰. Документ ставит фундаментальные задачи по достижению кибербезопасности, в т.ч. установить линию обороны против современных угроз путем повышения осведомленности о сетевых рисках и угрозах, создать защиту от всего спектра угроз путем расширения возможностей контрразведки и усилить будущую систему кибербезопасности путем повышения качества образования в данной области, подготовки кадров.

Следующий документ, вышедший сразу после Национальной Инициативы в 2009 г., стал ключевым в оформлении структуры кибербезопасности США. «Обзор политики в киберпространстве: создание надежной и гибкой информационно - коммуникационной инфраструктуры»⁵⁰¹ декларировал осуществлении программ, установленных в предыдущем документе, а также организовывал деятельность

---

⁴⁹⁵ Statement of General Paul M. Nakasone Commander US Cyber Command before the Senate Committee on Armed Services, 14 February 2019 // Official website of US Senate Committee on Armed Services. URL: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Nakasone_02-14-19.pdf (accessed: 3.12.2020).

⁴⁹⁶ About US Army Cyber Command // Official website of US Army Cyber Command. URL: <https://www.arcyber.army.mil/Organization/About-Army-Cyber/> (accessed: 12.12.2020).

⁴⁹⁷ Army Cyber Fact Sheet: Army Cyber Command // Official website of US Army Cyber Command. URL: <https://www.arcyber.army.mil/Info/Fact-Sheets/Fact-Sheet-View-Page/Article/1435502/army-cyber-fact-sheet-army-cyber-command/> (accessed: 12.12.2020).

⁴⁹⁸ The National Strategy to Secure Cyberspace 2003 // Official website of the Department of Homeland Security. URL: https://www.us-cert.gov/sites/default/files/publications/cyberspace_strategy.pdf (accessed: 12.12.2020).

⁴⁹⁹ Homeland Security Presidential Directive 7 "Critical Infrastructure Identification, Prioritization, and Protection" // Official website of the Department of Homeland Security. URL: <https://www.cisa.gov/homeland-security-presidential-directive-7> (accessed: 3.12.2020).

⁵⁰⁰ The Comprehensive National Cybersecurity Initiative // Archive website of the National Security Archive of the George Washington University. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB424/docs/Cyber-034.pdf> (accessed: 4.12.2020).

⁵⁰¹ Cyberspace Policy Review: Assuring a Trusted and Resilient Information and Communications Infrastructure // Official website of Federation of American Scientists. URL: <https://fas.org/irp/eprint/cyber-review.pdf> (accessed: 4.12.2020)

государственных органов, отвечающих за кибербезопасность. В созданной системе законодательных документов образовался вакуум, который вылился в ряд проблем по обеспечению защиты правительственных сетей. Это послужило составлению в 2015 г. «Стратегии и плана реализации действий в области кибербезопасности»⁵⁰². В 2018 г. была принята «Национальная киберстратегия США»⁵⁰³, обозначившая механизмы по обеспечению безопасности государства, противников в киберпространстве и необходимость создания более совершенного оружия. В рамках законодательной базы предусмотрено развитие кибербезопасности США путем финансирования, совместной деятельности правительственных органов и Национальных научно-исследовательских центров по подготовке кадров и проведение учений.

С появлением технологий ИКТ развитые государства преступили модернизации своей экономики. Так, государства Европейского союза, в первую очередь, объединившиеся с целью создания единого экономического союза, столкнулись с проблемой защиты государственных и частных компаний. К формированию безопасного киберпространства члены ЕС преступили в 2004 г., учредив общеевропейский центр по защите киберпространства Европы (European Network and Information Security Agency, ENISA). ENISA было призвано решать проблемы информационной и сетевой безопасности, предоставлять консультативные услуги, содействовать формированию законодательной базы союза и развивать высокий уровень экспертных знаний. В структуре Агентства, кроме Правительства и Исполнительного совета, действует Консультативная группа в составе 33 экспертов и Национальная сеть офицеров, состоящая из представителя каждого государства. Используя структуру, Европейский союз ведет деятельность по укреплению суверенного киберпространства. В область компетенции органа входит осуществление системы сертификации кибербезопасности. Система предполагает проверку продуктов, услуг и процессов ИКТ на соответствие определенным стандартам безопасности в целях защиты доступности, подлинности и целостности хранимых или передаваемых, или обрабатываемых данных⁵⁰⁴. Основная роль Агентства – содействие развитию рынка в современных условиях развития ИКТ, подготовка кадров (повышение квалификации, образование), сертификация кибербезопасности и консультирование ведущих национальных агентств по вопросам кибербезопасности [Timmers 2018: 373]. Другим органом, отвечающим за политику ЕС в киберпространстве, является Европейский центр киберпреступности (European Cybercrime Centre – EC3), включая стратегические команды и целевые группы по борьбе с киберпреступностью. EC3 занимается правоохранительной деятельностью в сети, защищая граждан ЕС от кибермошенничества с платежами, похищения данных и много другого. Так же, как и ENISA, EC3 не отвечает за военную политику ЕС в киберпространстве, не имеет милитаризованных киберподразделений,

---

⁵⁰² Cybersecurity Strategy and Implementation Plan (CSIP) for the Federal Civilian Government 2015 // Official website of National Institute of Standards and Technology of US Department of Commerce. URL: <https://csrc.nist.gov/Topics/Laws-and-Regulations/executive-documents/CSIP> (accessed: 4.12.2020).

⁵⁰³ National Cyber Strategy of the USA 2018 // Official website of the White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (accessed: 5.12.2020).

⁵⁰⁴ ENISA Mandate and Regulatory Framework // Official website of the The European Union Agency for Cybersecurity. URL: <https://www.enisa.europa.eu/about-enisa/regulatory-framework> (accessed: 4.12.2020).

проводящих операций с использованием технологий ИКТ. Этот аспект реализуется отдельно на национальном уровне каждого государства.

Рассматривая потенциал Европейского союза в киберпространстве, необходимо обратить внимание на лидеров данного объединения. Одним из таковых является Великобритания. В Обзоре стратегической обороны и безопасности⁵⁰⁵ финансирование системы обеспечения кибербезопасности составляет 1,9 млрд. фунтов. В 2009 г. была принята первая Национальная Стратегия Великобритании, а в 2010 г. существующие и потенциальные угрозы в киберпространстве были признаны «рисками первого уровня»⁵⁰⁶.

Главным государственным органом, распределяющим обязанности между своими структурными субъектами, является Центр правительственной связи (GCHQ). Он осуществляет политику, установленную Стратегией национальной безопасности⁵⁰⁷, и выполняет решения Совета национальной безопасности. Центр находится в тесном сотрудничестве с Секретной разведывательной службой Великобритании (Secret Intelligence Service, MI6) и Службой безопасности (Security Service, MI5), которые определяют ключевые угрозы безопасности. Перед MI6 поставлены три основные цели для достижения безопасности государства, одна из которых – обеспечение Великобритании преимущества в киберпространстве. Служба Безопасности занимается вопросами обеспечения защиты от кибершпионажа, компьютерных атак и нейтрализации враждебных акторов в киберсреде. В 2013 г. Великобритания начала формировать киберсилы, создав Межвидовую кибергруппу (Joint Forces Cyber Group)⁵⁰⁸.

На данный момент ключевым нормативным актом Великобритании является Национальная Стратегия Кибербезопасности⁵⁰⁹ за 2016 г. В документе определен единый центральный орган по кибербезопасности на национальном уровне – Национальный центр кибербезопасности (NCSC). Центр является частью Центра правительственной связи (GCHQ) и включает многие элементы, ранее действовавшие под руководством GCHQ, в частности подразделение по информационной безопасности (CESG), Группа быстрого реагирования на чрезвычайные происшествия в области компьютерной безопасности (CERT-UK) и Центр оценки киберугроз (CCA). Одним из структурных ведомств является Центр по защите национальной инфраструктуры (CPNI), главными задачами которого являются особый контроль над защитой критической инфраструктуры государства и обеспечение безопасной деятельности с использованием технологий ИКТ государственных и частных компаний. В 2019 г. организована Группа реагирования на

---

⁵⁰⁵National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015 // Official website of the Government of the United Kingdom. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/national-security-strategy-and-strategic-defence-and-security-review-2015> (accessed: 7.12.2020).

⁵⁰⁶The strategic defence and security review: securing Britain in an age of uncertainty, October 19, 2010 // Official website of the Government of the United Kingdom. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-strategic-defence-and-security-review-securing-britain-in-an-age-of-uncertainty> (accessed: 4.12.2020).

⁵⁰⁷National Cyber Security Strategy 2016 to 2021 // Official website of the Government of the United Kingdom. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/national-cyber-security-strategy-2016-to-2021> (accessed: 4.12.2020).

⁵⁰⁸Карасев П. Кибервойска Европы и НАТО // РСМД, 13 марта 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kibervoyska-evropy-i-nato/> (Дата обращения: 6.12.2020).

⁵⁰⁹National Cyber Security Strategy 2016 to 2021 // Official website of the Government of the United Kingdom. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/national-cyber-security-strategy-2016-to-2021> (accessed: 4.12.2020).

инциденты в области кибербезопасности (CSIRT)⁵¹⁰, созданная при Центре защиты национальной инфраструктуры (CPNI) и обеспечивающая безопасность компаний в указанном секторе.

Также в структуре Стратегического командования Объединенного Королевства, относящегося к Министерству Обороны, находится подразделение Цифровой Обороны (Defense Digital). Данное подразделение является ведущим структурным элементом, отвечающим за распределения цифровых и информационных технологий, совершенствования технологий, поддержку киберопераций и оборонных объектов. В Стратегии кибербезопасности Объединенного Королевства⁵¹¹ предусмотрены Центр по проведению операций в киберпространстве (CSOC) и Офис Кибербезопасности (OCS) в структуре Кабинета Министров.

Таким образом, Великобритания реализует комплексный подход к обеспечению собственной кибербезопасности и государственного информационного суверенитета, используя при этом функции внешней разведки, технологии центров и способности оперативных групп.

Федеративная Республика Германия входит в число стран, обладающих потенциалом в киберпространстве. Деятельность государства началась с опубликования в 2011 г. документа, систематизировавшего политику Германии в киберпространстве. В соответствии с этим документом генеральная деятельность по реализации киберполитики стала задачей Федерального офиса информационной безопасности Министерства внутренних дел (Bundesamt für Sicherheit in der Informationstechnik). Следствием выполнения Стратегии стало учреждение Национального центра киберреагирования (Nationales CyberAbwehrzentrum). Основная задача Центра заключается в раннем выявлении киберуроз, а также сбор и анализ информации о потенциальных и существующих угрозах. Важным строительным блоком в кибербезопасности Германии является Совет национальной кибербезопасности. Ввиду того, что членами данного органа являются представители ключевых федеральных министерств (экономики и энергетики, финансов, иностранных и внутренних дел, юстиций, образования и исследования), деятельность Совета охватывает все сферы и отрасли государства, укрепляя безопасность и совершенствуя процессы путем применения технологий ИКТ. Разработка инновационных продуктов и услуг, оружия и технологий находится в ведении отдельного Центра киберинновации (Cyber Innovation Hub). Задача центра – искать пути получения более мощного оружия для Военных Сил Германии.

В 2016 г. была опубликована Белая книга по вопросам политики безопасности и будущего Бундесвера⁵¹², которая определяет киберугрозы как одни из важнейших в политике безопасности Германии. Кибероборона ФРГ основана на Командовании в Кибер и Информационном пространстве (Kommando Cyber und Informationsraum), созданном в 2017 г. в качестве шестого органа высшего военного управления.

---

⁵¹⁰ Incident management: A cyber security incident response team (CSIRT) // Official website of the National Cyber Security Centre of the United Kingdom. URL: <https://www.ncsc.gov.uk/collection/incident-management/creating-incident-response-team> (accessed: 7.12.2020).

⁵¹¹ Cyber Security Strategy of the United Kingdom: safety, security and resilience in cyber space, June 2009 // Official website of the The European Union Agency for Cybersecurity. URL: https://www.enisa.europa.eu/topics/national-cyber-security-strategies/ncss-map/UK_Cyber_Security_Strategies.pdf (accessed: 10.12.2020).

⁵¹² White Paper on German Security Policy and the Future of the Bundeswehr 2016 // Official website of the International Security Sector Advisory Team of the Geneva Centre for Security Sector Governance. URL: <https://issat.dcaf.ch/download/111704/2027268/2016%20White%20Paper.pdf> (accessed: 10.12.2020).

Командование отвечает за информационное и цифровое пространство (CIR) и взаимодействует совместно с Командой информационных технологий (Kommando Informationstechnik der Bundeswehr, KdoITBw), со Стратегическим командованием (Kommando Strategische Aufklärung, KdoStratAufkl) и Центром геопроосранственной информации (Zentrum für Geoinformationswesen der Bundeswehr, ZGeoBw). Автор считает необходимым отметить тот факт, что структурные единицы действуют только в рамках обеспечения кибер- и информационной безопасности. В структуре военных подразделений выделены Команда по реагированию на инциденты, которой считается Центр кибербезопасности Бундесвера, и Красные команды, имеющие специальный статус и отвечающие за системы Национальной обороны. Такой командой является Центр киберопераций, в состав которого входит штаб из 115 человек⁵¹³. Общее количество военных, задействованных в работе центров, составляет 13 500 военных и гражданских лиц⁵¹⁴.

Таким образом, Германия рассматривает обеспечение национальной безопасности путем координации деятельности сразу нескольких структурных элементов, задачи, которых заключаются в стратегическом планировании деятельности командования, обеспечении установки, функционирования и защиты информационной системы Бундесвера, а также проведении геопроосранственной разведки.

Франция является одним из государств, демонстрирующим свой кибернетический потенциал, имеющий структуры управления и обеспечения безопасности суверенитета в киберпространстве. При президентстве Саркози в 2008 г. был составлен первый документ, обосновавший наличие таких угроз, как кибератаки на национальные органы, инфраструктуру, хищение персональных данных. Белая книга по вопросам обороны и национальной безопасности⁵¹⁵ признавала формирование цифрового общества, использование технологий ИКТ в государстве и в соответствии с этим предусматривала меры по защите кибер и информационного пространства государства. В результате принятия данного документа было создано Национальное Агентство по кибербезопасности Франции (The French National Agency for the Security of Information Systems, ANSSI), первоначальной задачей которого стало ранее обнаружение угроз и обеспечение кибербезопасности государства, федеральных органов, правительственных сайтов.

С учетом изменения динамики изменения кибератак на объекты критической инфраструктуры в 2013 г. была составлена новая Белая книга по обороне и национальной безопасности⁵¹⁶, которая предусматривала план обеспечения защиты национальной инфраструктуры. В жизненно важных государственных и частных секторах создается институт Оператора, который путем взаимодействия с ANSSI

---

⁵¹³ Das Zentrum Cyber-Operationen // Official website of the Bundeswehr. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/cyber-und-informationsraum/kommando-und-organisation-cir/kommando-strategische-aufklaerung/das-zentrum-cyber-operationen> (accessed: 11.12.2020).

⁵¹⁴ Entwicklung des Organisationsbereichs bei der Bundeswehr // Official website of the Bundeswehr. URL: <https://www.bmvg.de/de/themen/cybersicherheit/cyber-verteidigung/entwicklung-des-org-bereich-bei-der-bw> (accessed: 12.12.2020).

⁵¹⁵ Livre Blanc sur la Defense et la Securite Nationale Devant 2008 // Official website of the White Paper Defense 2008. URL: http://archives.livreblancdefenseetsecurite.gouv.fr/2008/information/les_dossiers_actualites_19/livre_blanc_sur_defense_875/livre_blanc_1337/livre_blanc_1340/index.html (accessed: 11.12.2020).

⁵¹⁶ Livre Blanc Defence et Securite Nationale 2013 // Official website of the White Paper Defense 2013. URL: http://www.livreblancdefenseetsecurite.gouv.fr/pdf/le_livre_blanc_de_la_defense_2013.pdf (accessed: 12.01.2020).

повышает устойчивость к кибератакам. В полномочия ANSSI входит проверка Операторов на уровень защиты и запрос на принятие мер по улучшению безопасности в случае его кризиса. Отдельное внимание стоит уделить защите системы региональной безопасности Франции. В каждом регионе функционирует местный центр, деятельность которого направлена на выполнение установленных принципов государства в киберпространстве. Агентство контролирует работу региональных центров. На данный момент в системе ANSSI работает 600 экспертов⁵¹⁷.

Несмотря на техническую составляющую политики Франции в киберпространстве, оборонная, военная политика получила свое развитие позже. До 2017 г. задачи военной политики в киберпространстве выполняло Министерство обороны, в котором с принятием Пакта кибербезопасности Франции⁵¹⁸ был учрежден пост Командующего по вопросам киберобороны и Аналитический центр оборонных киберопераций (Centre d'Analyse et de Lutte Informatique Defensive, CALID). Более того, в Белой книге 2013 г. стояла задача разработки оперативного резерва киберзащиты. В этом же направлении Пакт ставил задачу создания Резерва киберзащиты под руководством ANSSI, который должен быть задействован в случае серьезного цифрового кризиса. Резерв создан в 2016 г. и в невоенное время выполняет задачи по обеспечению киберзащиты на национальной территории.

В 2017 г. Франция создала отдельное Командование сил киберзащиты французских армий (COMCYBER) и приняла Международную Цифровую стратегию. Стратегия представляет принципы деятельности государства как на национальном, так и на международном уровнях в трех сферах: управлении, экономике и в области безопасности. Киберкомандование отвечает за проведение операций, ведение обороны информационных систем военных Министерств, определение конкретных технических потребностей в киберзащите и управление армией⁵¹⁹. По заявлению Флоранс Парли, Министра армии Франции, к 2025 г. состав Киберкомандования будет увеличен на 1000 кибербойцов, и общая численность составит 4000 киберкомбатантов⁵²⁰.

В штаб Киберкомандования входит три организации: Аналитический центр в оборонительной компьютерной борьбе (CALID), Центр по аудиту безопасности информационных систем (CASSI) и Центр резерва и оперативной готовности киберзащиты (CRPOC). В области киберпространства Франция активно развивает военный потенциал, создавая программные документы ведения оборонительных и наступательных операций. Так, например, военная доктрина наступательной информационной борьбы (Doctrine de lutte informatique offensive, LIO)⁵²¹ ставит несколько целей: разведка, добыча и сбор информации для оценки военного потенциала противника, уменьшение или уничтожение военного потенциала

---

⁵¹⁷ France and Cyber security // Official website of the Ministry for Europe and Foreign Affairs of France. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/security-disarmament-and-non-proliferation/fight-against-organized-criminality/cyber-security/> (accessed: 13.12.2020).

⁵¹⁸ Hathaway M., Demchak C., Kerben J., McArdle J., Spidaleri F. France Cyber Readiness at a Glance 2016 // Potomac Institute for Policy Studies, 2016. URL: https://www.potomac institute.org/images/CRI/CRI_France_Profile_PIPS.pdf (accessed: 5.12.2020).

⁵¹⁹ La cyberdéfense // Official website of the Ministry of Armed Forces of France, 17.10.2018. URL: <https://www.defense.gouv.fr/english/portail-defense/issues2/la-cyberdefense/la-cyberdefense/presentation> (accessed: 9.12.2020).

⁵²⁰ Ibid.

⁵²¹ Ibid.

противника, препятствие пропагандистскому, информационному влиянию противника. В свою очередь, Политика оборонительной компьютерной борьбы⁵²² (*politique de lutte informatique défensive, LID*) ставит следующие задачи перед Киберкомандованием и Национальным Агентством: предвидение, обнаружение и реагирование, а также предотвращение, защита и присвоение. Согласно Политике, поскольку киберпространство является средой конфронтации, необходимо обеспечение постоянной киберзащиты для Министерства обороны.

Таким образом, ключевые государства Европейского Союза имеют свой военный киберпотенциал, выраженный в виде отдельных подразделений киберкомандования, центров и групп реагирования. Однако стоит отметить, что такой уровень киберобороны присущ только ограниченному количеству стран – в то время, как большинство других государств на национальном уровне имеют только законодательные акты.

Необходимо также обратить внимание, что в рамках НАТО организована структура Центров передового опыта. Ключевым в области кибербезопасности стал Центр в области Киберобороны НАТО, расположен в г. Таллин. Его задачами являются разработка новейших ИКТ, обучение специалистов, проведение киберучений. В результате деятельности центра было опубликовано два документа по вопросам применения международного права к киберпространству: Таллинское руководство и Таллинское руководство 2.0.

Другим центром, отвечающим за деятельность организации в киберпространстве, является Центр в области стратегических коммуникаций (*NATO Strategic Communications Centre of Excellence*), содействующий укреплению стратегического коммуникационного потенциала в рамках Североатлантического союза и союзных государств. Стратегическая деятельность — это скоординированное и надлежащее использование коммуникационных средств и потенциала НАТО в поддержку политики, операций и деятельности Североатлантического союза. Необходимо отметить, что Центры являются независимыми международными военными организациями. В структуре НАТО будет создан Центр киберопераций, который мобилизует кибернетический потенциал государств-партнеров. Проект создания нового Центра рассчитан до 2023 г. Новая структурная организация повысит кибермощь государств и уровень их безопасности.

Одним из ключевых органов в структуре НАТО выступает Агентство связи и информации НАТО (*Communications and Information Agency*). Агентство является связующим звеном в деятельности государств-членов объединения, технологическим центром, миссия которого объединять структуры НАТО, работающие в киберпространстве, и защищать сети НАТО. В структуре Агентства находятся 4 центральные элемента и более 30 центров в Европе, Северной Америке и Юго-восточной Азии для проведения операций НАТО и сотрудничества с правительствами стран партнеров⁵²³. Координационный центр НАТО по реагированию на компьютерные инциденты (*NATO Computer Incident Response Capability*), являющийся

---

⁵²² *Cyberdéfense: la France passe à l'offensive* // Official website of the Ministry of Armed Forces of France, 18.01.2019. URL: <https://www.defense.gouv.fr/actualites/articles/cyberdefense-la-france-passe-a-l-offensive> (accessed: 6.12.2020).

⁵²³ *The NATO Communications and Information Agency: Leading NATO's Digital Endeavour* // Official website of the NATO Communications and Information Agency. URL: <https://www.ncia.nato.int/About/Pages/About-the-NCI-Agency.aspx> (accessed: 6.12.2020).

частью Агентства связи и информации, занимается защитой сетей НАТО и включает команду из 200 экспертов в области кибербезопасности⁵²⁴.

Важным аспектом в анализе потенциала является рассмотрение сотрудничества между организациями. Первым шагом в сотрудничестве между ЕС и НАТО в 2016 г. стало Техническое соглашение о киберзащите между Координационным центром НАТО по реагированию на компьютерные инциденты (NCIRC) и Компьютерной группой реагирования на чрезвычайные ситуации ЕС (CERT-EU)⁵²⁵. В рамках соглашения организации ставят цели повышения кибербезопасности путем обмена информацией, обмена практики в использовании передовых технологии ИИ. В результате подписания Совместной Декларации⁵²⁶ между ЕС и НАТО был создан Европейский центр передового опыта по противодействию гибридным угрозам (Hybrid CoE) для анализа, предупреждения и раннего обнаружения гибридных и кибер угроз. Деятельность Hybrid CoE будет также сопровождаться участием Центров НАТО в Риге и Таллине, что будет способствовать повышению уровня кибербезопасности в странах-членах альянса.

В дополнение к выше рассмотренным соглашениям необходимо отметить сотрудничество НАТО и ЕС в рамках программы Постоянного структурного сотрудничества (PESCO) в области обороны. В перечне проектов развития структуры два относятся к вопросам кибербезопасности – это создание Платформы обмена информацией и Группы быстрого реагирования на киберинциденты и взаимопомощи⁵²⁷. Первый проект направлен на обеспечение информированности всех существующих систем об угрозах и атаках, второй, в свою очередь, позволит коллективно реагировать на киберинциденты⁵²⁸.

Настоящие и потенциальные угрозы

Вопрос информационной и кибернетической безопасности получил импульс развития и был вынесен на повестку дня с представлением Российской Федерации доклада Генеральному секретарю ООН в 1998 г.⁵²⁹. Российский проект раскрывал такие понятия, как потенциальные угрозы в сфере международной безопасности, информационная война, информационный терроризм, неправомерное вмешательство в кибернетическое пространство государства, использование информационных ресурсов и информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. В результате российский проект резолюции был принят единогласно и вошел в историю под номером A/RES/53/70⁵³⁰. Документ, принятый от

---

⁵²⁴ NATO Cyber Defence // Official website of the NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2019_02/20190208_1902-factsheet-cyber-defence-en.pdf (accessed: 6.12.2020).

⁵²⁵ NATO and the European Union enhance cyber defence cooperation // Official website of the NATO. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_127836.htm?selectedLocale=en (accessed: 7.12.2020).

⁵²⁶ Joint declaration by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization, 08.07.2016 // Official website of the NATO. URL: https://www.nato.int/cps/cz/natohq/official_texts_133163.htm (accessed: 12.12.2020).

⁵²⁷ Declaration on PESCO projects // Official website of the European Council and Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/32020/draft-pesco-declaration-clean-10122017.pdf> (accessed: 6.12.2020).

⁵²⁸ Карасев П. Кибервойска Европы и НАТО // РСМД, 13 марта 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kibervoyska-evropy-i-nato/> (дата обращения: 6.12.2020).

⁵²⁹ Developments in the field of information and telecommunications in the context of international security // Official website of the UN. URL: <https://www.un.org/disarmament/ict-security/> (accessed: 29.12.2020).

⁵³⁰ Резолюция 70 (1999), принятая Генеральной Ассамблеей на ее 53-й сессии 4 января 1999 г. // A/RES/53/70. URL: <https://undocs.org/A/RES/53/70> (дата обращения: 10.12.2020)

4 декабря 1998 г., стал отправной точкой по правозащитной деятельности в сфере МИБ и взаимодействию стран для дальнейшего развития цивилизации и расширения возможностей взаимодействия на общее благо. Далее Резолюцией 54 сессии Генеральной Ассамблеи ООН о «Достижении в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности» была на высшем уровне установлена проблема использования ИКТ «в целях, несовместимых с задачами обеспечения международной стабильности и безопасности»⁵³¹.

Таким образом, в результате российских инициатив в ООН была запущена деятельность по устранению, ограничению и нейтрализации актуальных и потенциальных проблем и угроз в этой области. Разработкой угроз и проблем в сфере ИКТ занялась Группа правительственных экспертов (ГПЭ). Автор считает необходимым рассмотреть проблемы, отмеченные в «Докладе правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности»⁵³². ГПЭ, включая 15 экспертов-представителей ведущих мировых держав, обеспечивает всесторонний и углубленный обмен мнениями по вопросу о ликвидации угроз в области МИБ и создании комплекса совместных мер для обеспечения МИБ. В Докладе, представленном в 2010 г., отражены следующие проблемы:

Информационная преступность. Первая проблема, отмеченная Докладом, сложилась ввиду использования технологий ИКТ как в законных, так и в злонамеренных целях. Информационно-коммуникационные технологии достигли такого уровня развития и обеспечения инфраструктуры, что любое устройство ИКТ может стать средством злонамеренной деятельности. В Докладе от 2013 г. отмечено, что с каждым годом повышается сложность выявления источника угрозы и неправомерной деятельности. Данная тенденция обусловлена глобальным охватом сети ИКТ, глобального незащищенного доступа к информационным ресурсам.

Смежный характер имеет проблема повышения угрозы частным лицам, компаниям, а также государственным национальным органам. В Докладе по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности от 2013 г.⁵³³ отмечается повышение частоты атак на государственные и негосударственные органы, которые несут все более тяжелые последствия в виде информационного или финансового ущерба.

По данным исследования Bitkom от 2018 г. европейские промышленные компании потерпели ущерб от атак на цифровые системы на сумму около 43,4 млрд. евро в течение двух последних лет⁵³⁴. Данный факт показывает необходимость создания систем защиты от кибер угроз. Ответом на растущую потребности в защите системы от кибер атак стала деятельности немецких компаний Volkswagen, Allianz,

---

⁵³¹Резолюция 19 (2002), принятая Генеральной Ассамблеей на ее 56-й сессии 7 января 2002 г. // A/RES/56/19. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/56/19> (дата обращения: 10.12.2020).

⁵³²Доклад группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности, 30.07.2010 // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/65/201&referer=/english/&Lang=R (дата обращения: 16.12.2020).

⁵³³Доклад группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности, 24.06.2013// Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/68/98&referer=/english/&Lang=R (Дата обращения: 16.12.2020).

⁵³⁴Wirtschaftsschutz in der Industrie // Bitkom Research GmbH. URL: <https://www.bitkom-research.de/en/product/83> (accessed: 25.12.2020).

BASF и Bayer. Совместно с Федеральным Министерством Внутренних дел Германии и Федеральным управлением информационной безопасности Германии они создали Кибер-службу безопасности для немецкой экономики (Deutsche Cyber-Sicherheitsorganisation GmbH, DCSO). Это свидетельствует об увеличении ущерба от атак на корпоративные и бизнес системы, что привело к созданию под эгидой правительственных ведомств самостоятельную организацию по защите от кибер угроз. Также компания Huawei заявила о запуске кибератак, нацеленных на проникновение во внутренние информационные системы⁵³⁵. Руководство компании заявило, что правительство США прибегло к ряду злоупотреблений в отношении Huawei. Тем самым, цифровое пространство преобразовало деятельность государственных и негосударственных структур в области защиты информации и данных.

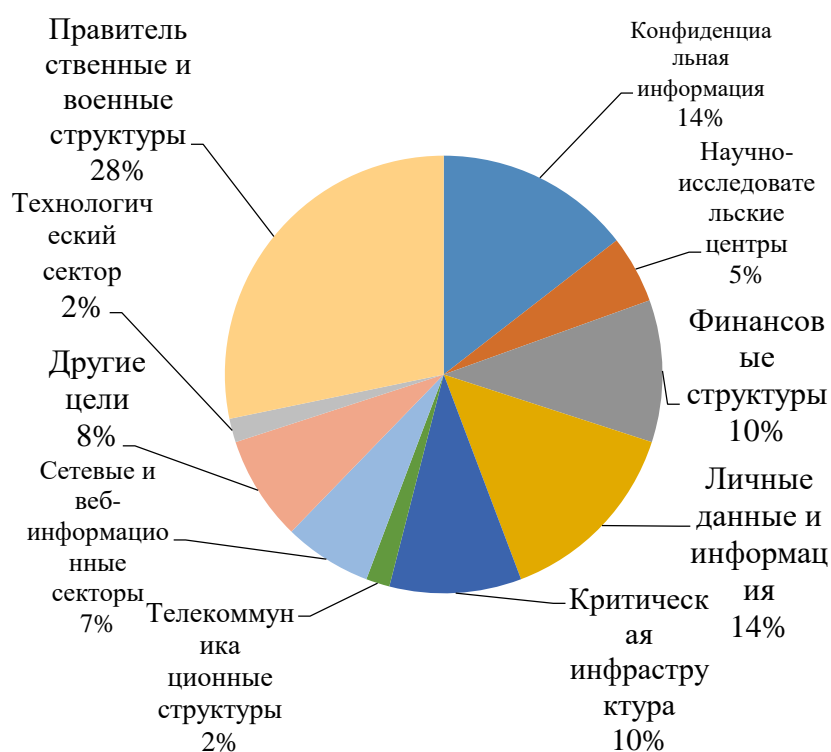

Рис. 1. Основные цели кибератак

Источник: Составлено автором на основе отчета Significant Cyber Incidents⁵³⁶.

Автором приведена статистика по целям атак (см. рис. 1), в которой выделены такие важные факторы, как государственные и военные структуры, критическая информация, не подлежащая общему доступу, личная информация и данные, критическая инфраструктура и финансовые структуры. Особое внимание стоит уделить атакам на государственные и военные структуры, которые чаще всего подвержены нападениям. С проблемой защиты государственных структур связана проблема защиты критической информации, которая раскрывается при проникновении в информационную базу посольств, правительств и компаний. Также

⁵³⁵ Media Statement Regarding Reported US DoJ Probes into Huawei // Huawei, 2019. URL: <https://www.huawei.com/ke/facts/voices-of-huawei/media-statement-regarding-reported-us-doj-probes-into-huawei>. (accessed: 25.12.2020).

⁵³⁶ Significant Cyber Incidents // Center for Strategic & International Studies. URL: <https://www.csis.org/programs/technology-policy-program/significant-cyber-incidents> (accessed: 25.12.2020).

одна из приоритетных целей атак – это критическая инфраструктура. Кроме прочих целей, выделенных в диаграмме, большому количеству атак подвержены и финансовые структуры, результатом которых становится экономический ущерб, похищение технологий и данных сотрудников.

Информационный терроризм. Проблема использования достижений сферы ИКТ в террористической деятельности является одной из центральных. В первую очередь террористические группировки используют сеть Интернет как средство коммуникации, сбора информации, координации деятельности и вербовки. Пропаганда своих взглядов и ценностей, заманивание на свою сторону приводит к тому, что терроризм привлекает все больше и больше сторонников через сеть Интернет. Одной из важных угроз является и то, что при наличии средств, террористы смогут вести подрывную деятельность в сфере ИКТ, что приведет впоследствии к более организованным террористическим актам. Террористические атаки разделяются на несколько степеней: идеологическая мотивация (политическая, этническая, религиозная), использование или воздействие на информационную систему цифровыми и физическими средствами и запугивание или принуждение аудитории [Post, Ruby, Shaw 2000: 101].

Разработка и применение кибероружия, подготовка и ведение информационной войны. Ключевой проблемой, выведенной Группой экспертов, стала разработка методов, тактик и стратегий ведения информационных и кибервойн, а также целенаправленное создание кибервооружения для поражения критической инфраструктуры противника. Сложность данной проблемы заключается в том, что в военном конфликте между двумя государствами будут использоваться не только традиционные методы и практики ведения войны, но и информационное оружие, искусственный интеллект в целях дезорганизации армии противника путем дезинформации, нарушения деятельности ключевых органов путем вирусных атак и информационного влияния в государстве-противнике, обеспечение национальной безопасности. Используя кибероружие, военные операторы могут проникать и дестабилизировать работу критической инфраструктуры государства и частных компаний. Машины искусственного интеллекта могут управлять военными единицами, в том числе и большими группами БПЛА [Рамич 2019: 243].

Развитие наступательного вооружения может привести к непреднамеренным наступательным операциям в киберпространстве и возможности эскалации конфликта. Если кибероперация станет составной частью военной силы и войдет в общую концепцию ведения боевых действий, а развивающиеся страны не смогут достичь уровня суверенной киберзащиты государственного суверенитета, то данные условия приведут к дилемме кибербезопасности [Buchanan 2016: 155]. Альтернативой позицией данному мнению можно выделить отношение бизнес-структур к данному вопросу. В частности, компания Huawei в своем позиционном документе по кибербезопасности⁵³⁷ отметила необходимость обеспечения безопасной цифровой экосистемы, основанной на выработанных правительствами и отраслевыми организациями стандартах кибербезопасности. Применение компьютерного вируса

---

⁵³⁷ Huawei releases its position paper on cyber security // Official website of Huawei, November 2019. URL: <https://www.huawei.com/en/facts/voices-of-huawei/huawei-releases-its-position-paper-on-cyber-security> (accessed: 25.12.2020).

против иранской ядерной программы в 2010 г. сказалось на оценке международного сообщества применения и разработки кибервооружения.

В новом цифровом измерении обозначилась гонка вооружения, которая повышает степень напряженности в киберпространстве [Erin 2018: 222]. Ряд экспертов выступают против ограничений на создание и разработку вооружений. Их мнение таково: отдельные профессиональные группы технологических лидеров, используя профессиональные системы кибероружия, минимизируют риски и угрозы в целях повышения общей стабильности в цифровой среде [Hare 2019: 207]. Такой сценарий предусматривает использование передовых технологий в целях обеспечения безопасности для мирового сообщества, однако не отклоняет перспективу «гонки вооружений».

Использование доминирующего положения в информационном пространстве в ущерб интересам и безопасности других стран. В первую очередь источником такой проблемы является отсталость развивающихся государств в этой области. Державы-лидеры в сфере ИКТ умышленно ограничивают как доступ к новым технологиям, так и управляют информационными потоками. «Цифровой разрыв» (Digital divide) [Chen, Wellman, 2004: 40] может привести к зависимости развивающихся стран от наиболее развитых. Социоэкономические, технологические и лингвистические факторы стали причинами для разделения стран на развивающиеся и развитые в цифровом пространстве. Отсутствие или наличие навыков, ресурсов и инфраструктуры влияет на отношения между государствами в информационном пространстве. Страны с низким уровнем качества технологий ИКТ имеют ограниченный доступ к исследованиям, достижениям информационного пространства, что сказывается на их внутривнутриполитической деятельности. Так, государство, создавая информационную инфраструктуру государственных органов в политическом секторе, способно повысить качество публичной власти [Barth, Veit 2011: 5]. Однако, как отмечают эксперты, в данном случае цифровое разделение стран обусловлено и наличием квалифицированных специалистов, специализированных центров по подготовке экспертов в данной области [Brooks, Donovan, Rumble 2013: 271].

Ввиду того, что данное направление требует объемных финансовых инвестиций, развивающиеся государства не имеют возможности развивать подготовку IT-специалистов. В том числе одной из главных причин, выделяемой экспертами, цифрового отставания развивающихся стран является отсутствие информационных баз данных для исследовательской деятельности, доступа к международным научным журналам [Brooks, Donovan, Rumble 2013: 273]. Эта проблема имеет далеко идущие последствия – начиная с того, что отсутствие информационных ресурсов ставит барьер для развития научной деятельности в области повышения качества информационной грамотности и компьютерных навыков, заканчивая тем, что отсутствие удаленного доступа посредством достижения сферы ИКТ препятствует развитию научной, исследовательской среды государства и повышению качества образования граждан. Данные факторы в первую очередь сказываются на многоаспектном развитии государства.

С этим вопросом коррелируют проблемы «информационного колониализма» (*information age colonialism*) [Gross 2006: 116] и «компьютерно-опосредованной колонизации» (*computer-mediated colonization*) [Ess 2002: 15]. Данные исследования

показали, какой эффект дало интегрирование информационных технологий в существование и развитие мирового сообщества. Эти процессы привели к тому, что было создано виртуальное пространство, которое способствовало расширению границ государств. Именно это пространство сейчас является местом и объектом неокOLONиализма [Ward 2010: 148]. Борьба за контроль над цифровой средой обещает стать главным полем битвы для определения информации, доступной гражданам, а также нормативных значений ключевых понятий, таких как демократия, представительство и так далее.

Таким образом, международное признание важности развития технологий ИКТ в развивающихся государствах и привлечение их к участию в форумах, конференциях, совместных учениях создаст основы для выхода из данной проблемы и уменьшения риска колониальной зависимости.

Повсеместное внедрение информационно-коммуникационных технологий. Источником угрозы являются государственные и такие негосударственные органы, как отдельные лица, группы или организации, включая преступные сообщества, деятельность которых направлена на проникновение в систему хранения данных. Эта проблема обусловлена широким применением информационно-коммуникационных технологий. Более широкое использование ИКТ на ключевых инфраструктурных объектах и в системах управления производственными процессами открывает новые возможности для подрывных действий. Стремительное расширение масштабов использования устройств мобильной связи, сетевых услуг, социальных сетей и услуг по обработке данных в удаленной среде расширяет круг проблем в сфере безопасности. Ввиду глобального характера проблема усложняется. Это может привести к тому, что преступная кибердеятельность может вестись из любой точки Земли, в то время как объектом атаки могут стать все те, кто загружает свои данные в сеть Интернет.

Таким образом, автором были выделены ключевые проблемы на основе докладов Группы правительственных экспертов и Соглашения Шанхайской организации сотрудничества. Несмотря на деятельность, которая ведется на разных уровнях, включая ГПЭ, ООН, ШОС, а также российские инициативы в ЕАЭС и БРИКС, ввиду специфических особенностей сферы информационно-коммуникационных технологий существует трудность в отслеживании исполнения договоренностей между государствами в этой области. В дополнение к этому, необходимо отметить, что практически невозможно доказать факт информационных атак на те или иные инфраструктуры. Международное сообщество разработало комплекс проблем, но с каждым новым достижением в сфере информационно-коммуникационных технологий они усложняются. Хотя на региональном уровне или национальном уровне некоторых государств может быть выстроен такой уровень защиты, но в одно и то же время эти структуры могут стать источником этих проблем. Поэтому в этом вопросе важен международный подход, который создаст защиту на основе деятельности всех стран.

Российская модель правового регулирования

Одним из ключевых акторов в киберпространстве является Россия. Позиция данного государства основывается на многостороннем подходе в сфере регулирования новой среды. Государство, заключая двухсторонние и многосторонние соглашения, ставит цель - установить международный правовой режим,

направленный на создание условий для формирования системы международной информационной безопасности [Проблемы информационной безопасности...2016: 13]. Всеобъемлющее признание, совместное реагирование и атрибуция атак, происходящих в информационной и кибернетической среде, позволит развивать и использовать технологии ИКТ без рисков для государственных и негосударственных субъектов. Ввиду того, что традиционные правовые нормы регулирования не могут быть полностью применимы к инцидентам в данной области, появляются акторы, которые пользуются правовым вакуумом и ставят под угрозу стабильность данной среды.

Российская Федерация предпринимает постепенные шаги и инициативы по созданию системы международной информационной безопасности [Зиновьева 2019: 174], которые, в частности, привели к заключению двух основополагающих соглашений: первого в рамках Шанхайской организации сотрудничества⁵³⁸ и второго между правительствами России и Китая⁵³⁹. Совместная деятельность государств и создание первого официального нормативно-правового документа между несколькими странами показала возросшую роль и значение ИКТ в международных отношениях, необходимость регулирования отношений между государствами в информационном и кибернетическом поле. Государства ШОС, начав совместную деятельность по обеспечению МИБ, транслировали свою позицию относительно видения всеобъемлющей Конвенции по противодействию преступлениям в сфере использования ИКТ и показали наглядный пример совместной деятельности, направленной на обеспечение безопасности киберпространства. Отдельно необходимо отметить тот факт, что Соглашение носит открытый характер, в результате к данной группе стран присоединились Пакистан и Индия. Тем самым, это свидетельствует об идее создания всеобъемлющего договора, регулирующего международные информационные отношения.

Расширение международного сотрудничества по обеспечению и созданию системы МИБ является одним из ключевых направлений России в обеспечении глобальной и национальной безопасности. Это установлено такими официальными документами, как Доктрина информационной безопасности РФ⁵⁴⁰, Стратегия национальной безопасности РФ⁵⁴¹, Основы государственной политики РФ в области международной информационной безопасности⁵⁴². Опираясь на эти документы, российская дипломатия решает задачу защиты национальных интересов в глобальном информационном обществе. Равноправное стратегическое партнерство и противодействие угрозам стратегической стабильности должны быть обеспечены

---

⁵³⁸ Соглашение между правительствами государств - членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности 2011 г. // Консорциум Кодекс. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902289626> (accessed: 10.12.2020)

⁵³⁹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности // Официальный сайт Правительства России, 30 апреля 2015. URL: <http://static.government.ru/media/files/5AMAccs7mSIxgbff1Ua785WwMWcABDJw.pdf> (Дата обращения: 10.12.2020).

⁵⁴⁰ Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (Дата обращения: 18.12.2020).

⁵⁴¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (Дата обращения: 16.12.2020).

⁵⁴² Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document114/> (Дата обращения: 23.12.2020).

системой международной информационной безопасности, что, согласно позиции России, будет способствовать поддержанию технологического паритета с технологическими державами и нейтрализации угроз для государств, не способных обеспечить информационную безопасность.

Позиции России и Китая по обеспечению МИБ находят общие черты уже на протяжении 20 лет и объединяют деятельность двух стран [Понька, Рамич, У 2020]. В 2011 г. государства выступили с инициативой рассмотрения и принятия проекта Конвенции «Об обеспечении международной информационной безопасности». Далее партнерство России и Китая распространилось на БРИКС. В рамках БРИКС в 2015 г. в Уфимской декларации под пунктами 33 и 34 были признаны ключевые проблемы в информационном пространстве ⁵⁴³. Заключительным этапом совместной деятельности по ликвидации правового вакуума в киберпространстве стало заключение двухстороннего соглашения и закрепление сотрудничества государств. Межправительственное соглашение установило совместное реагирование на угрозы в сфере МИБ, разработку норм международного права и продвижения их на международном уровне. Главным образом, государства закрепили те правовые принципы, которые они считают основополагающими в системе МИБ: защита критической информационной инфраструктуры, противодействие международному терроризму, создание безопасного и открытого доступа к глобальной сети.

Заклучив договор, правительства двух стран признали общность своих интересов и необходимость стратегического сотрудничества, обеспечивающего безопасность двух стран, а также продвижения норм, принципов и идеи создания МИБ на международной арене. Российская модель правового регулирования киберпространства основывается на доверительных отношениях между государствами в информационном пространстве, использовании технологий ИКТ в гражданской, социально-экономической и политической сферах и совместное реагирование на угрозы, появляющиеся в этой области. В документе предлагаются равноправные межгосударственные отношения в цифровом пространстве, основывающиеся на равном доступе каждой страны к информационно-коммуникационным технологиям, в том числе к форумам, конференциям и киберучениям, посвященным развитию сферы ИКТ.

Кроме данного соглашения, по заявлению начальника департамента обеспечения безопасности в области информации и информационных технологий аппарата Совета безопасности РФ Сергей Бойко ⁵⁴⁴, Россия подготовила пакет проектов соглашений о сотрудничестве с 9 странами. Более того, уже 8 соглашений о сотрудничестве уже заключено. Ввиду отсутствия правовой основы международной информационной безопасности Россия создает совместную систему реагирования на угрозы, возникающие в этой среде. Все подписанные документы имеют стратегический характер партнерства по реагированию на угрозы и атаки в информационном и киберпространстве. Также данный факт подчеркивает, что Россия совместно с подписавшими государствами создают как правовую основу

---

⁵⁴³Уфимская декларация VII саммита БРИКС (Уфа, РФ, 9 июля 2015 года) // Официальный сайт Президента России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/YukPLgicg4mqAQly7JRB1HgePZrMP2w5.pdf> (Дата обращения: 19.12.2020).

⁵⁴⁴Россия согласует проекты соглашений о кибербезопасности с девятью странами // ТАСС, 15.10.2019. URL: <https://tass.ru/politika/7005096> (Дата обращения: 19.12.2020).

взаимодействия по вопросам МИБ в двухсторонних отношениях, так и практику правовой деятельности в данной сфере. С 2010 г. Россия заключила восемь подобных межправительственных соглашений с Бразилией, Белоруссией, Вьетнамом, Индией, Китаем, Кубой, Туркменистаном и ЮАР⁵⁴⁵, что говорит о растущей роли национальной и международной безопасности и заинтересованности сторон в реализации смежных подходов по созданию такой безопасности.

Большим шагом в укреплении китайско-российского всеобъемлющего сотрудничества стало Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики от 25 июля 2016 г.⁵⁴⁶ Главы государств обратили внимание на общность интересов двух государств, в том числе обеспечения информационного государственного суверенитета, продвижения общей позиции на международной арене. В преамбуле документа говорится, что «все страны мира имеют важные общие интересы и пространство для сотрудничества, должны на основе взаимного уважения и доверия обеспечивать безопасность информационного пространства». Заявление определяет позицию двух государств по отношению к другим государствам в информационном пространстве. Поддерживаются равные права всех государств на равное управление сети Интернет, право на защиту национальной безопасности и право на свободный доступ к информационным технологиям. Партнерство двух государств способствует установлению и признанию принципов и норм, направленных на создание управляемой и контролируемой системы МИБ.

Ответом на деятельность и инициативы России является принятие резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/73/27⁵⁴⁷. 8 ноября 2018 г. Российская Федерация представила проект, который в ходе голосования поддержали 119 государств, 46 стран выступили против, 14 – воздержались⁵⁴⁸. В создании проекта участвовали 30 государств, что говорит о широком признании подходов Российской Федерации. Прежде всего, это первоначальный свод из 13 правил, норм и принципов ответственного поведения государств в информпространстве [Смирнов 2018: 189]. Их смысл — заложить основу мирного взаимодействия государств в ней, обеспечить предотвращение войн, конфронтации и любых агрессивных действий. Более того, Резолюция постановила в 5 пункте о создании новой Рабочей Группы Открытого Состава (РГОС). Данный шаг обусловлен тем, что многие страны были заинтересованы в участии или расширении ранее созданной Группы Правительственных Экспертов, в которую входили только 15 представителей-экспертов государств. РГОС основана на принципе открытости, что позволяет каждому государству принимать участие в выработке норм, принципов и правил ответственного поведения государств. Тем самым, продвигая модель правового регулирования, Россия находит общность интересов с другими государствами в регулировании киберпространства, создает основы для равноправного взаимодействия в данной области на региональных площадках и заявляет о совместной позиции стран в резолюциях.

---

⁵⁴⁵Там же.

⁵⁴⁶ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики от 8 июля 2016 года // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5312> (Дата обращения: 23.12.2020).

⁵⁴⁷Резолюция 505 (2018), принятая Генеральной Ассамблеей на ее 73-й сессии 5 декабря 2018 г. // ООН, 2018. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/27> (Дата обращения: 22.12.2020).

⁵⁴⁸Там же.

Таким образом, данная модель строится на многостороннем подходе, что подтверждает количество двухсторонних соглашений России и соавторство в создании проекта резолюции, включает стратегическое взаимодействие между странами в поддержании МИБ, совместные по ее обеспечению и доверительные отношения. Позиция России основана на следующих принципах, которые транслирует международному сообществу: укрепления доверия, ведение открытого диалога, взаимопомощи в цифровой среде, совместное реагирование на угрозы, противодействие созданию и распространению информационного оружия.

Американская модель правового регулирования

США является безусловным лидером, согласно данным Science & Engineering Indicators 2018 по объему инвестиций, вкладываемых в научные исследования, наращиванию высокотехнологичного производства⁵⁴⁹. На 2015 г. сумма инвестиций в НИОКР составила порядка 495,1 миллиарда долларов⁵⁵⁰. Исходя из этих данных, можно утверждать, что Соединенные Штаты отводят большую роль развитию технологий ИКТ. В контексте правового регулирования необходимо рассмотреть «Международную стратегию США для киберпространства»⁵⁵¹. Это документ, принятый в 2011 г., является основой ведения внешней политики в информационном пространстве и закладывает три основных принципа: свободу самовыражения, неприкосновенность частных данных и свободный доступ к информации.

Стратегия содержит раздел «Правоохранительная деятельность: расширение сотрудничества и обеспечение верховенства права», в котором показаны принципы политики в сфере правового регулирования в информационной среде. Среди этих принципов отдельно необходимо рассмотреть рекомендацию к присоединению к Будапештской конвенции. США выступают за гармонизацию законодательства путем присоединения к Конвенции о киберпреступности. Данная конвенция имеет цель – унифицировать все законодательные базы права путем создания общей уголовной политики [Селянин 2017: 135]. Конвенция обеспечивает международное сотрудничество в делах, связанных с расследованием киберпреступлений, и способствует многостороннему сотрудничеству по решению вопросов, связанных с регулированием киберпространства. Россия и некоторые другие государства не согласилась ратифицировать данное соглашение. В частности, из-за наличия ст. 32 о трансграничном характере данных, расположенных в другом государстве, доступ к которым другие государства могут получать без уведомления⁵⁵². В дополнение к этому конвенция предполагает сбор определенной информации на территории ратифицировавших государств, необходимой для расследования уголовных дел, связанных с киберпреступлениями.

В принципы ответственного поведения государств в киберпространстве входят такие базовые нормы, как признание прав и свобод, борьба с терроризмом, уважение

---

⁵⁴⁹ Science & Engineering Indicators 2018 // National Science Foundation. URL: <https://www.nsf.gov/statistics/2018/nsb20181/> (accessed: 25.12.2020).

⁵⁵⁰ Data – S&E Indicators 2018 // National Science Foundation. URL: <https://www.nsf.gov/statistics/2018/nsb20181/data/sources> (accessed: 25.12.2020).

⁵⁵¹ International Strategy for Cyberspace: Prosperity, Security, and Openness in a Networked World, May 2011// Official website of Homeland Security Digital Library. URL: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=5665> (accessed: 28.12.2020).

⁵⁵² Convention on Cybercrime, 23.09.2001 // Official website of European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_conv_budapest_/7_conv_budapest_en.pdf (accessed: 26.12.2020).

частной собственности, в чем позиция США сходна с позицией России. Эти же принципы проходят красной линией и в «Стратегии кибербезопасности США»⁵⁵³, принятой в 2015 г. Стоит заметить, что в обоих документах есть пункты, в которых указано, что в целях обеспечения безопасности своих граждан, сохранению государственного информационного суверенитета государство имеет право «самообороны», которое включает проведение защитных операций в киберпространстве, направленных на ликвидацию угроз. Государство определяет угрозы и применяет к ним меры самообороны. В данном случае США настаивают на мерах упреждающей обороны, что позволяет атаковать объекты, которые представляют потенциальную угрозу. Ввиду того, что данный вопрос не имеет фактического регулирования в международных информационных отношениях, каждое государство самостоятельно определяет угрозы и атаки, а также меры нейтрализации угроз.

Далее в Стратегии 2018 г. киберпространство признано средой, в которой США будут проводить политику для достижения стратегических результатов, обеспечивая защиту, в первую очередь, суверенитета и своих граждан. США отмечают, что будут проводить политику, направленную на достижение приверженности других государств к нормам ответственного поведения, тем самым добиваясь стабильности в киберпространстве. Иные акторы, не придерживающиеся данных принципов или выступающие против, имеют угрозу для государства. В отношении их США будут применять расширенный спектр мер, включая военные кинетические и кибернетические средства.

Также одним из приоритетных действий для проведения политики безопасности в киберпространстве является ведение коллективной киберразведки для выявления и атрибуции вредоносной киберактивности враждебных государств. Этому способствуют международные военные центры, а также государственные военные центры, отслеживающие киберактивность в своих регионах. В дополнение к этому, в программу осуществления национальной и международной безопасности входит создание инициативы киберсдерживания (deterrence) и разработка коалицией государств-единомышленников (like-minded states) последствий киберпреступной деятельности. Международная коалиция киберсдерживания разработает стратегии для обозначения своей позиции по отношению к вредоносной кибердеятельности других акторов. Таким образом, американский подход основывается на установлении военного контроля, поддерживаемого несколькими технологическими державами. Такая модель полностью реализует стратегический потенциал технологических лидеров и дает преимущество перед другими акторами в международных отношениях.

Автор считает, что ключевым средством в осуществлении задач, поставленных в Стратегиях по кибербезопасности, являются силовые методы, которые государство реализует посредством создания коалиций и проведения разведки. Вопрос атрибуции, с точки зрения позиционных документов США, рассматривается как принуждение соблюдения правил ответственного поведения, либо использование военных мер, обеспечивающих безопасность в киберпространстве. Об использовании

---

⁵⁵³ US Department of Defense Cyber Strategy 2015 // Official website of Homeland Security Digital Library. URL: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=764848> (accessed: 28.12.2020).

силы в проведении международной политики кибербезопасности свидетельствуют расширенная система военных Центров НАТО на территории Европейского континента, в компетенцию которых входит влияние на информационную среду региона, а также других стран.

Так, в результате работы военного международного центра по кибероперациям в Эстонии были разработаны два руководства, основанные на применении международного права в этой области, в частности применение международного права к кибервойне и кибероперациям. Таллинское руководство по международному праву, применимому к кибероперациям, рассматривает широкий спектр вопросов, в том числе и вопрос, относящиеся к определению кибератаки как применения силы и вооруженного нападения в соответствии с Уставом ООН [Schmitt 2017]. Данный вопрос является одним из самых дискуссионных. Его сложность заключается в том, что кибератаки и киберпространство имеет определенную специфику, которая не поддается регулированию международного права без дополнительных документов. Ввиду того, что некоторые атаки не имеют физических последствий, они не могут корректно оцениваться с позиции международного гуманитарного права.

Ранее данный вопрос был рассмотрен в работе ГПЭ в 2016-2017 гг. Тогда расширенный состав экспертов не смог прийти к одному решению о применимости международного права и права вооруженных конфликтов по вопросу самообороны в киберпространстве. Сложность вопроса заключается в том, что разные государства по-разному определяют возможности своей обороны. Китай опирается на право самообороны в случае вооруженного нападения [Ки 2017]. В то время как США настаивают на применении превентивных, упреждающих мер обороны. По мнению российских экспертов, Таллинское руководство санкционирует ответное правомерное применение кибероружия на критическую информационную инфраструктуру, что недопустимо и может привести к эскалации конфликта [Международная...2019: 348]. Другие развивающиеся страны заявляют о том, что западные государства, в частности США, стремятся сохранить военное превосходство, отстаивая неограниченное право на самооборону против преступной деятельности в киберпространстве [Hitchens, Gallagher 2019: 7]. Тем самым, каждое государство, действуя в разных международных организациях, отстаивает свои условия регулирования киберпространства и имеет свои подходы к применению кибероружия.

Таким образом, следуя своим стратегическим целям, США пытаются обеспечить себе преимущество в киберпространстве, создав режим правового регулирования, отвечающий задачам государственной политики. Политика в области обеспечения региональной и международной безопасности основана на военном контроле киберактивности, использовании упреждающих мер самообороны для нейтрализации потенциальных атак, проведении киберразведки. США совместно с коалицией союзников, обладая превосходством над другими государствами в киберпространстве, создадут силовую систему международных отношений в киберпространстве, что позволит влиять этим государствам на ход международных отношений, используя силовые методы регулирования отношений между государствами, совместное реагирование на кибератаки и атрибуцию киберинцидентов.

Подход ЕС к проблеме международной информационной безопасности

В 2012 г. Европейское отделение РЭНД Корпорэйшн представило исследование, которое выявило существенные проблемы в организации кибербезопасности государств Европы. Об этом свидетельствует тот факт, что только пять государств из 20 государств имеют стратегию или доктрину кибербезопасности⁵⁵⁴. Подавляющее большинство стран не имеют доктрин и стратегий по нейтрализации угроз и реагированию на инциденты, возникающие в киберпространстве. Меньше половины государств выделяют кибербезопасность в качестве отдельного направления подготовки кадров и участвуют в общеевропейских учениях. Приведенные факты обуславливают начавшуюся в 2013 г. активную политику ЕС по созданию системы международной информационной безопасности.

В 2013 г. вступила в силу Стратегия кибербезопасности Европейского Союза⁵⁵⁵, которая установила общие аспекты стратегии государств ЕС в цифровой среде. Стратегия направлена на унификацию национальных законодательств в обеспечения безопасности в сфере ИКТ и создание Группы национальных органов реагирования на угрозы (Computer Emergency Response Team, CERT). В документе заложены общие принципы политики кибербезопасности в ЕС. Во-первых, документ ссылается на защиту основных прав, свобод выражения мнений и персональных данных, закрепленных в Хартии прав человека ЕС. Во-вторых, государства-союзники придерживаются принципа безопасного доступа для всех к сети Интернет и беспрепятственному потоку информации. В-третьих, Европейский союз подтверждает важность участия всех заинтересованных сторон и многостороннего подхода к управлению, в том числе и частного сектора. Во многом политика европейских государств направлена на обеспечение собственной, региональной безопасности, в которой все государственные и негосударственные субъекты взаимосвязаны и отвечают за общую безопасность.

В целом Стратегия делает акцент на разработке концептуальных документов, разрабатывает систему, основанную на национальных органах кибербезопасности. Заметим, что документ имеет глобальный, общий характер, однако для комплексного подхода данному документу необходимы конкретизирующие шаги по реализации Стратегии.

Таким документом стала Директива по безопасности сетевых и информационных систем (Network and information security, NIS)⁵⁵⁶. Директива является большим шагом вперед в становлении системы безопасности ЕС. Нормативный акт устанавливает общие принципы организации национальных компетентных органов для всех государств. Они, органы национальной защиты, построены не только по одному образцу, а, благодаря этой декларации, имеют большинство сходных функций и механизмов осуществления политики безопасности. В структуре компетентного органа по вопросу безопасности сетей также предусмотрен «Единый пункт связи»,

---

⁵⁵⁴ Examining the EU's Military Capabilities for Cyber Defence // RAND Corporation, 2013. URL: <https://www.rand.org/randeuropa/research/projects/eu-military-cyber-defence.html> (accessed: 20.12.2020).

⁵⁵⁵ EU Cybersecurity plan to protect open internet and online freedom and opportunity - Cyber Security strategy and Proposal for a Directive // Official website of European Commission, February 7, 2013. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/eu-cybersecurity-plan-protect-open-internet-and-online-freedom-and-opportunity-cyber-security> (accessed: 27.12.2020).

⁵⁵⁶ The Directive on security of network and information systems (NIS Directive), 2016 // Official website of European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/network-and-information-security-nis-directive> (accessed: 20.12.2020).

обеспечивающий трансграничное сотрудничество органов государств-членов. Организуется CSIRT's network – сеть, состоящая из группы реагирования на инциденты компьютерной безопасности – главной задачей которой стало совместная деятельность по нейтрализации или уменьшение степени влияния в режиме реального времени. Тем самым, Европейский союз, объединяя усилия всех стран, выступает в качестве одного субъекта в киберпространстве на международной арене.

Одной из главных сфер информационной безопасности ЕС стало функционирование внутреннего рынка. Директива NIS определяет термин «оператор основной службы» как общедоступный или частный объект критически важной инфраструктуры, который должны обеспечивать непрерывность его услуг. К секторам такой инфраструктуры относят энергию, включая нефть и газ, транспорт, включая все виды транспорта, инфраструктуры финансового рынка, сектор здравоохранения и цифровую инфраструктуру. Во всех перечисленных областях операторы службы должны отвечать за поддержание критической социальной и экономической деятельности. Согласно Директиве, услуги оператора основной службы имеют большое значение для поддержания критически важных общественных и экономических видов деятельности. Обеспечение безопасности и непрерывности критической инфраструктуры государства также является приоритетным вопросом в политике кибербезопасности ЕС.

Следующим документом, конкретизирующим упомянутую ранее Стратегию, стал Общеввропейский регламент о персональных данных (General Data Protection Regulation, GDPR) ⁵⁵⁷. Этот документ распространяется на все 28 государств Европейского союза и заменяет все ранее существовавшие национальные законы о защите персональных данных. Документ имеет экстерриториальный характер, это значит, что все персональные данные граждан государств-членов ЕС должны храниться на территории ЕС. GDPR дает гражданам ЕС новые возможности управления и контроля личными данными. В том числе существует право на удаление персональных данных. Регламент способствует развитию модели правового регулирования государств-членов Европейского союза, воплощая идеи защиты персональных данных, прав и свобод человека в цифровом пространстве и ограничения использования данных только в рамках Евросоюза. Закон о переносе данных на территорию Европейского союза стал первым нормативно-правовым актом, который привел к локализации данных, что исключает глобальный и открытый характер Интернета.

Закрывающим документом стала Глобальная стратегия внешней политики и политики безопасности Европейского союза, принятая в 2016 г ⁵⁵⁸. Стратегия суммировала все результаты деятельности членов союза и выдвинула принципы свободного, открытого и безопасного киберпространства. Повышение технологических возможностей, согласно документу, должно способствовать уменьшению киберпреступлений и устойчивости критической инфраструктуры, сетей и услуг. Также поставлена цель – улучшать сотрудничество в области кибербезопасности с такими основными партнерами, как НАТО и США.

---

⁵⁵⁷General Data Protection Regulation // Intersoft Consulting. URL: <https://gdpr-info.eu/> (accessed: 21.12.2020).

⁵⁵⁸Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy, 2016 // Official website of European External Action Service. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf (accessed: 19.12.2020).

Таким образом, государства-члены выстраивают свою систему безопасности в киберпространстве, основанную на совместных усилиях и структуре региональных органов [Цаканян 2017: 340]. Структурные единицы, обеспечивающие защиту критической инфраструктуры государств, их информационный суверенитет и кибербезопасность, взаимодействуют в рамках единой сети и совместно реагируют на киберинциденты. Такая организация позволяет установить общий контроль над киберпространством в рамках своей компетенции, развивать технологические возможности усилиями всех государств-членов и выступать как единый актор в информационных и кибернетических отношениях. Единство в рамках союза дает преимущество государствам в создании общей системы атрибуции атак, проведении совместной политики по нейтрализации угроз, а также в общей доступности данных. Тем самым, Европейского союз получит преимущество в киберпространстве посредством развития практики атрибуции атак, а также развития системы национальных органов, отвечающих за защиту информационного и кибернетического пространства союза.

«Группа семи» в формировании международной информационной безопасности

«Группа семи» (G7) состоит из наиболее промышленно развитых государств, которые непосредственно становятся важными акторами в новом цифровом пространстве. Автор считает необходимым исследовать документы и деятельность G7 по той причине, что государства-члены Группы имеют большой политический вес и представляют общее мнение по принципам деятельности в сети Интернет.

Деятельность Группы в создании МИБ можно отсчитывать с 2000 г., когда в состав ее входила Россия. В рамках G8 были разработаны и приняты такие документы в области ИКТ, как Окинавская хартия глобального информационного общества (Япония, 2000 г.) и Довильская декларация (Франция, 2011 г.).

Довильская декларация о «Неизменной приверженности свободе и демократии»⁵⁵⁹ закладывает основы использования и развития Интернета на благо государства в осуществлении административной власти, экономической сферы в повышении производительности труда и общества. Документ во многом повторяет принятую ранее Окинавскую хартию, устанавливая возросшее значение сети Интернет в глобальной экономике. Открытость, транспарентность и свобода интернета – это те ключевые факторы, выделенные Декларацией для успешного развития и функционирования государства. Главным пунктом Декларации является признание сети Интернет пятой сферой общества и действия в ней основных международных норм. Демократичный характер, открытый доступ к информационным ресурсам – это то, к чему призывают главы «Группы семи».

Декларация подчеркивает, что безопасность сетей и услуг – это вопрос, касающийся многих заинтересованных сторон, и это касается как международных и региональных организаций, правительств, так и частного сектора.

Председательство Японии в «Группе семи» внесло свой вклад в формирование МИБ. Министры по ИКТ G7 пришли к общему мнению и приняли Устав для мира с

---

⁵⁵⁹ Довильская декларация «Группы восьми»: «Неизменная приверженность свободе и демократии» от 27 мая 2011 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/946> (Дата обращения: 18.12.2020).

цифровой связью⁵⁶⁰ и сформировали «Возможности для сотрудничества»⁵⁶¹. В документах отмечаются принципы многостороннего участия в защите Интернет-сети, создании глобального, всеобъемлющего цифрового пространства, а так соблюдение высокого уровня конфиденциальности. Лидеры G7 заключили, что международное право применимо и в киберпространстве, и рекомендовали государствам способствовать доверительным отношениям и нормативное поведение. Также представители G7 призвали все государства руководствоваться докладами 2013 и 2015 гг. ГПЭ ООН. Отдельным пунктом следует отметить право самообороны и применение международного гуманитарного права, вступающее в силу в момент атаки на государственные информационные структуры.

Способствовал развитию МИБ и принес новые меры правового регулирования саммит «Большой семерки» в Италии в 2017 г. На нем была принята «Декларация Лукке»⁵⁶². Главы государств признали важным вопрос самообороны государства, применения силы против территориальной целостности или политической независимости. В целях мирного регулирования возникающих конфликтов и споров было признано, что международное право также обеспечивает рамки деятельности государств в ответ на противоправные деяния. В дополнение к этому отмечено, что государства несут юридическую ответственность за международно-противоправные кибератаки, совершая их через доверенных лиц. Государство, согласно Декларации, должно соблюдать привила самообороны, следовать правилам поведения в информационном пространстве и ведение деятельности в соответствии с нормами международного права.

Таким образом, «Большая семерка» поддерживает применение многих принципов международного права в области использования и применения технологий ИКТ, отстаивает идеи глобального, открытого Интернета. В том числе лидеры G7 выделяют нейтрализацию угроз, создание многосторонней системы безопасности и совместное противодействие угрозам в данной области. Документы, саммиты, ставшие результатом межправительственных встреч, имеют демократичный характер, который главы государств закладывают в основу функционирования и использования цифрового пространства.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что с оформлением систем компьютерных технологий и телевидения был сделан первый шаг к пятой среде – информационному и кибернетическому пространству. В первую очередь, технологии ИКТ обеспечили взаимодействие государственных и негосударственных акторов между собой. Однако в процессе развития информационных технологий появилась проблема защиты суверенного информационного пространства, а с развитием кибероружия и применения его против критической инфраструктуры появилась проблема атрибуции. Новый импульс развития приобрели многие проблемы, с которыми государства

---

⁵⁶⁰ Charter for the Digitally Connected World, 2018 // Official website of the NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. URL: https://ccdcoe.org/uploads/2018/11/G7-160430-ICTMinsCharter_0.pdf (accessed: 26.12.2020).

⁵⁶¹ G7 Opportunities for Collaboration, 2018 // Official website of the NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. URL: <https://ccdcoe.org/uploads/2018/11/G7-160430-ICTMinsOpportunities.pdf> (accessed: 26.11.2020).

⁵⁶² G7 Declaration on Responsible States Behavior in Cyberspace, April 11, 2017 // Official website of the NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. URL: <https://ccdcoe.org/uploads/2018/11/G7-170411-LuccaDeclaration.pdf> (accessed: 26.12.2020).

боролись на протяжении XX в., в том числе информационный терроризм, проблема создания и распространения нового вида оружия.

Вместе с развитием политики государства в информационном пространстве на законодательном уровне стали появляться стратегии и тактики ведения информационных и кибернетических войн. Далее была обозначена необходимость создания отдельных комбатантов для защиты критической инфраструктуры. Первый шаг в формировании системы правовых норм для регулирования деятельности государства в информационном и киберпространстве был сделан в 1998 г. С этого момента государства начинают взаимодействовать, развивая правовую базу, регулирующую отношения в цифровой среде. Впоследствии в данной области сформировалось несколько правовых моделей регулирования, каждая из которых имеет существенные отличия.

Так, российская модель регулирования направлена на создание специальных норм путем работы в международных организациях, заключением двухсторонних и многосторонних соглашений по сотрудничеству в области обнаружения и нейтрализации угроз. Ограничение стратегического информационного вооружения, запрет на использование кибероружия в качестве активной обороны, открытость, прозрачность, транспарентность – эти и другие принципы, преследует Россия и ее союзники. Данная модель позволяет сохранить устойчивый баланс сил, в котором развивающиеся государства имеют равный доступ к технологиям, атрибуция кибератак и киберинцидентов ведется совместно.

Американская модель, согласно законодательным документам, главной задачей выделяет обеспечение безопасности путем применения разного вида самообороны. Привлекая партнеров и создавая военные альянсы, США реализуют свою политику, в которой ключевым фактором является фактор силы. Политика США и союзников направлена на создание такого правового регулирования, учитывающего технологический потенциал государства, что даст преимущество по отношению к другим государствам. Политика Европейского Союза направлена на создание региональной системы безопасности. Главы государств-союзников формируют отдельную систему защиты информационного пространства на континенте, создавая общую законодательную систему для атрибуции киберинцидентов, обеспечивая стандарты безопасности для продуктов и услуг ИКТ и управляя деятельностью по нейтрализации угроз во всех странах. Политика ЕС направлена на создание общей системы кибербезопасности для обеспечения функционирования объектов критической инфраструктуры и кибербезопасности. Развивая и совершенствуя нормативную базу по управлению персональными данными и атрибуции атак, ЕС ставит цель добиться всемирного признания данных стандартов.

Список литературы

Зиновьева Е.С. Международное сотрудничество по обеспечению информационной безопасности: субъекты и тенденции эволюции: дис. ... докт. пол. наук: 23.00.04. М.: МГИМО, 2019. 362 с.

Исаев А.С. Российско-китайское взаимодействие по вопросам обеспечения информационной безопасности // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. №23. С. 223-227.

Международная информационная безопасность. Теория и практика. Том 1. Под общ. ред. А.В. Крутских. М.: Аспект Пресс, 2019. 384 с.

Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки. Под ред. А.И.Подберезкина. М.: МГИМО 2014. 874 с.

Понька Т.И., Рамич М.С., У Ю. Информационная политика и информационная безопасность КНР: развитие, подходы и реализация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. 20 (02). С. 382-394. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-382-394

Проблемы информационной безопасности в международных военно-политических отношениях. Под ред. А.В. Загорского, Н.П. Ромашкиной. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 183 с.

Рамич М.С. Разработки технологий искусственного интеллекта в КНР: причины, задачи и геополитическое влияние // Современные вызовы и угрозы региональной и международной безопасности. М.: РУДН, 2019. С. 241-253.

Селянин Я.В. Роль Пентагона в обеспечении кибербезопасности США // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 3. С. 130-148.

Ситуационные анализы. Выпуск 3. Формирование режимов в отношении новых глобальных вызовов и угроз. Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: МГИМО-Университет; 2013. 260 с.

Смирнов А.И. Новейшие киберстратегии США—преамбула войны? // Международные процессы. 2018. 16 (04). С. 181-192. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.11

Цаканян В.Т. Роль кибербезопасности в мировой политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения». 2017. 17 (02). С. 339-348. DOI: 10.22363/231306602017172339348

Barth M., Veit D. How Digital Divide Affects Public E-Services: The Role of Migration Background // *Wirtschaftsinformatik Proceedings*. 2011. № 118. P. 1-14.

Brooks S., Donovan P., Rumble C. Developing Nations, the Digital Divide and Research Databases // *Serials Review*. 2013. 31 (04). P. 270—278. DOI: 10.1080/00987913.2005.10765002

Buchanan B. The cybersecurity dilemma: Hacking, trust, and fear between nations. Oxford: Oxford University Press, 2017. 304 p.

Chen W., Wellman B. The Global Digital Divide—Within and Between Countries // *IT & Society*. 2004. 1 (07). P. 39-45.

Erin D. Limiting cyber warfare: applying arms-control models to an emerging technology // *The Nonproliferation Review*. 2018. 25 (3-4). P.203-222.

Gross R. Intellectual property rights and the information commons // *Human rights in the global information society* / Ed. by R.F. Jørgensen. Cambridge, MA: MIT Press, 2006. P. 107-120.

Hare F. Precision cyber weapon systems: An important component of a responsible national security strategy? // *Contemporary Security Policy*. 2019. 40 (02). P. 193-213.

Hitchens T., Gallagher N. Building confidence in the cybersphere: a path to multilateral progress // *Journal of Cyber Policy*. 2019. 4 (01). P. 1-18.

Ku J. Forcing China to Accept that International Law Restricts Cyber Warfare May Not Actually Benefit the U.S. // *Lawfare*, 25.08.2017. URL: <https://www.lawfareblog.com/forcing-china-accept-international-law-restricts-cyber-warfare-may-not-actually-benefit-us> (accessed: 26.12.2020).

Post M., Ruby G., Shaw D. From car bombs to logic bombs: The growing threat from information terrorism // *Terrorism and Political Violence*. 2000. 12 (02). P. 97-122.

Schmitt M.N. (Ed.). *Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. DOI: 10.1017/9781316822524

Timmers P. The European Union's cybersecurity industrial policy // *Journal of Cyber Policy*. 2018. 3 (03). P. 363-384.

Ward T. Hegemony and the web: The struggle for hegemony in a digital age // *Digitisation perspectives* / Ed. by R. Rikowski. Rotterdam: Sense Publishers, 2010. P. 147-166. DOI: 10.1007/978-94-6091-299-3_9

**ПРИЛОЖЕНИЕ. СВОДНЫЙ ИНДЕКС НАЦИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА НА
2018г.⁵⁶³**

Страна (РЕГИОН)	Доля от мировых военных расходов	Доля от численности армий мира ^{***}	Доля от мирового производства чугуна и стали ^{****}	Доля от мирового потребления первичной энергии ^{*****}	Доля от общей численности населения ^{*****}	Доля от мировой численности городского населения ^{*****}	Сводный индекс национального потенциала (Доля от мировой мощи)
АФРИКА	2,24374%	11,96310%	0,95728%	3,83049%	16,87726%	12,97692%	8,14146%
Восточная Африка	0,27791%	4,06971%	0,00275%	0,27961%	5,68258%	2,87490%	2,19791%
Бурунди	0,00417%	0,15377%	0,00000%	0,00138%	0,14698%	0,03464%	0,05682%
Джибути	0,00000%	0,05126%	0,00000%	0,00240%	0,01273%	0,01790%	0,01405%
Замбия	0,02055%	0,07688%	0,00000%	0,01806%	0,23076%	0,18161%	0,08798%
Зимбабве	0,02698%	0,14864%	0,00000%	0,02650%	0,22164%	0,12909%	0,09214%
Кения	0,08189%	0,12301%	0,00110%	0,05115%	0,66767%	0,32636%	0,20853%
Комор. о-ва	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00058%	0,01091%	0,00571%	0,00287%
Маврикий	0,01419%	0,00000%	0,00000%	0,01533%	0,01662%	0,01226%	0,00973%
Мадагаскар	0,00482%	0,07176%	0,00000%	0,01101%	0,34415%	0,23146%	0,11053%
Майотта	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00102%	0,00340%	0,00284%	0,00121%
Малави	0,00135%	0,05638%	0,00000%	0,00447%	0,25114%	0,07692%	0,06504%
Мозамбик	0,00841%	0,05638%	0,00000%	0,03213%	0,40006%	0,26036%	0,12622%
Руанда	0,00687%	0,16914%	0,00000%	0,00304%	0,16382%	0,05099%	0,06564%
Сейшел. о-ва	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00333%	0,00125%	0,00128%	0,00098%
Сомали	0,00000%	0,10251%	0,00000%	0,00236%	0,19895%	0,16179%	0,07760%
Танзания	0,04862%	0,13839%	0,00000%	0,03381%	0,77435%	0,47297%	0,24469%
Уганда	0,02466%	0,23065%	0,00165%	0,01548%	0,58013%	0,24942%	0,18367%
Эритрея	0,00000%	1,03537%	0,00000%	0,00171%	0,06798%	0,04927%	0,19239%
Эфиопия	0,03012%	0,70733%	0,00000%	0,04030%	1,40917%	0,52912%	0,45267%
Южный Судан	0,00527%	0,94823%	0,00000%	0,00466%	0,16929%	0,06005%	0,19792%
Центральная Африка	0,23841%	1,57868%	0,00165%	0,55810%	2,20857%	1,97837%	1,09396%
Ангола	0,14227%	0,54844%	0,00000%	0,48180%	0,40327%	0,47778%	0,34226%
Габон	0,01689%	0,02563%	0,00000%	0,01365%	0,02709%	0,04379%	0,02118%

⁵⁶³ Составлено авторами на основе методологии Correlates of War National Material Capabilities (NMC) Data Documentation Version 5.0. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities/nmc-codebook-v5-1> (accessed on 15.12.2020).

** Составлено на основе The Military Balance, 2018.

*** Составлено на основе The Military Balance, 2019.

**** Составлено на основе Steel Statistical Yearbook 2018. URL: https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:e5a8eda5-4b46-4892-856b-00908b5ab492/SSY_2018.pdf (accessed on 15.12.2020).

***** Расчеты выполнены на основе данных UN Energy Statistics Yearbook 2018 (последние доступные данные за 2016 год) URL: <https://unstats.un.org/unsd/energystats/pubs/yearbook/> (accessed on 15.12.2020).

***** Составлено на основе UN Demographic Yearbook 2018. URL: <https://unstats.un.org/unsd/demographic-social/products/dyb/> (accessed on 15.12.2020).

***** Составлено на основе UN Demographic Yearbook 2018. URL: <https://unstats.un.org/unsd/demographic-social/products/dyb/> (accessed on 15.12.2020).

ДР Конго	0,01856%	0,68683%	0,00165%	0,01266%	1,10082%	0,88508%	0,45094%
Камерун	0,02775%	0,07176%	0,00000%	0,02331%	0,32339%	0,32969%	0,12932%
Конго	0,01895%	0,05126%	0,00000%	0,00903%	0,07076%	0,08563%	0,03927%
Сант Томе и Принсипи	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00043%	0,00274%	0,00360%	0,00113%
ЦАР	0,00212%	0,03588%	0,00000%	0,00123%	0,06208%	0,04644%	0,02462%
Чад	0,01188%	0,15377%	0,00000%	0,00251%	0,20119%	0,08390%	0,07554%
Экв. Гвинея	0,00000%	0,00513%	0,00000%	0,01347%	0,01722%	0,02246%	0,00971%
Северная Африка	1,11603%	4,63865%	0,59743%	1,61607%	3,11599%	2,93008%	2,33571%
Алжир	0,63766%	0,66632%	0,11010%	0,46916%	0,55048%	0,72302%	0,52612%
Египет	0,18626%	2,25013%	0,42976%	0,73137%	1,30225%	1,00567%	0,98424%
Западная Сахара	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00744%	0,01166%	0,00318%
Ливия	0,00000%	0,00000%	0,02180%	0,12406%	0,08480%	0,12283%	0,05892%
Марокко	0,23334%	1,00461%	0,03303%	0,15261%	0,47427%	0,53563%	0,40558%
Судан	0,00000%	0,53306%	0,00000%	0,05212%	0,54398%	0,34078%	0,24499%
Тунис	0,05877%	0,18452%	0,00275%	0,08674%	0,15278%	0,19049%	0,11268%
Южная Африка	0,30232%	0,43567%	0,34829%	1,16340%	0,86454%	0,99459%	0,68480%
Ботсвана	0,03674%	0,04613%	0,00000%	0,01553%	0,03057%	0,03840%	0,02790%
Лесото	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00580%	0,02966%	0,01510%	0,00843%
Намибия	0,02935%	0,05126%	0,00000%	0,01195%	0,03391%	0,03068%	0,02619%
Эсватини	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00300%	0,01823%	0,00785%	0,00485%
ЮАР	0,23623%	0,33829%	0,34829%	1,12713%	0,75216%	0,90257%	0,61744%
Западная Африка	0,30907%	1,24039%	0,00716%	0,21331%	5,00558%	4,19897%	1,82908%
Бенин	0,00584%	0,03588%	0,00000%	0,01505%	0,15051%	0,12878%	0,05601%
Буркина Фасо	0,02023%	0,05638%	0,00000%	0,00927%	0,25883%	0,13742%	0,08035%
Гамбия	0,00000%	0,00513%	0,00000%	0,00157%	0,02835%	0,03142%	0,01108%
Гана	0,01355%	0,08201%	0,00138%	0,03941%	0,38610%	0,39142%	0,15231%
Гвинея	0,01060%	0,05126%	0,00000%	0,00880%	0,17104%	0,11179%	0,05891%
Гвинея Биссау	0,00000%	0,02050%	0,00000%	0,00112%	0,02499%	0,01960%	0,01104%
Кабо Верде	0,00071%	0,00513%	0,00000%	0,00250%	0,00725%	0,00862%	0,00403%
Кот д'Ивуар	0,05325%	0,12814%	0,00000%	0,03624%	0,32637%	0,29970%	0,14062%
Либерия	0,00103%	0,01025%	0,00000%	0,00369%	0,06360%	0,05883%	0,02290%
Мавритания	0,00000%	0,00000%	0,00028%	0,00656%	0,05949%	0,05775%	0,02068%
Мали	0,04695%	0,05126%	0,00000%	0,00903%	0,25039%	0,19179%	0,09157%
Нигер	0,01484%	0,02563%	0,00000%	0,00451%	0,29237%	0,08684%	0,07070%
Нигерия	0,11214%	0,60482%	0,00550%	0,04080%	2,56680%	2,33685%	0,94449%
Сенегал	0,02235%	0,07176%	0,00000%	0,02475%	0,21352%	0,18223%	0,08577%
Сьерра-Леоне	0,00083%	0,04613%	0,00000%	0,00275%	0,10116%	0,07693%	0,03797%

Того	0,00674%	0,04613%	0,00000%	0,00724%	0,10472%	0,07897%	0,04063%
АЗИЯ	35,43201%	58,37519%	71,11143%	49,92918%	59,56065%	53,70211%	54,68509%
Восточная Азия	17,07279%	22,34751%	62,18101%	29,12181%	21,67294%	24,64066%	29,50612%
КНР	10,80329%	10,43055%	51,09867%	22,90777%	18,54314%	19,83551%	22,26982%
Тайвань	0,70914%	0,83547%	1,27931%	0,00000%	0,31049%	0,43884%	0,59554%
Монголия	0,00674%	0,05126%	0,00275%	0,05521%	0,04091%	0,05064%	0,03458%
КНДР	0,00000%	6,56074%	0,06881%	0,06402%	0,33561%	0,37568%	1,23414%
Республика Корея	2,51845%	3,20349%	3,98897%	2,28531%	0,67047%	0,98768%	2,27573%
Япония	3,03516%	1,26602%	5,74251%	3,56441%	1,66667%	2,76129%	3,00601%
Центральная Азия	0,11606%	0,73808%	0,01101%	1,07162%	0,94168%	0,82055%	0,61650%
Казахстан	0,10212%	0,19990%	0,00550%	0,66110%	0,24117%	0,25046%	0,24338%
Киргизстан	0,00000%	0,05638%	0,00000%	0,02512%	0,08037%	0,05283%	0,03578%
Таджикистан	0,01394%	0,04613%	0,00000%	0,02351%	0,11934%	0,05856%	0,04358%
Туркменистан	0,00000%	0,18965%	0,00000%	0,02436%	0,07668%	0,07154%	0,06037%
Узбекистан	0,00000%	0,24603%	0,00550%	0,33753%	0,42412%	0,38715%	0,23339%
Южная Азия	6,16988%	16,94003%	6,28208%	8,90040%	24,78613%	16,02634%	13,18414%
Афганистан	0,13257%	0,89185%	0,00000%	0,02164%	0,47664%	0,21976%	0,29041%
Бангладеш	0,20290%	0,80472%	0,00550%	0,27086%	2,18013%	1,44424%	0,81806%
Бутан	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00764%	0,01071%	0,00792%	0,00438%
Индия	3,71714%	7,40646%	6,01516%	5,68320%	17,74386%	10,91943%	8,58087%
Иран	1,25829%	2,68068%	0,00000%	2,21169%	1,07470%	1,45563%	1,44683%
Мальд. о-ва	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00458%	0,00582%	0,00419%	0,00243%
Непал	0,02768%	0,49718%	0,00000%	0,02458%	0,38820%	0,13858%	0,17937%
Пакистан	0,71961%	3,35213%	0,25977%	0,60486%	2,63152%	1,74487%	1,55213%
Шри Ланка	0,11169%	1,30702%	0,00165%	0,07136%	0,27454%	0,09173%	0,30966%
ЮВА	2,54414%	10,94311%	1,88775%	4,78889%	8,59164%	7,59232%	6,05797%
Бруней	0,02357%	0,03588%	0,00000%	0,15015%	0,00569%	0,00799%	0,03721%
Восточный Тимор	0,00167%	0,01025%	0,00000%	0,00138%	0,01735%	0,00959%	0,00671%
Вьетнам	0,31016%	2,47053%	0,85164%	0,46812%	1,26445%	0,82134%	1,03104%
Индонезия	0,47002%	2,02973%	0,34036%	1,41144%	3,49615%	3,49785%	1,87426%
Камбоджа	0,06108%	0,63557%	0,00000%	0,02599%	0,21289%	0,09004%	0,17093%
Лаос	0,00000%	0,14864%	0,00000%	0,02828%	0,09122%	0,05774%	0,05431%
Малайзия	0,24850%	0,57919%	0,22614%	0,71804%	0,41989%	0,57736%	0,46152%
Мьянма	0,12531%	2,08098%	0,00193%	0,08185%	0,70574%	0,39026%	0,56435%
Сингапур	0,70651%	0,37417%	0,03402%	0,65208%	0,07590%	0,13725%	0,32999%
Таиланд	0,41800%	1,85033%	0,35247%	0,94820%	0,90660%	0,81890%	0,88242%
Филиппины	0,17932%	0,72783%	0,08120%	0,30337%	1,39576%	1,18398%	0,64524%

Западная Азия	9,52914%	7,40646%	0,74958%	6,04646%	3,56827%	4,62223%	5,32036%
Азербайджан	0,10347%	0,34341%	0,00550%	0,12516%	0,13005%	0,13095%	0,13976%
Армения	0,03250%	0,23065%	0,00000%	0,02281%	0,03845%	0,04391%	0,06139%
Бахрейн	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,12718%	0,02053%	0,03316%	0,03015%
Грузия	0,02068%	0,10764%	0,00000%	0,03870%	0,05120%	0,05429%	0,04542%
Израиль	1,19053%	0,87135%	0,01651%	0,22966%	0,11077%	0,18512%	0,43399%
Иордания	0,10501%	0,51768%	0,00826%	0,07397%	0,12978%	0,21353%	0,17471%
Ирак	1,10851%	0,32804%	0,00000%	0,37718%	0,51552%	0,65699%	0,49771%
Йемен	0,00000%	0,20502%	0,00000%	0,02647%	0,37891%	0,25108%	0,14358%
Катар	0,00000%	0,08713%	0,14175%	0,40164%	0,03531%	0,06331%	0,12152%
Кипр	0,02678%	0,07688%	0,00000%	0,02168%	0,01558%	0,01883%	0,02663%
Кувейт	0,39687%	0,09226%	0,00000%	0,30332%	0,05500%	0,09946%	0,15782%
Ливан	0,13629%	0,30753%	0,00000%	0,06329%	0,07985%	0,12793%	0,11915%
ОАЭ	0,00000%	0,32291%	0,17874%	0,86512%	0,12504%	0,19564%	0,28124%
Оман	0,57465%	0,22040%	0,11010%	0,28681%	0,06329%	0,09676%	0,22533%
Палестина	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00914%	0,06621%	0,09120%	0,02776%
С. Аравия	5,32663%	1,16351%	0,28845%	1,85993%	0,43971%	0,66669%	1,62415%
Сирия	0,00000%	0,71246%	0,00028%	0,08596%	0,23960%	0,23468%	0,21216%
Турция	0,50721%	1,81958%	0,00000%	1,12844%	1,07346%	1,45871%	0,99790%
ЕВРОПА	20,90959%	14,07996%	14,80190%	19,38760%	9,73186%	13,10273%	15,33561%
Восточная Европа	4,56643%	7,30907%	6,75125%	8,46907%	3,82584%	4,81650%	5,95636%
Беларусь	0,03879%	0,23065%	0,13597%	0,20647%	0,12386%	0,17605%	0,15197%
Болгария	0,04650%	0,15889%	0,03666%	0,12907%	0,09221%	0,12508%	0,09807%
Венгрия	0,10514%	0,14352%	0,10949%	0,16988%	0,12697%	0,16382%	0,13647%
Молдова	0,00238%	0,02563%	0,02736%	0,01722%	0,05296%	0,04082%	0,02773%
Польша	0,69443%	0,53819%	0,55967%	0,78212%	0,49934%	0,54232%	0,60268%
Российская Федерация	2,91268%	4,61302%	3,96574%	5,88723%	1,88655%	2,53937%	3,63410%
Румыния	0,29744%	0,35366%	0,19542%	0,22998%	0,25659%	0,25056%	0,26394%
Словакия	0,08240%	0,08201%	0,28762%	0,11217%	0,07142%	0,06939%	0,11750%
Украина	0,21015%	1,04562%	1,16150%	0,64217%	0,57671%	0,72329%	0,72657%
Чехия	0,17650%	0,11789%	0,27182%	0,29276%	0,13924%	0,18580%	0,19734%
Северная Европа	5,15906%	1,43516%	0,91616%	2,52043%	1,37282%	2,03969%	2,24055%
Великобритания	3,60352%	0,76884%	0,40009%	1,45037%	0,87240%	1,31573%	1,40182%
Дания	0,27271%	3,00000%	0,00000%	0,12401%	0,07541%	0,11983%	0,59866%
Ирландия	0,07206%	0,04613%	0,00000%	0,11904%	0,06295%	0,07191%	0,06202%
Исландия	0,00263%	0,00000%	0,00000%	0,02172%	0,00443%	0,00751%	0,00605%
Латвия	0,04393%	0,02563%	0,00000%	0,02714%	0,02529%	0,03116%	0,02553%

Литва	0,06789%	0,09226%	0,00000%	0,04770%	0,03769%	0,04613%	0,04861%
Норвегия	0,43662%	0,12301%	0,03165%	0,25118%	0,07015%	0,10434%	0,16949%
Финляндия	0,21876%	0,11276%	0,22823%	0,18505%	0,07263%	0,11214%	0,15493%
Швеция	0,39976%	0,15377%	0,25619%	0,24624%	0,13082%	0,20683%	0,23227%
Эстония	0,04117%	0,03075%	0,00000%	0,04597%	0,01712%	0,02133%	0,02606%
Южная Европа	3,21391%	2,82419%	2,55300%	2,92514%	1,99002%	2,57370%	2,67999%
Албания	0,00841%	0,04100%	0,00000%	0,01620%	0,03845%	0,04194%	0,02434%
Андорра	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00136%	0,00101%	0,00161%	0,00066%
Босния и Герцеговина	0,01105%	0,05638%	0,03826%	0,05319%	0,04591%	0,04006%	0,04081%
Ватикан	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00001%	0,00002%	0,00000%
Греция	0,31446%	0,72783%	0,08075%	0,25352%	0,14601%	0,20875%	0,28855%
Испания	0,97094%	0,62019%	0,78828%	0,90328%	0,60800%	0,88314%	0,79564%
Италия	1,59735%	0,89698%	1,35043%	1,20951%	0,77696%	0,98969%	1,13682%
Мальта	0,00450%	0,01025%	0,00000%	0,02007%	0,00566%	0,00969%	0,00836%
Португалия	0,16584%	0,15889%	0,12193%	0,18133%	0,13486%	0,15904%	0,15365%
Сан Марино	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00044%	0,00077%	0,00020%
Северная Македония	0,00803%	0,04100%	0,01464%	0,01894%	0,02732%	0,02864%	0,02310%
Сербия	0,04541%	0,14352%	0,10861%	0,12316%	0,11482%	0,11647%	0,10866%
Словения	0,03417%	0,03588%	0,03600%	0,04292%	0,02727%	0,02690%	0,03386%
Хорватия	0,04868%	0,08201%	0,00749%	0,06085%	0,05458%	0,05620%	0,05164%
Черногория	0,00507%	0,01025%	0,00661%	0,00649%	0,00825%	0,00996%	0,00777%
Восточная Европа	7,97019%	2,51153%	4,58150%	5,47297%	2,54318%	3,67283%	4,45870%
Австрия	0,21735%	0,11276%	0,37900%	0,23085%	0,11469%	0,12091%	0,19593%
Бельгия	0,32011%	0,14864%	0,43928%	0,46867%	0,15068%	0,26704%	0,29907%
Лихтенштейн	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00025%	0,00050%	0,00013%	0,00015%
Люксембург	0,02595%	0,00513%	0,12265%	0,03066%	0,00774%	0,01273%	0,03414%
Монако	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00051%	0,00092%	0,00024%
Нидерланды	0,72558%	0,17940%	0,37504%	0,74540%	0,22388%	0,37041%	0,43662%
Франция	3,42753%	1,04049%	0,84702%	1,44126%	0,85483%	1,24357%	1,47579%
ФРГ	2,93432%	0,91748%	2,33594%	2,39996%	1,07840%	1,50770%	1,86230%
Швейцария	0,31934%	0,10764%	0,08257%	0,15592%	0,11196%	0,14942%	0,15448%
Латинская Америка и страны Карибского бассейна (ЛКА)	3,61726%	7,08867%	3,62075%	5,94286%	8,54414%	12,46635%	6,88001%
Карибский бассейн	0,08497%	0,05126%	0,01239%	0,25558%	0,57862%	0,74631%	0,28819%
Ангилья	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00042%	0,00020%	0,00036%	0,00016%

Антигуа и Барбуда	0,00045%	0,00000%	0,00000%	0,00201%	0,00135%	0,00060%	0,00074%
Аруба	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00243%	0,00138%	0,00109%	0,00082%
Багам. о-ва	0,00777%	0,00513%	0,00000%	0,00553%	0,00523%	0,00786%	0,00525%
Барбадос	0,00250%	0,00513%	0,00000%	0,00439%	0,00375%	0,00211%	0,00298%
Гаити	0,00051%	0,00000%	0,00000%	0,00817%	0,14563%	0,14558%	0,04998%
Гваделупа	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00652%	0,00589%	0,01048%	0,00381%
Гренада	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00083%	0,00142%	0,00093%	0,00053%
Доминика	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00053%	0,00097%	0,00124%	0,00046%
Доминиканская Республика	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,06959%	0,14261%	0,20909%	0,07022%
Кайманов	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00167%	0,00082%	0,00148%	0,00066%
Куба	0,00000%	0,00000%	0,01239%	0,05015%	0,15056%	0,20974%	0,07047%
Мартиника	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00603%	0,00505%	0,00813%	0,00320%
Пуэрто Рико	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,01289%	0,04795%	0,08114%	0,02366%
Сент-Висент и Гренадины	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00063%	0,00144%	0,00136%	0,00057%
Сент-Китс и Невис	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00071%	0,00073%	0,00041%	0,00031%
Сент-Люсия	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00121%	0,00235%	0,00080%	0,00073%
Тринидад и Тобаго	0,05909%	0,02050%	0,00000%	0,02239%	0,01799%	0,01730%	0,02288%
Ямайка	0,01464%	0,02050%	0,00000%	0,02358%	0,03799%	0,03824%	0,02249%
Центральная Америка	0,43649%	1,78883%	1,13414%	1,69329%	2,35374%	3,18051%	1,76450%
Белиз	0,00148%	0,01025%	0,00000%	0,00172%	0,00501%	0,00414%	0,00377%
Гватемала	0,01644%	0,09226%	0,01651%	0,04568%	0,22599%	0,20864%	0,10092%
Гондурас	0,02113%	0,07688%	0,00000%	0,02645%	0,12341%	0,12742%	0,06255%
Коста Рика	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,02849%	0,06491%	0,09313%	0,03109%
Мексика	0,33572%	1,41978%	1,11218%	1,48793%	1,71350%	2,48379%	1,42549%
Никарагуа	0,00527%	0,06151%	0,00000%	0,01536%	0,08236%	0,08716%	0,04194%
Панама	0,04740%	0,00000%	0,00000%	0,06578%	0,05455%	0,06679%	0,03909%
Сальвадор	0,00906%	0,12814%	0,00545%	0,02188%	0,08402%	0,10943%	0,05966%
Южная Америка	3,09579%	5,24859%	2,47422%	3,99398%	5,61178%	8,53953%	4,82732%
Аргентина	0,00000%	0,00000%	0,28416%	0,76168%	0,58561%	0,97293%	0,43406%
Боливия	0,03231%	0,17427%	0,00000%	0,06728%	0,14697%	0,18452%	0,10089%
Бразилия	1,79530%	1,71707%	1,94907%	1,74708%	2,76327%	4,32593%	2,38295%
Венесуэла	0,00000%	0,63045%	0,00710%	0,45788%	0,42433%	0,67687%	0,36611%
Гайана	0,00360%	0,01538%	0,00000%	0,00618%	0,01025%	0,00493%	0,00672%
Колумбия	0,68352%	1,50179%	0,06710%	0,28409%	0,64820%	0,94688%	0,68860%
Парагвай	0,02010%	0,05638%	0,00138%	0,06610%	0,09038%	0,10065%	0,05583%

Перу	0,14779%	0,41517%	0,06699%	0,19897%	0,42657%	0,60098%	0,30941%
Суринам	0,00000%	0,01025%	0,00000%	0,00292%	0,00745%	0,00890%	0,00492%
Уругвай	0,03121%	0,12814%	0,00330%	0,02604%	0,04547%	0,07838%	0,05209%
Чили	0,27291%	0,39467%	0,06303%	0,25707%	0,23846%	0,37760%	0,26729%
Эквадор	0,10906%	0,20502%	0,03209%	0,11586%	0,22098%	0,25504%	0,15634%
СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА	42,48695%	7,23219%	5,50751%	18,79157%	4,76792%	7,08531%	14,31191%
Канада	1,17120%	0,32291%	0,74000%	2,04993%	0,48425%	0,71293%	0,91354%
США	41,31575%	6,90928%	4,76750%	16,73774%	4,28204%	6,36963%	13,39699%
Австралия и Океания	1,86473%	0,38442%	0,34906%	1,27350%	0,54070%	0,66659%	0,84650%
Австралия	1,70558%	0,29728%	0,31317%	1,09617%	0,32462%	0,50493%	0,70696%
Новая Зеландия	0,15190%	0,04613%	0,03589%	0,12568%	0,06224%	0,09740%	0,08654%
Меланезия	0,00726%	0,04100%	0,00000%	0,04513%	0,13780%	0,04832%	0,04658%
Вануату	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00052%	0,00370%	0,00169%	0,00098%
Папуа Новая Гвинея	0,00405%	0,02050%	0,00000%	0,02373%	0,11032%	0,02627%	0,03081%
Соломоновы острова	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00053%	0,00817%	0,00351%	0,00203%
Фиджи	0,00321%	0,02050%	0,00000%	0,00668%	0,01195%	0,01216%	0,00908%
Микронезия	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00201%	0,00697%	0,00866%	0,00294%
Кирибати	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00018%	0,00155%	0,00152%	0,00054%
Маршалловы острова	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00041%	0,00070%	0,00097%	0,00035%
Микронезия	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00049%	0,00139%	0,00057%	0,00041%
Науру	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00019%	0,00015%	0,00027%	0,00010%
Палау	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00074%	0,00029%	0,00042%	0,00024%
Полинезия	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00451%	0,00906%	0,00728%	0,00348%
Самоа	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00083%	0,00259%	0,00085%	0,00071%
Тонга	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00039%	0,00143%	0,00060%	0,00040%
Тувалу	0,00000%	0,00000%	0,00000%	0,00003%	0,00015%	0,00017%	0,00006%

Коллективная монография посвящена современному международному дискурсу по проблематике баланса сил, а также прикладному анализу соотношения сил в основных регионах мира (АТР, постсоветское пространство, Европа, Ближний Восток, Африка) и новых мировых политических пространствах (Арктика и киберпространство). Для операционализации понятия силы используется Сводный индекс национального потенциала (CINC), графические модели региональных балансов сил.

В монографии представлены итоги тематического научного проекта кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук РУДН (2019-2020 гг.), апробированные при участии Департамента внешнеполитического планирования МИД РФ.

Для исследователей-международников, специализирующихся на изучении теории международных отношений, системном анализе международных отношений и проблемах региональной безопасности.

